

Огни Кузбасса

№ 3 / 2021

**300
лет
КУЗБАССУ**

Даешь Кузбасс!

П. И. Котов. Кузнецкстрой. Домна № 1. 1931

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ

Б. В. Бурмистров,
г. Кемерово, председатель
общественного совета

Н. Ф. Иванов,
г. Москва, председатель
Союза писателей России

М. А. Евса,
г. Кемерово, министр
культуры и национальной
политики Кузбасса

И. Ф. Фёдорова,
г. Кемерово, председатель
комитета по вопросам
образования, культуры
и национальной политики
Законодательного
собрания Кемеровской
области – Кузбасса

С. Ю. Куняев,
г. Москва, лауреат
Государственной премии
им. М. Горького, главный
редактор журнала
«Наш современник»

В. И. Лихоносов,
г. Краснодар, лауреат
Государственной премии
им. М. Горького, главный
редактор журнала
«Родная Кубань»

Г. Л. Немченко,
г. Москва, лауреат премии
«Прохоровское поле»

Д. Я. Голофаст,
директор по внешним
связям и имущественным
отношениям Кузбасского
филиала ООО «Сибирская
генерирующая компания»

ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ

Огни Кузбасса

ИЗДАЕТСЯ С 1949 ГОДА

№ 3 / 2021

МАЙ – ИЮНЬ

Литературный журнал
выходит
при поддержке
Министерства культуры
и национальной политики
Кузбасса

Главный редактор

С. Л. ДОНБАЙ

Редколлегия:

Виктор АРНАУТОВ
Татьяна ИЛЬДИМИРОВА
Андрей КОРОЛЕВ
Вера ЛАВРИНА
Дмитрий МУРЗИН
(ответственный
секретарь)
Агата РЫЖОВА
Елена ТРУХАН
Марина ФЕДОРОВА
Дмитрий ФИЛИППЕНКО
Марина ЧЕРТОГОВА
Евгений ЧИРИКОВ
Григорий ШАЛАКИН

Адрес редакции:
650000, Кемеровская область,
г. Кемерово, пр. Советский, д. 40,
тел. 8 (3842) 36-85-14

12+

Содержание

300 ЛЕТ КУЗБАССУ

**Сергей Донбай, Юрий Михайлов, Борис Бурмистров, Иосиф Куралов, Людмила
Остроумова, Владимир Барковский, Сергей Атрошкин, Владимир Коньков,
Екатерина Краснова, Надежда Якушева, Виктор Титов, Айса Абушаев, Алексей
Зайцев, Николай Пирогов. Стихи** 3

ПРОЗА

Николай Башев. Рыжик. Повесть 8
Татьяна Ильдимирова. Сто сорок ударов в минуту. Повесть 76

ПОЭЗИЯ

Сергей Филатов. Заверну-ка всё в тряпицу да с собой заберу 73
Нина Сурова. А помнишь, бродили по нашей тропинке 116
Алексей Гамзов. Навсегдатай 118

КНИГА ПАМЯТИ

Людмила Ракузо. Когда мы жили на «43-м пикете» (Окончание) 120

ЛИКИ ЗЕМЛЯКОВ

Наталья Богданова. Тайга – малая родина Владимира Чивилихина 148

ЭССЕ

Виктор Арнаутов. Парадоксы совпадений, или Мир тесен 153

И БОЛЬШИМ, И ДЕТЯМ

Александр Савченко. Чем пахнет солнце. Рассказ 161
Надежда Дубровская. Детские стихи и загадки 164
Анжела Бецко. Стихи 165

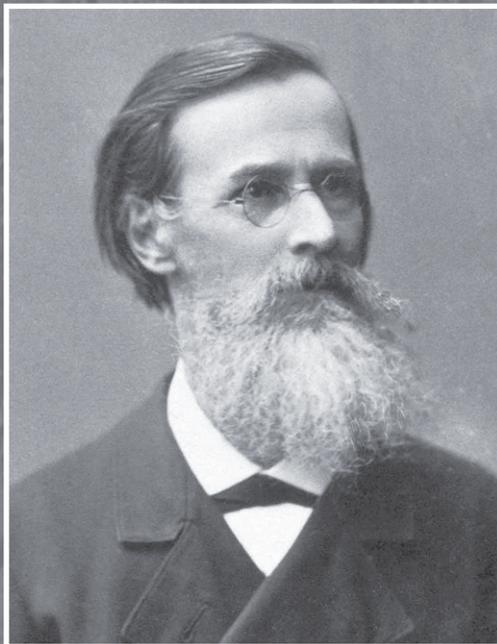
КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Андрей Расторгуев. Не снегом единым 166
Татьяна Горохова. Отклик на книгу Елены Трухан «Фокстрот листопада» 167

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Литературная хроника. Подготовил **Дмитрий Мурзин** 169

Русскому поэту Аполлону Николаевичу Майкову – 200 лет

(1821–1897)

«И каково бы ни было образование каждого, из каких бы источников ни почерпнул он свои знания и мнения, все в один голос, в один миг должны были разрешить этот вопрос и единодушно, перед судом совести ответить: «Я русский...» Ничто не подавило в нашем сознании, что можно быть ученым и образованным человеком и чувствовать, что мы в то же время русские и что в нас повыше всего одно святое чувство любви к отечеству!

На нас, писателях, лежит великий долг – увековечить то, что мы чувствовали со всеми. Нам следует уяснить и осязательно нарисовать тот идеал России, который ощутителен всякому».

ВЕСНА

* * *

*Голубенький, чистый
Подснежник-цветок!
А подле сквозистый,
Последний снежок...*

*Весна! выставляется первая рама –
И в комнату шум ворвался,
И благовест ближнего храма,
И говор народа, и стук колеса.*

*Последние слезы
О горе былом,
И первые грезы
О счастья ином...*

1857

*Мне в душу повеяло жизнью и волей:
Вон – даль голубая видна...
И хочется в поле, в широкое поле,
Где, шествуя, сыплет цветами весна.*

1854

Сергей ДОНБАЙ

КЕМЕРОВСКАЯ ХРОНИКА

Мы рисуем город словом:
И Томь-река войдет в строку,
И старенький трамплин в сосновом
Бору на правом берегу.
И в небе «лисий хвост» заметно...
И облачность густая над
Рекой Советского проспекта,
Впадающей в химкомбинат.

На площадь Пушкина посмотришь,
Здесь раньше проходил парад,
Теперь она тесна для толпищ
И Пушкин вроде маловат...
Казалось бы, просчет допущен,
Но площадь любим мы и так.
Казалось бы, откуда Пушкин?
А он повсюду наш земляк!

И то сказать, кемеровчане
Пошли, да по-сибирски как:
Среди министров их встречали,
И в космосе, и в классиках!
И наша им река синела,
Морозом нашим их ожгло,
Их детство здесь зазеленело
И во дворе у нас прошло.

Театр у нас на все театры
Похож... и на себя еще.
Вот так в годах пятидесятых
Умели строить хорошо!
Театр был полн. В нем начинали
Самойлов с Бурковым играть.
Теперь аншлаг, но пусто в зале...
Как зрителей в него звать?

По берегу Томи ограда
Бежит (ее мне рисовать
В проекте довелось когда-то).
И набережной не узнать:
Гремучей лестницы не стало,
Она давно пошла на слом,
Ушли: пловчиха с пьедестала
И гипсовый спортсмен с веслом.

Но пляж на острове все лето
По-прежнему, лишь перейдем
Понтонный мостик и за это
Там камень сердолик найдем.

Там, встав по пояс на течение,
В гусиной коже, синя,
По-прежнему до одуренья
На муть рыбачит ребятня.

Горсад – знакомства, звуки танца! –
Как раньше бабушку маня,
Зовет уж внучку целоваться,
Оркестр на ВИА заменя.
По времени подать рукою!
Достроится фуникулер,
И полетим мы над рекою
В еще живой сосновый бор.

За тополями, за горсадом
Как спрятался больничный двор.
Конструктивизм его фасадов
Увидишь разве что в упор.
Здесь Подгорбунский легендарный
Лечил, не должностью велик, –
Больные были б благодарны
И благодарен ученик!

Река Советского проспекта...
Мы к лучшей жизни напрямик
Спешим в названиях заметно:
Соцгород к «Космосу» приник...
И рядом пыл периферийный,
Вполне понятный и родной:
«Наш бывший совнархоз на Зимний
Похож, особенно зимой!»

Но площадь Волкова Михайлы
Не спутать с площадью иной:
В больших руках мужик бывалый
Сжал каменный огонь земной!
Ему как раз вот так угодно
Стоять, вновь открывая тут
Политехнический сегодня,
А в прошлом Горный институт.

И в прошлом: наш завод метизный –
Теперь моторы в нем куют;
Базара Конного сюрпризы –
В «Автолюбителе» живут;
И вместо небольших вчерашних
Труб нашей старой ГРЭС
Дымит одна, как телебашня,
Вовсю превознося прогресс!..

Кинотеатр «Москва»... Три зала,
Духовный проходя ликбез, –
Смеялось, хлопало, свистало
Нелегким дням в противовес.

Там шло «Падение Берлина»
 Чуть позже взятия его!
 И наших дней идет картина –
 Не упустить бы ничего...

Дом под часами, дом с аптекой,
 «Сибирь» в полшаге от него,
 Весенняя, библиотека –
 Ну как без этого всего,
 Без Розового магазина
 И без того, что жив барак
 (Хотя сомнительна причина),
 Представить город наш, ну как?

А за рекою Искитимкой
 Встал город – старому не враг –
 Практичный, молодой и сильный!
 Он наводит мосты мастак.
 Он выбежал как светлый вестник,
 Белеет с горки далеко!
 Клубок несчитанных Заречных
 Распутать для него легко!..

Пока еще не все как надо,
 Гуляет ветер широко,
 Но облакам химкомбината
 Туда добраться нелегко...
 И новоселов там спасают
 Резиновые сапоги...
 И зданья высоко взлетают,
 По красоте невысоки...

Но кто откажется, по сути,
 Пройдя, как Дантовы круги,
 Все коммунальные услуги
 Свекрово-тещинской руки,
 От недоделанной, панельной,
 Холодной – но своей зато! –
 Квартиры наконец отдельной,
 Ну кто откажется, ну кто?

И помогают там обжиться
 Не только «стенки», но и то,
 Что радость и былинку птица
 Приносит в песню и в гнездо,
 Что деревца зазеленели,
 И разбежался детский звон,
 И храбро справил новоселье
 Скворечник, выйдя на балкон!

Поддавшись детворе немножко –
 Не самолет как будто он –
 Теперь на пенсии «Антошка»
 Стоит, работает кино!..

Стоит на том на самом месте,
 Где, может быть, ни дать ни взять,
 Щеглово встало лет за двести,
 Чтоб нашей родиною стать.

г. Кемерово

Юрий МИХАЙЛОВ

* * *

Русь начинается с Кузбасса –
 Я не шучу...
 Там, где космическая трасса,
 Зажег свечу
 Мой пращур с новой надеждой
 Над той землей,
 Что, как кристалл горячий, между
 Огнем, золой.
 Кристалл, всепомнящий, в широком
 Разливе лет.
 Он между Западом, Востоком –
 Что теплый свет...
 Века в себе соединила
 Моя земля:
 Песчинки золотого ила
 И блеск угля
 Среди чернеющих осколков
 На берегу,
 Где брел русак – Михайло Волков,
 Где я бегу,
 Бегу, сырой глотая воздух –
 Бальзам сосны...
 И рвется восхищенный возглас:
 Мы – их сыны!..
 Следы моих отважных предков
 Повсюду здесь...
 Отец служил в углеразведке –
 И был в ней весь.
 В буранный день, суровый самый,
 Покрытый мглой,
 Его в тайгу катили сани
 До буровой.
 Его душа в надземном крае
 Теперь живет,
 А уголь все не прогорает
 И сердце жжет...
 Ведь он – не каменная масса –
 Соль жизни всей.
 Русь начинается с Кузбасса
 В душе моей.

г. Березовский

Из камня вымостят дороги,
 Большие встанут города!
 Где нынче бегают косули
 И волки рыщут до зари,
 Взамен луны вдоль чистых улиц
 Свет будут лить свой фонари!
 Здесь будут школы и больницы –
 Ты все себе это представь!
 Что нам сегодня и не снится,
 Для правнуков все будет въявь!
 И, может быть, еще прославят
 Мою фамилию в веках
 И даже памятник поставят
 Мне с этим камешком в руках!
 И час за часом, день за днем,
 Неся стране живое пламя,
 Открытый мной горячий камень
 Всех будет греть своим огнем!

г. Кемерово

Сергей АТРОШКИН

НАШИ ДАТЫ

В календаре у горняка
 Нет красных дат. У нас все жестче.
 И не поймут наверняка
 Те, кто привыкли жить попроще.

У нас совсем иной расклад,
 Другое летоисчисленье.
 Мы сменой мерим все подряд:
 И Новый год, и дни рожденья.

Забой не знает выходных.
 Там все свою имеет цену.
 Причислить к лику бы святых
 Всех вас, шагающих на смену.

Ведь мир стал чуточку светлей,
 Согретый нашими руками.
 И в суете календарей
 Мы даты расставляем сами.

Клуб «Вдохновение», пос. Кедровка

Владимир КОНЬКОВ

МЕЛОДИЯ ЗЕМЛИ КУЗНЕЦКОЙ

Год юбилейный нынче у Кузбасса!
 Кузбассу будет ровно триста лет!
 Он властелин несметного запаса –
 Сокровищ, что несут тепло и свет!

Но главный дар родных земных угодий
 Вдоль берегов красавицы реки
 Была и есть мелодия мелодий,
 Что нам из недр добыли горняки!

И в дни, когда летящей жизни трасса
 Нас окунала в важные дела,
 «Рабочая мелодия Кузбасса»
 Людей на труд и подвиги звала!

Мы и теперь, когда зовет работа,
 Чтоб плавить, строить, сеять и пахать,
 Трудиться любим до седьмого пота,
 Всем предкам героическим под стать.

Зовет нас планов грандиозных масса,
 И потому для будущих побед
 Вселяет в нас мелодия Кузбасса
 Свой из глубин земли добытый свет!

Студия «Притомье», г. Кемерово

Екатерина КРАСНОВА

СТАРЫЙ ЦЕНТР

Я люблю этот город цветов
 И картины закатов безбрежных,
 Где от яблоневых облаков
 Колорит разливается нежный.

По Весенней вечерний круиз,
 И вояж вдоль Томи неизменный,
 Старый центр похож на Париж,
 А река – отражение Сены.

Балюстрады и арки домов,
 На балконах декор и лепнина,
 Ар-деко и барокко венков
 Красотой восхищают старинной.

Драмтеатра ампирный фасад
 Барельеф украшает и музы,
 А в кофейнях такой аромат,
 Что завидуют даже французы.

Студия «Притомье», г. Кемерово

Надежда ЯКУШЕВА

СИБИРСКИЕ РОЗЫ

Я вхожу в зеленеющий лес.
 Как призывно пылают жарки!
 И выводит певучий жилец:
 Огоньки, огоньки, огоньки!

Мне дороже задумчивых роз:
 Рук не ранят, воздушно-легки,
 Лес весной разноцветьем хорош,
 Но влекут огоньки-маяки.
 После долгой зимы, холодов
 Согреваются сибиряки:
 Белоснежный сменили покров
 Огоньки, огоньки, огоньки!

Необъятная роскошь цветов,
 Пламенеющий майский костер!
 Волн оранжевых шторм золотой
 Расплескался в безбрежный простор.
 Снизошла на Сибирь благодать,
 На полянах – небесный огонь
 Греет сердце, ушли холода,
 Подставляю под солнце ладонь
 И вхожу в зеленеющий лес:
 Слепляют, сияют жарки –
 Символ родины, радости всплеск!
 Огоньки, огоньки, огоньки!

Студия «Прометей», г. Кемерово

Виктор ТИТОВ

* * *

По траншее, с пылью снег мешая,
 Мчится ветер – озорной погонщик.
 Тонкой струйкой в небо дым пуская,
 Притулился у зумпфа вагончик.

В нем живут, мешая стих и прозу,
 Проклиная снег и ливень хлесткий,
 Женщины российской глухомани –
 МЭНЭУ разреза Задубровский.

То над гофрой скруткою колдуют,
 То набойку на валу меняют,
 То по трапу скользкому крадутся...
 Труд горняцкий легким не бывает.

Студия «Прометей», г. Полысаево

Айса АБУШАЕВ

МОЙ НАПАРНИК

Шахтер немного грубоват,
 С упорством крепче колчедана.
 Соленый пот и соль в словах
 В труде рождались неустанным.

Где жесткость слов не для обид –
 Чтоб дух поднять, – слова для дела,

Где мудрый опыт победит
 И даст начало для задела.

Надежный друг, напарник мой,
 Не слой породы и пирита,
 А цельный, честный и прямой,
 Душой и делом всем открытый.

Студия «Прометей», г. Полысаево

Алексей ЗАЙЦЕВ

СИБИРСКАЯ ОСЕНЬ

А было ли спокойно в мире
 Когда-нибудь и где-нибудь?
 Шагала осень по Сибири,
 Прodelав долгий, трудный путь.
 Но время благостное длилось
 И на пути на день-другой
 Седое небо порасшило
 Мохнатым солнцем над тайгой.
 И многогранной, разнорядной
 Сибирь явилась в этих днях.
 И накормила клюквой рядной
 Нас на болотных выступях.
 От красок пьяные, тайгою
 Мы шли на звучный птичий свист.
 И осень нежно за тропую
 Целует в щечку каждый лист.

Студия «Прометей», г. Полысаево

Николай ПИРОГОВ

* * *

По штреку движется задорно,
 И шутки сыплются как град.
 На месте дружно и серьезно
 Бригада выполнит наряд.

А после смены смех, веселье,
 Накрытый стол их в доме ждет,
 Кому-то справят новоселье
 Иль встретят вместе Новый год.

Беда случиться с каждым может,
 Когда никто не ждет ее,
 В бригаде каждый тут поможет
 И примет горе как свое.

Студия «Прометей», г. Ленинск-Кузнецкий

**Николай
БАШЕВ**

РЫЖИК

Повесть

*Родом я вот из этой деревни,
По всему видно, тут и умру;
Поклонюсь, благодарный, деревьям,
Терпеливо учившим добру...*

*...Попрощаться ни с кем не забуду,
Вспомню каждого в милом краю.
Попрошу их: «Хорошие люди,
Берегите деревню мою».*

Анатолий Иленко

1

Весна – изумительное время года! Особенно ее вторая половина. Когда уже измученная за зиму морозами земля окончательно освобождается не только от снегов, но и от воды, обильно покрывающей ее после таяния этих самых снегов. Одновременно освобождаясь от накопившихся за зиму нечистот и покрываясь изумрудным ковром молоденьких всходов разнотравья невероятной красоты. Ласкают глаз яркими красками соцветий разбросанные на взгорках и полянах нежные хрупкие цветочки. Березовые листочки, только что распустившиеся, еще покрытые первородной смолой, вздрагивают от налетевшего ветерка, не издавая звука.

Все в природе устремляется к жизни, к воле и любви. Всякая животина – зверушка, птаха, на-

секомое – стремится скорее выбежать, вылететь, выползти из своего укрытия в поисках этих самых любви и воли.

Всем этим невероятно обильно насыщен весенний воздух, и где бы ни находилось живое существо, ему не удастся избежать благотворного влияния этого чуда природы. Оно везде проникает: с ветром, с дождем, с солнечными лучами.

Вот и красавец племенной жеребец по кличке Янтарь, выведенный конюхом в вольер на прогулку, расширив ноздри, всей грудью хватил этого возбуждающего чуда. Подняв высоко голову, протяжно заржал и, чего с ним никогда не было раньше, разбежавшись, перемахнул через забор вольера. Не останавливаясь, широко, иноходью разбрасывая ноги, помчался в поле, к виднеющейся вдаль березовой рощице, оставив позади родной конезавод с его привередливыми чистопородными кобылами.

Чувствуя легкость во всех мышцах и необыкновенный душевный подъем, он быстро добежал до рощи. По инерции залетел в густо разросшийся березняк, ощущая ласковое прикосновение нежных листочков к своей бархатной, покрытой блестящим ворсом коже, и замер. Широко раскрыв ноздри, он вдыхал смесь чистого воздуха, запаха цветов и березовых листьев.

БАШЕВ Николай Алексеевич родился 20 октября 1946 года в селе Ольговка Яйского района Кемеровской области. Окончил Мариинский сельхозтехникум, Новосибирский аграрный институт. Работал главным ветврачом, главным зоотехником, заместителем директора по производству, директором на птицефабрике Кемеровской области. Избирался секретарем Яшкинского райкома компартии, народным депутатом СССР. Поэт, прозаик. Автор семи книг. Член Союза писателей России. Живет в с. Колмогорова.

Вдруг в этой ароматной смеси его необыкновенно чуткий нос уловил и нечто другое. Что-то очень родное и в то же время отдаленно дикое, но не отталкивающее, а, наоборот, завораживающе притягивающее смог почувствовать этот избалованный чистокровный жеребец.

Медленно раздвигая березовые листочки, он начал пересекать рожицу. На это много времени не понадобилось: сделав несколько шагов, жеребец вышел на край леска с другой стороны. Здесь запах чувствовался все острее, все явственнее. Взору его открылось поле, покрытое нежной густой травой. Вдалеке виднелся табун лошадей. А прямо поблизости, всего в десяти шагах, отбившись от табуна, паслась рыжая, по сравнению с ним небольшая, но крепкая кобыла.

Запах явно исходил от нее. Янтарь сделал два шага вперед, она настороженно подняла голову, перестала жевать траву и недовольно мотнула головой, словно предлагая ему уйти. Он, удивленный таким приемом, сделал еще один шаг в ее сторону. На своем конезаводе жеребец привык к покорности предлагаемых ему кобылиц. Их заводили в вольер чисто вымытых, с заплетенными гривами и с одинаковым искусственным запахом. Янтарь механически выполнял свою работу, без особого желания, просто знал, что после «этого» его накормят и вкусно, и сытно, чтобы он не терял своей формы.

Эта же рыжая кобыла пахла необыкновенно: к запаху пота примешивались запахи травы, горькой полыни, конюшни и воли. Ее никто не подводил на поводке покорную и безотказную. Наоборот, она не хотела, чтобы этот холеный жеребец, так бесцеремонно нарушивший ее трапезу, находился рядом. После того как Янтарь приблизился еще и оказался в двух-трех шагах от нее, кобыла тревожно заржала, показывая ряд крепких зубов.

Его же неудержимо тянул к ней этот неведомый прежде запах и возбуждала отчужденность кобылицы. Раздувая ноздри, жеребец вплотную приблизился к ней, и в то же мгновение ее задние копыта, высоко взлетев, просвистели у его головы. Янтаря это не разозлило а, наоборот, раззадорило. В нем вдруг проснулся инстинкт дикого коня, давно подавляемый человеком. Он зашел сбоку и опустил голову на шею кобылы. Та резким движением отбросила эту наглую морду. Жеребец зашел с другой стороны и попытался сделать то же самое, но ответ был прежний.

Тогда он дико заржал и попытался взять ее силой. Кобыла вскинула задние ноги, и копыта опять пролетели рядом с его головой. Азарт жеребца возрастал, он не отступался. И наконец его старания были вознаграждены. В кобылице, видимо, тоже возобладали древние инстинкты. Она представила себе, как за ее любовь дерутся несколько жеребцов и вот этот наглый холеный чужак, несомненно, побеждает всех. Уже просто из кокетства кобылица дернулась еще несколько раз и затихла...

Через несколько минут они уже мирно, рядышком лакомились дивной, вкусной зеленой травкой. Головы их при этом иногда сближались, и он благодарно шлепал губами по ее носу.

Вскоре неожиданно появились конюхи с конезавода, накинули на его красивую голову узду, и он, прощально заржав, удалился к своим послушным холеным кобылицам.

Она же, наевшись, отправилась на колхозный конный двор в деревню Орловку, так как была рабочей лошадей средних лет, и сегодня у нее был выходной, а завтра предстояла тяжелая работа по подвозке кормов коровам на колхозную ферму.

2

Прошло примерно девять месяцев. За это время колхозный жеребец Битюк, полутяжеловоз, несколько раз пытался добиться от нее любви, но Рыжуха (такую кличку имела кобылица), отбрыкиваясь, больно била его копытами в грудь. Потом за ней стали замечать и другие странности. Например, поднимаясь в гору, Рыжуха частенько останавливалась и, сколько ее ни погоняли, подолгу отдыхала, стоя на месте.

Колхозный конюх Серега, любитель горячительных напитков, глядя на то, как рыжая кобыла отбивается от жеребца Битюка, недоумевал: «Совсем одурела, стерва, пустобрюхой решила ходить». И всячески пытался способствовать спариванию этих животных. Но все было бесполезно.

Затем, когда скотники с фермы начали жаловаться, что Рыжуха стала часто уставать, Серега решил, что она заболела, и пригласил ветеринара. Семен Терентьевич, колхозный фельдшер, осмотрев кобылицу, вынес вердикт:

– Ты, Серега, как был придурком, так им и помрешь. Столько лет работаешь конюхом, а не понял, что Рыжуха беременная.

– Ну, Терентич, это ты зря, – обиделся конюх. – От кого ей забеременеть? Она жеребца за десять месяцев ни разу к себе не подпустила.

– Сказано тебе – жеребая, – подобрал Семен Терентьевич правильный ветеринарный термин, – значит, так оно и есть. Видимо, ты сильно надрался в тот день, когда это произошло. С завтрашнего дня освобождай ее от тяжелой работы: через месяц она ожеребится.

– Значит, где-то нагуляла, – сделал вывод Серега.

Рыжуху освободили от работы на ферме и оставили на конном дворе – разок в день подвезти соломы и овса на корм лошадям.

* * *

В отличие от людей, Рыжуха уже давно знала, что внутри нее зародилось и с каждым днем увеличивается живое продолжение того красавца жеребца с конезавода. А в последние три-четыре месяца это чудо стало ощутимо проявлять свое присутствие толчками в стенки живота, словно желало поскорее выскочить наружу. Рыжуха не первый раз была жеребая, и прежние ее беременности протекали тяжело. Видимо, потому, что те жеребята были большими и тяжелыми потомками жеребцов-тяжеловозов. А этого, от заводского скакуна, она носила легко и бережно; неудивительно, что для многих ее беременность оказалась незаметной.

Прошел еще месяц, снова наступила прекрасная весенняя пора. В очередной раз Рыжуха, как обычно в последнее время, притащила телегу с соломой, была распряжена и, размо- ренная солнечными лучами, дремала лежа.

Вдруг острая боль резанула ее в области брюха. Кобылица жалобно заржала. Судороги, сопровождаемые болью, сотрясали ее тело. Глубоко вздохнув, Рыжуха набрала в легкие побольше воздуха и с силой начала тужиться. В какой-то момент брюхо ее резко уменьшилось, и со стороны хвоста послышался жалкий звук, похожий на кошачье мяуканье.

Кобылица подняла голову и посмотрела назад. Там на соломе беспомощно барахтался мокрый рыжий жеребенок. Она встала на ноги, развернулась и начала облизывать свое «грешное» потомство. Свободные от работы лошади и молодняк, находящиеся в загоне конного двора, окружив роженицу, с удивлением пялили глаза на нее и ее младенца. Наверное, их поразило

необычное строение новорожденного, его тонкие ноги и вытянутая шея. Да и весь он был необычайно тонок и легок.

* * *

Конюх Серега заметил какое-то необычное движение в загоне. Слегка пошатываясь, он подошел к забору и, уставившись красными зенками на жеребенка, завопил в сторону «конюховки»:

– Эй, Аким!

Аким был вторым колхозным конюхом, но, в отличие от Сереги, не делал лишних движений и редко раскрывал рот.

– Иди сюда! – орал Серега. – Наша Рыжуха ожеребилась! Принесла какого-то урода!

– Сам ты урод, – прогудел подошедший Аким, он хорошо разбирался в лошадях. – Это она от заводского рысака нагуляла. Теперь и у нас будет свой рысак.

– Да на кой он нам нужен?! – заверещал Серега. – Нам рабочие кони нужны, а не скакуны. Да и кто на нем скакать будет, разве что Семен Терентьевич! – И он залился пьяным хохотом.

– Дурак! Зато и у нас теперь такая красота будет, как на конезаводе. – И на угрюмом лице Акима обозначилась улыбка. – Надо Рыжуху в отдельный станок поместить, а то наши тяжеловозы жеребенка задавят.

– На каком конезаводе? Что ты несешь? Просто эта дохлятина выродка ожеребила! – гнул свое Серега.

– Хватит! Заткнись! Делай, что я тебе сказал, а то вон Битюк злиться начал, того и гляди набросится на жеребенка.

* * *

Столпившиеся у роженицы лошади, как бы понимая, что новорожденный вроде бы и их соплеменник, но не совсем, тревожно заржали и начали агрессивно сжимать кольцо вокруг Рыжухи.

Услышав необычное возбужденное ржание в загоне, из сарая показался колхозный жеребец Битюк. Лошади расступились, пропуская его вперед. Взгляд его, скользнув по Рыжухе, опустился на жеребенка. Увидев непривычные формы новорожденного, жеребец злобно оскалил зубы и громко заржал. В нем инстинктивно проснулась ревность, ведь в сотворении этого заморыша он участия не принимал. Битюк взвился на дыбы, еще миг – и злополучный жеребенок при-

нял бы смерть от копыт разъяренного ревнивца. Но совершить расправу жеребцу не удалось.

В толпе лошадей стоял и мерин Каштан. Они с Битюком были однолетки. Когда оба подросли до двухлетнего возраста, потребовалось выбрать, кто из них будет оставлен для продолжения рода лошадиного. Выбор пал на Битюка, и не потому, что у Каштана было больше недостатков, а просто пьяный Серега почему-то ткнул пальцем именно в его сторону. Каштана тут же кастрировали. И он с тех пор возненавидел Серегу и Битюка.

Конечно, жеребец-производитель Битюк был сильнее мерина: он целыми днями отдыхал без дела в конюшне, и лишь иногда его выпускали к кобылицам, в то время как Каштана постоянно использовали на самых тяжелых работах. Но было одно преимущество у работяги мерина: он был подкован; жеребец же такого оружия не имел, поскольку подковы ему не полагались и даже были вредны: он мог травмировать ими кобылиц.

Взвившийся на дыбы Битюк успел краем глаза поймать мелькнувшую огромную тень и тут же рухнул на занавоженный пол загона, получив страшный удар в бок железными подковами. Неловко засучив ногами, он медленно поднялся и со злобным ржанием удалился в сарай.

Мерин Каштан, закрыв своим мощным телом Рыжуху и жеребенка, неласковым взглядом уставился на столпившихся кобылиц. Увидев такую надежную защиту, лошади стали нехотя расходиться. Рыжуха благодарно лизнула Каштана в нос и подтолкнула его морду в сторону жеребенка, словно приглашая порадоваться вместе с ней появившемуся потомству.

* * *

– Ну вот, видишь, до чего довела твоя нерасторопность, – заворчал на Серегу Аким. – Давай, бери Рыжика и неси его в отдельный станок. А я приведу Рыжуху.

– Ага, разбежался. Ты видишь, как этот бугай Каштан смотрит в мою сторону? А если он так же, как Битюка, саданет меня? – забухтел Серега. – И что еще за Рыжик? Ты что, этого уroda так назвал? Зря, бригадир все равно по-своему его назовет.

– Ладно, вали отсюда, сам справлюсь, – рассердился Аким. – Пусть назовет, а для меня он будет Рыжик.

Он перелез через забор, подошел к Рыжухе, погладил ее по холке. Потом похлопал Каштана по спине, поднял на руки жеребенка и понес его в дальний станок конюшни. Рыжуха и Каштан двинулись за ним. Все лошади конного двора любили спокойного неторопливого Акима, и даже жеребец Битюк никогда не пытался ему навредить, несмотря на свой ретивый нрав.

Поместив своих подопечных в станок, Аким еще раз погладил по спине мерина Каштана:

– А ты молодец. Защитил. Теперь иди в загон, что ты будешь здесь торчать? Никто не посмеет их больше обидеть. Мы с тобой не дадим.

3

Утром явился бригадир полеводческой бригады Михаил Алексеевич Астахов, за ним в колхозе был закреплен и конный двор. Этот огромный, под два метра ростом, неулыбчивый человек при первой встрече мог показаться угрюмым и нелюдимым, но на самом деле не был таким. В душе бригадира царило спокойствие, он очень любил сельскую жизнь, людей, которые выполняли полевые работы, лошадей, которые помогали выполнять эти работы, и, конечно, чтобы его распоряжения выполнялись быстро и правильно. Кроме того, он любил пошутить, любил хорошие анекдоты – как слушать, так и рассказывать.

– Лексеич, – сразу заверещал Серега, – тут вот вчера Рыжуха фортель отмочила, какого-то уродца принесла!

– Какого еще уродца? – нахмурил брови бригадир.

– Да брешет он все, – вступился Аким за кобылу, – красивый жеребенок.

– Красивый, как мерин сивый, – не унимался Серега. – Он нам зачем такой тонконогий нужен? Видимо, Аким на нем гарцевать собирается.

– Ну ты и сволочь! – рассердился Аким. – Кто только тебя в конюхи определил?

– Да вы толком объясните мне, в чем дело? – вспылил бригадир. – Правду монголы говорят: «В одном котле две бараньи головы не сварить». Придется одного из вас отправить на другие работы.

Сказав так, Михаил Алексеевич покривил душой: выгнать их с конного двора он не мог. Но немного припугнуть не мешало.

– Пойдем, покажу, – первым полез через забор загона Серега.

За ним последовал Михаил Алексеевич, завершал процессию мрачный Аким. «Все, сейчас бригадир забракует жеребенка, и через годик увезут его на мясокомбинат», – крутилась у него в голове тоскливая мысль.

Подошли к дальнему станку, где расположились родиха и новорожденный. Жеребенок, пристроившись к материнской титьке, крутил худеньким задом из стороны в сторону и от удовольствия помахивал хвостом.

Бригадир долго присматривался к жеребенку. Лицо его при этом было непроницаемо.

«Сейчас он его забракует к чертовой матери», – злорадно думал Серега.

«Может, и обойдется», – надеялся Аким.

– Жеребенок как жеребенок, ничего особенного, – наконец скосил на Акима хитрый взгляд бригадир. И, увидев, как просветлело лицо конюха, добавил: – Яркий, как огонек. Огоньком будем звать.

– Рыжиком! – твердо сказал Аким.

– Сказано, Огоньком, – не отступал Астехов, – значит, так тому и быть.

Видя, как обрадовался Серега (хоть тут он оказался прав!) и расстроился Аким, Михаил Алексеевич неожиданно махнул рукой:

– Черт с тобой, Рыжик так Рыжик!

Он так же, как и лошади, уважал Акима и недолюбливал Серегу.

– И вот что, мужики, – продолжил бригадир. – На ферме скопилось полно навоза, надо вывозить его в поле, лошади нужны. Ты, Аким, подкорми Рыжуху получше да недельки через три-четыре на молочную ферму отправь.

– А жеребенка куда? Рановато его от титьки отрывать, – насутился Аким.

– Пусть за матерью бегает по ферме, когда надо, будет сосать ее.

– Да на ферме грязь непролазная, разве он там выдержит? – не унимался Аким.

– Все, разговор окончен! – заявил бригадир и направился в контору колхоза.

– Ты прямо как мать родная этому жеребенку, – съязвил Серега. – Положи его рядом на лежанку, обними да корми из бутылочки.

– Надо будет, положу и буду кормить! – отрезал Аким.

* * *

Что ж, дорогой читатель, ты познакомился с лошадьми этого конного двора в Орловке и по-

нял, что красивым скакунам здесь особо не радуются. В этом отделении колхоза нужны крепкие рабочие лошадки, им отдается предпочтение. Впрочем, так было везде, где требовалась тягловая сила. В те послевоенные времена машин и тракторов было очень мало и основные тяжелые работы выполнялись на лошадях. Именно они таскали за собой сенокосилки, грабли, бороны, на них перевозились грузы.

Теперь пора поближе познакомиться с людьми, которые почти все свое время проводят с этими животными: подвозят корма, кормят и поят их, принимают роды и делают все остальное, что положено колхозным конюхам делать на своем рабочем месте за сто пятьдесят трудодней¹ в год.

Сергей Петрович Пирожков, а для всех просто Серега, с молодых лет был, как говорят на селе, забулдыга. Приворовывал по-мелкому: зерно, комбикорм и вообще все то, что плохо лежало. Сбивал краденое одиноким бабенкам и старикам за самогон, а затем, подвыпив, тащился в местный клуб, пел матерные частушки, плясал, приставал к деревенским девкам, но особо не дебоширил и в драку никогда не ввязывался. Девки его всерьез не принимали и дружбу с ним не водили. Так и остался бы он бобылем, но вдруг приглянулся одной простушке (поговаривали, что у нее не все дома) – она возьми да и выйди за него замуж.

А что самое интересное, та простушка была родной сестрой жены председателя колхоза. Так тоже бывает: в одной семье одна сестра очень умная, а другая дура, но не совсем. И вот, чтобы свояк Серега зря не болтался по деревне, на виду у всех, председатель отправил его на конный двор. С одним условием: новый конюх не должен валяться пьяным в конюшне. И Серега строго выполнял наказ: он никогда не падал от принятой дозы спиртного, хотя и принимал эту дозу ежедневно. Лошадей он, конечно, не любил, но за несколько лет конюшества привык к ним и смирился со своей участью. К тому же Серега знал, что выгнать его с этой работы в обход председательского указания не мог никто, даже бригадир Михаил Алексеевич.

¹ Трудодень – условная единица оплаты труда, отработанный день. В то послевоенное время в колхозах производилась натуральная оплата труда. Правление колхоза определяло, сколько килограммов натурального продукта (например, зерна) дать на один трудодень, а общее собрание колхозников утверждало это решение.

Аким Фролович Бычков, в отличие от Сереги, спиртного сейчас не принимал вообще. Однако обращения по имени-отчеству пока не заслужил тоже. В деревне, чтобы заслужить такое обращение, надо быть уважаемым человеком и в работе, и в поведении, и в семье. Аким же смолоду, работая скотником на ферме, напивался до того, что мог по несколько часов валяться пьяным в навозной жиже. Причем ввиду своей нелюдимости всегда напивался один, не имея ни друзей, ни просто собутыльников. Поэтому даже местные горькие пьяницы его не любили. И он отвечал тем же всем окружающим – и людям, и животным. Ни одна стычка в деревне без него не обходилась. Дрался Аким как зверь: глаза наливались кровью, и он кидался в самую гущу дерущихся, совсем не чувствуя боли. И если кто попадал в его крепкие руки или под его удар, опомниться не мог долго.

Но однажды произошел невероятный случай, который в корне изменил отношение Акима к жизни.

В поселке Шигарском (от Орловки по проселочной дороге это верст тридцать) жил его родной брат Гаврила. И вот однажды, подвыпив, Аким решил навестить родственника. Ни у кого не спросив разрешения, он запряг в кошевку Соловуху, кобылу лет восьми от роду, взял на ферме дежурный тулуп и морозным январским днем двинулся в Шигарку.

Дома осталась его жена, тоже недалекая, забитая бабенка. Как она пошла за пьяницу замуж, трудно сказать. Да и он наверняка женился во хмелю, так что ни о какой взаимной любви речи тут быть не могло. Поэтому Аким отправился в путь не заезжая домой.

До Шигарки Бычков добрался благополучно. Погуляли дней пять: братец тоже выпить был не промах. На шестой день, нахлеставшись до безумия и упав бревном в кошевку, Аким двинулся домой.

В этот день разыгралась страшная буря, мело так, что света божьего видно не было. Как уж Соловуха определяла дорогу – известно только ей одной. Где-то на полпути, заехав на очередной сугроб, сани перевернулись. Аким как был завернут в тулуп в виде снопа, так и остался валяться один в снегу. Сколько времени прошло, сказать невозможно, но, видимо, от холода он очнулся. Огляделся – и весь хмель из головы вылетел сразу, волосы встали дыбом. Буран кру-

гом – ничего не видать, и вот он, раб Божий, стоит по пояс в сугробе. Куда идти – не определить никак. Сидеть на месте тоже нельзя – замерзнешь. И стал Аким пробиваться сквозь наметенный снег. Бился, бился, выбился из сил, сел в сугроб и заплакал. Дрянь жизнь его была, а помирать неохота. Просидел с полчаса, а может, и больше, кто знает. И вдруг из пурги, в трех шагах от него, появилась лошадиная голова.

– Соловуха! – задохнулся от радости Аким, обнял лошадиную морду и начал целовать ее в губы.

Как лошадь догадалась о том, что седок выпал? То ли по тому, что сани легче стали, то ли вожжи под полозья попали – трудно понять. Да и не это главное. Поразительно другое: как эта животина решила и смогла найти дорогу обратно к потерявшему человеку?

Целые сутки пробивались они вдвоем через метель. Аким то садился в сани, то шел пешком, помогая тем самым кобылице. И к обеду следующего дня все-таки вышли к родному конному двору.

Наутро Бычков пошел к председателю, упал в ноги, просил прощения за содеянное и умолял поставить его конюхом на отделение. В конце концов председатель согласился. Да и то сказать: много ли найдется добровольцев работать за сто пятьдесят трудодней в год на отшибе, среди лошадей?

С тех пор Аким напрочь отказался от спиртного, притих, в драки не ввязывался и вообще старался с людьми лишней раз не контактировать. Соловуху любил до безумия. Это было единственное существо, за которое он мог кинуться в огонь и воду. Но постепенно любовь к одному животному распространилась и на остальных. Поэтому Аким почти никогда не уходил домой, постоянно жил в «конюховке».

Через год Соловуха принесла рыжего жеребенка, кобылку. Аким назвал ее Рыжухой. А по прошествии нескольких лет, когда уже Соловуха постарела, эта самая Рыжуха нагуляла на стороне и принесла Рыжика.

4

Станок, в котором Аким разместил Рыжуху и Рыжика, представлял собой сбитое из горбыля помещение три на четыре метра с деревянным полом. Таких станков-клетушек было несколько штук; притулившиеся один к другому, они-то и

составляли колхозную конюшню. В них содержались лошади с глубокой беременностью и ожеребившиеся (находившиеся здесь вместе с жеребятами в возрасте до месяца). Отдельный, самый крепкий станок предназначался для жеребца-производителя, в данном случае для Битюка.

Жеребенок Рыжик еще не мог, конечно, различать людей по именам либо фамилиям, он вообще мало что знал про этих животных на двух ногах. Поэтому различал он их только по характеру и отношению к своим подопечным, особенно к нему самому.

Пока что в их с мамой станок заходили лишь два человека. Один из них в сознании Рыжика сразу предстал как Добрый – это, конечно, был Аким. От него всегда пахло сеном и исходило умиротворяющее спокойствие. Он ласково что-то гудел, при этом гладил Рыжика и Рыжуху по спине, по холке и почесывал за ушами. Задавал душистого сена, наливал свежей воды, иногда приносил несколько горстей овса – естественно, для кобылы, жеребенок был еще маловат для поедания зерен. Зато молоко после такого корма у мамы Рыжика становилось необычайно вкусным, и он от удовольствия тряс своим пушистым хвостом. А Добрый подолгу с умилением смотрел на жеребенка, на кобылицу, и в глазах его светилась любовь, иногда сквозь слезы. Он уходил, и мать-кобылица подталкивала своей головой голову жеребенка, чтобы тот смотрел в спину уходящего, и потихоньку ласково ржала, словно хотела убедить свое чадо в том, что этот человек – их родственник. И жеребенок с каждым прожитым днем сам постепенно в этом убеждался и начал уже с нетерпением ждать, когда Добрый придет их навестить.

Второй человек по своему характеру и отношению к нему, Рыжику, был Равнодушным. Он вроде бы тоже задавал корм и питье, но сено мог принести с гнильцой, а то и вовсе давал солому, воду наливал теплую и невкусную. Овса не принес ни разу. Никогда он не ласкал ни кобылицу-мать, ни Рыжика, иногда даже грубо отталкивал их от кормушки, если они, по его мнению, мешали раздавать корм. Но самым неприятным было то, что Равнодушный всегда источал отвратительный химический запах, от которого перехватывало дыхание. Конечно, лошади не могут знать, что этот запах называется перегаром, но в любом случае терпеть его не

могут. Равнодушным был второй конюх – Серега.

И вот по прошествии какого-то времени в станок в сопровождении Равнодушного зашел новый человек. Так Рыжик познакомился с существом, которому больше всего подходило имя Злой. Этот человек ногой оттолкнул жеребенка от кобылы и начал надевать на голову Рыжухи какие-то ремни с блестящими в них железяками. Когда Рыжуха попыталась увернуться от его рук, Злой стукнул ее кулаком по морде. Он все время громко издавал какие-то звуки, которые наверняка тоже были злые. Накинув наконец принесенные с собой ремни, Злой с силой воткнул в рот кобылице блестящие железяки и вывел Рыжуху на улицу, поэтому Рыжику пришлось бежать за ней. Затем этот неприятный человек поднял с земли и напялил на шею Рыжухи что-то громоздкое, сделанное из кожи. Но самое ужасное было впереди. Злой подвел кобылицу к огромному ящику на колесах, поднял поочередно две длинные палки и прикрутил их ремнями к кожаному ошейнику на шее Рыжухи. Затем, показав пальцем на бегавшего вокруг мамы Рыжика, что-то злобно рявкнул Равнодушному. Но тот махнул рукой, отвернулся и пошел от него. Тогда Злой сел в этот большой ящик, взял в руки два длинных ремня и ударил ими по спине Рыжухи. Она, рванув с места и оглядываясь на своего жеребенка, выбежала из ворот конного двора. Рыжик засеменил следом, разбрызгивая ножками жидкую грязь.

Наконец они приблизились к огромным длинным сооружениям. Грязь под ногами Рыжика становилась все глубже и гуще. Он с большим трудом сделал еще несколько шагов, провалился по самое брюхо и безнадежно увяз. Рыжуха оборачивалась назад и жалобно ржала, за что получала длинными ремнями по спине, и вынуждена была продвигаться дальше.

Между огромными сооружениями Рыжик увидел большую кучу земли зеленовато-бурого цвета. Рыжуха с привязанным к ней ящиком остановилась у этой кучи. Злой вылез наружу и стал яростно накидывать бурую землю в ящик. Он кидал и кидал, палка с прикрепленными к ней острыми зубьями мелькала, как жеребячий хвост. Вот уже земля поднялась выше бортов ящика, вот уже и там выросла куча, и за ней Рыжику не стало видно маму. Та, не переставая, жалобно ржала, тоже потеряв из виду жеребен-

ка. И Рыжик пытался в ответ произвести ржание, но получался только жалобный писк.

Из огромного сооружения вышел человек и начал грозно реветь в сторону Злого, размахивая руками. Тот остановился, бросил палку с острыми зубьями на кучу земли в ящике и опять ударил Рыжуху по спине длинными ремнями. Она вздрогнула, попыталась идти вперед и не смогла. Тогда Злой взял палку с зубьями и уже ею ударил кобылу по спине. Рыжуха рванулась, сделала несколько шагов и встала как вкопанная.

Человек, вышедший из сооружения, продолжая реветь в сторону Злого, побежал к нему. Но тот не унимался. И вдруг ревуший человек остановился и начал показывать Злому в ту сторону, откуда они прибыли. Рыжик повернул туда голову и радостно заверещал. Верхом на старой кобыле Соловухе к ним приближался Добрый. Он проскочил мимо жеребенка и подлетел к Злому, не переставая размахивать руками и громко гудеть. И вдруг Злой зажатой в руках палкой ударил Доброго. Рыжик от страха закрыл глаза, а когда открыл их – впервые радостно заржал своим детским голоском. Злой валялся в грязи, а Добрый изо всех сил охаживал его палкой с зубьями. Человек, вышедший из сооружения, пытался ему помешать. Но Добрый продолжал лупить Злого. Тут палка переломилась, Злой, вывалянный в грязи, вскочил и, не оглядываясь, побежал за сооружение.

Добрый, тяжело дыша, подошел к Рыжику, выдернул его из грязи, поднял на руки и отнес в какое-то чистое помещение. Там они вместе с человеком, который ревел на Злого, напоили Рыжика теплым молоком из резинки, похожей на мамин сосок. Затем люди недолго погудели между собой. Добрый сел на Соловуху, взял Рыжика на руки, и вскоре они прибыли обратно на конный двор.

* * *

Все описанные выше события представлены приблизительно по младенческим впечатлениям жеребенка Рыжика. А теперь, уважаемый читатель, расскажу тебе, что произошло в действительности.

Как и говорил бригадир Михаил Алексеевич, на молочной ферме за зимний период скопилось большое количество навоза, который нужно было вывести на поля в качестве удобрения под

посевы. Лошадей для решения этой проблемы не хватало. И вот по прошествии пяти недель после родов Рыжуху тоже «мобилизовали» на вывоз навоза. Конечно, давая такое указание, бригадир имел в виду, что кобылицу будут использовать не в полную силу. И, разумеется, надеясь на трезвый разум скотников, он совсем не думал, что маленького жеребенка загонят в грязь возле фермы. Но вышло все иначе.

Незадолго до того в Орловку вернулся местный проходимец Петька по кличке Прокурор. Почему именно Прокурор – толком сказать никто не мог. Одни говорили, что так его прозвали за то, что он не вылезал из мест заключения и находился постоянно под прокурорским надзором. Другие утверждали: при очередном задержании Петька кричал, что он сын прокурора и лицо неприкосновенное. В общем, как бы то ни было, Петька навечно остался Прокурором.

Так вот, вернулся он на малую родину из мест не столь отдаленных – и к председателю колхоза:

– Вот что, председатель, хошь не хошь, а обязан ты мне предоставить рабочее место в колхозе!

И действительно, в то время всем отбывшим свой срок наказания зэкам руководители предприятий должны были предоставить работу и назначить опекуна, вроде как надзирателя, чтобы этот индивид не мог сотворить очередную пакость.

Председатель посмотрел Петькину справку об освобождении, тяжело вздохнул и направил Прокурора на молочную ферму – возить тот самый скопившийся навоз. Опекуном же назначил бригадира фермы Василия Афанасьевича.

Тот тоже, изучив Петькину справку, тяжело вздохнул, а потом спросил:

– Коня-то запрягать умеешь?

– Да я хоть черта запрягу, дядя Вася, – оскандился Прокурор.

– Ну, тогда вот тебе записка. Вали на конный двор, полководческий бригадир обещал с сего дня нам дополнительно кобылу дать.

– Ща, я мигом, – обронил новый работник и хитро улыбнулся. А про себя подумал: «Зайду к бабке Марье, врежу стаканчик самогона».

* * *

Как на грех, именно тогда Аким на конном дворе отсутствовал, дежурил конюх Серега. И

только он расположился за столом в «конюховке», только открыл бутылку, как со двора донесся грубый крик:

– Эй, есть тут кто-нибудь живой или все передохли?

Сергея, торопливо спрятав бутылку под стол, выскочил наружу:

– Ну есть, чего орешь? – И тут, разглядев пришедшего, удивленно воскликнул: – О, Прокурор. Откинулся, что ли?

– Серега, ты? – в свою очередь спросил Петька. Потом сунул конюху записку: – Вот, держи. Я тут устроился на ферму, бригадир за какой-то кобылой послал.

– Кобыла? Есть такая, забирай ее к чертовой матери, мне все меньше забот будет. Пошли, покажу.

Прошли к станку, где находилась Рыжуха с Рыжиком. Петька привычно распахнул двери станка, он и не такие двери открывал без ключа.

– Да она с жеребенком! – недовольно воскликнул Прокурор. – На фиг она мне нужна!

– Другой нет. Наш бригадир сказал, чтобы мы вам эту кобылу отдали.

– Ладно. Мое дело телячье: выпил пойло – и жуй сено молча.

Сергея принес сбрую, подал Петьке узду. Тот, оттолкнув ногой жеребенка, начал надевать ее кобылице на голову. Рыжуха, почуяв запах перегара, задрала голову, пытаясь увернуться от узды.

– Стой, а то кишки выпущу! – заорал Прокурор.

Жеребенок испуганно забился в угол, и Рыжуха, чтобы не пугать его больше, поддалась нежданному хозяину. Петька вывел кобылицу, запряг ее в стоящую во дворе телегу-короб. Затем, посмотрев на Сергея, гаркнул:

– Жеребенка забери!

– Да как же я его сейчас поймаю? – возмущенно сказал конюх. Ему хотелось скорее вернуться к бутылке с самогомом. – Да и кормить я его чем буду? Там ты его под кобылу подпустишь.

– Ну, смотри, тебе потом отвечать придется, нашел кормильца. Я накормлю – отрыжка долго будет мучить!

И, хлестанув кобылу вожжами, Петька выехал за ворота конного двора. Рыжик, разбрызгивая жидкую грязь, шустро побежал за телегой.

* * *

Только Серега, обрадованный наконец-то наступившей свободой, наполнил стакан самогомом, – дверь в «конюховку» распахнулась. На пороге стоял Аким.

– Все никак нажраться не можешь? – загудел он. – Рыжуху накормил?

– Какую Рыжуху?

– Ты что, от самогона совсем спятил, Рыжуху не помнишь?

– Так нет ее, Прокурор забрал. Петька Прокурор из лагеря вернулся.

– Петька! – возмущенно воскликнул Аким. – И зачем же ты ему дал кобылу? Он же ее пропьет или на махан прирежет!

– Да нет, он теперь на ферме работает, – попробовал оправдаться Серега.

– А жеребенок где? – выдохнул Аким, и на лице его Серега увидел панический страх, сменяющийся угрожающей ненавистью.

– Так за кобылой дернулся, – пролепетал Серега, весь сжимаясь.

– Да как же ты посмел этому живодеру лошадей отдать?! – взревел Аким, саданув кулаком об стол.

Недопитая бутылка подскочила и упала на пол, разливая остатки самогона.

– А что я мог сделать? Бригадир записку прислал! – прохныкал Серега.

– А Соловуха где?

– Где ж ей быть, на дворе валяется.

Аким схватил седло, походя ткнул кулаком Сереге в морду и выскочил за дверь. Старая кобыла использовалась на конном дворе для незначительных легких работ. Ее давно бы свезли на мясокомбинат, но Аким под разными предлогами старался не допустить этого. Увидев хозяйна, Соловуха медленно поднялась на ноги и двинулась ему навстречу. Аким накиннул ей на спину седло, уселся поудобнее. Соловуха, обернувшись, удивленно посмотрела на него: таких операций с ней не проделывали давно.

– Давай, матушка, поторопись, послужи еще разок! – уговаривал Аким старую лошадь.

Его тревога каким-то образом передалась Соловухе – неловко подкидывая круп, она рысцой устремилась в указанном направлении.

* * *

Петька Прокурор, не обращая внимания на жеребенка, гнал Рыжуху к ферме. Расстояние от

конного двора было не очень большое, и через несколько минут кобыла, утопая по колени в весенней грязи, остановилась у огромной кучи навоза между двумя коровниками. Потеряв из виду жеребенка, Рыжуха постоянно оглядывалась и тревожно ржала.

– Заткнись, стерва, – соскакивая с телеги, выругался Петька. – Жив твой заморыш, вон в грязюке застрял, никуда не убежит.

И, схватив вилы, Прокурор начал остервенело кидать навоз в телегу. Вот короб заполнен уже до краев, но новый животновод, не останавливаясь, продолжал кидать не глядя. Только когда под ноги его с воза начали падать шлепенки навоза, Прокурор поднял голову и перевел дух.

– Ну давай, дергай, кляча паршивая! – стеганул он вожжами Рыжуху.

Кобыла, поднатужившись, дернулась, но взять с места воз не смогла. Петька еще раз огрел ее вожжами, добавив для убедительности несколько слов матом. Пользы никакой. Тогда Прокурор схватил вилы и, размахнувшись, саданул Рыжуху по спине. Она жалобно заржала, дернулась изо всех сил, сделала два шага и встала как вкопанная.

На шум из коровника вышел бригадир Василий Афанасьевич. Увидев происходящее, он поспешил к месту разыгравшейся драмы.

– Петька, паразит! Ты что же, подлец, делаешь? Это же не трактор, живое существо. Ты же на телегу накидал тонны две навозу!

– Уйди, дядя Вася, нечего меня учить, научили уже. Ты что думаешь, я этот навоз по два навильника возить буду? Это мне года на два хватит. Придуривается кобыла. Я в лагере такие воза возил, что тебе и не снилось.

– Так ты распряги ее и волоки сам, что ж ты издеваешься над животным?

– Ничего с ней не будет! – окончательно разозлился Прокурор и снова замахнулся на кобылу вилами.

– Петька, вон Аким скачет сюда, сейчас бой-ну будет. Остепенись.

Прокурор повернул голову в сторону дороги, увидел приближающегося верхового и узнал Акима. Он помнил, что Бычков был совсем пропащим пьяницей, и не догадывался, что теперь конюх всегда трезвый и имеет силу, соответствующую своей фамилии.

– Дядя Вася, нашел ты, кем меня пугать! У меня такие, как он, сапоги в зоне языком чисти-

ли! – презрительно скривился Петька и снова стукнул вилами кобылу.

– Ты что же это делаешь, гад! – закричал подлетевший Аким.

Прокурор снова поднял вилы и, как бы целясь в кобылу, резко развернулся и саданул ими Акима. Но не успел он снова поднять свое оружие, как разъяренный конюх опустил ему на голову пудовый кулак. Петька ойкнул и завалился в грязь. Бычков же перехватил упавшие вилы и стал охаживать Прокурора по ребрам, голове и заднице, тот только успевал поворачиваться.

– Аким, остановись! – умолял бригадир дядя Вася. – Ты же убьешь этого гада, посадят, за лошадыми будет некому ухаживать!

Вдруг черенок вил хрястнул и переломился, от неожиданности Аким потерял равновесие и упал. Петька тут же этим воспользовался: вскочил стремительно, как заяц, и, прихрамывая на обе ноги, кинулся бежать. Аким в бешенстве схватил телегу за заднее колесо и опрокинул накиданный Прокурором воз. Потом взял за узду Рыжуху, вывел на чистое место и дал ей клок сена из соседней скирды.

– Ты, Василий Афанасьевич, не переживай, пусть кобыла тут постоит. Я сейчас увезу на конный двор жеребенка и сам буду возить навоз, дней за пять вывезу, – успокоившись, сказал он.

– Да, Акимушка, зря ты связался с этим подлецом. Мстить будет. Он родного дядю чуть в навозной жиже не утопил, – посочувствовал бригадир.

– Бог не выдаст, свинья не съест, – прогудел Бычков.

Они вместе обмыли вытащенного из грязи жеребенка, напоили его коровьим молоком. Затем Аким взобрался в седло, принял у дяди Васи Рыжика, и они покондыляли в сторону конного двора.

Приехав на конюшню, Аким занес жеребенка в «конюховку». Серега с разбитым носом пускал пузыри на лежанке.

«С полу он слизал самогон, что ли?» – подумал Бычков.

Когда напарник проснулся, Аким сразу сообщил ему твердо:

– С этого дня Рыжик будет жить с нами в «конюховке»!

– Ладно, ладно, – закивал Серега, – пусть живет, мне-то что.

Вот так к двум конюхам на постоянное место жительства подселился маленький жеребенок.

5

Теперь, уважаемый читатель, настало время пояснить, что же это за «конюховка» такая, в которой будет жить Рыжик.

«Конюховка» – это обычная деревянная постройка, избушка, в которой отдыхают конюхи, работающие на конном дворе. Кроме того, в ней хранится лошадиная сбруя, развешанная на стенах на металлических клиньях; над клиньями прибиты таблички с кличками лошадей, которым эта сбруя принадлежит. Напомню, что для рабочей лошади в состав сбруи входят: уздечка, хомут, шлея, седелка, чересседельник и вожжи.

Также в этой избушке находится металлическая печь-буржуйка, которая топится чаще всего березовыми дровами. И уж конечно, в «конюховке» не обойтись без лежаков. Они обычно располагаются вдоль стен, по всему периметру помещения, и одновременно служат в качестве сидений для колхозников, приходящих за закрепленными за ними лошадьми.

Рыжику Аким отвел место в свободном углу, настелив свежей соломы. Обещанную бригадир молочной фермы работу он так и выполнил за пять дней, особо не утруждая Рыжуху. Рыжика Аким подпускал под кобылу с утра и, дождавшись, когда он вдоволь напьется материнского молока, уносил его на новое место жительства; такое же кормление повторялось в обед и вечером.

Первые несколько дней Рыжик, скучая по матери, начинал верещать в «конюховке» тоненьким голоском, мешая захмелевшему Сереге дремать, но скоро освоился на новом месте и привык к такому режиму. Серега тоже привык к новому жильцу и иногда даже пытался его погладить, но Рыжик, учуяв запах перегара, недовольно прядал ушами и взбрыкивал.

– Вот шкет, еще что-то из себя выкаблучивает! – недовольно ворчал конюх и, отвернувшись к стенке, продолжал дремать.

Аким, вывезя навоз с фермы, упросил бригадира Михаила Алексеевича, чтобы Рыжуху он закрепил за конным двором, так как Соловуха уже не могла выполнять здесь основные работы.

Выезжая в поле косить траву для лошадей, Аким брал жеребенка с собой, вот тогда-то Ры-

жик и узнал, что такое вольная воля. Вокруг зеленела трава, шумела растревоженная ветром березовая листва, и жеребенок во весь дух носился по полю, не отбегая, впрочем, от телеги слишком уж далеко.

Прислушиваясь к щебетанию разных птиц, Рыжик со временем понял, что люди не ржут, как лошади, а произносят звуки, как птицы. Когда их собирается несколько человек вместе, они щебечут, как воробьи. Когда начинают кричать друг на друга – каркают, как вороны. А если встречаются несколько людей с тонкими голосами и с длинными волосами, они тараторят, как сороки.

Когда же начинал говорить Аким, Рыжик сразу представлял филина, который встречался им в дальней роще. Подслеповато глядя на него, эта странная птица пыталась напугать Рыжика своим уханьем. Жеребенок поначалу действительно пугался, но постепенно привык и понял, что филин – птица не злая.

* * *

Вот так размеренно протекала жизнь трех божьих тварей – двух никому не нужных, отвергнутых сельским обществом людей и одного маленького жеребенка.

Если бы кому-то удалось понаблюдать незаметно, как Аким общается со своими подопечными, он был бы очень удивлен. Раздавая в кормушки сено, этот мрачный и неразговорчивый конюх то и дело останавливался, чтобы погладить по холке очередную лошадку. Вид у него становился умиротворенным, подобие улыбки озаряло обросшую щетиной физиономию. Можно было даже услышать приглушенное урчание, напоминающее мурлыканье большой дикой кошки, – вероятно, это была его душевная песня. Но стоило появиться человеку, Аким сразу замыкался и делался недоступным каменным идолом.

Пьяница Серега жил просто: день прошел, и ладно. Основным стремлением его было поскорее найти спиртное. И это порой создавало конфликтную ситуацию между ним и третьим жителем «конюховки», жеребенком.

Прошло около трех месяцев, Рыжик подрастал, крепчал и начинал уже кое-что понимать. В отношениях с Акимом все было ясно: они любили друг друга. А вот с Серегой дружбы у Рыжика не получалось. Мало того что от конюха всегда несло перегаром, Серега еще не выпускал изо

рта самокрутку, и когда он дежурил, в «конюховке» постоянно стоял едкий махорочный дым. Жеребенок чихал и выскакивал во двор, благо дверь открывалась свободно. А Серега злорадно смеялся, приговаривая:

– Что, антилигент, не нравится – вали на конюшню, обоим вам там место, вместе с твоим хозяином!

Но Акима он побаивался и поэтому, немного покуражившись, все же загонял жеребенка на место.

Рыжик заметил, что иногда в «конюховке» появлялись какие-то мешки, чем-то наполненные. Затем Серега грузил их на телегу и куда-то увозил. Вернувшись, он заносил авоську с несколькими бутылками беловатой жидкости, напоминающей молоко. Садился за стол, открывал одну из бутылок и начинал поглощать эту жидкость. Вокруг распространялся отвратительный запах – и от бутылок, и от Сереги. Через некоторое время конюх пытался встать из-за стола, но сделать этого не мог и, завалившись набок, начинал храпеть.

Однажды, когда Серега в очередной раз занес таинственный мешок, а сам куда-то вышел, любознательный Рыжик не выдержал. Он подошел к лежащему на лежанке мешку и прокусил его своими острыми зубами. Внутри оказался комбикорм, и жеребенок, прорвав дырку побольше, начал поедать довольно вкусную смесь. Но тут послышались шаги Сереги, и Рыжик лег на свое место. А нужно сказать, что в «конюховке» электричества не было и основным освещением в темное время являлись отблески огня из печки. Ничего не подозревающий Серега схватил мешок, поднял, и все его содержимое через проделанную дыру вывалилось на пол.

– Это какая же тварь порвала мешок?! – заглебнулся конюх в страшной злобе.

А поскольку жеребенок притих и прикинулся спящим, не совсем трезвый Серега решил, что сам где-то зацепился за гвоздь. Долго он в темноте собирал в новый мешок рассыпавшийся комбикорм, не переставая ругаться при этом. Затем взвалил на плечо мешок и вышел. Рыжик услышал скрип тележных колес, удаляющихся от конного двора.

Вернулся Серега к утру, когда уже занималась заря. В руке у него снова была авоська с бутылками. Он уже было расположился за столом, чтобы похмелиться, но снаружи донесся

звук шагов. Конюх вскочил и быстро спрятал авоську с бутылками в ближайший висящий на штыре хомут.

Дверь заскрипела, и на пороге появился Аким.

– У, дьявол угрюмый, – заворчал Серега, – я-то думал, бригадир идет...

Ничего не ответив, Аким уселся на лавку к печке. Облегченно вздохнув, Серега потянулся к хомуту за авоськой, но за дверью опять послышались тяжелые шаги и в избушку зашел бригадир Михаил Алексеевич. На улице уже рассвело, через единственное окно в «конюховку» пробивалось достаточно света, и остатки рассыпанного комбикорма на полу сразу бросались в глаза.

– А что это у вас здесь за мельница, откуда комбикорм? – строго спросил Астахов.

Аким молчал, и тогда Серега, заморгав красными глазами, залопотал:

– Так это, Лексеич, я тут хотел жеребца Битюка подкормить, да вот малость рассыпал.

– Не бреши! – нахмурился бригадир. – Где же тогда этот мешок с остатками комбикорма? Не ночью же ты его кормил, ты и днем-то путем ничего не делаешь.

79

Поглядев на молчащего Акима, бригадир повернулся к жеребенку:

– Ну что, Рыжик, изо всех здесь проживающих ты, видимо, самый умный. Может, ты мне скажешь, что тут было?

Что в этот момент нашло на Рыжика? Трудно сказать. То ли он просто хотел избавиться от ненавистной авоськи, а может, и впрямь решил отомстить Сереге за все перенесенные издевательства. В общем, как бы то ни было, он вдруг подошел к висящему на стене хомуту и зубами выдернул из него авоську. Бутылки с грохотом свалились на пол и разбились, «конюховка» наполнилась отвратительным самогонным смрадом.

– Так вот, значит, что здесь происходит! – пришел в ярость Астахов. – Воруешь комбикорм на ферме, сволочь, и обмениваешь его на самогон. То-то мне Василий Афанасьевич жаловался, что мешки по ночам с фермы пропадают!

– Лексеич, прости, больше никогда не буду, только председателю не говори! – упал на колени Серега. – Они меня и так за человека не считают...

– А ты сам-то себя человеком чувствуешь или нет? Встань с колен, ты вон даже жеребенку

своими выходками надоел. Что толку председателю на тебя доносить, все равно ничего тебе не будет. Но знай: еще раз попадешься – я сразу напишу заявление в милицию!

И, громко хлопнув дверью, бригадир ушел запрягать коня.

Угрюмый Аким поднялся с лавки, презрительно глянул на напарника и тоже вышел: пора было кормить лошадей.

* * *

Вот так неожиданно Рыжик стал главным героем в истории с разоблачением горе-конюха.

После этого случая отношение к жеребенку окружающих людей изменилось. Аким твердо уверовал, что сознание Рыжика довольно близко к человеческому и по умственному развитию тот находится на одном уровне с людьми. Поэтому в присутствии жеребенка он стал более осторожен в своих действиях и словах. Все неприличное вообще отменил. И потребовал от Сереги не только перестать ругаться, но и курить выходить на улицу.

Серега после этого какое-то время ходил трезвый либо чуть-чуть навеселе и мешки с комбикормом на конный двор уже не таскал. По привычке матюгнувшись, с опаской оглядывался на Рыжика, словно боялся, что тот все расскажет Акиму.

Бригадир Михаил Алексеевич приходил в «конюховку», садился на лавку, доставал кусочек сахара и, протягивая его на вытянутой руке, подзывал Рыжика:

– Ну, иди ко мне, милоч, поговорим. Больше-то здесь разговаривать не с кем.

И Рыжик начал понимать, что этот человек, как и Аким, тоже Добрый. Он подходил к бригадиру, осторожно брал губами сахар и, похрустывая им, довольно махал хвостом. Астахов гладил жеребенка по спине, холке, по высоко поднятой голове и что-то говорил – приятное, ласковое.

Но однажды бригадир, зайдя к конюхам, обратился к Акиму другим тоном – озабоченно:

– Ну что, Аким, я понимаю твою любовь к Рыжику, но ему уже скоро полгода будет, смотри, какой он большой, четвертую часть вашей избышки занимает. Да и Серега мне все время жалуются, места ему мало. Надо Рыжика переводить в конюшню к остальным жеребяткам.

– Сам знаю, мне этот иуда тоже надоел своими жалобами. Боюсь я, обижать его там наши толстяки будут. Пусть побудет еще дней десять, и уберу.

* * *

В один из этих оставшихся дней (точнее, в одну из ночей) случилось новое происшествие, и на сей раз уже не забавное, а страшное.

Аким Бычков, занятый повседневной работой и воспитанием жеребенка, совсем забыл о конфликте с Петькой, да, в общем, ему и помнить об этом не хотелось. Но не таков был Прокурор, он еще ни разу в своей поганой жизни не забывал нанесенных ему обид.

Шла уже вторая половина октября, на улице выпал первый колючий снежок. Так случилось, что в эту ночь остались дежурить оба конюха. Серега, опять под хмельком, завалился спать с вечера. Аким, растопив печку березовыми дровами, сходил во двор и принес охапку поленьев в запас, на ночь. Последив за разгорающимся пламенем, он закрыл дверку топки и тоже устроился на лежаке. Через некоторое время «конюховка» наполнилась громким храпом: оба конюха крепко спали. В своем углу дремал и Рыжик, но его сон был легким, он улавливал каждый шорох.

Вдруг жеребенок открыл глаза и настороженно поднял уши: на улице слышались крадущиеся шаги. Они показались Рыжику до ужаса знакомыми. Где-то он их уже слышал, так мог ходить только Враг. У всех животных сохранился веками выработанный инстинкт самосохранения. Стоит им только раз услышать шаги враждебно настроенных особей, и они эти звуки запоминают на всю жизнь.

Да, это были шаги Врага, запомнившиеся Рыжику с первой встречи, когда он еще вместе с матерью стоял в станке. Рыжик поднялся на ноги и начал внимательно прислушиваться. Вот захрустел снег у окна сторожки, чья-то тень закрыла звездное небо. Постояв у окна, кто-то перелез через жерди забора и медленно направился к двери. Дверь «конюховки» изнутри не запирались, ведь дежурные конюхи одновременно являлись сторожами на конном дворе. А какие сторожа охраняют вверенное им имущество, закрывшись на засов в сторожке?

Шаги приближались, вот они уже почти у самой двери. Что делать? Рыжик быстро подошел

к Акиму и, крепко вцепившись зубами в его фу-
файку, дернул спящего друга.

– Ты что? – вытаращил глаза Аким, сразу
проснувшись.

Скрип снега за стеной прекратился, видимо,
крадущийся услышал шум в избушке. Аким при-
сел на лежанку, недоуменно уставившись на же-
ребенка, но тут и сам уловил шорох за дверью.

«Кто это может быть?» – промелькнуло в со-
знании Бычкова, и у него тоже сработал инстинкт
самосохранения. Аким вскочил на ноги, схватил
первый попавшийся под руку хомут и постарал-
ся укрыться за косяком двери. Раздался осто-
рожный скрип, и отблески печного огня высвети-
ли в проеме чью-то голову. Аким поднял хомут и
хотел надеть его на вошедшего, но чуть замеш-
кался, голова успела отдернуться назад, а хомут,
пролетев мимо, бесполезно исчез в темноте. В
тот же миг сильный удар ногой в живот отбросил
Акима к печке, он запнулся за сложенные поле-
нья и упал на пол. Петька Прокурор (а это был,
конечно, он) бросился сверху. Придавил грудь
Акима ногой и левой рукой, правой же полез в
голенщике своего сапога.

Рыжик все это время, дрожа всем телом, пе-
реступая с ноги на ногу, не решался что-либо
сделать. Да и что он мог? Он видел, как его друг
и хозяин упал на пол, видел, как Злой сел на не-
го верхом. Жеребенок хотел выскочить на улицу,
но сцепившиеся в схватке люди оказались у него
на пути. Затем Рыжик увидел, как Злой потянул-
ся к своей ноге, и вдруг в поднятой руке его свер-
кнул кусок металла. Рыжик рванулся и, переле-
тев через дерущихся, выскочил в дверь. Но в
прыжке жеребенок, взбрыкнув, сам того не же-
лая, нанес задними ногами сокрушительный
удар в голову Врага.

Петька, вскрикнув, повалился набок, нож вы-
пал из руки. Опрокинув Прокурора, разбрасывая
ногами поленья, Аким вскочил с пола и выдер-
нул из стены металлический штырь. Все это он
продельывал молча, тяжело дыша. Петька, изры-
гая немыслимые маты, схватил с пола нож и то-
же быстро поднялся, но замахнуть не успел:
железный штырь, высоко поднятый Акимом, с
силой опустился ему на правое плечо. Рука Про-
курора обвисла плетью, нож выпал и впился
острием в деревянный пол.

– А чтой-то вы тут делаете? – испуганно
спросил проснувшийся Серега.

– В поддавки играем, – ответил Аким, туго
скручивая Петьку вожжами.

– Ладно, твоя взяла, – зло прошипел Проку-
рор. – Скажи спасибо этому лошадиному рахиту,
а то бы сейчас уже в аду на сковородке жарился.

Связав Прокурора, Аким хотел подобрать
нож, но вовремя понял, что тогда на ручке оста-
нутся следы от его пальцев, и делать этого не
стал. Он всунул штырь обратно в стену и повер-
нулся к Сереге:

– Ты присмотри, чтобы эта тварь не развяза-
лась. Я пойду найду Рыжика, после запрягу коня
и увезу этого подонка в милицию.

Жеребенка искать долго не пришлось, он
стоял за углом и мелко трясся от страха.

– Рыжик, ты настоящий друг! – сказал Аким
и, не удержавшись от нахлынувших чувств, об-
нял жеребенка и крепко поцеловал его в мокрый
нос. – Пойдем запряжем Рыжуху да этого гада
доставим в его любимое место!

И Рыжик, успокаиваясь, двинулся вслед за
хозяином.

А в избушке в это время Петька Прокурор об-
рабатывал Серегу:

– Слушай, Серега, развяжи меня!

– Нет, Акимка меня убьет.

– Акимка не убьет, ему в тюрьге париться не
с руки, а вот я тебе, как освобожусь, точно голову
откручу. Тебе и твоей вороне, а также всем пред-
седательским. Мне ведь много не дадут, ну, мо-
жет, года три, не больше. Давай развязывай, а я
скажу бабке Марье, она тебе каждый день будет
наливать по кружке самогона.

Трудно сказать, что больше убедило Серегу:
страх перед Петькиными угрозами или предвку-
шение ежедневной порции самогона, но он бы-
стро развязал Прокурора.

– А это тебе на закуску к самогону! – проши-
пел тот и саданул своего спасителя левой рукой.

Серега, вякнув, как жаба, залетел под лавку.
Петька же исчез в ночи.

– А где Прокурор? – спросил вошедший
Аким.

– Убег, гад! – шмыгая разбитым носом, про-
стонал Серега.

– А ты чего валяешься, благодарность полу-
чил? – догадавшись обо всем, прорычал Аким. –
Ну ты и иуда! Переломал бы я тебе ребра, да рук
марать не хочется!

И, хлопнув дверью, Аким пошел распрягать
Рыжуху.

* * *

Утром пришел бригадир Михаил Алексеевич. Рассвет, добравшись до окна сторожки, высветил последствия происшедшего здесь ночью: по полу были разбросаны поленья, на плохо оструганных плахах засохли пятна крови. На лежанке сидел Серега с разбитым носом, вокруг его глаз расплзлись фиолетовые синяки. У прогоревшей печки торчал впившийся в пол нож-финка. Аким сидел у входа в «конюховку» на чурбаке, держа в руках брошенный ночью хомут, и угрюмо смотрел себе под ноги.

– Вы что, подрались, что ли? – растерянно осматривая поле боя, воскликнул бригадир. – Совсем спятили!

– Да нет, – загундосил плаксиво Серега, – это нас Петька Прокурор отделал. Акимку чуть не прирезал и мне морду начистил.

– А вы что же, двое не могли с ним справиться?

– Справились, – зло плюнув под ноги, поднялся Аким, – да вот эта тварь его развязала. Послушай, бригадир, убери этого паскудника от меня, а не то я его когда-нибудь придушу.

– Ладно, после разберемся. А сейчас садитесь пишите заявления на имя начальника милиции и объяснительные.

– Я не хочу с Прокурором связываться, вон пусть этот поганец Серега пишет, – сказал Аким. – Да я и писать-то не умею.

– А я так прямо писарь, с тобой одну школу заканчивали, – загнусавил Серега. – И я не хочу Петьке на перо попасть.

– Ладно, архаровцы, я сам напишу, а вы подпишите. Вас он перебьет – не жалко, двумя дураками меньше в деревне будет. А вот если он конный двор спалит вместе с конями, колхозу крышка придет!

Михаил Алексеевич написал бумагу, и конюхи поставили на ней какие-то каракули.

Ближе к обеду приехали два милиционера и следователь. Допросили Акима и Серегу, составили протоколы, забрали финку...

Петьку взяли в больнице поселка Лесозаводского, в пяти километрах от Орловки. У него была сломана правая ключица и рассечен лоб.

В те времена следствие надолго не затягивалось, так что суд состоялся уже через три недели после задержания виновного. Перед зачитанием приговора Прокурору предложили произнести речь в свою защиту. Но он на скамье

подсудимых находился не первый раз, а уже четвертый и усвоил, что вся эта болтовня ни к чему. Поэтому от речи он отказался. Только отыскал злобным взглядом Акима, находящегося здесь в качестве главного свидетеля, и выдал:

– А ты, Акимка, жди! Выйду я – с тобой рассчитаюсь и тварь эту рыжую прирежу!

В связи с тем, что особого урона Петька не нанес, а от ножа наотрез отказался, сказав, что поднял его у «конюховки», в очередной раз он был приговорен только к двум годам лишения свободы.

Акиму на общем колхозном собрании объявили благодарность. А еще здесь же приняли решение: для большей надежности по охране лошадей выдать ему дробовик – старое ружье, которое давно валялось на складе. Серегу в расчет никто не брал, все знали о его трусости.

6

После этого случая Аким окончательно уверовал, что всех его любимых лошадей – и Соловуху, и Рыжуху, и Рыжика – ему послал Господь. Но кто такой Господь? Сам он своим недалеким умом об этом никак додуматься не мог. Аким представлял только, что это какое-то всемогущее существо, которое лучше не гневить, и старался этого не делать.

Рыжика он продержал в «конюховке» еще месяц, но жеребенок настолько подрос, что приходившие за лошадьми колхозники начали ворчать:

– Ты, Акимка, еще бы жеребца Битюка завел сюда, совсем бы уж конюшня была. Нам скоро места здесь не будет. И чего это бригадир смотрит на все сквозь пальцы?

Но бригадир все видел, и в один из дней, когда Аким отсутствовал, они вместе с Серегой отправили Рыжика в общий загон. Там находилось еще голов двадцать жеребят, приблизительно одного возраста. Жеребчики и кобылки пока содержались вместе.

Они-то жили в одном табуне почти со своего рождения и давно привыкли друг к другу, а тут вдруг появился чужак – высокий, с длинной выгнутой шеей и аккуратной головой. Совсем непохожий на них – коротконогих, толстоватых, с широкими черепами «битючков». Естественно, прием Рыжика в их общество оказался не самым теплым. Каждый жеребчик старался толкнуть его своей тяжеловесной головой либо лягнуть

толстой ногой с широким копытом. Особенно старался один из них, по кличке Валет. Он был выше и шире других, чувствовал себя вожаком среди этого стада и, видимо, в скором времени должен был заменить стареющего жеребца-производителя Битюка. Валета, конечно, бесило то, что неожиданно нашелся соперник такого же роста и не совсем обычного обличия, как он считал – уродливого. Но кобылки, находящиеся в табуне, бросали на чужака восхищенные взгляды, и это особенно не нравилось ему – «хозяину». Валет всячески старался навредить Рыжику. Попытался отбить его от кормушки. Вытолкнуть из теплого сарая под падающие с неба снежные хлопья. Или наоборот – прижать в углу и давить своим не по возрасту тяжелым весом.

Но Рыжик недолго терпел такое хамство. Он был легок в ногах и отлично владел своим точным телом. Сначала он лишь ловко уворачивался от тумачков, но, осознав, что намного проворней своих соплеменников, стал не только избегать ударов, но и наносить ответные – хлесткие и довольно болезненные. Постепенно, почувствовав превосходство Рыжика, жеребчики приняли его в свой табун. Не успокоился один Валет: он был сын Битюка и перенял отцовский характер вожака-собственника.

Масла в огонь вражды двух лидеров подлила привязанность Рыжика к серой в яблоках кобылке. Она хоть и была тоже дочерью Битюка, но отличалась стройностью и даже некоторой тонкостью телосложения. Рыжик всегда старался подойти к ней поближе, как бы невзначай касался своими тонкими губами ее шеи, головы, носа. Если они оказывались рядом во время кормления, он своим носом подталкивал ей лучшее зеленое сено либо овсяные зерна. И она отвечала ему симпатией, оказывая мелкие, но очевидные знаки внимания.

Однако и Валет для своего будущего окружения в качестве фаворитки тоже выбрал именно эту серую красотку по кличке Зорька. Заметив, как Зорька и Рыжик, сблизившись, обмениваются любезностями, Валет грубо втискивался между ними, стараясь при этом отбросить легкого по сравнению с ним Рыжика подальше. Поворачивался задом, пытаясь ударить соперника копытом в голову. Быстрый Рыжик отскакивал, не понеся урона, и сам бил копытом по коротким толстым ногам Валета. Тогда тот, в бешенстве развернувшись, всем телом наваливался на

обидчика и запуская крепкие зубы в подвернувшиеся части тела. Разгоралась битва не на шутку, иногда до крови.

На шум приходил Аким, разгонял дерущихся и, сочувственно глядя на Рыжика, гудел:

– Ничего, милый, терпи, тебе полезно. Учись выходить победителем, жизнь – тяжелая штука!

По простоте душевной он надеялся, что красота этого молодого жеребчика все-таки поразит души руководителей колхоза и они согласятся оставить Рыжика жеребцом-производителем.

Рыжик, словно понимая желание своего друга, все яростнее защищал свою честь и право быть любимым Зорькой. Скоро между соперниками должна была состояться решающая битва. И она состоялась. Но позже.

Прошло несколько месяцев. Рыжик все так же любил серую кобылку, пока любовью платонической. И все так же отбивался от нападков Валета. Но оказать должного сопротивления он не мог, так как в табуне было тесновато и не хватало места для совершения боевого маневра. А для Валета, наоборот, такое положение было выгодным: ему, имеющему значительный вес, было легче в тесноте зажимать противника в углы, наваливаясь на него всем телом и используя при этом острые зубы на крепких челюстях.

* * *

И вот настало время, когда для правильного пополнения колхозных табунов нужно было молодых жеребчиков и кобылок разделить.

Загон, в котором разместили жеребчиков, был достаточно обширен – чтобы находящиеся в нем молодые особи гуляли не задевая друг друга. И первую неделю Рыжик и Валет, словно не замечая один другого, сосуществовали в нем спокойно. Но однажды из соседнего загона, отделенного от этого стенкой из горбыля, раздалось призывное ржание Зорьки. Рыжик, рванувшись к перегородке, тоже радостно заржал и, чувствуя дыхание любимой за стенкой, замер...

И вдруг страшный удар пригвоздил его к неотесанной шершавой стене. Рыжик, не удержавшись, свалился с ног. С трудом повернув ушибленную голову, он увидел, как его соперник, оскалив в бешенстве пасть, снова несется на него. Собрав все силы, Рыжик быстро отскочил в сторону, и Валет по инерции грохнулся в забор головой. После такого удара лошадь любой другой породы больше бы уже не встала, но только

не тяжеловоз. Через минуту, тряхнув ушибленной головой, Валет снова, оскалив зубы, летел на своего соперника. И тут Рыжик понял, что это их последний бой, противник не отступится, пока не забьет его насмерть или не покалечит.

Места для маневра здесь было достаточно, и Рыжик решил показать все, на что способен. За время, проведенное в загоне с жеребьями, он хорошо научился уворачиваться от различного рода ударов, толчков и укусов. Отскочив в сторону от летевшего на него Валета, он не стал убегать, а, повернувшись задом, со всего маху ударил задним копытом в голову врага. Раздался громкий треск, и Валет, перевернувшись в воздухе, ударился спиной о землю. С трудом поднявшись, он опять устремился на своего противника, но Рыжик уже был начеку. И так еще несколько раз. Используя неповоротливость Валета, он постоянно оказывался сбоку от него и наносил длинными задними ногами хлесткие удары по голове, ногам и ребрам. Чем больше зверел Валет, тем больше он получал затрещины. В конце концов, получив очередной удар в челюсть, избитый и почти бездыханный соперник Рыжика грохнулся на землю и затих.

Наблюдавшие за этой жестокой схваткой конюхи не мешали жеребцам выяснять, кто тут хозяин. Серега хотел было метнуться к ним с хлыстом, но Аким поймал его за рубаху:

– Не лезь, рано или поздно это должно было случиться.

– Ладно, посмотрим, что ты завтра бригадирку сбрежнешь!

И вот после того, как Валет был повержен, Серега запричитал:

– Ну вот, черт угрюмый, теперь нас с работы того... Угробил твой выродок будущего жеребца-производителя!

Но утра ждать не пришлось. Неожиданно появившийся Михаил Алексеевич, глядя на лежащего Валета, тревожно спросил:

– Что с ним произошло?

Аким, нахмурившись, отвернулся, зато Серега заголосил:

– Лексеич, я говорил, что надо эту тварь сдать на мясокомбинат! Убил ведь он Валета!

– Как убил? Это же будущий производитель. Да вы знаете, что будет? Нас председатель всех выгонит. Серега, беги за ветеринаром. А ты, Аким, своего выродка девай куда хочешь, чтобы он мне больше на глаза не попадался. Если Ва-

лета покалечил, я сам твоего рыжего беса отвезу на мясокомбинат.

7

Пришедший ветфельдшер Семен Терентьевич, напялив серьезную мину на свое не совсем трезвое лицо, долго ходил вокруг лежащего Валета, подымал его голову, заглядывал в глаза, ощупывал ноги и ребра. Затем, взявшись за собственную спину, с трудом выпрямился, поднял вверх дрожащий палец и огласил диагноз:

– Ни черта с ним не будет. Такие кости только трактором можно переломать, но мясо ваш Рыжик в отбивную котлету Валету превратил. Так что недельки три он будет с болью вспоминать произошедшее...

Все присутствующие облегченно вздохнули. Аким подошел к Рыжику, погладил его по носу и удовлетворенно шепнул:

– А ты, Рыжий, молодец, настоящий породистый жеребец!

– А ты Акимка, не радуйся, – проворчал ветеринар. – Скоро я твоего Рыжика кастрирую, ждате осталось недолго. Идите помогите поднять Валета, надо его в отдельный станок завести.

Стонущего жеребчика всей бригадой подняли на ноги и повели в станок. Когда проходили мимо Рыжика, тот, подняв красивую голову, победоносно заржал.

В станке, куда был доставлен Валет, ветеринар вытащил из сумки шприц и сделал жеребчику укол. Затем, повернувшись к Акиму, спросил:

– Самогон есть?

– У меня нет, – ответил тот. – А зачем, я не пью.

– Зато я пью, – оскалился Семен Терентьевич. – С тебя магарыч: мне теперь придется две недели каждый день по три раза приходить к вам ставить уколы.

– У меня есть, – глянув с опаской на бригадирку, сообщил Серега.

– Ладно, доставай! – обрадованный благополучным исходом лошадиной битвы, кивнул Астахов.

Все, кроме Акима, выпили по стакану мутного самогона. Закусили лежащим на столе хлебом и двинулись каждый по своим делам.

Уходя, бригадир еще раз наказал Акиму:

– Я не шучу. Ты, Аким, давай-ка отгороди для своего породистого отдельный загон, и поско-

рее. Тоже мне, боец вымахал! Беда с вами, да и только!

* * *

На другой день Аким запряг Рыжуху в дроги, поехал в лес. Нарубил осиновых жердей и соорудил как раз против окна «конюховки» добротный загон. Затем еще привез из леса мелкого березового кругляка и смастерил в этом загоне прочный навес и кормушку на несколько лошадей. Пришедший вскоре на конный двор бригадир Астахов обнаружил в новом загоне целое лошадиное семейство: старую Соловуху, Рыжуху, мерина Каштана и жеребчика Рыжика.

– Это что за единоличный раздел? – обратился он к стоящему в стороне Акиму.

– Почему единоличный – общественный. Каждый должен жить с милыми его сердцу сожителями, – уверенно ответил конюх.

– Ты, Аким, как малое дитя! – удивленный таким выводом, не нашел более подходящих слов бригадир. – Жеребчик-то скоро превратится в жеребца, что ж ты его с матерью поселил?

– Вот когда превратится, я ему сделаю отдельный станок, а пока пусть живут вместе.

* * *

Прошел еще год, снова наступила весна. Снова все в природе устремилось к жизни, любви и воле.

Рыжик, который стал настоящим жеребцом, стройным красавцем с лебединой шеей и точной головой, уже с полгода находился в отдельном загоне, отгороженном Акимом рядом с материнским. Напротив, через двор, находился загон молодых кобылиц, где в общем табуне резвилась серая кобылица Зорька. Они не забыли друг друга, часто подходили каждый к своему забору и, встретившись взглядами, издавали нежное ржание. Но преодолеть прочное ограждение у них не было возможности.

Однажды Рыжик увидел, как Равнодушный выпускает табун молодых кобылиц на волю – за ворота конного двора. И не успели они скрыться в ближайшей рощице, как нелюбимый конюх, крепко держа за узду жеребца Битюка, повел его в том же направлении. Как видно, люди пока Валету не доверяли, хотя после битвы с Рыжиком он выправился и выглядел довольно внушительно, не хуже своего мощного отца.

Сердце Рыжика учащенно заколотилось, ведь в том табуне отпущенных на свободу кобы-

лиц находилась и его любимая Зорька. Он начал метаться по загону, несколько раз, налегая на жерди, пытался их сломать, но они были достаточно крепки. И тогда в красивой голове жеребца всплыла, видимо, переданная ему по наследству дерзкая мысль. Он разбежался по кругу вдоль забора и вдруг, резко изменив направление, перемахнул через препятствие, как когда-то и его отец – породистый жеребец Янтарь с конезавода.

– А ты куда, сволочь? – закричал возвращающийся назад Серега. – Вот неудержимый!

Пожаловавшись на Рыжика Аким, Серега потребовал, чтобы тот сам отлавливал «своего выродка».

Аким, сделав вид, что торопится вслед за Рыжиком, зашел в конюшню, завалился на солому и задремал. «Пусть жеребчик потешится, от кобылы не убудет», – засыпая, думал он, имея в виду серую кобылицу.

* * *

Рыжик летел, как говорится, не чувствуя под собой ног. И не потому, что мучился ревностью, вовсе нет. Просто, почувствовав свободу, он понял, что сейчас состоится его долгожданная встреча с любимой серой кобылой. Но вот, проскочив лесок и оказавшись на поляне, Рыжик увидел, как человек, пропахший лекарственными веществами (это, конечно, был ветеринар), подводит к его любимой Зорьке жеребца Битюка. (Поясню, уважаемый читатель, что в то время в колхозах оплодотворение кобылиц безграмотным конюхам не доверяли, поскольку все сведения об этом процессе нужно было заносить в особый журнал.)

При виде одной из наложниц своего гарема Битюк расширил ноздри и громко засопел. Но тут стремительно подскочил Рыжик. Вклинившись между жеребцом и кобылицей, он оттолкнул Зорьку в сторону, грудью отбросил ветеринара и нанес удар в голову Битюка. Ошалевший от такой наглости, пожилой жеребец несколько секунд стоял, вытаращив на обидчика глаза. Затем он злобно заржал, взвился на дыбы и, выставив огромные копыта, стал опускаться на Рыжика. Испуганный ветеринар Семен Терентьевич, по траве отползая под дерево, увидел, как огромный тяжеловоз навис над молодым скакуном, и закрыл глаза:

– Все, конец, отбегался, рыжий подкидыш!

Но шустрый Рыжик стремительно выскочил из-под опускающихся на его спину тяжелых копыт. Битюк, пробив пустоту, грохнул мощными ногами в землю и утонул в ней по щиколотку. Получив ответный удар копытами в грудь, он окончательно озверел. Тут-то Рыжик и почувствовал, что опытный жеребец не чета юному Валету. В яростной атаке Битюк, как ураган, начал взлетать на дыбы и стремительно обрушиваться на противника, используя еще и крепкие зубы. Его самого ударить при этом никак было нельзя. И, поняв это, Рыжик решил измотать соперника. Он ловко избегал ударов и укусов, но на большое расстояние не удалялся, не давая тем самым Битюку остановиться и передохнуть. Борьба продолжалась еще минут пятнадцать, и молодость победила. Пожилой жеребец начал уставать: тяжело задышал, покрылся потом, его прыжки становились все медленнее и ниже, с губ срывались клочки пены. Наконец, опустив голову, он остановился. Рыжик, так больше ни разу и не ударивший своего соперника, развернулся и пошел к своей любимой Зорьке.

8

Кобылицы, перепуганные борьбой жеребцов, сбились в плотный табун на краю поляны, и лишь серая Зорька стояла всего в нескольких шагах от поля боя, наблюдая за сражением и любуясь необыкновенной ловкостью Рыжика. Она никак не выдавала своего волнения, видимо, была твердо уверена в победе любимого. Когда Рыжик, измотав Битюка, двинулся к ней, Зорька, сделав шаг навстречу, ласково потерлась головой о его голову и лизнула победителя в нос. Он в ответ положил голову ей на холку, словно обнял...

И так, касаясь друг друга, они стали удаляться от табуна в лес. Никто из лошадей не последовал за ними. Только ветеринар наконец опомнился и, замахав руками, заорал:

– Куда?! Вернитесь назад!

Видимо, Семен Терентьевич твердо помнил наказ председателя не подпускать «этого выродка» к кобылицам. Но Рыжик и Зорька не только не понимали его, они вообще ничего не слышали и, кроме друг друга, никого не замечали. Внезапно кобылица зашла вперед и, развернувшись к жеребцу, прижалась своим телом к его груди. Рыжик почувствовал, как мелкая приятная дрожь постепенно от нее переходит к нему, в его тело,

и неожиданно возникшее желание овладевает всем его сознанием. Зорька, лизнув его в нос, развернулась и замерла...

Через несколько минут наполненный восторгом, счастливый Рыжик, поглаживая своим носом холку, шею и спину серой кобылицы, готов был сражаться хоть с тремя Битюками сразу и даже погибнуть, если это потребуется для спасения его любимой...

Потерявшись в пространстве и времени, они брели по лесу. Рыжик шел впереди, отыскивая самую лучшую траву, какая могла здесь расти, и тихим ржанием приглашал Зорьку отведать этого волшебного лакомства. Уже начало смеркаться, но счастливые лошади этого не замечали.

* * *

Задремавший в конюшне Аким проснулся от громких криков. «Что-то там Семен Терентьевич кричит», – окончательно освобождаясь ото сна, догадался конюх. Выйдя в загон, Аким увидел ветеринара, размахивающего руками и заикающегося от волнения.

– Акимка, ты где?!

Наконец увидев Акима, Семен плаксиво загнусавил:

– Акимка, наделал делов твой скакун! Завтра нас председатель всех с работы выгонит!

– Да ты толком-то можешь сказать, в чем дело? – спросил озадаченный Аким.

– В чем дело?! А в том, что он, дьявол, отбил у Битюка серую кобылицу и увел в лес. Сейчас, наверно, уже испортил, подлец. Что я теперь скажу председателю?!

– Это как же мой жеребчик мог обидеть такого бугая? Что-то ты, Семен Терентьевич, не то несешь! – для вида усомнился Аким, а сам в душе был обрадован очередным подвигом своего питомца.

– Черт вертлявый, измотал жеребца до упаду, а сам в кусты вместе с Зорькой. Что теперь будет?

– Да ничего, ты поменьше языком трепи. Что ты, как евнух, всполошился? – попытался успокоить ветеринара Аким. И, обернувшись в сторону «конюховки», крикнул: – Серега, хватит дрыхнуть! Поедем за лошадьми!

Оседлав Рыжуху, Аким поехал собирать лошадей. Кобылицы разбрелись по всей поляне, мирно щипали траву. Между ними, изрыгая злоб-

ное ржание, нервно ходил еще не успокоившийся Битюк. Рыжика и Зорьки видно не было.

Привстав на стременах, Аким прокричал в сторону леса:

– Рыжик, Рыжик, Рыжик!

Потом прислушался в надежде услышать ответное ржание, но не услышал.

– Чего орешь? – спросил подъехавший Серега.

– Да вот, Рыжик с Зорькой пропали. Надо искать.

– Ничего с ними не случится: нажрут и сами придут, – беспечно отмахнулся Серега.

– Ладно, погнали лошадей в загон. Подождем, может, и придут, – с сомнением согласился Аким.

Загнав лошадей на место, Аким седло с Рыжухи снимать не стал, беспокойно ходил по двору, то и дело поглядывая в ту сторону, откуда должны были появиться потерявшиеся любимцы. Начинало смеркаться, но их все не было. Аким зашел в сторожку, достал из-под лавки дробовик, несколько патронов положил в карман.

– Ты куда, на охоту? – съязвил Серега.

– На охоту. Готовь сковородку, мясо жарить будешь, – так же язвительно бросил Аким и, хлопнув дверь, вышел во двор.

Еще раз посмотрел в сторону леса – никого видно не было. Закинув ружье за спину, он вскочил в седло. Рыжуха, словно догадавшись, куда нужно идти, шагала уверенно. Аким, доверявший лошадям как себе, отпустил повод уздечки, давая Рыжухе полную свободу действий.

* * *

Счастливые Рыжик и Зорька, не замечая ничего вокруг, продолжали медленно углубляться в лес, отходя все дальше от родного конного двора. Сумерки постепенно начинали сгущаться.

Вдруг совсем рядом возник пугающий вой. Начинаясь с грубых, низких звуков, он переходил в металлически-высокое, тоскливое, тягучее завывание. В нем одновременно слышались и страдание, и угроза. Вскоре вой донесся и с другой стороны, слева. Как бы отдаваясь эхом, такой же послышался справа. Затем они объединились в общее завывание, нагоняющее ужас на заплутавших лошадей.

И здесь впервые Рыжик испытал настоящий страх, узнал, какое это леденящее душу чувство.

В сознании всех лошадей, еще с тех времен, когда они были дикими и свободно паслись по лесам и полям, сохранился этот вой как знак близкой беды, ужасного смертного исхода. Это было завывание волков. Наголодавшись за лютую сибирскую зиму, они объединились в стаю и вышли на охоту. Вой стремительно приближался, и вот уже сквозь кусты замелькали красно-зеленые хищные глаза убийц. Слева, справа и уже сзади.

Однако инстинкт самосохранения у лошадей вызывает не только страх и временное оцепенение, но и веками выработанную решимость к самозащите. Рыжик больше испугался не за себя, а за свою подругу. Сообразив, что сейчас он является единственным ее защитником, жеребец сделал выбор – бороться до конца.

Волки прекрасно знают, что бросаться на лошадь сзади, под задние копыта – самоубийство. Поэтому нападают спереди и сбоку, стараясь вцепиться в горло. Рыжик оттеснил свою подругу к толстому дереву, лишив тем самым врагов возможности нападения на нее сбоку с той стороны. А сам принял боевую стойку с другой.

Первым на него бросился, видимо, еще не совсем опытный волк: он попытался запрыгнуть на спину Рыжика, но просчитался, и жеребец, мгновенно развернувшись, принял морду хищника на свое копыто. Завизжав, волк в судорогах начал кататься по траве.

Из леса прямо на грудь Рыжика метнулся другой, более крупный волк, возможно, вожак стаи. Жеребец подался в сторону, но почувствовал острую боль в области лопаток, и тут же в нос его ударил запах свежей крови. Волк отскочил и приготовился броситься снова. Рыжик понял, что развернуться не успевает, да к тому же ему приходилось одновременно отбиваться задними копытами от других врагов; и тут он вспомнил Битюка, точнее, его приемы борьбы и взвился на дыбы. Волк, нацелившись в грудь и горло коня, вдруг потерял их из виду и, пролетев по пустому месту, шмякнулся на землю. Миг – и на него сверху яростно обрушились крепкие копыта. Беспомощно взвизгнув, хищник остался лежать на месте. Но ситуация становилась критической, почти безнадежной: уже три волка одновременно заходили на него с разных сторон, а еще один нападал на Зорьку, и та отбивалась не очень умело.

В это время вдруг вспыхнуло пламя, раздался грохот грома, и еще один волк, перевернувшись в воздухе, начал беспомощно ползать по траве. Вскоре гром повторился, но оставшиеся в живых волки, огрызаясь, уже скрылись за деревьями.

– Рыжик! – подбежал к жеребцу Аким и начал его гладить.

Тот радостно заржал, а Зорька, содрогаясь от страха, прижалась головой к плечу конюха.

– Да ты никак ранен?! – почувствовав на руке кровь, воскликнул Аким. Он зажег спичку, рассмотрел повреждение и сказал уже спокойней: – Да, рассек тебе волчара плечо, но ничего, заживет. Ладно, пора домой.

И они, сопровождаемые ужасным завыванием потрепанной, голодной волчьей стаи, опасливо озираясь, двинулись в деревню. Аким, развернув Рыжуху, снял с плеча дробовик и еще раз выстрелил в сторону хищников. Завывания становились все тише и тише и через некоторое время затихли совсем. Лошади вышли на опушку леса. Запахло родным конным двором.

Была глубокая ночь, деревня спала. В загоне мирно посапывали спящие лошади. И лишь из станка обиженного Битюка доносился топот копыт – он, видно, никак не мог успокоиться и нервно перебирал ногами, да иногда стонала во сне старая Соловушка – наверное, ее донимал ревматизм.

Аким зажег фонарь, осмотрел рану, нанесенную Рыжику волком. Рассечена была только шкура, но кровь, сочась со всего разреза, собиралась в крупные капли и стекала по ноге на землю. Промыв марганцовкой рану, Аким обильно обсыпал ее стрептоцидом (ветеринар оставлял конюхам эти два препарата на случай мелких ранений лошадей).

– Ничего, до свадьбы заживет, – прогудел Аким.

Потом позвал Рыжика с Зорькой за собой и закрыл их в одном загоне, вместе, предварительно насыпав в кормушку овса.

9

Утром на конном дворе разразился скандал. Ветеринар Семен Терентьевич, боясь ответственности за то, что не уследил за正确ностью оплодотворения кобылиц, все рассказал председателю колхоза Цибулевскому. Тот, вскочив в старенький трофейный «опель», полетел из поселка Лесозаводского в Орловку.

Пока он трясся пять километров до села, на конный двор пришел Михаил Алексеевич. По пути в сторожку бригадир заглянул в загон и обмер.

– Да это что за такое?! – не нашел он сразу подходящих слов. – Акимка, ты что, совсем осата-нел? Ты что делаешь, зачем соединил Зорьку с Рыжиком?!

– Слушай, бригадир, тут такое дело произошло, – опустив тяжелый взгляд в землю, медленно начал Аким. – Не мог я их развести по разным загонам, настрадались они сегодня ночью вместе.

И он рассказал обо всем, что произошло с лошадьми: и о том, как Рыжик сражался с Битюком, и о том, как после они с Зорькой потерялись, и о том, как на них напали волки.

– А как же ты сразу упустил своего дьявола из загона?

– Так он сам выпрыгнул через ограду, а я его не догнал, – соврал конюх.

– Ну, все, считай, что твоего Рыжика больше нет, ждет его мясокомбинат. Сегодня ветеринар доложит председателю, и конец.

– Слушай, Алексеич, давай я обучу Рыжика под седло или под легкие дрожки, и будет он выездным жеребцом. Смотри, какой красавец! Отдадим его учетчику либо бригадиру тракторной бригады, и пусть ездят на дрожках. Из других колхозов завидовать будут.

– Кому он нужен? У всех выездные кони есть. Каждый старается взять себе коня покрепче, чтобы он работать мог, все же себе сено готовят. Разве твой Рыжик потащит сенокосилку или грабли? У него силы не хватит, а если даже потянет, то разобьет их, он же рысак.

Тут появился председатель колхоза Цибулевский. Несмотря на свой большой живот, он быстро выскочил из машины и сразу набросился на бригадира.

– Вы что, бездельники, породу лошадиную погубить хотите? Это что за безобразие – скрещивать рабочих кобылиц с какими-то уродами? Немедленно этого недоделанного отправить на мясокомбинат! – кричал председатель.

– Почему это урод? – наконец вставил слово бригадир. – Как раз наоборот, красавец.

– Да мне уже давно Сергей Пирожков говорил, что Рыжуха урода родила! – не отступал от своего председатель.

– Ну, тогда понятно, откуда ветер дует! – зло процедил Аким. – Да ты сам посмотри на него, вон он стоит.

Цибулевский, как шарик, подкатился к загону и замер. Перед ним на длинных стройных ногах стоял рыжий красавец с гордо вытянутой шеей и точеной головой. Лицо председателя медленно начало меняться. Напускная злость стала смываться, оставляя довольную рожицу с доброй, милой улыбкой. Но, заметив, как на него смотрит Аким, Цибулевский опять принял суровый вид:

– Красив, но в жеребцах он нам не нужен. Скажу ветеринару, чтобы он в этом месяце его кастрировал. А там, может, кто-нибудь возьмет на выезд. Не возьмет – отправите на бойню.

Поговорив еще с полчаса обо всем, что касалось полевых работ на Орловском отделении, председатель сел в свою машину и уехал в центральную контору в поселок Лесозаводской. Бригадир Астахов ушел. Аким не знал, что ему делать: радоваться, оттого что Рыжик остался в колхозе, или горевать, оттого что его будут кастрировать. Зашел в загон, погладил жеребца по холке.

– Ладно, приятель, живи, а там видно будет, – успокоился он и пошел кормить других лошадей.

* * *

Кастрация жеребцов – это особый ритуал, в котором принимают участие не только члены обслуживающего персонала и ветеринар, но и руководящий состав хозяйства в лице бригадира, и просто зеваки – колхозники, в данный день свободные от работы.

Бригадир был необходим для того, чтобы в нужный момент дать распоряжение зевакам об оказании помощи, если это потребуется, ну и для общего соблюдения порядка.

Зеваки действительно могли понадобиться, чтобы помочь, а еще, конечно, они нужны были для общественной оценки (выражения восхищения) действий оперирующего специалиста.

Обслуживающий персонал (в данном случае конюхи Аким и Серега) выступал в качестве главных ассистентов ветеринара, осуществляя отлов, повал и удерживание жеребчиков в нужной позе.

А главным действующим лицом, несомненно, был Семен Терентьевич.

В день кастрации он менялся до неузнаваемости. Выпив сто пятьдесят граммов самогона для храбрости и для того, чтобы унять постоянную дрожь в пальцах, Семен не ходил, а плыл, торжественно выпрямив ревматическую спину и задрал голову. Одет он был в чистый синий халат, на руки заранее были натянуты резиновые перчатки. Видимо, в этот день ветеринар представлял себя ни больше ни меньше как знаменитым хирургом из столичной клиники.

Кастрации подвергались сразу все созревшие жеребчики, кроме одного, которого оставляли на племя (в этот раз – Валета).

– Давай первого! – задрал вверх палец в перчатке, распорядился «хирург».

Всего жеребцов для данной операции предназначалось десять, включая Рыжика. Он содержался отдельно, и, если другие жеребчики находились в конюшне и не могли видеть жутковатой процедуры, ему предстояло наблюдать за нею во всех подробностях, так как «операционный стол» в виде толстого слоя соломы был приготовлен прямо у его загона.

Аким, накинув аркан на шею первому попавшемуся жеребцу, подвел его к «операционному столу». Вместе с Серегой они быстро переброшили петли веревки этого же аркана через грудь и живот будущего пациента и, зайдя сзади, резко потянули свободный конец веревки на себя. Жеребец глубоко выдохнул и рухнул на солому. Перехватив его заднюю ногу, которая при падении оказалась сверху, Аким обвязал ее свободным концом веревки и натянул высоко к спине. Серега тем временем прижал голову животного к земле. Этот прием в коневодстве называют «кавказским повалом».

Семен Терентьевич, намазав шкуру жеребчика йодом, дважды полоснул острым скальпелем в нужном месте.

– Ах, чтоб тебе! Тебе бы так! – не выдержал один из зевак, имея в виду ветеринара.

– Заткнись, без тебя тошно! – осадил его бригадир Астахов и даже показал нервному колхознику здоровенный кулак.

...Примерно через полчаса, сняв щипцы и обсыпав рану йодоформом, ветеринар распорядился отпустить пациента. Аким снял аркан уже не с жеребца, а с мерина, тот с трудом поднялся на ноги и медленно побрел в загон. По щекам его катились крупные слезы.

Отдыхая всего по несколько минут после каждой операции, так примерно за шесть часов кастрировали девять жеребцов. Остался последний – Рыжик. Ветеринар и его ассистенты порядком устали. Семен Терентьевич, периодически выпивавший по паре-тройке глотков самогона, уже плохо держался на ногах, но пока все хирургические действия выполнял отменно. Набитая рука промаха не давала.

* * *

Рыжик, невольно наблюдавший за этими процедурами, нервно ходил по загону. Знакомый запах крови и ее красный цвет вызывали у него тревогу, переходящую в страх. Ему хотелось разбежаться и, перепрыгнув забор, метнуться в лес. Но еще не совсем зажившая рана напоминала о таящихся там опасностях. К тому же присутствие Акима в какой-то мере успокаивало его. Он видел, как страдают сородичи, но не мог понять, с чем это связано, и особой жалости к ним не испытывал. В то же время внутренним чутьем Рыжик понимал, что оказаться лежащим на этой соломе он не должен, это грозит ему большой бедой.

Но вот все собравшиеся повернулись в его сторону...

– Может, на сегодня хватит? – с надеждой в голосе спросил Аким.

– Да я не против, – с трудом выговорил ветеринар.

– Нет уж, давайте кончайте всех! – занервничал бригадир. – Мне и так за ваши проделки досталось.

– Ну, я Рыжика ловить не буду, – твердо заявил Аким. – Пусть Серега старается.

Серега, взяв аркан, начал перелезать через ограду загона. Рыжик, не ожидавший от него ничего хорошего, злобно заржал и, оскалив зубы, двинулся к забору.

Серега быстро спрыгнул на землю обратно:

– Нет уж, вы как хотите, а я примать смерть от этого гада не хочу!

Бригадир обвел взглядом присутствующих зевак-колхозников.

– Ну, кто смелый? – кинул он клич. – Кто поймает этого скакуна, тому за сегодняшний день десять трудодней запишу!

В толпе произошло замешательство, многие переглядывались, но в итоге желающих не оказалось. И не потому, что эти люди не умели об-

ращаться с лошадьми или боялись их. Нет, и умели, и не боялись: они всю жизнь провели с лошадьми. Но им было жаль унижать такого красавца, уж они-то понимали толк в редких качествах животных.

«Ну, слава богу!» – подумал Аким и уже хотел направиться в сторожку, но тут из-за спин вперед выступил неказистый, хлюпенький на вид мужичок.

– Я поймаю, бригадир, – спокойно произнес он, забирая аркан из рук Сереги.

– Вот сволочь! – донеслось из толпы.

Добровольцем был кабардинец Леня, депортированный с Кавказа в Сибирь во время войны как враг народа. На деревне его так и звали – Кабардинец. В те времена врагами были многие – и русские, и нерусские, Сибирь только и успевала принимать изгоев со всего Союза.

Быстро, как рысь, Кабардинец перемахнул через забор, намотал на руку аркан и смело стал надвигаться на Рыжика. Тот поднялся на дыбы, чтобы всем своим весом опуститься на ловца, но Леня резко отскочил в сторону и, оказавшись сбоку, метнул аркан. Петля крепко обхватила шею жеребца, и, чтобы не задохнуться, ему пришлось пойти за натянутым арканом, то есть за Кабардинцем.

Без всякой посторонней помощи Леня ловко обвязал петлей грудь и живот придушенного Рыжика и, дернув за конец веревки, моментально повалил жеребца на солому.

– Во, гад, дает! – воскликнул кто-то в толпе. – Акимке, паскуда, мстит.

А мстить, по рассуждению колхозников, было за что. Именно Кабардинец раньше работал на их конном дворе, хотя так называемых «врагов народа» не должны были допускать к столь важным объектам. Однако других желающих быть конюхом не находилось, и на конюшню бросили ссыльного отщепенца – потихоньку, чтобы никто особо не знал. Но когда Аким слезно попросился на это место, председатель, с радостью убрав Леню, пока не дошло до НКВД, поставил конюхом Бычкова...

Итак, Кабардинец быстро и безжалостно повалил Рыжика на солому. Потом завязал и подтянул заднюю ногу жеребца к спине, подготовив его для экзекуции. Серега при этом прижал голову рысака к земле, навалившись на нее всем телом. И тут уж Аким не выдержал – бросился к поверженному коню.

– Убью, сволочь! – крикнул он Кабардинцу, пробегая мимо. – Уйди, я сам буду держать! – прорычал он Сереге и отбросил его к ограде загона.

Рыжик ничего не мог понять. Как же так? Сначала на него налетел злой человек – Душитель, повалил на землю. Потом Равнодушный, навалившись, придавил его голову к земле. А теперь то же самое делает Добрый?!

– Подожди, Рыжик, сейчас я тебя освобожу, – в это время шептал на ухо коню Аким, пока еще не зная, как это сделать.

Помогла счастливая случайность. Нетрезвый ветеринар Семен Терентьевич, с бутылкой йода и скальпелем в руках, шатнулся, споткнулся и упал прямо на Кабардинца. Рука того сорвалась с крепко удерживаемой веревки, натяг ослаб, и нога жеребца оказалась свободна. Под общую неразбериху, устроенную фельдшером, Аким успел снять аркан с шеи Рыжика. Жеребец наконец-то смог глубоко вздохнуть. И, почувствовав прилив сил, он махнул отпущенной задней ногой, пытаясь сбросить веревку. Под ногу попало что-то твердое, и это что-то, отлетев в сторону, залилось истощенным криком. Освобожденный от пут Рыжик вскочил на ноги и увидел катающегося по земле Душителя, недавно накинувшего на него аркан.

– Лови его! – закричал бригадир.

Несколько человек из числа зевак вроде кинулись к жеребцу, но почти сразу остановились. «Ага, поймаешь его теперь!» – было написано на их довольных рожах.

И верно, Рыжик не стал дожидаться, когда на него бросится целая толпа. Он перепрыгнул через тщетно пытающегося подняться ветеринара, перемахнул через забор конного двора и пулей понесся через луг в сторону конезавода.

10

Пролетев галопом луг и выскочив на полянку у леса, Рыжик замедлил бег, затем остановился совсем. Ему показалось, что он уже был когда-то на этой поляне, и здесь с ним происходило что-то хорошее. Захотелось задержаться на этом месте, медленно побродить, отведать зеленой травки...

Так иногда бывает и у людей. Они попадают в незнакомое место, но вдруг понимают, что все тут им памятно и дорого. То же случилось и с Рыжиком. Видимо, инстинкт пробудил в его со-

знании встречу кобылицы Рыжухи с племенным жеребцом Янтарем как раз на этой поляне. Ведь именно здесь состоялось его зарождение!

Пощипав травы и окончательно успокоившись, жеребец зашел в березовый лесок, начинающийся рядом с поляной. Обласканный нежными листочками, которые приятно скользили по его коже, Рыжик остановился в прохладной тени и задремал.

Вдруг издалека, с другой стороны рощи, донеслось лошадиное ржание – немного грубоватое, уверенное, призывное. Ему ответило другое – более нежное, осторожное, как бы заискивающее. Эта переключка повторилась несколько раз.

Раздвигая мягкие ветки, Рыжик пошел в ту сторону, откуда доносилось ржание. Рошица быстро закончилась, его взору предстало обширное поле с редкой травой и тропами, выбитыми копытами. На краю виднелось большое приземистое здание, гораздо крупнее его родного конного двора, и добротная крашеная ограда, за которой гуляли лошади.

Рыжик медленно двинулся в том направлении. Подойдя к ограде, он удивленно уставился на лошадей, прохаживающихся по манежу. Они были необычные, не такие, каких ежедневно видел Рыжик. Те, свои, были толстые, на коротковатых ногах, с большими широкими головами. А эти – высокие, на стройных длинных ногах, с маленькими точеными головками. И к нему эти странные лошади не проявили никакой агрессии. Наоборот, миролюбиво похрапывали и махали своими красивыми головами, словно приветствуя. Похоже, они признали Рыжика за своего.

* * *

– А это что за явление?! – воскликнул заводской конюх, увидев за оградой манежа приبلудного коня. – Эй, Семен, выйди сюда! – позвал он кого-то.

– Что случилось? – спросил вышедший человек в спортивном костюме и с хлыстом в руке, видимо, местный жокей.

– Да вот, смотри, хороший жеребец откуда-то к нам забрел. Как ты думаешь, чей он?

– Да кто его знает? Тут на сто километров вокруг конезаводов больше нет. А этот похож на наших рысаков.

– Давай загоним, пригодится, будем детей на нем обучать.

– Да он, наверное, еще дикий, необъезженный, зачем он нам нужен? К тому же, смотри, он меченый: шрам на правой лопатке. Найдут – сраму не оберешься, – умерил пыл конюха жockey Семен.

И все же на всякий случай, открыв ворота, они попытались загнать чужого рысака в манеж. Но Рыжик, увидев хлыст в руках человека, понял, что против него опять могут применить насилие. Он взвился на дыбы, развернулся в воздухе и стремительно рванул в сторону рощицы.

– Хорош, подлец, – одобрительно сказал жockey, – но все-таки дикий. Бог с ним. Найдут кому надо.

Рыжик добежал до роши, успокоился, прилеп под березками и задремал. Проголодавшись, вышел на поляну и с большим удовольствием стал поедать нежную душистую траву. Наевшись, опять вернулся в рощу. Надвигалась ночь, жеребец начал тревожно озираться в ожидании волков, но никаких волков не было. (Дело в том, что работники конезавода вели в округе постоянный отстрел хищников, и в этом направлении волки забыли дорогу.) Рыжику понравилась такая жизнь, и он остался в полюбившейся ему роще, как он думал, навсегда.

* * *

– А ты почему своего Рыжика не ищешь? – спросил Акима бригадир Астахов, придя рано утром на конный двор.

– А зачем? Чтобы опять вы издевались над бедным конем? Пусть уж его волки сразу задерут, безо всяких мучений, – не подымаясь с лежака, прогудел Аким.

После бегства жеребца он совсем перестал общаться с людьми. Уходил в конюшню и целый день находился среди лошадей, порой и спал с ними вместе, забравшись в кормушку. И так уже трое суток с момента исчезновения Рыжика.

– Какие волки, ты что брешешь?! – возмутился бригадир. – Он же числится на балансе в колхозной бухгалтерии, кучу денег стоит! С нас троих все трудодни за него снимут! Что мы жрать-то будем?

– Побираться пойдем, – не уступал Аким.

– Слушай, Аким, хватит придураться. Что ты хочешь, в конце концов?

– Хочу обучить Рыжика, чтобы он был выездным жеребцом, и закрепить за ним несколько кобыл. Будут красивые кони. Мы, если они нам не нужны, можем их продавать на рынке кому угодно, даже цыганам.

– Ладно, черт с тобой. Насчет кобылиц и распродажи не мне решать. А кастрацию я отменю. Так и быть, обучишь под дрожки, я буду на нем ездить. Бери Рыжуху и дуй на поиски, баран упрямый.

Обрадованный Аким схватил уздечку и седло, бегом припустил в конюшню.

– Надо же, какая любовь! Мало кто так родственников близких своих любит. Блажной! – вслух проворчал бригадир, а про себя подумал: «Таких бы побольше, жить было бы легче».

* * *

Несколько раз день сменяла ночь, затем снова наступал день. Рыжик перестал испуганно ожидать волков. Вкусная трава и уютная роща действовали на жеребца благотворно. Он успокоился, раздобрел, но начал скучать по Зорьке и Акиму. Здесь он окончательно понял, что добрый конюх не предал его, когда связанного стал держать за голову, а наоборот – освободил от душивших веревок и помог убежать. Возвращаться на свой конный двор Рыжик пока боялся и в то же время думал: где же этот добрый человек, с которым они раньше почти не расставались? Почему не приходит за ним?

Несколько раз он подходил к ограде конезавода и с удивлением наблюдал, как люди, забравшись на спину красивым лошадям, отдают им какие-то приказания и эти лошади исполняют все их прихоти. Иногда выводили высокого холеного жеребца, на голову которого были надеты ремни – такие же, как на лошадях в родном конном дворе Рыжика. К этим ремням привязывали длинную веревку, и жеребец, натянув ее, послушно бегал по кругу.

Однажды, когда в очередной раз Рыжик подошел к забору, жеребец приблизился с другой стороны, раздул ноздри, вытарачил глаза и громко заржал. Но не со злом, а как-то призывно, миролюбиво. Неужели Янтарь понял, что перед ним стоит его сын?

Работники конезавода больше не пытались загнать Рыжика в манеж, прекрасно зная, что он без особых усилий от них ускользнет. А может, просто не считали нужным это делать.

Как-то днем Рыжик, пощипывая траву на поляне, услышал ржание своей матери. Подняв голову, он увидел, как через луг к нему приближается Рыжуха, на спине которой сидит Добрый.

– Рыжик, Рыжик, ты где пропал, бродяга?! – кричал обрадованный Аким.

Соскочив с Рыжухи, он попытался с ходу обнять жеребца, но тот недоверчиво отскочил в сторону.

– Рыжик, да ты что, не узнал меня, что ли? – обиженно загудел Аким. – Совсем одичал, бродяга.

Услышав ласковые нотки в этом голосе и поняв, что никакой угрозы от друга не исходит, жеребец подошел к Акиму и ткнулся носом в его лицо. Рыжуха тоже подошла к сыну и положила голову ему на холку.

– Ну, все, брат, прости, чуть не угробили мы тебя. Больше такого не повторится, – извинялся Аким за всех людей, обидевших жеребца. – Пойдем домой, завтра буду тебя приучать к работе. Ты уж, браток, постарайся меня понимать, не то опять будут плохи наши дела.

Завидев свой конный двор, Рыжик заржал, и тут же в ответ раздалось радостное ржание серой в яблоках кобылицы. Аким открыл ворота загона, Зорька и Рыжик устремились навстречу друг другу. Встретившись носами, как бы целуясь, они прижались боками и начали тихонько тереться щеками. Со стороны казалось, что они что-то нашептывают друг другу на ухо.

* * *

Утром, взяв новый недоуздок² и длинную веревку, Аким вошел в загон к своим любимцам. Удалил в отдельный станок Зорьку, в другой станок завел Рыжика. Поглаживая его по шее, по голове, он потихоньку подводил недоуздок к ушам жеребца. Почувяв неладное, тот резко мотал головой. Аким же упорно повторял свой маневр, приговаривая:

– Стой смирно, дружок, ты же у меня умный.

Но умник никак не хотел принимать на свою голову ремни, которые не раз видел на других лошадях. Словно догадывался, что эти ремни лишат его любимой свободы.

Аким терпеливо продолжал добиваться своего, и, наверное, с сотой попытки ему удалось застегнуть недоуздок на голове жеребца. Боль-

ших неудобств это Рыжику не доставило, и он вроде успокоился.

Тогда Аким привязал к недоуздку веревку, потянул за нее жеребца. И вот это оказалось для Рыжика слишком неприятно. Ранее конюх просто звал его за собой, и он спокойно шел сзади в нужном направлении. А теперь Добрый как бы тянул за собой силой, ограничивая его движения. Выйдя из станка, жеребец взвился на дыбы, пытаясь вырваться. Но удерживающий его конюх был силен, да к тому же воткнутый в рот мундштук удил больно врезался в губы. Рыжик опешил и замер на месте. Уставившись на своего друга, он словно спрашивал: «Это еще что такое? Ты что, опять задумал надо мной издеваться?»

Аким видел недоумение и обиду в глазах воспитанника, но твердо решил не отступить от своих планов – для его же блага. Он привязал жеребца к забору и ушел в сторожку. Вскоре появился с седлом в руках, оседлал Рыжуху. А потом, привязав к седлу веревку, удерживающую Рыжика, сел верхом на кобылу и погнал ее к выходу с конного двора. Веревка натянулась, увлекая жеребца вслед за матерью. Он попытался отскочить в одну сторону, в другую, но веревка и удила сдерживали его прыть. Побившись еще какое-то время без всякой пользы для своего освобождения, Рыжик наконец понял, чего от него хотят. Увлекаемый матерью, размеренным шагом, след в след, он двинулся за ней.

Затем Аким, подстегнув легонько Рыжуху, перевел ее на рысь. Рыжик, не сбиваясь с шага, послушно прибавил скорости. И так, то замедляясь, то ускоряясь, Аким до самого обеда гонял лошадей по лугам.

Обучение первого дня вроде прошло нормально. Утихомирившись, Рыжик повторял все материнские маршруты без всяких капризов. Когда вернулись в загон, спокойно дал Акиму снять со своей головы недоуздок и пошел вслед за ним к кормушке, где получил хорошую порцию овса.

Так продолжалось неделю. С каждым следующим днем Аким все увеличивал длину веревки, как бы предоставляя жеребцу дополнительную свободу действий, но Рыжик ни разу не рванулся в сторону, твердо выполнял все требования Акима. Тот уже хотел поставить жеребца под седло, пока без наездника, но обучение пришлось пре-

² Недоуздок – узда без повода.

рвать, и на длительный срок. Так сложились обстоятельства.

11

В конце июня в хозяйстве начинался сенокос, это была самая тяжелая для колхозников и в то же время самая веселая пора.

Тяжелая – потому что сено нужно было в короткие сроки накопить, сгрести и сложить в стога, причем не только для колхоза, но и себе, ведь каждый крестьянин держал в своем дворе по нескольку голов коров и бычков. Еще держали, конечно, и свиней, и домашнюю птицу, но тем сена не требовалось, их кормили картошкой и зерном. Все в деревне жили в основном за счет своего хозяйства. Денег в пятидесятые да и в шестидесятые годы колхозникам не платили, рассчитывались с ними трудоднями, на которые полагалась натуральная оплата, то есть зерно, масло, мясо либо мед – в зависимости от того, что колхоз производил или выращивал. Чаще всего это было зерно. Хлеб пекли сами, в объемных русских печах. Муку делали из полученного на трудодни зерна, размалывая его на жерновых мельницах, которые были построены в крупных селах. Иногда, в неурожайные годы, эта натуроплата бывала так мала, что ее доставляли домой всего в нескольких мешочках. Чтобы купить хоть какую-то одежку себе и детям, крестьяне продавали мясо, молоко, зерно, картофель на базарах в поселке и в городе. Поэтому и держали в собственном дворе много скота, и сена на зиму приходилось нагатавливать много, и хорошего качества. Для этого важно было накопить и собрать его в кратчайшие сроки, когда в траве находятся белки и витамины; кроме того, ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы сено попало под дождь. От гнилого сена не было никакой пользы, только вред: оно вызывало болезни животных.

Веселым же временем сенокос был потому, что колхозники разбивались на бригады и звенья, члены которых с азартом, с песнями и прибаутками устраивали соревнования – кто быстрее и больше заготовит этого душистого корма. Даже во время выезда на луга соревновались, в каком звене лучше лошади, кто быстрее доберется до отведенного участка. Мужики-звеньевые управляли запряженными в широкие телеги упряжками в два коня, а бабы, усевшись на эти телеги с двух сторон, пели песни и подзадо-

ривали возниц, чтобы те в свою очередь подхлестывали коней.

Каждый человек как трудовая единица во время сенокоса был на счету, ценился дорого. И вот в это самое время знакомый из поселка Шигарского принес Акиме весть, что его брат Гаврила Бычков тяжело заболел и просит прибыть к нему проститься.

«Пойти отпрашиваться – никто не отпустит, – думал Аким. – Сейчас самая тяжелая работа с лошадьми. Они допоздна на сенокосах: таскают сенокосилки, грабли, на них же подвозят к стогам копны сена. После того как приезжают колхозники с лугов, лошадей нужно осмотреть, почистить, накормить, напоить и, если есть такая необходимость, обработать копыта. А днем накопить и привезти им травы на ночь. Можно бы попросить Серегу, чтобы он один поработал несколько дней, но Серега помогает убирать сено свояку, то есть председателю колхоза. Как же быть? Не поехать? Брат один у меня, больше из родственников никого нет. Унесет обиду с собой в могилу, а я потом сам себя прокляну».

И тут Аким вспомнил, что Леня Кабардинец вместе со всеми сено не косит. Во-первых, ему, как депортированному, участка под сенокос было не положено. Во-вторых, косит он после всех – то есть обкашивает оставшиеся от других наделов края и огрехи. В своем дворе, как человек с Кавказа, держал Кабардинец приличную отару овец, а овцы – животные неприхотливые, едят сено любого качества.

«Пойду к нему уговорю, – надеялся Аким. – Конечно, обидел я его недавно, обещал убить. Да и Рыжик его слегка покалечил, Леня потом неделю ходил согнутый крючком».

Но деваться было некуда, и с раннего утра пошел он к Кабардинцу.

– Чего надо? – неласково встретил тот Акима.

– Да вот, просить пришел тебя...

И Аким поведал причину своего прихода.

– Ишь ты как! Значит, сначала резать обещала, а теперь жалиться пришла, – перевирая русские слова, сердито начал Леня. Но вдруг сменил тон и согласился: – Хорошо, пойду подежурю. Только ты потом мне сена из своего пая за каждый день копну отдашь!

Да, так в колхозе и было заведено: поскольку конюху некогда было косить сено своим коровам, от каждого двора ему обязаны были отделить определенную часть накошенного.

– Хорошо, согласен, – обрадовался Аким. – Я быстро обернусь. Ты только там на глаза начальству не вылезай. Если спросят, скажешь, что просто помогать пришел, а Акимка, мол, за травой уехал.

– Ладна, ехай, – махнул рукой Кабардинец.

Тем же утром Аким запряг Зорьку в дрожжи, ненужные во время сенокоса, и отправился в поселок Шигарский. Зорька была почти уже обучена ходить в упряжке, но на сенокосе пока не использовалась.

* * *

А в Орловке как раз в то время снова появился Петька Прокурор. То ли отсидел полный срок, то ли досрочно освобожден – за этим в деревне как-то не следили, каждый занимался своими делами. Здесь у него жил дядя, Василий Шопин, за глаза его все называли Горбатый, он и действительно был такой. В колхозе Шопин занимал должность нормировщика. Как рассказал он позже, «Петька освобожден два месяца назад, устроился в поселке Лесозаводском на комбинат, на сплав леса по реке Яе. И вот, дождавшись выходных, решил приехать мне на помощь, на заготовку сена, на несколько дней».

Пока косили траву, сгребали просохшее сено и ставили его в копны, Прокурор ни разу не вспомнил про Акима Бычкова. Но вот была поставлена последняя копна для коровы дяди Васи, и тут же организовалось застолье – с самогоном и малосольными огурчиками. Выпили по одной, оба были в хорошем настроении, веселы, разговорчивы. А как же – такое дело завершили, живи и радуйся! Выпили еще по одной, и еще, и еще. И тут внезапно на лицо Прокурора напозла черная туча.

Сжав в руке стакан с недопитым самогоном, нахмурившись, как бес, Петька глянул на дядю в упор и прошипел:

– А где этот поганый Акимка Бычков, живой еще, паскуда?

– А что ему будет? Он самогон не пьет, табак не курит, здоровый как бык. Еще лет сто проживет.

– Ну, это мы поглядим, сто или чуть поменьше. Он так же на конюшне работает?

– А где ж ему работать, в бригады не выбился.

– Скажи, дядя, а табеля³ у тебя дома или в конторе?

– Да вон в портфеле лежат. Я, как на покос ехать, их домой из конторы принес. А тебе зачем?

– Зачем, зачем? Хочу Акиму несколько часов рабочих добавить.

– Петька, не дури, давай лучше еще по одной выпьем, – почуяв недоброе, попытался успокоить племянника Василий.

– Дядя Вася, посмотри, когда Акимка дежурит на конюшне. У тебя же есть график, – не отступал Прокурор.

– Петро, не дури. Давай посидим по-человечески, – еще раз попытался вразумить племянника Василий.

– Слушай, Горбатый, ты меня из себя не выводи! – взвился Петька. – А то я сейчас этот стол тебе на голову одену!

Василий знал, что с племянничком шутки плохи. Он, если захочет, и дяде голову открутит, как куренку.

– Сегодня дежурит, – заглянув в табель, обреченно сказал Шопин.

Прокурор больше пить не стал. Выйдя во двор, зашел в сарай, где лежал его рюкзак. Развязав шнурок, вытащил из мешка финку, которую он, видимо, изготовил в лагере. Широкое и длинное лезвие сверкнуло в закатном свете, и нож скрылся за голенищем кирзового сапога.

Петька прилег в сарае на солому, дождался, пока совсем стемнело. Иногда в мрачном небе показывалась луна, но, словно испугавшись кого-то, быстро пряталась за очередную тучку.

Выкурив папиросу, Петька заглянул в избу. Дядя, сидевший за столом, от страха даже приустал.

– Ты чего не спишь? – сипло спросил он.

– А ты чего сидишь? – вопросом на вопрос ответил Прокурор. – Вот что, дядя. Я пошел, скоро вернусь. А ты не вздумай куда-нибудь пойти и сболтнуть непотребное. Не дай бог!

И, хлопнув дверью, Петька исчез. Вася Горбатый налил себе полный стакан самогона, выпил, загрыз огурцом. Снова наполнил стакан. Закрыв глаза, с трудом затолкал самогон в горло, посидел минут пять – и рухнул с лавки под стол. Дядя был одинокий, поднимать его из-под стола было некому.

* * *

Разложив по кормушкам привезенную днем траву, Леня Кабардинец затопил печку-буржуйку:

³ Табели учета рабочего времени, заполняющиеся на каждого работника.

ночами в Сибири порой и летом бывает прохладно. Потом он прилег на лежанку, пригрелся и совсем уже было задремал. Вдруг в ближнем загоне, где находились Рыжик, Каштан и старая Соловушка, произошло какое-то волнение, затопали копыта, Каштан недовольно фыркнул и захрапел, Рыжик угрожающе заржал. Леня попытался разглядеть, что там происходит, благо загон находился прямо у окна. Сначала ничего не было видно, но вот на минуту луна выскочила из-за тучи, и Кабардинец заметил, как через забор загона перелезает человек. Лошади отошли в один угол и топтались на месте.

– Какая лихоманка приперлася? – недовольно прошептал Леня.

Накинув Акимову сермягу, он приоткрыл тихонько дверь и крадучись двинулся к загону. Присмотрелся – никого, лошади вроде успокоились, но все так же стояли, сгрудившись в углу. Кабардинец перелез через жерди и зашел под навес. Вдруг страшной силы удар обрушился на его несчастную голову, и он мгновенно отошел в мир иной.

* * *

Петька Прокурор, расставшись с дядей, вышел на улицу и зашагал в сторону конного двора. Путь был неблизким и непростым, учитывая то, как избиты дороги в деревне телегами и скотом. Ночь стояла прохладная, и свежий воздух действовал на ходока отрезвляюще, но успокоения разгулявшейся злобе не приносил.

Вот и конный двор. Перебравшись через забор, Петька сразу хотел двинуться в сторожку: было тихо, и он решил, что Аким, скорее всего, дрыхнет без задних ног. Но тут на пути его возникла ограда нового загона, которого раньше он здесь не видел. Прокурор перелез через жерди и оказался внутри загона; лошади, напуганные неожиданным появлением незнакомца, недовольно зафыркали и заржав, сбились в угол. Опасаясь, что его приход будет обнаружен, Петька спрятался под навесом. Но, постояв немного, намеренно пугнул лошадей, чтобы они зашумели, – надеялся на то, что встревоженный Аким придет к загону. Так оно и вышло: со стороны сторожки послышались крадущиеся шаги, человек перелез через забор и двинулся в сторону навеса. Петька, сжав покрепче нож, сделал шаг вперед, но на что-то наступил и больно прибил ногу. Быстро наклонившись, он нащупал твер-

дый предмет. Это оказалась кувалда. «Вот хорошо, – сразу возникла подлая мысль, – грохну кувалдой по башке, кину под ноги лошадям – подумают, что это они проломили». Сунув нож обратно в голенище, Прокурор схватил кувалду и взметнул ее вверх...

Так и не определив в спешке, кого он убил, Петька за ноги поволок покойника на середину загона. Лошади, злобно заржав, заходили по загону кругом, в раздражении высоко поднимая ноги. Но вот молодой жеребец, резко изменив направление бега, как ястреб налетел на убийцу. Тот выпустил из рук труп и еле успел отскочить. Однако сзади на него кинулся другой конь: озлобленно храпя и вцепившись зубами в одежду, рванул его в сторону и опрокинул на землю. Петька быстро вскочил, выхватил из-за голенища финку, и она грозно блеснула в лунном свете. Но пустить нож в дело убийца не успел. Подняв глаза, он увидел, как, развернувшись к нему задом, молодой жеребец выбросил ногу прямо ему в лицо. Удар копыта пришелся Прокурору как раз между глаз, и он вытянулся рядом с убитым Кабардинцем. Луна спряталась за очередную тучу, и конный двор накрыла зловещая тьма.

* * *

Рыжик, ударив человека, забился под навес загона. Чувствуя запах крови, он все не мог успокоиться. События сегодняшнего дня, начиная с утра, никак не укладывались в его голове.

Аким, как всегда, на рассвете насыпал в кормушку овса, а потом долго гладил Рыжика по щекам, холке и спине, словно прощался с ним, тихо бубня что-то своим низким голосом. После этого запряг Зорьку в ненавистную коробушку и выехал с конного двора.

Через некоторое время в загоне появился Душитель. Да, Рыжик не забыл, как этот человек пытался задушить его, свалив арканом на землю. Жеребец стал раздраженно ходить кругами по загону. «Чего еще от него можно ожидать?» – с тревогой думал Рыжик.

Но, как оказалось, этот странный человек вдруг превратился в лошадиного кормильца. Именно он начал раздавать в кормушки заготовленную Акимом траву. При этом чужак, как довольный жизнью кот, мурлыкал что-то ласковое – сначала старой Соловухе, а затем и мерину Каштану. На что те согласно кивали головами,

поедая сочную траву. Но Рыжик не поддался на эту хитрость и при приближении странного человека к его кормушке даже с охапкой травы недоверчиво отпрянул в сторону. А когда новый конюх попытался в открытую его приласкать, Рыжик и вовсе взвился на дыбы!

Весь день странный человек ухаживал за лошадьми: кормил, поил их, чистил кормушки и убирал навоз, но Рыжик так и не признал его за Доброго, как Акима. Все это время он был нервно-возбужден, словно предчувствуя какую-то беду. И, видимо, не зря.

В середине ночи Рыжик услышал приближающиеся шаги. И вздрогнул! Это были шаги Врага, на всю жизнь запомнившиеся ему. Вот уже под тяжестью Злого закрипели жерди, вот он зашел в загон и приблизился к навесу, под которым находились лошади. Рыжик не выдержал напряжения и, заржав, выскочил из-под навеса в загон. За ним выбежал Каштан и недовольно захрапел, следом вышла даже Соловуха. Злой спрятался под навес, а через некоторое время снова показался и пугнул лошадей. Они заржали и, пробежав круг по загону, опять сбились в угол.

Со стороны сторожки тоже донесся шорох, и вдруг Рыжик уловил запах Акима, его сермяги. Крадущийся человек перелез через забор и направился под навес. Рыжик хотел пойти к нему, но в это время послышался глухой удар и запахло свежей кровью. Рыжик встревоженно заходил по загону, за ним, недовольно фыркая, двинулся Каштан. И тут из-под навеса появился Враг, он волок человека за ноги. Запах крови усилился, доводя возбуждение лошадей до крайности.

«Враг убил Доброго!» – вспыхнуло в сознании жеребца, и он кинулся на Врага, увлекая за собой Каштана. Неизвестно, чем бы кончилась эта схватка, возможно, Прокурор и остался бы жить. Но, увидев нож в свете луны, Рыжик сразу понял его зловещее предназначение, и когда Каштан кинул убийцу на землю, жеребец мгновенно принял заднюю боевую стойку. Хрястнули кости, и все было кончено.

12

Пришедший рано утром бригадир Михаил Алексеевич удивился тому, что дверь в сторожку распахнута, печурка давно прогорела и вокруг никого нет. Такого, чтобы конюхи самовольно оставляли свой пост без присмотра, никогда не бывало.

Выйдя из сторожки, он направился к первому загону, в котором содержались Рыжик, Каштан и Соловуха. Лошади взволнованно храпели, метались по загону, пытаясь выскочить наружу, но после того, как Рыжик отсюда сбегал, забор сделал выше и уйти кони уже никак не могли.

Астахов нутром почувствовал, что произошло что-то нехорошее. Поставив ногу на нижнюю жердь, чтобы перелезть в загон, Михаил Алексеевич опустил взгляд на землю. И ужаснулся! Посреди загона, залитые засыхающей кровью, лежали два изуродованных человека...

В те времена два убиенных для такой маленькой деревни, как Орловка, событие из ряда вон, хуже могла быть только диверсия. Конечно, кругом было полно лагерей, на колючую проволоку можно было наткнуться в любом направлении, и иногда из-за этой колючки заключенные (в основном отпетые бандиты-рецидивисты) совершали побег. Их ловили, но если отлов затруднялся, с ними не церемонились – просто стреляли в спины. Ведь неподалеку от зон уже начиналась тайга, и если бежавшие добирались до нее, отыскать их было трудно, почти невозможно. Поэтому судьбу беглецов порой решал автомат. Но то в лагерной жизни, а тут два трупа в обычном колхозе – это было настоящее ЧП.

Михаил Алексеевич подошел к лежащим телам. Наклонился, чтобы определить личности убитых, и не смог – настолько они были изуродованы. Один из них в армяке Акима, но фигура иная. В руке другого зажата финка. «Возможно, беглый зэк», – подумал бригадир и отправился в контору. Там он вызвал милицию и следователя из Лесозаводского поселка. Заодно позвонил председателю колхоза.

Вернувшись на конный двор, Михаил Алексеевич увидел у загона большое количество колхозников, которые возбужденно переговаривались, строя разные версии случившегося. Несколько человек перелезли через забор и стояли, наклонившись над трупами.

– Мужики, да это же Леня Кабардинец, – сказал один из них.

– Как же он попал сюда? – удивился другой.

– А второй – это, точно, беглый зэк, – заявил третий.

– Кто ж их уложил? – повис в воздухе самый главный вопрос.

Тревожная весть быстро облетела деревню, народу собиралось все больше. Появился и Ва-

ся Горбатый. Кое-как перелез через забор и пошел к трупам.

– Петька! – воскликнул он, узнав в одном из убитых своего племянника. – Допрыгался, уложил тебя Акимка!

Только тут все вспомнили о конюхах и еще больше всполошились:

– А где же Аким с Серегой, куда они сбежали?

В это время подъехали милиционеры вместе со следователем. И тут же явился председатель, а с ним и Серега. Стало ясно, что он здесь ни при чем, он батрачил у своего родственника.

Выскочив из машины свояка, конюх увидел в загоне Акимову сермягу и сразу заверещал:

– Это, точно, Петька Прокурор завалил, он обещал Акима убить!

– Прокурор вон – рядом валяется с пробитой башкой, – сказал кто-то из толпы.

– А ведь сегодня, точно, Аким должен был дежурить, – вспомнил Астахов. – Я его никуда не отпускал. Сено он не косит. И зачем это Кабардинец сюда приперся, натянул на себя Акимову одежду? И как попал сюда этот рецидивист?

Подошедший следователь внимательно слушал гадания бригадира и что-то помечал себе в записной книжке.

В это время один из милиционеров обнаружил окровавленное орудие убийства.

– Чья это кувалда? – спросил он у бригадира.

– Акимова, – опередил начальника Серега. – Он ей колья заколачивал, когда забор делал.

– А почему эти лошади стоят отдельно? – указывая на Рыжика, Каштана и Соловуху, заинтересовался следователь.

– А это Акимовы любимцы, – опять поспешил с ответом Серега.

– Что-то много всего у вас здесь Акимова, – удивился следователь.

– Я так думаю, что это Акимка их прихлопнул, – вдруг сказал ветеринар Семен Терентьевич.

– Почему ты так решил? – обернулся к нему следователь.

– Так он Кабардинцу не мог простить за своего жеребца, а с Петькой подрался и после засадил его в тюрьму. Зазвал их на конюшню и долбанул кувалдой.

– Ну, это не так просто – одному двоих завалить. Да еще если один из них с ножом, – засомневался следователь.

– Вы плохо знаете Акима. Если он захочет – медведя один завалит, – не отступался ветеринар.

– Смотрите, у жеребца задняя нога в крови по самое колено, – заметил вдруг милиционер.

– Видно, этого зэка жеребец долбанул, – внимательно присмотревшись к разбитому лицу Петки, догадался следователь.

– Говорил я, что этот жеребец не доведет нас до добра! – запричитал председатель Цибулевский.

– Ну, и где же все-таки этот ваш Аким? – снова спросил следователь. – Вы внимательней присмотритесь, не пропало ли чего с конного двора. Может, лошадей украли?

– Кобылы Зорьки нет, и дрожки выездные пропали, – сообщил осмотревший хозяйство Серега.

– Значит, без участия вашего Акима в этом убийстве не обошлось, раз он сбежал, – сделал вывод следователь.

– А я что говорил! – воскликнул Семен Терентьевич, будто он больше всех был заинтересован в поимке и привлечении к ответу Акима Бычкова. – Ищи теперь ветра в поле!

– Ничего, найдем, – убежденно заверил следователь и начал под протокол опрос свидетелей, а скорее, тех, кто хотя бы что-то мог сказать по существу дела.

Вскоре из МТС пришла машина ЗИС-5, трупы погрузили в кузов и отправили в поселок Лесозаводской, в морг, для проведения судебной экспертизы. Рыжика привязали в отдельном станке и заперли, как подозреваемого в убийстве одного из погибших.

* * *

А ничего не подозревавший Аким в это время находился за тридцать километров от происшедших событий, в поселке Шигарском. С Гаврилой проститься он успел, после чего тот и скончался: будто смерть специально дожидалась приезда брата Акима, чтобы хоть этим внешне немного удачи в непутевую жизнь забулдыги Гаврилы. Похороны заняли два дня. А на третий рано утром, постояв у свежего могильного холмика, Аким утер слезу, набежавшую неожиданно, подхлестнул вожжами Зорьку и двинулся домой.

Ближе к вечеру подкатив к родному конному двору, Аким с удивлением увидел пустой загон, в

котором размещались его любимцы. Позже взгляд его наткнулся на большую засохшую лужу крови, и ужасная догадка поразила воспаленный мозг: «Рыжика прирезали?!»

Осмотрев общий загон, он вместе с другими лошадьми обнаружил в нем Каштана, в углу лежала Соловушка. Рыжика не было.

«Точно, лишили жизни жеребца!» – пришла окончательная, убедительная мысль. И без того расстроенный смертью брата, а тут еще и потерявший любимого коня, Аким в ярости бросился в «конюховку». Там на лежаке похрапывал Серега.

– Эй ты, гад! – рявкнул Аким.

Серега вскочил и, в ужасе бешено вращая зенками, юркнул под лежак.

– Акимка, не убивай! – истошно завопил он, уверенный, что напарнику, убившему двоих, понадобилось и его зашибить.

– Да зачем ты мне нужен, буду я об тебя руки марать! Говори, куда Рыжика дели!

– Никуда твой Рыжик пока не делся, в дальнем станке стоит, запертый.

– Почему это «пока»?

– Так ты убил Петьку Прокурора и Кабардинца, а следователь думает на Рыжика, что и он принимал в убийстве участие.

– Ты что, дурак, несешь, какое убийство? Ну-ка, вылазь, рассказывай все, что тут случилось.

Опасливо отстраняясь от Акима, Серега вылез из-под лежака и торопливо изложил все, что знал о двойном убийстве.

– А при чем же здесь я? – поразился Аким. – Меня же не было в деревне, я брата ездил хоронить.

– Об этом никто не знает. Все думают, что ты сбежал. Ветеринар Семен Терентьевич так и говорит, что это ты убил обоих и смылся.

– А этому-то коновалу что от меня надо?

– Не знаю, это ты у него спроси.

Озадаченный таким поворотом дела, Аким пошел в станок Рыжика. Тот обрадованно заржал, надеясь на скорое освобождение из плена, но конюх выпускать его не стал, насыпал в кормушку овса и вернулся в сторожку.

Вечером к конному двору подъехала грузовая машина. Милиционеры, приехавшие на ней, надели на Акима наручники и увезли в поселок Лесозаводской, в КПЗ.

Следствие вел опытный следователь Соловьев Вениамин Макарыч. Первое впечатление от встречи с привезенным из КПЗ Акимом было у него двойственное.

С одной стороны – доброе. Когда речь заходила о лошадях, подозреваемый в убийстве конюх преображался и находил такие слова, какие не каждый человек мог бы сказать о своих родных братьях.

С другой стороны, Бычков становился равнодушным или даже злым, когда речь заходила о людях, каким-то образом замешанных в этом деле.

– Какие отношения вас связывали с Леонидом Тлепсоруковым? – задал вопрос следователь.

– А кто это такой? – не понял Аким.

– Это убитый кабардинец, вы что, не знали его фамилии?

– Не знал, его по фамилии никто не называл.

– И все-таки, что вас связывало с ним? Вы друзья?

– Нет, я друзей не заводил, тем более таких сволочных. Мои друзья – кони.

– Почему же он сволочной?

– Потому что он не любит лошадей и не имеет к ним жалости.

– Так, значит, правду говорят, что вы хотели его убить – за то, что он завалил вашего любимого жеребца для кастрации?

– Да, я так говорил. Но это так, простая угроза, от злости. Хотя, если бы кастрировали не жеребца, а его, я бы против ничего не имел.

– Тогда зачем же вы позвали его на дежурство вместо себя, когда поехали на похороны?

– Позвать больше некого было, все были заняты. Я уехал без спроса и хотел, чтобы об этом никто не знал. А он болтать не умеет.

– Значит, вам придется отвечать и за то, что вы уехали без спроса, и за то, что в такую страшную пору угнали коня.

– За это отвечу, но Кабардинца я не убивал.

– А какие отношения у вас были с другим убитым, Петром Буровым, известным по кличке Прокурор?

– А какие у меня могут быть отношения с этой гадиной, которая издевается над лошадьми? Ему что трактор, что лошадь: допусти – он всех переломает.

– А правда то, что вы его избили? И за что?
 – Этот Прокурор издевался над лошастью, которая недавно ожеребилась.
 – Он хотел вам отомстить?
 – Да. Однажды набросился на меня с ножом и, если бы не мой любимец, он бы меня прирезал.

– А что это за любимец такой? Второй конюх, что ли?

– Кто? Серега? Да он размазня. Меня спас жеребенок Рыжик.

– Вас послушать, так все люди у вас размазни и сволочи, а хорошие только кони.

– Так и есть, добро я получал только от коней. А люди? Видимо, хороших людей около меня мало было.

– Как вы думаете, кто убил Леонида Тлепсорукова, если не вы?

– Я думаю, Петька Прокурор. Пришел убивать меня и ошибся.

– А кто же тогда завалил его? Не мог ли это сделать ваш любимец Рыжик?

– Не знаю, вам видней, разбирайтесь.

«Нет, этот человек не мог быть убийцей, – размышлял следователь Соловьев. – Сгоряча он может искалечить любого, силища дикая, но чтобы вот так все обдумать, собрать всех в одно место – на это он не способен. Да и хитрости для этого у него нет, тем более связав все с похоронами брата».

В рамках расследования были проведены экспертизы и многочисленные допросы колхозников, большинство из которых отзывалось положительно об Акиме Бычкове. Дал показания и Василий Шопин, дядя Петьки Прокурора. Не утаив при этом, что выдал племяннику график работы на конюшне и что Петька действительно отправился убивать Акима.

В результате все события той ночи стали понятны правоохранительным органам: Петр Буров убил Леонида Тлепсорукова, думая, что убивает Акима Бычкова. А жеребец Рыжик, возбужденный запахом крови и необычными действиями против его хозяина, убил Петьку Прокурора. Это подтвердила и экспертиза: в первом случае удар был нанесен кувалдой, во втором – лошадиным копытом.

Но суд над Акимом Бычковым все-таки состоялся. За самовольную отлучку с места работы и угон лошади в трудную для колхоза пору его приговорили к трем месяцам исправительных

работ, но не по месту жительства, а в особом поселении.

Было вынесено и судебное определение в отношении Рыжика: «В связи с тем, что жеребец по кличке Рыжик, принадлежащий колхозу, представляет собой угрозу жизни людям, суд постановил: в течение месячного срока отправить его на бойню города Шахтерска».

Об исполнении данного определения следовало потом предоставить справку судебному секретарю.

13

Председатель колхоза Цибулевский, получив судебное предписание о ликвидации жеребца, обрадовался. «Вот и хорошо, – подумал он. – И спорить ни с кем не нужно, и препятствовать некому. Бычков сидит, а Сереге все равно, есть этот жеребец или нет его, все меньше хлопот».

Подняв трубку телефона, председатель попросил оператора соединить его с директором мясокомбината города Шахтерска.

– Андрей Петрович, привет, – услышав ответное «алло» в трубке, приветствовал Цибулевский директора мясокомбината. – Тебе, случайно, жеребец не нужен?

– Что за жеребец, красивый? – заинтересованно спросил тот. – Хотя откуда у тебя красивые лошади? Ты же тяжеловозов себе понабрал.

– А как ты думал, мне рабочие кони нужны, а не рысаки, я же не собираюсь скачки в колхозе устраивать. Но этот действительно хорош, красавец. Видимо, кобылица с моего конного двора схлестнулась с жеребцом с конезавода. Рысистая порода победила, ничего от моей кобылы ему не досталось, настоящий рысак.

– А что же ты от него хочешь избавиться? Пусть его конюхи обучат, и будет у тебя выездной жеребец. Заодно, если надо будет, он и отцовские обязанности выполнит.

– Да он уже много чего здесь навыволнял, не могу больше держать, суд постановил от него избавиться.

– А при чем здесь суд? – удивился Андрей Петрович.

– Да при том, что этот жеребец человека убил!

И Цибулевский подробно изложил всю историю, которая произошла на конном дворе Орловки.

– Так... А ты зачем мне его предлагаешь? – выслушав председателя колхоза, возмущился Андрей Петрович. – Хочешь, чтобы он и меня на тот свет отправил? Ну уж нет, спасибо!

– Ладно, не обижайся, это я так, на всякий случай предложил. Не хочешь покупать живьем – присылай «скотовозку». Придется отправить его на убой.

– Хорошо, завтра машина будет. Но я еще посмотрю на твоего рысака, может быть, татарам загоню, их в Шахтерске полно, две улицы большие занимают.

* * *

На другой день к обеду к конному двору Орловки подкатила машина – так называемая «скотовозка». Это был обыкновенный грузовик ЗИС-5, но борта его кузова высоко надшили досками, чтобы животные не могли выскочить при перевозке. С двух сторон на этих бортах были нарисованы рогатые коровьи головы.

Бригадир Михаил Алексеевич и конюх Серега, предупрежденные заранее об отправке Рыжика на убой, с утра ждали эту машину. Решили заодно отправить туда же и старую клячу Соловуху: она уже не только плохо ходила, но и на ноги почти не поднималась. Открыли задний борт, поставили трап.

Сначала вывели Соловуху. Она, еле перебирая ногами, кое-как дотянула до трапа. И тут, посмотрев подслеповатыми глазами на нарисованную коровью голову, вдруг свалилась на землю, словно поняв, какая участь ее ожидает. Мужики, позвав на помощь шофера, с большим трудом втроем завалили на трап старую клячу и чуть ли не волоком затащили в кузов.

– Ну, иди веди жеребца, – приказал бригадир Сереге.

– Нет, не могу, – вдруг захлюпал носом конюх.

– Ты чего? Ты же так его не любил, а теперь нуни распускаешь. Иди! – повторил приказ Астасов.

– Нет, Лексеич, что хочешь со мной делай, не могу я такую подлость совершить против Акима! «Вот тебе и на, – изумился бригадир про себя. – Оказывается, совесть-то хоть и глубоко спит, но иногда просыпается».

– А я, значит, подлец? – вслух возмущился он. – Должен тащить сам этого жеребца? Мне,

может, больше твоего его жалко. Ты же знаешь, что нам послушаться нельзя, под суд пойдем.

– Нет, ты не подлец, но стойкости в тебе поболе моего, – уперся Серега.

Спорить было некогда, и бригадир, понурился, сам пошел в станок к Рыжику. Жеребец помнил, что когда-то определил этого большого человека в Добрые, даже ел сахар с его ладони. И поэтому, не ожидая ничего плохого, пошел за ним следом.

При виде необычной машины жеребец с удивлением широко раскрыл глаза. Ведомый по трапу, он не сопротивлялся, доверяя еще этому человеку, но недовольно фыркнул. Потом начал искать глазами Акима и, не найдя его, жалобно заржал. И только увидев лежащую на полу Соловуху, Рыжик понял, что его заманили в ловушку. Хотел, развернувшись, спрыгнуть на землю, но было уже поздно, задний борт захлопнулся, стукнув его к тому же верхней доской по голове.

Машина взревела и двинулась по ухабистой дороге. Бригадир и конюх, слушая прощальное ржание жеребца, опустил головы и не глядя друг другу в глаза, разошлись в разные стороны.

* * *

Дорог до города из Орловки было две. Одна – грунтовая насыпная (шоссе), другая – полевая, то есть проторенная прямо по полям, лугам и березовым перелескам. Эта полевая дорога была гораздо хуже грунтовой, но короче и спокойнее: движения транспорта на ней почти не наблюдалось. Шоферу «скотовозки» особо торопиться было некуда, но не только поэтому он выбрал спокойный путь через поля. Самое главное, Павлу Гавриловичу (в то время водители автомобилей были в большом почете и иначе как по имени-отчеству их не называли) очень хотелось опохмелиться. Перевозчику скота частенько выпадала калымная подработка: то доставить животину на мясокомбинат, то перевезти от одного хозяина к другому, то просто подкинуть по пути какой-нибудь нужный груз. А расчет за выполненную работу всегда бывал один – пол-литра водки.

Отъехав от Орловки на приличное расстояние, Павел Гаврилович завернул в лесок и поставил машину на взгорок – так, чтобы по завершении задуманного перерыва можно было задом выкатиться на дорогу и продолжить маршрут. Достал бутылку, налил стакан водки, с удоволь-

ствием выпил и, закусив колбаской с огурчиком, задремал, развалившись на мягкой траве.

Рыжик тем временем никак не мог понять, что происходит. Зачем его заточили в какой-то движущийся ящик. Что за рев издает эта вонючая телега. И почему вместе с ним в этом тесном месте заперли старую Соловуху. Кроме того, из-под ног у него исходил стойкий запах крови, впитавшейся в деревянный настил. Он нервно перебирал ногами, боясь наступить на бессильно развалившуюся внизу Соловуху. И вдруг это движущееся сооружение, повернув в лесок, остановилось.

«Сейчас меня выпустят на волю», – надеялся Рыжик, но напрасно. Что происходило снаружи, ему увидеть не удавалось, не позволяли высокие борта. Рыжик попробовал навалиться на эти деревянные щиты – они потрескивали, но не ломались. Опустив голову, жеребец обреченно затыл.

Молчала и Соловуха. Но она не впала в забытие, сознание ее оставалось ясным. Она вспоминала всю свою жизнь, проведенную на конном дворе вместе с лошадьми и людьми. Вспоминала сытное время и периоды голода, плохое и хорошее отношение к ней. Хорошего было больше, ее ценили, особенно после того случая, когда она из пурги вывезла человека и тот стал бережно за ней ухаживать. Но помнила она и то, что в конечном итоге, несмотря на всю благодарность людей, старых либо больных лошадей всегда грузили в этот ящик с нарисованными коровьими головами и увозили куда-то, откуда они больше не возвращались. Соловуха инстинктивно догадывалась, куда исчезали лошади, но то, что происходило сегодня, сейчас, было и непонятно, и противно самой природе: «Зачем же в этот предсмертный ящик загнали молодого красивого жеребца в самом расцвете его жизни?!» Видимо, испытывая какие-то непреодолимые материнские чувства, она решила не допустить такой несправедливости. Но как? Этого она пока не знала.

И вот, когда в пелене, застилающей ее потускневшие глаза, она с трудом разглядела, как жеребец пытается сломать удерживающий его заплот и не может этого сделать, Соловуха поняла, что ей нужно. Ради спасения рода лошадиного она решила пожертвовать собой. В это время их гудящая телега, свернув в лесок, остановилась. И встала так, что пол наклонился в

сторону задней стенки. В самом конце жизни удача сопутствовала Соловухе! Собрав оставшиеся силы и дрожа от напряжения, она приподнялась на ноги и бросила весь вес своего тела на задний борт автомобиля.

Павел Гаврилович, услышав треск и грохот, возникший неизвестно откуда, вскочил с травы и кинулся к машине. «Мотор взорвался!» – мелькнула первая мысль, но под капотом все было нормально. И тут он заметил какую-то возню у заднего борта. Быстро метнулся туда и застал поразительную картину. На земле лежала старая кляча, а над ней, тревожно вздрагивая всем телом, стоял растерявшийся рыжий жеребец. Вывалившись за борт следом за Соловухой, он еще не осмыслил происшедшего. Но тут из-за машины выскочил человек, и вид его не предвещал ничего хорошего. Кинув прощальный взгляд на свою спасительницу, Рыжик взвился на дыбы и маханул в лес.

Веки Соловухи медленно сомкнулись на потускневших глазах, и она, вздрогнув всем телом, вытянулась во весь свой лошадиный рост.

14

Животные умеют ориентироваться в пространстве, и лошади, несомненно, делают это лучше других. Рыжик мог бы свободно найти обратную дорогу на свой родной конный двор, но события последних дней удерживали его от такого шага. Кроме того, жеребец не забыл, что в той стороне он однажды повстречался с волками. Откуда ему было знать, что летом сытые волки близко к селу не подходят, а скрываются в глубине тайги, где занимаются увеличением и обучением своего потомства.

Поэтому, постояв несколько минут на месте, Рыжик двинулся не к Орловке, а в противоположном направлении. Он медленно брел по редкому березовому лесочку, поедая свежую траву, и так, переходя от одного лужка к другому, приближался к городской окраине. Что бы делал деревенский жеребец на городских улицах? Трудно сказать. Но добраться даже до первых домов ему не удалось.

Внезапно из неглубокого ложка послышалось ржание. Рыжик поднял голову и расширенными ноздрями глубоко втянул воздух. Пахло дымком – точно таким, как из печурки в «конюховке». Почуввав родной запах, жеребец двинулся в сторону ложбины. Преодолея пригорок и на-

стороженно замер, озадаченный увиденным. Его взору открылся странный поселок: дома, издали похожие на деревенские избушки, меняли свои очертания под порывами ветерка, пронесившегося по лощине. Между странными домиками горели дрова, но не в печурках, а прямо на земле, над этими пылающими поленьями висели ведерки, окутанные клубами пара, распространяя неприятный для коня запах – запах вареного мяса. Вокруг мелькали непривычные своим обликом люди: все они были одной вороной масти, обросшие черными кудрявыми волосами, и даже их маленькие дети носили на голове шапки густых черных завитушек. Разговаривали они тоже странно. Рыжику вспомнилось то время, когда он сравнивал разговор людей со щебетанием птиц; так вот, эти вороные люди, если перевести на птичий язык, каркали, как вороны.

Отдельно в стороне стояли другие домики – на колесах. Они напоминали телеги с его конного двора, только верхняя их часть представляла собой огромный цветной шатер. Еще дальше, на большом лугу, паслось несколько лошадей. Они были не такие большие, как на его родной конюшне, и не такие красавцы, как на конезаводе, – что-то среднее между теми и другими.

Рыжик, все равно пока еще не определившийся, что будет делать дальше, решил подойти поближе к соплеменникам. Осторожно, с опаской, оглядываясь, он двинулся в сторону табуна на лугу.

Наученный горьким опытом, жеребец думал, что лишить его свободы он больше никогда не позволит никому. Но Рыжик ошибался. Если бы он знал, что его здесь ждет, обошел бы это поселение далеко стороной.

* * *

Иона Чорбу, то ли молдавский, то ли румынский цыган, не был бароном, но он был здесь старшим. В этом таборе объединились все его родственники и одинокие безродные цыгане, принятые сюда в качестве рабов и беспрекословно выполняющие все прихоти старшего. В поисках лучшей жизни табор за три месяца из далекой Молдавии добрался до Сибири. Ходили слухи, что в этих краях можно сытно есть, сладко пить, а если подвернется удача, то и быстро разбогатеть. Но на деле все оказалось совсем иначе. Сибирь не принимала бездельников и вымогателей, здесь тоже, как и по всей России тех

времен, нужно было добывать себе пропитание тяжелым трудом. А цыгане к этому не привыкли. Они хотели легкой добычи, промышляя воровством, гаданием и обманом.

К тому же люди здесь оказались суровыми и прощать цыганам воровство и мошенничество не собирались. Иона уже испытал это на своей шкуре. Недавно он решился на кражу коней в одном поселке и по незнанию забрался с четырьмя своими подельниками-невольниками на конный двор вольного поселения одного из множества сибирских лагерей. Все сделали очень тихо, вывели каждый по одной лошади и, обрадованные успехом рейда, решили тут же оседлать их. Но как только они запрыгнули на спины краденых коней и их фигуры стали хорошо видны на фоне звездного неба, раздались винтовочные выстрелы. Оказалось, охранники давно обратили внимание на расположившийся в нескольких километрах от поселения цыганский табор. Зная норов пришельцев, насторожились и были начеку. И когда незваные гости действительно попытались угнать лошадей, вместо того чтобы отпугнуть их, решили раз и навсегда покончить с похитителями. Четырех рабов Ионы уложили на месте, сам он чудом спасся, соскочив с лошади и упав в канаву, по которой потом метров триста полз по-пластунски. В ту же ночь табор спешно снялся с нагретого места, бросив своих убиенных (и эти безродные рабы, как беглые зэки, были зарыты в суровую сибирскую землю без опознавательных знаков). Иона не имел жалости ни к кому.

Ворожба цыганок тоже разбогатеть не помогала. В сибирских деревнях люди не чета легкомысленным европейцам и при виде цыганок, идущих по улицам, размахивающих яркими юбками и галдящих, как воронье, выпускали на них собак и наглухо закрывали ворота. А в городах поживиться гаданием не давала милиция, прогоняя ворожеек за пределы городской черты. Жить приходилось на небольшие деньги тех наивных и мнительных, которые сами приходили в табор, чтобы узнать свою дальнейшую судьбу.

И тогда Иона, чтобы хоть как-то оправдать перед родственниками свою руководящую роль, придумал новую, как ему казалось идеальную, аферу. Он объявил всем в округе, что создал цыганскую бригаду по ремонту сельхозинвентаря. Да, в таборе был свой кузнец Матей, в общем-то, неплохой мастер, но больше никто из его со-

племенников молотка в руках не держал ни разу. А новый бригадир цыганских «мастеров» начал объезжать колхозы с предложением ремонтных услуг. Желающих долго не находилось. Но, как говорится, кто ищет – тот всегда найдет.

В одном из колхозов – то ли потому, что председатель был неопытный, то ли соблазнившись низкими расценками – Ионе наконец пошли на встречу. Договорились, что к началу вспашки зяби цыгане отремонтируют бороны, зубья которых расшатались и износились. Нужно было выковать новые зубья и поставить на место – в каждую борону по шестьдесят штук. Работы много, цыган – тоже, а кузнец-то один. Вот тут-то и понадобилась смекалка Ионы. Пока все делали вид, что заняты непосильным трудом, перетаскивая бороны с места на место, он раздобыл где-то две бочки черной клеевой смолы (видимо, стояла без присмотра). Ночью цыгане покрасили все бороны смолой, к утру она засохла и зубья замерли в своих гнездах неподвижно. Для виду еще пару дней «мастера» побегали вокруг колхозной кузни, а на третий день для приемки выполненной работы пригласили председателя. Тот как увидел блестящие новизной бороны, душа от радости зашлась.

– Мужики, да я вам не только обещанное по договору, но еще и премию в виде зернового довольствия выдам!

– Да ты уж, батька, позвони другим председателям, что мы хорошие мастера, – залился соловьем Иона. – Видно, ты в Сибири самый умный человек.

– Позвоню, обязательно позвоню! – сиял председатель.

Но тут, на беду Ионы, пришел свой, деревенский кузнец Петрович, отлученный от своей работы из-за «заманчивого» предложения цыган.

– Разбросали тут, черти, бороны – не пройти, – проворчал он и, схватив первую попавшую в руки, отшвырнул ее в сторону. Борона звякнула, и смола осыпалась, обнажив старые разболтанные зубья.

– Ах, мать вашу! – взревел Петрович, хватая полупудовую кувалду. – Отремонтировали, значит?! – И замахнулся на Иону.

Тот вылетел стрелой из кузни, за ним и остальная цыганская свора. К их ужасу, услышав ругань, из гаража бежали на помощь Петровичу сельские трактористы, держа в руках различные металлические предметы...

На этом цыганские злоключения не закончились. Именно в день приемки «ремонтных работ», подбодренные удачным трудоустройством своих мужиков, цыганки решили, что теперь местное население будет к ним относиться терпимей. И двинулись по деревне на промысел – с предложением погадать. И верно, прослышав о заключенном договоре, люди собак на галдящих цыганок уже не спускали, правда, и ворота с запора снимать не спешили. И тогда гадалки, не сумев поживиться с помощью этой своей профессии, занялись хищением гуляющих по деревне кур, хватая их на ходу и пряча под многочисленные юбки. Однако сельские бабы были не лыком шиты и не робкого десятка, они умели постоять за свое имущество. Самая боевая разведка, Нюрка Рябая, быстро сколотила группу захвата из десятка бывалых бабенок. Цыганки были перехвачены посреди площадки, где стояла общая поилка для скота – огромное корыто, до краев наполненное водой.

И вот взору бегущего Ионы предстала такая позорная картина: цыганки из его табора взлетали вверх ногами и ныряли в поилку с водой, при этом из их юбок выскакивали куры. Бабы, прихватившие воровок, увидев толпу цыганских мужиков, побросали помятых цыганок в поилку и скрылись в соседнем дворе. Цыгане промчались мимо. Вслед за ними, вылезшие из мутной воды, похожие на мокрых куриц, кинулись и цыганки. И вовремя: в конце улицы показались сельские механизаторы с ломami наперевес.

– Хасиям, мре дадорэ! (Ай, пропали, батюшки!) – вопили растрепанные цыганки, обгоняя своих мужиков.

Вот так бесславно закончилась для цыган «работа» в колхозе. Их вожак был посрамлен. В таборе назревал бунт. И тогда Иона Чорбу поклялся своим сородичам, что с их помощью отомстит этим проклятым деревенским: ближе к осени, перед тем как двинуться на родину, они угонят всех колхозных лошадей.

– Грен традаса табунэнца! (Табунами мы коней погоним!) – заверил он.

На том и порешили. Обнадеженные светлым будущим, цыгане успокоились и разошлись.

Табор срочно снялся с места и, отъехав на двадцать километров от негостеприимного колхоза, разбил свои разноцветные шатры под городом Шахтерском. Вот в это-то время Рыжик и вышел в его расположение.

* * *

– Иона, Иона! – шепотом позвал лежащего на траве предводителя племянник Аурел. – Смоди, Иона, какой красавец к нам пожаловал. Рысак сибирский, точно говорю.

– Заткнись, сам давно заметил. Возьми веревку, заходи от леса, а я по ложбине проползу навстречу ему. Смотри не спугни – убью.

Иона, действительно, сразу заметил появление Рыжика, упал на траву и притих. «Откуда такой красавец взялся? В ближайших колхозах таких и в помине нет, – сразу закрутились в его голове воровские мысли. – С конезавода? Это далеко, если поймать и спрятать, а лучше продать, быстро не хватятся. Появятся деньги, у городских татар они водятся. До осени доживем, а там ограбим паршивый колхоз – и в путь».

В этот момент его и окликнул племянник. Тут же отправив Аурела к жеребцу в обход, сам Иона, прихватив специальный аркан из тонкой волосяной веревки, ужом пополз по ложбинке к пасущимся неподалеку лошадям. В чем в чем, а в делах захвата животного цыгану Ионе Чорбу равных не было.

Рыжик, приблизившись к цыганским лошадям, наблюдая за ними, на некоторое время потерял бдительность. В этот момент из травы со стороны леса вдруг поднялся черный лохматый человек и кинулся к нему. Рыжик отскочил в сторону пасущихся лошадей, и это было ошибкой: из-за ближнего к нему мерина вдруг, как змея, вылетела петля и мгновенно обвила его шею. Рыжик рванулся в обратную сторону, но сбежать не смог: у него перехватило дыхание. Надо сказать, что веревка из конского волоса конокрадам приносит двойную пользу: во-первых, упругая петля никогда на лету не закручивается, а во-вторых, после захвата волос впивается в нежную кожу на шее пойманного коня и вызывает нестерпимую боль.

Рыжик сделал еще несколько попыток освободиться, но ничего не добился, стало только хуже. А то, что произошло после, словно парализовало его и на некоторое время вообще лишило способности к сопротивлению. Из-за мерина, не выпуская аркана, вышел приземистый ко-солапый лохмач и, перебирая веревку, вплотную подошёл к жеребцу, положил руку ему на грудь. И в этой руке Рыжик почувствовал такую силу, что замер, не в состоянии пошевелиться. Нет, это

была не физическая сила, сила мускулов. Это было что-то другое сила бесстрашия, сила повелителя, проникшего в самую душу животного. «Ты мой, я твой хозяин, что захочу, то и сделаю с тобой!» – через прикосновение руки цыгана передавалось в сознание коня. (Уважаемый читатель, это не сказка, а чистая правда! Животное отлично понимает характер человека. За несколько метров чувствует труса и никогда ему не подчинится. И так же чувствует силу духа храброго, твердого характером хозяина и соглашается служить ему.)

Лохматый человек начал что-то бормотать своим каркающим голосом, и это бормотание, как ни странно, подействовало на жеребца успокаивающе. Человек даже ослабил петлю на шее коня и смело пошел вперед, повернувшись к нему спиной, не боясь, что тот прыгнет на него либо укусит. И Рыжик, глубоко вздохнув, покорно двинулся следом.

* * *

Иона, довольный результатами удачной охоты, предчувствуя богатый калым, завел жеребца подалее в лес. Там, выбрав глухую полянку, заставил Аурела вырубить и заколотить в землю посредине этой поляны надежный кол. К нему и был привязан Рыжик.

– Жеребец-то необученный, – осмотрев коня, сообщил Иона племяннику. – На плечах следов хомута нет, и на спину седло никто никогда на него не надевал.

– Да какая разница – обученный, необученный? Главное, он теперь у нас. Надо поскорее его сбыть, пока хозяин не нагрнул.

– Щенок тупоголовый, – выругался Иона. – Кто же возьмет необученного жеребца за хорошие деньги? Да и договориться в чужой земле быстро ни с кем не удастся, придется вести его на базар. Как ты это сделаешь с диким жеребцом?

– Ты же справился с ним.

– Не думаешь ли ты, болван, что я сам его поведу на базар? Буду я еще рисковать своей головой! Это сделаешь ты, хоть какая-то польза от тебя будет. Хватит болтать зря, завтра возьмешь Паула и начнете обучать жеребца, он в этом деле толк знает. Две недели вам на это даю, не сделаете – выгоню обоих, будете побираться в чужих краях. Сбыть его нужно скорее, он меченый, на правом плече шрам.

Паул, пятнадцатилетний оболтус, не раз ловленный и битый за карманные кражи, действительно был дока в верховой езде: если уж ему удавалось вскочить на спину любому коню, свалить его оттуда никто не мог.

На другой день, рано поутру, захватив с собой пеньковую веревку, уздечку и кнут, Аурел и Паул двинулись обучать пойманного жеребца. Паул, приплясывая от радости в предчувствии развлечения, ловко щелкал цыганской плеткой. Щелчок получался четкий, хлесткий, по звуку он напоминал сухой выстрел из винтовки-трехлинейки.

И эта плетка, и уздечка, и кнут заслуживают отдельного описания, потому что были действительно необычными. Питая особую слабость к лошадям, цыгане все конские принадлежности (сбрую) делали тщательно, красиво, с большой любовью. Плетка была сплетена из телячьей кожи, хорошо выделанной и покрашенной в черный цвет. Ручка ее была вырезана из вишневого сучка и украшена медными пластинами с завитушками, сияющими на солнце. Утолщенное от рукоятки плетение хлыста, постепенно сужаясь, вытягивалось метра на два и заканчивалось косицей конского волоса с вплетенной в нее медной проволокой.

Уздечка, сшитая из кожи высшего качества, тоже была усыпана медными бляхами, начищенными до золотого блеска.

Проходя мимо своего табуна, приятели прихватили с собой крепкого мерина, необходимого им для дела.

* * *

Рыжик, привязанный к колу, ночью не уснул ни на минуту. Волосяная веревка на его шее, хоть и была ослаблена лохматым колдуном, все-таки раздражала нежную кожу жеребца. Поесть он тоже толком не смог: возникшая после ухода лохмача тревога не давала покоя; нервно прохаживаясь вокруг кола, он вытоптал всю траву под ногами до земли. И еще ночью ему все время казалось, что вот-вот из леса выскочат злобные волки, а у него даже нет возможности обороняться от них.

Скоро забрезжил рассвет, и Рыжик услышал, как за лесом закаркали, загалдели эти странные люди.

На поляну, раздвинув березовые ветки, вышли два лохматых вороных человека. Одного, ко-

торый повыше, жеребец узнал: это он был вчера в лесу. Этот лохмач нес веревку и ремни, которые надеваются на голову. У второго лохмача, поменьше ростом, был тоже известный жеребцу предмет – им некоторые люди с конного двора хлестали лошадей для ускорения хода. Только вот его самого хозяин Добрый никогда и ничем не хлестал...

Увидев бредущего за людьми мерина, Рыжик заржал. Тот, задрав голову, охотно ответил. Вороные лохмачи приблизились к нему на расстояние вытянутой руки, и Рыжик почувствовал, что эти двое его не боятся. Наоборот, они пришли навязать ему свою волю. И точно: высокий лохмач затащил на его шее веревку, накинул ремни на голову и воткнул в рот блестящие железяки.

– Послушай, Паул, а по-моему, этот жеребчик с уздой уже знаком, – обрадованно сообщил Аурел. – Он даже голову не отдернул!

– Ха, вот и славно, сейчас мы на нем прокачимся, – беспечно заявил Паул. – Снимай тогда волосяную веревку, она не нужна, сейчас я на него заскочу.

– Не спеши, давай мы все-таки попробуем пустить его за нашим меринком.

– Ну, давай. Нам торопиться некуда.

Высокий снял с шеи Рыжика волосяную веревку, затем, закрепив на уздечке один конец пеньковой, привязал второй к седлу мерина. Жеребец сразу вспомнил те же действия хозяина на родном конном дворе и без сопротивления последовал за вороным меринком, в седле которого разместился высокий лохмач.

– Что я говорил? Им уже кто-то до нас занимался! – убежденно сказал Аурел.

– Ну все, давай отвязывай. Сейчас моя очередь, – нетерпеливо потребовал Паул.

Высокий отвязал конец веревки от седла мерина и намотал себе на левую руку, а в правую взял плетку.

– Да отвязывай совсем! – поморщился Паул. – Не таких усмирял, а это просто телок.

– Ну уж нет! Если он уйдет, на этом месте будут наши могилы. Давай запрыгивай, посмотрим.

Рыжик беспрепятственно дал надеть на себя узду и так же, не сопротивляясь, следовал на привязи за меринком, потому что эти первые уроки он уже проходил со своим хозяином Добрым. Но потом процесс обучения был прерван. Сейчас же он видел, как высокий лохмач отвязал ве-

ревку от седла мерина и намотал себе на руку, при этом в другой его руке оказался хлыст, готовый в любой момент исполнить свое предназначение. Рыжик насторожился и опасливо попятился в сторону, полагая, что его сейчас начнут избивать. Но произошло совсем другое, хотя и тоже страшное: второй лохмач, маленький, вдруг, как волк, стремительно бросился ему на спину и, вцепившись в гриву, вонзил свои голые пятки Рыжику под бока. Такого жеребец не испытывал еще ни разу в жизни! Он испугался, рванулся в сторону, затем в другую, однако «волчонок» на его спине своей позиции не изменил, лишь снова больно ударил пятками в бока. Рыжик разозлился, взметнулся на дыбы и резко опустил вперед на землю. Но седок по-прежнему остался на месте. Это окончательно вывело из себя разъяренного коня, он как подкошенный упал на бок и, перевернувшись через спину, вскочил на ноги. Также не помогло: маленький лохмач вовремя отпрыгнул в сторону, а потом опять одним махом взлетел жеребцу на спину. Рыжик снова хотел совершить переворот через спину, надеясь раздавить наглого «волчонка», но в это время щелкнул кнут и острая боль выше голени вышибла из головы жеребца все помыслы о мести. Неожиданно для самого себя Рыжик рысью припустил по поляне вокруг высокого лохмача на расстоянии вытянутой веревки, которую тот держал в руках, – точно так же, как лошади на конезаводе, бегавшие кругами по манежу.

– Ну вот, давно бы так, – обрадовались быстрой победе цыгане.

Но жеребец не собирался сдаваться. Он не был уже лошадиным подростком, быстро теряющим волю при обучении, этот возраст Рыжик пережил, набрался опыта и хитрости. Пробежав несколько кругов и почувствовав, как постепенно веревка ослабевает, он вдруг резко изменил направление и, пригнув голову, нырнул под низко росший березовый сук. Раздался вопль, и наездник рухнул на землю. Но при этом веревка натянулась, и град ударов хлыстом обрушился на бархатную кожу жеребца. Маленький лохмач поднялся с земли, вытер кровь с лица и начал громко каркать. Рыжика отвели на место, снова привязали к забитому в землю колу. Еще немного злобно покаркав, лохмачи удалились.

Назавтра все повторилось сначала, только теперь обучение происходило в поле, где не бы-

ло деревьев. Еще несколько дней Рыжик, выделявая различные кульбиты, показывал свой норов, однако учителям-лохмачам все было нипочем. Хлыстом его больше не били (Иона запретил), но гоняли до изнеможения, маленький же «волчонок» был неутомим. И постепенно жеребец стал уступать: терпеливо переносил сидящего на спине наездника, начал поддаваться управлению уздечкой, затем привык к седлу и чересседельнику, крепко опоясывающему его спину и бока. Через две недели это был уже вполне управляемый красавец жеребец рысистой породы.

Приближалась осень, ночами становилось холодно, цыгане засобирались домой в Европу. Но, прежде чем сорваться с места, они намерены были осуществить свой план по краже колхозных лошадей. Иона уже нашел покупателей в лице местных татар, которые жили в пригороде Шахтерска, улица так и называлась – Нацменовская. Дома там были обнесены высокими заборами, с глухими тесовыми воротами. Что творилось за ними, никто знать не мог: закрылись – и все, тишина. Иона хотел и жеребца сбыть им, но татары, увидев такого красавца, на мясо покупать его не захотели, а для двора – побоялись, слишком уж приметный. Да и цену цыган заломил высокую.

Чтобы задуманный план сработал, Чорбу даже предварительно подговорил колхозных сторожей, пообещав им большую мзду за оказанное содействие.

Но прежде нужно было избавиться от пойманного жеребца. И вот в один воскресный день Аурел, получив благословение от матушки своей Аделаиды, оседлал Рыжика и двинулся на колхозный рынок города Шахтерска.

15

После того как лошади, сломав задний борт, вывалились из кузова, шофер Павел Гаврилович сразу протрезвел. «Что же теперь делать? – лихорадочно думал он. – Что я скажу директору комбината? Сопроводительные документы я подписал, теперь не отвертеться, платить колхозникам за коней придется. Где искать этого проклятого жеребца? И как я объясню всем, на кой дьявол заехал в эти кусты?»

Как назло, растерявшись во время суматохи, он даже не заметил, в каком направлении скрыл-

ся конь. Побегав малость вокруг машины, Павел Гаврилович завел ее, привязал мертвую Соловуху тросом за ногу, выволок на дорогу. А потом, бросив труп лошади поперек проселка, полетел на мясокомбинат.

– Андрей Петрович, беда! – ворвавшись в кабинет директора, запричитал он. – Жеребец по дороге взбесился, разбил борт и убежал неизвестно куда!

– Какой жеребец? – опешил ничего не понимающий Андрей Петрович. – Ты что, Петров, белены объелся? Ты чего орешь? В этой машине быков-производителей возили, и то они не могли ничего разбить. Да и как он мог это сделать, если машина по проселку болтается как проклятая? Там стоять на ногах невозможно.

После того как вызванные представители Орловского колхоза собрались на месте происшествия вместе с представителями комбината, Павел Гаврилович начал путать следы:

– Вот на этом месте, слышу, что-то грохнуло! Я по тормозам. Выхожу, смотрю: борт вдребезги, а его и след простыл.

– Так ты что, не заметил, куда он побежал? – спросил бригадир Михаил Алексеевич.

– Не успел.

– Так тут же ровное поле, до леса метров двадцать. Ты что, на четвереньках из машины вылезал?

– По-моему, он рванул вон туда, – поняв, что промахнулся с ответом, соврал Петров и наугад показал в сторону от леса (а Рыжик, кстати, убежал в противоположном направлении).

– А как же Соловуха оказалась на земле? – снова спросил Астахов.

– А я когда остановился, эта дохлятина поднялась на ноги и прыгнула на дорогу.

– Как же она прыгнула, когда мы ее с тобой вместе еле затащили лежащую в кузов?

– А вот так, взяла и прыгнула.

– А это что за след? – вдруг спросил председатель колхоза Цибулевский. – Это кого здесь волокли из леса? Никак бедную Соловуху.

Все двинулись по найденному следу, и вскоре все стало ясно. На поляне валялась пустая бутылка из-под водки, колбасные шкурки и щепки от разбитого борта.

– Вот что, уважаемый Павел Гаврилович! – строго заявил директор Андрей Петрович. – Если через две недели жеребец не найдется, будешь платить за нанесенный ущерб из своей

зарплаты. Подпишешь добровольно соглашение. А не подпишешь – пойдешь в суд. А там, может быть, еще и посадят годиков на пять.

Петрову пришлось согласиться. Жеребца искали долго, но не в той стороне. Поверили словам шофера. Никто и предположить не мог, что необученный жеребец двинется в сторону города. Заявили в милицию, там тоже оказывали содействие, но это не помогло. На цыган не подумали: как раз в это время их изгнали из колхоза за «ремонт» борон.

Отбыв свой срок наказания, вернулся на конный двор Аким Бычков. Весть о пропаже Рыжика стала для него ударом. С разрешения бригадира он объехал все ближайшие колхозы, лесхозы, побывал и на конезаводе. Там ему сказали, что жеребца видели, но только давно. Аким догадался, что это было еще во время побега Рыжика после попытки кастрации.

– Все, Акимка, крышка твоему жеребчику, – сделал вывод Серега.

– Не бреши, дурак! Чую, жив он и находится где-то рядом, – не сдавался Аким.

* * *

Текущий год для Орловского колхоза выдался удачным. Сена заготовили больше, чем планировали, в два раза. Пшеница уродилась на славу: золотистый, наливной ее колос разливался до самого горизонта во всех направлениях обширных колхозных полей. И осенью с погодой повезло, поэтому урожай был собран вовремя и без потерь.

Трудодень в этом году для членов колхоза оказался богатым, многие получали натуроплату в несколько центнеров пшеницы (хлеба, как говорили в деревне), а особо трудолюбивые – и в несколько тонн. Отпраздновав окончание уборки урожая, многие колхозники потянулись на базар в соседний поселок Лесозаводской. Там они намеревались продать часть полученной пшеницы и на вырученные деньги приобрести что-то необходимое.

Засобирался на базар и Михаил Алексеевич. У него было четверо детей с разницей в возрасте в два года, все уже учились в школе и нуждались в смене обносившейся одежды на новую – хотя бы частично. Причем поехать бригадир решил на рынок Шахтерска, там население окраины и пригорода имело большое количество скота и пшеницу можно было продать дороже.

Но ехать туда было гораздо дальше, поэтому немногие соблазнились городскими ценами. Астахов же выбрал поездку в Шахтерск еще и потому, что где-то в глубине его души таилась надежда найти жеребца Рыжика. Ведь там же, рядом с рынком, через забор, велась распродажа живого скота.

«Дался мне этот Рыжик!» – ворчал про себя Михаил Алексеевич, но желание вернуть утерянного коня не покидало его.

Узнав о намерениях бригадира, Аким пришел к нему домой и, смущаясь, попросил:

– Лексеич, возьми меня с собой, мне тоже надо продать два мешка пшеницы. За использование лошадей заплатим пополам.

– Что, надеешься Рыжика там встретить? – сразу понял Астахов.

– Чем черт не шутит! Сейчас самое время продать коня. На зиму запрут его во дворе – никто не увидит. Или татары на махан пустят...

– Ладно, поехали. В четыре утра запрягай Каштана коренным и Зорьку пристяжной, грузимся – и с богом...

Выехали потемну, решили сократить путь и на большак выбираться не стали, двинулись по проселочной дороге. Аким все время молчал или отвечал односложно, как ни пытался разговаривать его Михаил Алексеевич. Рассвело, через часок показалась окраина города.

Бригадир обернулся на неподвижно сидящего Акима и сказал язвительно:

– Да, Аким, замучил ты меня, язык даже заболел!

– Это отчего? – удивился тот.

– Уморил ты меня своими разговорами. С тобой только в засаду ходить.

Вскоре добрались до многолюдной базарной площади. Аким, как только подъехали, сразу метнулся в конный ряд. Лошадей на продажу было немного, и Рыжика среди них не оказалось. Конюх и потом через каждые полчаса, пока продавали зерно, приходил сюда, но все без толку.

Закончив торговлю, мужики, перекусив в чайной, которая находилась тут же на площади, выехали из ворот рынка. Двигались нарочито медленно, завернув в конный ряд. Рыжика видно не было. Аким совсем приуныл. Но вдруг серая пристяжная Зорька, высоко подняв голову, призывно заржала. И в ответ раздалось близкое, радостное ржание жеребца!

* * *

Аурел, выехав из табора, особо не торопился. Документов, подтверждающих принадлежность жеребца, у него не было. Поэтому продать коня нужно было быстро, без лишней возни. Самая большая масса покупателей в городе собиралась на рынке к обеду, вот Аурел и не спешил. На других лошадях его сопровождали два цыгана из табора. Они должны были изображать первых покупателей, громко спорящих, кто даст за жеребца больше денег, тем самым наращивая ему цену.

Рыжик, уже привыкший к седлу и седоку на своей спине, двигался легко, иногда слегка гарцая, как бы показывая всю красоту и преимущество своей стати. Вот он зашел в непривычное скопище каких-то строений, причем постепенно они становились все выше и больше. А вот показалось и большое количество разных людей. Глаза Рыжика забегали, он растерялся. Только вид лошадей у базарной привязи его немного успокоил. И вдруг он услышал знакомое ржание. Завертев головой, Рыжик заржал в ответ и тут же увидел серую в яблоках кобылицу – свою любимую Зорьку и мерина Каштана. То, что они были запряжены в телегу, его не удивило, представление жеребца о жизни сильно изменилось. Поразило его то, что вместе с ними были и самые близкие, самые любимые люди.

Рыжик дернул удила, ослабив натянутый повод уздечки, и рванулся в сторону, к телеге. Седок наверху, опомнившись, что есть силы натянул повод, раздирая губы жеребца железными удилами. Превозмогая боль, Рыжик взвился на дыбы, пытаясь сбросить седока с седла, но это ему не удалось; зато он увидел, как с телеги соскочил Добрый и бросился в их сторону. Чувствуя, что никакими прыжками наездника не сбросить, жеребец упал на бок и придавил ногу седока к земле. В этот момент к ним и подбежал Добрый...

* * *

– Рыжик! – воскликнул Аким, посмотрев в ту сторону, куда повернула голову Зорька.

– Где? – выдохнул возбужденно Михаил Алексеевич.

– Вон, цыган на нем сидит.

И оба тут же увидели, как взвился на дыбы жеребец, пытаясь освободиться от наездника. Аким кинулся ему на помощь. Подбежав к упав-

шему на бок жеребцу, конюх схватил за шиворот придавленного цыгана. Рыжик, вскочив на ноги, радостно гарцевал на месте.

– Ты где, сволочь, взял коня? – прорычал Аким.

– Мро грай! (Мой конь!) – злобно выпалил цыган.

– По-русски говори, гаденыш, не то ребра поломаю!

В это время подскочили еще два цыгана и набросились на Акима. Но на выручку ему подоспел бригадир, и вдвоем они начали так отделять воров, что оба цыгана из «подкрепления», бросив своего товарища, быстро смылись. К месту драки уже бежали милиционеры, дежурившие на базарной площади. И вскоре возмутители спокойствия вместе с лошадьми отправились в отделение районной милиции.

Там выяснилась принадлежность жеребца (подняли заявление от руководства Орловского колхоза о его пропаже с описанием всех примет). Рыжик был торжественно передан представителям колхоза – бригадиру Астахову и конюху Бычкову. О чем и был составлен соответствующий акт в двух экземплярах.

Цыган же Аурел был подвергнут тщательному допросу.

– Один ли чужой конь находился в вашем таборе? – в числе прочего спросил следователь.

– Пока один, – ответил потрясенный случившимся Аурел.

– Что значит «пока»? – насторожился следователь.

Поняв, что сболтнул лишнего, цыган начал выкручиваться. Но опытный следователь, применив не совсем дозволенные методы, оброненного намека не упустил. И, прижатый к стене изолятора, Аурел выложил все о готовящемся ограблении колхозной конюшни.

После этого он, разумеется, был оставлен в изоляторе, чтобы не иметь возможности предупредить цыган о срыве их плана.

– Баре тысенцы хасинэ, нэ! (Даром тысячи пропали!) – бормотал Аурел, сидя на холодных нарах.

А счастливые орловские мужики возвращались в родную деревню. При этом Михаил Алексеевич особенно поражался изменившемуся поведению Акима: тот всю дорогу разговаривал и с ним, и с Рыжиком, и с Каштаном, и с Зорькой. Наверняка конюх произнес за это время боль-

ше слов, чем прежде за все годы с самого рождения. Рыжик от радости тоже не знал, куда себя девать: то подбегал к Зорьке и тыкался своими губами в ее широкий нос, то отставал и пытался схватить шапку с головы Акима, причем тот одобрительно что-то гудел, пытаясь поддержать игру. Жеребца не стали привязывать к телеге, он и сам с удовольствием бежал рядом, сияя глазами.

16

Когда в деревне узнали о возвращении Рыжика домой в колхоз, посмотреть на него приходили все. Слухи об удивительном спасении коня обрастали все новыми подробностями, и в конечном итоге говорилось уже о том, что план по освобождению жеребца из цыганского плена был заранее разработан бригадиром Астаховым и конюхом Бычковым. Односельчане стали называть Акима не иначе как Аким Фролович, а Михаил Алексеевич заслужил еще большего уважения.

О кастрации Рыжика, а тем более о сдаче его на мясокомбинат уже не могло быть и речи. Но без дела в колхозе никого не содержали, и поэтому в самое ближайшее время нужно было придумать, где использовать красавца жеребца.

– Вот что, Аким Фролыч, – обратился к конюху бригадир, – давай-ка мы сделаем легкие дрожки для Рыжика, да я буду на нем объезжать колхозные поля. Все быстрее будет, чем на тяжеловозе.

Так и сделали. Дрожки помог изготовить местный мастер по тележно-санным экипажам Иван Кириллович. Для этого приспособили кошевку – снабдили ее деревянными рессорами и поставили на колеса.

– Красота-то какая! – восхитился Астахов.

– Красота-то красота, да как воспримет эту красоту Рыжик? – все еще сомневался Аким. – Под седлом-то ходить его цыгане научили, а в упряжке он, по-моему, еще ни разу не ходил.

* * *

Рыжика поместили в тот же загон, что и раньше, вместе с Каштаном, и оба были этому рады: жеребец дружелюбно тыкался носом в морду мерину, а тот миролюбиво всхрапывал и довольно качал головой. В загоне напротив содержались кобылицы, в их числе и Зорька. Рыжик, подходя к ограждению, призывно ржал, кидая на

нее нежные взгляды, но она отвечала сдержанно, так как была беременна и ей было не до любви.

Друг и хозяин жеребца, как и прежде, ухаживал за ним, чистил его, кормил и поил вдоволь. Однажды Рыжик увидел, что Добрый направляется к нему с уздечкой, но в этом не было ничего необычного, ничего страшного. Накинутые на голову ремни и засунутые в рот удила конь тоже воспринял спокойно и без сопротивления пошел за поводом, натянутым хозяином. Но дальше произошло нечто странное, вызвавшее у него сначала испуг, а затем и негодование. Добрый подвел его к сооружению на колесах и, поставив задом к этому предмету, накинул на шею кожаное колесо. Рыжик вспомнил, что такие колеса в большом количестве висели в избушке, где он жил когда-то вместе с хозяином. Только из уважения к нему жеребец с большим трудом сдерживал желание вырваться и скинуть это колесо со своей шеи. Тем временем Добрый, подняв длинные палки, лежавшие с двух сторон от Рыжика, прикрепил их к этому колесу. Затем зацепил еще длинные ремни, взял их в руки и дернул. Это означало, что пора идти вперед. И Рыжик пошел, но вместе с ним сзади двинулось и сооружение на колесах. Такого жеребец стерпеть не мог и, вырвав ремни из рук хозяина, понесся к воротам конного двора. Те были открыты, но жеребец летел без всякого управления и зацепился за столб. Он видел, как сзади разломилось на куски противное сооружение, а колеса покатались в разные стороны. Затем, одумавшись, Рыжик остановился. Он опасался, что сейчас последует какое-то наказание. Но этого не произошло. Добрый молча взял его за повод, привел в загон, снял уздечку и, кинув ему сена, ушел.

На другой день хозяин опять пришел с уздечкой и с тем же кожаным колесом. Накинул его на шею Рыжика, виновато опустившего голову, и оставил это приспособление на целый день. Сначала жеребец мотал головой, пытаясь освободиться, но затем, проголодавшись, начал есть и так – с хомутом на шее. Наевшись, он заснул, а когда проснулся, забыл о том, что висело у него на шее. На ночь Аким снимать хомут тоже не стал.

На следующий день он вывел Рыжика из загона и прикрутил к хомуту длинные палки. Потом оседлал коня, сам сел верхом и проездил целый

день в таком снаряжении по полям. В общем, когда отремонтировали экипаж, жеребец уже привык к оглоблям. А еще через несколько дней Рыжик научился и ходить в упряжке.

Вдвоем с бригадиром Михаилом Алексеевичем они стали ежедневно объезжать колхозные поля и луга. Эта работа совсем не тяготила Рыжика, даже пришлось по нраву. Кроме того, иногда жеребца допускали и к прямым его обязанностям – любить кобылиц, что он делал с большим удовольствием. Возможно, так бы Рыжик и провел остаток своей лошадиной жизни, но обстоятельства сложились иначе...

17

Бригадир Астахов заочно учился на зоотехника, то есть на специалиста по научному содержанию сельскохозяйственных животных. Когда Рыжик попал под его начало и они стали много разъезжать по угодьям, срок обучения как раз подошел к концу.

Именно в то время на селе происходили глобальные перемены. Зарплату крестьянам начали платить деньгами. Колхозникам наконец-то стали выдавать паспорта, чего раньше не было. Мелкие колхозы объединялись в крупные совместные хозяйства.

Все это напрямую коснулось героев нашей повести, живших в Орловке. Из четырех колхозов соседнего района был образован совхоз, понадобились специалисты, и Михаила Алексеевича направили туда главным зоотехником, так что им с Рыжиком пришлось расстаться.

Жеребец был переведен в производителя, но и от выездных работ не освобождался, так как рысаком в колхозе пока был единственным.

* * *

Первым свои права на владение Рыжиком заявил ветеринар Семен Терентьевич. А поскольку бригадиром никто пока назначен не был, по распоряжению председателя лошадей распределял старший конюх Бычков.

– Аким Фролыч, – заискивающе-льстиво подкатил к нему ветеринар, – скот угнали на выпаса, в летний лагерь, мне пешком ходить далеко. Закрепи за мной Рыжика, а я тебе спирта бутылочку уделю.

– Терентич, ты же знаешь, я не пью. И зачем тебе жеребец, он же убьет тебя. Вон Каштан стоит, свободен, запрягай, да и вперед.

– Акимка! – вспыхнул ветеринар. – Ты нос сильно не задирай, подумаешь, бригадир нашелся! Гуртов в колхозе три, пока я от одного до другого на Каштане дотяну, весь скот перемрет, отвечать тебе придется!

– Ну ладно, я тебя предупредил, – нехотя согласился Аким. – Но не забывай: Рыжик запаха крови и перегара не переносит. Почует – ничем его не удержишь.

– Ты меня еще учить будешь! Разберусь как-нибудь сам!

Увидев приближающегося ветеринара с уздечкой, жеребец заходил нервно: видимо, помнил, что тот хотел с ним сделать. И как ни старался Терентьевич ласково заговорить его, Рыжик не поддавался. В конце концов Акиму это надоело, он сам запряг для ветеринара экипаж. Но, передавая вожжи, еще раз попытался его отговорить:

– Семен Терентьевич, зря ты польстился на Рыжика. Он злопамятный, не забыл, наверное, как ты хотел его кастрировать. Будь с ним осторожен, не обижай его – разнесет вдребезги и дрожки, и тебя.

– Хватит каркать, ничего со мной не случится. Думаю, удила его сдержат, – отмахнулся ветеринар, складывая на дрожки свои сумки с инструментами.

Рыжик с места припустил бегом и, миновав благополучно ворота конного двора, перешел на крупную рысь.

* * *

Понимая, что в дорогу его благословил сам Добрый, Рыжик без особой охоты, но подчинялся нелюбимому человеку, причиняющему боль его сородичам, лошадям. Он ведь не мог знать того, что ветеринар просто исполнял свои обязанности.

Семен же Терентьевич ощущал себя ангелом с девятого неба. Да и как иначе мог чувствовать себя человек, управляющий таким красавцем жеребцом, тем более запряженным в расписную кошеву – экипаж руководящего состава?!

В первый выезд, слава богу, обошлось без происшествий. И потом еще несколько дней Рыжик, получив с утра ласковое напутствие от Акима, вел себя спокойно. Он почти уже начал привыкать к Семену Терентьевичу. Не то чтобы любил его или зауважал – нет, скорее понял необходимость работы ветеринара и своей по-

мощи ему. Но заносчивый характер Семена все испортил...

Настало время весенней обработки крупного рогатого скота, то есть колхозных коров. И одним из видов этой обработки являлся забор крови у животных для исследования на заболевание бруцеллезом.

Заметив, что ветеринар начал загружать в кошевку пробирки для крови, Аким забеспокоился.

– Послушай, Семен Терентьевич, запряги сегодня Каштана! С пробирками тебе спешить некуда, наберешь ты эту кровь и потихоньку доставишь в аптеку, – попытался он уговорить ветеринара. – Жеребец не переносит запаха крови, он уже несколько раз был им напуган. Оставь Рыжика сегодня на конюшне.

– Акимка, ты опять за свое? Что ты лезешь не в свои сани, командир нашелся! – отбрил Терентьевич конюха. – Я всю жизнь с животными, сам разберусь, кого мне запрягать.

Он бы, может, и прислушался к словам Акима, но внутренний голос упорно твердил свое: «Оставишь коня на конном дворе, а его кто-нибудь присвоит. И будешь потом всю оставшуюся жизнь кондылять на мерине».

Благополучно добравшись до летнего коровьего стойбища, ветеринар разнуздal жеребца и привязал его к столбу недалеко от площадки, где стояли фляги с надоенным молоком. Затем насыпал в ящик комбикорма для Рыжика и приступил к работе.

Рядом с площадкой был вкопан второй столб, к которому скотники и подводили коров. Ватным тампоном, намоченным в спирте, Семен Терентьевич смазывал вену, прокалывал ее толстой иглой и забирал в пробирку определенное количество крови.

«Кровавый» столб находился всего в трех метрах от Рыжика, и он, чуя неприятный запах, начал волноваться. Но вкусный комбикорм все-таки отвлекал его от принятия каких-то решительных мер. Процесс забора крови был завершен, пробирки с их содержимым уже погрузили в кошевку. Но в это самое время корова, отпущенная на волю после процедуры, подошла к ящику с комбикормом и, нагло отодвинув морду жеребца, начала поедать остатки лакомства. От такого нахальства Рыжик сначала опешил, затем попытался оттолкнуть непрошеную гостью плечом – ничего не получалось. И тогда он цапнул хамку

зубами за шею. Корова взревела и кинулась прочь, залетев при этом на площадку с флягами и перевернув две из них. Вылившееся молоко образовало целую лужу под ногами Рыжика.

Перед этим Семен Терентьевич, видно, наюхавшись спирта от ватного тампона, решил, несмотря на предупреждение Акима, принять этой благородной жидкости и внутрь. Зайдя в вагончик для отдыха скотников, он набулькал себе полстакана, зажмурил глаза и залпом выпил. И только по его телу начало разливаться вожделенное тепло, как с улицы донеслись громкие крики.

Выскочив из вагончика и увидев лужу молока под ногами жеребца, захмелевший эскулап, не разобравшись, с ходу сунул в морду Рыжика свой пропахший кровью кулак, одновременно дыхнув ему в нос спиртовым перегаром.

Жеребец озверел. Порвав повод уздечки, которым был привязан к столбу, он взлетел на дыбы и попятился назад. Потом развернул дрожки и, сразу перейдя на крупную рысь, помчался прочь.

Семену Терентьевичу, видя такую ярость животного, не следовало бы цепляться за экипаж: дьявол с ней, с этой кровью, раз уж такое случилось! Но он, ухватившись за бортик кошевки, как-то смог забросить в нее свое брненное тело. Более того, отвязав вожжи от поручней, ветеринар попытался остепенить коня, но необузданный жеребец еще больше разъярился, перешел на галоп и готов был разбить дрожки обо что угодно – лишь бы только избавиться от сидящего в них ненавистного человека.

На пути к Орловке протекала небольшая, но глубокая речушка. Преодолевать ее вброд приходилось только в определенном месте, хотя и там вода доходила до ступиц колес телеги. А Рыжик на сей раз ринулся в реку без разбору. Вода уже доходила ему до высоко поднятой головы, он слышал, как сзади орал этот мерзкий человечиска, как зазвенели стекляшки пробирок, уносимые водой, и как в конце концов забулькал и заткнулся этот «коровий кровосос»...

Аким издали заметил несущегося к конному двору Рыжика и, не увидев в кошевке Семена Терентьевича, встревожился. Поймав жеребца за порванный повод, он с трудом успокоил его, распряг и запустил в загон. Потом сразу оседлал Рыжуху и выехал на поиски ветеринара.

Долго искать его не пришлось. Отъехав примерно с километр, Аким увидел бредущего по проселку Семена Терентьевича – мокрого, грязного и без сапог. По лицу его катились крупные слезы, он всхлипывал. Но при виде Акима злобно заскулил:

– Вся работа коту под хвост! Утопил пробирки и инструменты, сволочь, и меня чуть не угробил! Все, я добыюсь, чтобы мне разрешили его кастрировать!

Спешившийся Аким, уловив запах спиртного, понял все.

– Самого тебя надо кастрировать, Терентич. Я тебя предупреждал. Понять не могу: как же ты лечишь животных и не понимаешь их? Тебе бы на мясокомбинате работать, хорошим живодером стал бы!

На другой день ветеринар запряг в большую телегу Каштана и двинулся исправлять вчерашнюю оплошность. Больше он к Рыжику не подходил.

18

Бригадира полеводческой бригады пока так и не назначали. Колхоз, в который входило Орловское отделение, готовился к слиянию с двумя другими колхозами в большое совместное хозяйство, но какова будет структура его управления, еще не было ясно. Поэтому с назначениями руководящего состава члены правления колхоза не спешили.

Временно обязанности бригадира исполнял учетчик Василий Петрович. Это был особенный человек: никто другой так хорошо, как он, не знал колхозные полевые и луговые земельные наделы. Он один мог точно определить расположение сенокосных угодий каждого члена хозяйства, что входили в реестр, и «запасных», о которых мало кому было известно.

Правда, знания свои Василий Петрович использовал не только на благо колхоза. Он так ловко мог закрутить разум контролирующих органов, что о большой части сенокосных угодий, расположенных за околками и оврагами, проверяющие даже не догадывались.

И вот эти потаенные участки хитрый учетчик потихоньку сплавлял жителям поселка Лесозаводского. Никакого отношения к колхозу они не имели, зато имели собственных коров, которым требовалось сено. Афера эта проворачивалась Василием Петровичем так ловко, что уже долгое

время ему все сходило с рук. В деревне у каждого был свой сенокос, а откуда поселковые везли сено домой – никому до этого дела не было. Хотя при желании уличить учетчика в нечистоплотности можно было без труда.

По окончании полевых работ, когда сено уже находилось на сеновалах, орловские колхозники замечали в Лесозаводском Рыжуху (именно на ней разъезжал учетчик), подолгу стоящую у ворот поселковых жителей – владельцев коров. А ближе к вечеру хозяева выносили из этих ворот Василия Петровича, укладывали его на телегу или сани, разворачивали лошадь в нужную сторону и, хлопнув ее по крупу, отправляли домой. Рыжуха, привыкшая к такой процедуре, благополучно доставляла недвижимое тело учетчика в Орловку. Осуществлялся процесс строго поочередно: сегодня – у одного должника, завтра – у другого. И продолжалось это до самых новогодних праздников, после которых Петрович переключался на местных жителей. А поскольку самогона для «благодетеля» людям было не жалко, в себя учетчик приходил только к весне, когда начинались полевые работы. И с этого момента исправно выполнял свои обязанности до глубокой осени.

Той весной, когда Рыжик не совсем благополучно расстался с ветеринаром, Василий Петрович как раз занимался кипучей полеводческой деятельностью. И бог знает почему, но захотелось хитроумному учетчику новизны. Однажды утром на конном дворе Аким, как обычно, протянул Василию Петровичу сбрую Рыжухи. Но тот брать ее не стал и выдвинул неожиданное требование:

– Аким Фролыч, а где же бригадирский конь и кошевка? Я ведь как-никак выполняю его обязанности.

– А чем же тебе, Петрович, Рыжуха не угодила? – опешил Аким.

– Ничем, но я хочу разъезжать на красивом жеребчике и в кошевке. Чем я хуже Астахова?

«Да дьявол с ним, пусть ездит, – подумал Аким. – По полям да по лугам – работенка нетяжелая, да и Петрович мужик незлой. До осени далеко, может, еще одумается». Он сразу вспомнил об осени, когда начинались загулы учетчика, потому что не мог себе представить Рыжика, часами стоящего у чужих ворот.

– Ладно, Василий Петрович, раз ты бригадир, так и быть. Сам сейчас запрягу тебе Рыжика, только ты с ним аккуратней обращайся.

– Ну, спасибо, уважил, – растаял учетчик. – Не бойся, я твоего любимца не обижу, в лугах травы полно, благодать для него.

* * *

Рыжик недоверчиво посмотрел на человека, принявшего вожжи от Доброго. Но, приняв их, и не уловив от него никаких посторонних запахов, успокоился. Однако, когда новый владелец влез в кошевку, жеребец почувствовал, что этот человек его боится. Рыжику сразу захотелось сделать что-нибудь неприятное новому хозяину, разбежаться и опрокинуть кошевку например. Но, вспомнив о том, что вожжи этот человек получил из рук его друга, ничего такого делать не стал.

Луга и поля, по которым жеребцу предстояло возить учетчика Василия Петровича, были ему хорошо знакомы, ведь и Михаил Алексеевич навещался в эти же места. Только теперь поездки наверняка станут другими... Астахов объезжал уголья в ту пору, когда на них кипели полевые работы – посевная, заготовка кормов, уборочная, подвозил подручный инвентарь, иногда доставлял обеды. На месте он распрягал Рыжика, пускал его на вольную пастьбу, а сам помогал вершить стога либо таскал мешки с семенами, заправляя сеялки. В общем, не только руководил процессом производства, но и сам активно участвовал в нем. Жеребец, пощипывая траву, краем глаза наблюдал за тем, как ловко управляется с делами его хозяин, забрасывая на стог навильники сена размером с хорошую копну или ворочая тяжеленные мешки. Нарботавшись в одном звене, бригадир переезжал в другое и, так же отпустив Рыжика, помогал и там.

Уверенность и сила Михаила Алексеевича каким-то образом передавались Рыжику. Жеребец, управляемый крепкой рукой бригадира, подняв гордо голову, выпятив мускулистую грудь и широко раскидывая стройные ноги, казалось, не бежал, а летел над дорогой, распластавшись соколом в неудержимой рыси.

Совершенно другой была поездка с учетчиком Василием Петровичем. Неуверенность нового хозяина сразу передалась Рыжику. Выбрав за ворота конного двора, он ощутил легкие подергивания вожжей руками сидящего в кошев-

ке – сначала вправо, а затем влево. Похоже было на то, что этот человек сам не знает, куда ему нужно ехать. И жеребец по привычке направился в поле, постепенно прибавляя шаги и переходя на рысь. Однако новый хозяин, видимо, испугавшись большой скорости, резко натянул вожжи, из-за чего Рыжик сбился с ритма отработанной рыси, неуклюже подскочил козлом и вылетел с дороги в ржаное поле. И так повторялось несколько раз: стоило только жеребцу перейти на рысь и увеличить скорость, как тут же в его губы впивались удила, натягиваемые вожжами неопытного седока. В конце концов такой процесс знакомства Рыжику надоел, и он, превозмогая боль от удил и перейдя в итоге на бешеный галоп, за несколько минут долетел обратно до конного двора.

– Что случилось? – бросился к возбужденному коню Аким, раздававший в это время сено молодняку. – Кто тебя так напугал? Василий Петрович, в чем дело?

– Этот... этот подлец чуть... не убил ме... меня, – заикаясь, промямлил белый от страха учетчик. – Летит, сволочь, как угорелый, невозможно удержать.

– Я ж тебе говорил, что самая лучшая для тебя лошадь – Рыжуха, – распрягая жеребца, назидательно гудел Аким. – А тебе приспичило: Рыжика подавай! Это рысак, он ходить шагом не умеет, основная его задача – показать красивую пробежку рысью, чтобы скорость была!

– Сволочь он, а не рысак! Вот распоряджусь, чтобы ему овса не выписывали, посмотрим, как он забегает, – не унимался Василий Петрович.

– Сам ты сволочь! Посмотри, ты ему все губы порвал, задергал совсем жеребца. Хоть ты и за бригадира сейчас, но Рыжика больше не получишь. Я до председателя дойду, если будешь над ним издеваться, – разозлился Аким. – А еще гнусавил: «Я твоего любимца не оби-и-ижу!»

– Да пошел ты вместе со своим Рыжиком! – выругался отошедший от страха Василий Петрович и, махнув рукой, отправился восвояси.

Больше желающих владеть Рыжиком какое-то время не находилось.

19

Прошло лето, промелькнула осень, медленно проползла лютая сибирская зима. Единственным хозяином Рыжика по-прежнему оставался конюх Аким Бычков. А главной обязанностью же-

ребца были теперь дела именно в качестве производителя. По мере того как хозяйство стало приобретать новые трактора и машины, нужда в лошадях тяжеловозной породы отпадала. Лошади использовались в основном для пастьбы скота, для выезда младшего и среднего руководящего состава и для личных нужд крестьян. Поэтому потомство Рыжика и серой кобылицы Зорьки постепенно начало занимать все большую часть конного двора.

Чтобы жеребец не застаивался, Аким каждый день запрягал его в кошевку и делал пробежку по селу. Лихо подкатывал к местной начальной школе, сажал в кошеву по несколько смелых ребятишек, и те с восторгом катались по улицам Орловки. Неудивительно, что скоро Аким Фролыч и жеребец Рыжик стали любимцами местной детворы. В свободное от занятий время школьники начали приходить на конный двор. Аким позволял им кормить маленьких жеребят, чистить щеткой взрослых лошадей – в общем, всячески стремился привить ребятишкам любовь к животным, с которыми им, сельским жителям, возможно, предстояло провести в дальнейшем всю свою жизнь. Нравилась ли такая жизнь Рыжику? Наверное, да!

Но пришедшей вскоре весной все изменилось. По решению партийно-хозяйственных органов три близлежащих колхоза объединили в один совхоз «Орловский»; тот, в свою очередь, был разбит на два крупных отделения, и на каждое назначили своего управляющего. Отделение, в которое теперь входили деревни Орловка и Суженка, возглавил Трофим Найда, ранее работавший бригадиром животноводства Суженского колхоза. Это был высокий худощавый человек, как говорят на деревне, «поджарый, как голодный волк». Чувства голода на его физиономии, правда, заметно не было, а вот решительность, не терпящая никаких возражений, просматривалась явно. Очевидно было и то, что улыбка это лицо посещает нечасто и возникает с большим затруднением – еще и потому, что от правого виска до нижней части бороды его пересекал глубокий шрам. Столь заметное увечье добавляло всему облику этого человека какой-то трагической угрюмости.

Первый же свой рабочий день новый управляющий начал с орловского конного двора. Осмотрев лошадей, он ткнул пальцем в сторону

Рыжика и произнес хорошо поставленным командным голосом:

– Красивый жеребец. Как его звать?

– Рыжик, – быстро ответил Аким, довольный тем, что жеребца похвалили.

– С сего дня этот Рыжик будет моим, – заявил новый хозяин. – Дрожки для него есть?

– Да, две кошевки – летняя и зимняя.

– Вот и хорошо, – остался командир доволен ответом. – Тебя-то как звать?

– Аким Фролыч Бычков.

– А я Найда Трофим Николаевич, – представился управляющий. И, посмотрев в глаза конюха, вдруг спросил: – Лошадей-то любишь?

– Всю жизнь с ними в обнимку провел.

– Вот и хорошо, я тоже их люблю. Значит, с сего дня будем их любить вместе, – заключил Найда, в упор глядя на Акима.

Со стороны казалось, что сошлись два угрюмых человека и каждый из них отстаивает в разговоре что-то свое. Но на самом деле с первой же встречи они обнаружили друг в друге что-то родственное. И действительно, позже выяснится, что управляющий Найда, как и Аким, лошадей любит больше, чем людей.

– Ну что же, Аким Фролыч, неси сбрую, будем запрягать Рыжика, – уже не так строго сказал новый начальник.

Аким быстро принес ему жеребячью амуницию. «Посмотрим, как ты справишься с жеребцом», – промелькнула в голове конюха лукавая мысль.

Но все произошло так, что можно было только удивляться. Трофим Николаевич решительно приблизился к Рыжику и положил руку ему на голову. Жеребец замер, хозяин спокойно накиннул узду, завел его в оглобли кошевки и быстро, умело запряг.

Почему же Рыжик так безропотно подчинился новому властному человеку? Когда рука Найды оказалась на голове жеребца, тот ощутил, как все тело пронизала непонятная волна, сковавшая его волю. «Я твой хозяин, ты принадлежишь мне и будешь подчиняться беспрекословно» – примерно такой посыл получил лошадиный мозг. Но, в отличие от встречи с цыганским вожаком, в этот раз никакой угрозы для себя Рыжик не почувствовал и покорно последовал за новым хозяином.

Еще большее удивление у Акима вызвала манера езды управляющего. Он не сел в запря-

женную кошевку, а, крепко схватив вожжи, вскочил на дрожки и так, стоя, с ходу рысью погнал жеребца. Как бы ни изменяла своего положения кошева на ухабах, Найда оставался прямым и неподвижным. Будто не человек, а каменная статуя стремительно удалялась от конного двора в сторону совхозных полей.

Рыжику тоже никогда раньше не доводилось видеть подобного, и он, боковым зрением тревожно улавливая странно возвышающуюся фигуру, ожидал, что фигура эта вот-вот рухнет на дорогу. Но ничего такого не происходило, и жеребец прибавил ходу, стараясь при этом как можно ровнее удерживать кошеву на дороге.

* * *

Теперь, уважаемый читатель, позволь мне оставить на время бегущего Рыжика и остановиться подробнее на биографии Трофима Николаевича – затем, чтобы стали понятней дальнейшие события повести. Для этого придется вернуться на несколько лет назад и перенестись из Сибири к берегам великой реки Волги. (Кстати, должен сказать, что такой человек существовал в действительности и ездил он на лошадях именно так – стоя в дрожках в полный рост.)

56 Многие знают, что в тридцатых годах двадцатого века в молодом государстве СССР проходила так называемая коллективизация крестьянства, то есть все единоличные хозяйства села должны были добровольно объединиться в коллективные (колхозы). Но более-менее зажиточные крестьяне и середняки не хотели вливаться в ряды объединяющейся бедноты, за что немедленно были отнесены к классу кулачества и стали «врагами народа».

27 ноября 1929 года Сталин объявил о переходе от ограничений эксплуататорских тенденций кулаков к полной ликвидации кулачества как класса. Северный Кавказ, Нижняя и Средняя Волга должны были стать зоной сплошной коллективизации уже осенью 1930-го. Специальная комиссия Политбюро по этой самой ликвидации под председательством Молотова определила три категории кулаков. Первые – это те, кто принимал участие в контрреволюционной деятельности, они должны быть арестованы и отправлены на исправительные работы в лагеря ОГПУ или расстреляны; в случае оказания сопротивления семье их должны быть высланы, а имущество конфисковано. Кулаки второй категории, не

проявившие себя как контрреволюционеры, но все-таки являющиеся сверхэксплуататорами, должны быть арестованы и сосланы вместе со своими семьями в отдаленные регионы страны. Наконец, кулаки третьей категории, определенные как «в принципе лояльные к режиму», должны быть выселены с прежних мест обитания и устроены на жительство вне зон коллективных хозяйств, на худородных землях, требующих возделывания.

В каждом округе действовала тройка активистов по раскулачиванию. Кто были эти активисты? Один из близких соратников Сталина Серго Орджоникидзе так говорил о них: «Поскольку в деревне нет партийных борцов, мы туда направим по одному молодому коммунисту, у него будут двое или трое помощников из бедных крестьян, и вот этот актив и решит все деревенские вопросы: коллективизацию, раскулачивание». Главной задачей было обобществление как можно большего количества хозяйств и арест сопротивляющихся кулаков.

Одним из таких молодых коммунистов, направленных на село в Нижнем Поволжье в 1930 году, являлся Трофим Найда.

Можно себе представить, как настоящие крестьяне, умеющие с умом использовать пашню, встречали пришлых активистов. Когда у человека отбирают тяжким трудом нажитое хозяйство, собираясь к тому же сослать его из родного гнезда в неизвестном направлении вместе с детьми, этот человек вполне может отринуть страх и начать сопротивляться. К тому же терпеливым крестьянам Поволжья показали пример соседи, донские казаки, поднявшие восстание в тридцатом году (которое, правда, в итоге было жестоко подавлено).

А тройка активистов во главе с Найдой сразу активно приступила к раскулачиванию. Начав свою деятельность в пешем строю, вскоре все трое уже гарцевали на отобранных у кулаков лошадях. На самом красивом жеребце ахалтекинской породы, неизвестно как попавшем к местному крестьянину, теперь разъезжал Трофим, предварительно отправив владельца с семьей по этапу. В основном в Поволжье репрессиям подвергалось немецкое население, но порой под карающую руку новой власти попадали и казачьи семьи, они-то чаще всего и оказывали сопротивление разгулявшимся активистам.

Наступил день, когда тройка Найды, руководствуясь списком подлежащих раскулачиванию крестьян, двинулась на хутор Малая Енотавка – к самому богатому кулаку Анисиму Храмцову. Ходили слухи, что его сын Семен потихоньку собирает банду для отпора незваным гостям, и Трофиму следовало бы усилить свой отряд красноармейцами, но молодость беспечна и самонадеянна. Появившись, казалось бы, неожиданно на храмцовском подворье, помощники Трофима спешили, а сам Найда, не слезая с коня, начал зачитывать постановление вышедшему на крыльцо Анисиму. Вдруг с улицы послышались крики и топот конских копыт. Не успел Трофим заткнуть за пазуху указ и схватиться за винтовку, как во двор влетели вооруженные люди. Впереди, размахивая саблей, мчался на вороном коне молодой парень с перекошенным от злости лицом и широко раскрытыми синими глазами. Эти глаза Трофим Найда запомнил на всю жизнь. Обжигая взглядом ненавистного активиста, Семен Храмцов размахнулся клинком и со всей силы опустил его на шею Трофима. Найде повезло, что в этот миг ахалтекинский жеребец отпрянул в сторону, и удар сабли лишь вскользь задел лицо... Спешившиеся активисты тройки были зарублены сразу, а Трофима унес от смерти ахалтекинец. Вот почему с тех пор Найда особенно любил резвых жеребцов.

Пока он раненый находился в больнице, Анисим Храмцов всю вину за убийства на своем подворье взял на себя и был расстрелян. А Семен, сын его, вместе с другими членами семьи был отправлен в Сибирь, в Томскую губернию – осваивать целину.

* * *

Вернемся снова к Рыжику, уносящему Трофима Найду в совхозные поля. Всю весну и начало лета пронесился он с этим странным возницей, стоящим в кошевке неподвижно. С обширных полей – к животноводческим помещениям либо на летние выпаса, оттуда – к конторе, а уже поздним вечером – девять верст до села Суженка (Трофим Николаевич продолжал жить там). И где бы ни появлялся управляющий, работа там кипела с особым энтузиазмом. Найда был строгим руководителем, это чувствовал и Рыжик. При этом требования нового хозяина к самому жеребцу за рамки обычного пока не выходили. Одно только

сильно угнетало коня: свидания с Добрым почти прекратились.

К середине июня совхозные поля покрылись густыми всходами зерновых культур, вытянулись по самую лошадиную грудь луговые травы, на взгорках созрела земляника. Рыжик знал, что это такое: когда вместе с травой он прихватывал несколько ягод, во рту ощущался сладкий привкус и бесподобно приятный аромат. И тут в поведении хозяина произошли резкие изменения, возникли непонятные, мерзкие требования к нему, Рыжику...

В полях теперь все чаще стали встречаться незнакомые люди с наполненными земляникой лукошками, а в руках его хозяина появилась плетка. На Рыжика он ею даже не замахивался, для чего же тогда она предназначалась? Это стало ясно очень скоро.

Как-то Рыжик выскочил на пригорок, где несколько человек собирали ягоды. Подгоняемый вожжами, жеребец намеревался пролететь мимо этого сборища, но вдруг почувствовал, что хозяин, изо всех сил натянув удила, направляет его прямо в самую гущу людей. Рыжик заметался в растерянности, попытался отскочить в сторону, но получил хлесткий, болезненный удар плеткой по крупу. Однако на людей кинуться он все же не посмел и, резко затормозив, встал на дыбы. Тогда хозяин, соскочив с дрожек, сам набросился на людей: начал вырывать у них из рук кошелки и при этом хлестать плеткой направо и налево. Не зная, как себя вести в таком случае, Рыжик топтался на месте и тревожно ржал. Но вот люди пришли в себя и, объединившись, завалив обидчика на землю, стали колотить его чем придется. Кое-как вырвавшись из куча-мала, хозяин плашмя хлопнулся в кошевку и дернул вожжи. Рыжик сразу рванул с места и в одну секунду был уже недосыгаем для разъяренной толпы.

Так повторялось еще несколько раз, только теперь хозяин налетал на одиноких ягодников. И снова он пытался сначала направить на них Рыжика, но жеребец до такой низости не опустился.

– Сволочь! – вынес Найда окончательный вердикт в отношении Рыжика.

Зато на этом попытки сделать жеребца скотиной жандармерии прекратились.

Узнав о странных выходках управляющего, директор Медведев пригласил его к себе в кабинет и сразу начал строго:

– Трофим Николаевич, тут до меня дошли слухи, что ты чужих баб плеткой охаживаешь. Ты смотри, соберутся их мужики и вышибут тебе мозги! Поведай мне, зачем ты так поступаешь?

– А как мне еще с ними поступать? Они же топчут посеы и многолетние травы, работников мне развращают. Те тоже хватают лукошки – и по ягоды. Кроме того, требуют выходные дни – такие же, как в поселке!

– Согласен, намерения твои хозяйские я понимаю, но ты эти ежовские⁴ замашки брось. Можно ведь с людьми просто поговорить, они ж не совсем тупые, наверное, поймут.

Но слова директора не нашли отклика в голове управляющего и он продолжал проявлять к людям, особенно к поселковым жителям, неоправданную жестокость. И это в конечном счете стоило ему жизни...

* * *

Рыжик, завидя родной конный двор, радостно заржал и прибавил ходу. Из сторожки выскочил Аким и начал распрягать жеребца. Все это время довольный конюх гудел что-то ласковое в ухо Рыжика, и тот в ответ восторженно гоготал, похрапывая и хлопая большими губами.

– Сегодня буду ночевать в Орловке, – сообщил управляющий. – Ты, Аким, осмотри жеребца, почисть, проверь подковы, может, заменить надо будет.

– Да это мы с удовольствием! – выдохнул счастливый Аким.

– Послушай, Бычков, ты луга хорошо знаешь? – спросил вдруг Найда.

– Да вроде неплохо, всю жизнь тут прожил. А что?

– Да вот сдается мне, что учетчик Василий Петрович пытается меня обмануть. Скажи мне, за Змеиным логом луга или болота? Он говорит, что непроходимые болота.

«Брешет он», – чуть не вырвалось у Акима, но он вовремя сообразил, что в эти дела лучше не соваться. И поэтому ответил уклончиво:

– Ты уж, Николаич, сам его путем расспроси.

– Значит, брешет! – сделал правильный вывод Найда. – Вот я завтра с утра сам все и проверю. Сенокос начался – чую я, сена для совхозных коров будет маловато.

⁴ Николай Ежов – народный комиссар внутренних дел СССР в 1936–1938 годах, «прославился» беспрецедентными репрессиями.

– Трофим Николаич, можно тебе задать один личный вопрос? – осмелел от такого доверительного тона Аким. – Почему ты едешь стоя? Это же невозможно удержаться. Я бы сразу ахнулся головой об землю.

– Ну, ты видишь, я же держусь. Сидеть-то мне нет возможности, я на фронте был ранен в спину, пуля застряла рядом с позвоночником. На стуле-то я приму нужную мне позу и сижу неподвижно, а на дрожках неподвижно не посидишь – боль страшная. Вот и научился так ездить – стоя.

– Прости, дурной вопрос задал, – смутился Аким.

– Да ничего, хоть правду знать будешь и другим скажешь. А то в Суженке сначала пустили слух, что мне осколком задницу вырвало!

Выйдя уже за ворота конного двора, Найда обернулся. И, увидев, как радуются встрече конюх и жеребец, усмехнулся в усы:

– Два придурка, как дети!

И при этом пожалел, что к нему такой привязанности никто не имеет.

* * *

Управляющий с плеткой в руке появился на конном дворе рано утром.

– Ну как, жеребец в порядке?

– В порядке, – ответил угрюмый Аким. Ему было жаль вновь расставаться с Рыжиком. – Николаич, я сам запрягу коня, – сообщил он, а скорее высказал просьбу.

Запрягая Рыжика, Аким гладил его по морде, холке, по округлым лоснящимся бокам и что-то нашептывал на ухо. Видимо, это была молитва, словно конюх предчувствовал что-то неладное.

– Ты вот что, управляющий, будь поосторожней в этом проклятом Змеином логу, он ведь не напрасно так называется, – обратился Аким к Найде. – Там действительно скопище гадюк, дорожка-то, заметил, туда с наших полей узенькая и ненаезженная. А если в объезд ехать, так это целых пятнадцать верст лишка отмахивать. По логу-то всего три, но страшных, поэтому гони не останавливаясь. Там за логом Васьки-учетчика хозяйство, – наконец открытым текстом сообщил он.

– Ладно, и не такое видели, – отрезал Найда и, заскочив в кошевку, с ходу пустил Рыжика рысью.

Вдоль знакомых полей жеребец летел быстрее ветра, но у самой кромки глубокого лога

хозяин вдруг резко повернул его на еле заметную травянистую дорожку. Она не была известна Рыжику, и в таких случаях конь несколько укрощал свою прыть. Однако тут хозяин не давал ему этого сделать, наоборот, подстегивал вожжами.

Дорожка, спускаясь в овраг, из травянистой превращалась в каменистую, и иногда из-под подков скакуна вылетали искры. Вдруг рядом на склоне Рыжик заметил какие-то пестрые ленты, их движение, даже услышал зловещее шипение. Одна лента метнулась к нему сбоку, но прикоснуться не успела – так быстро летел Рыжик. Сзади под колесом что-то хрястнуло, и вскоре они выскочили на другую сторону Змеиного лога.

Глазам их открылся огромных размеров луг, на котором работали люди. Они метали сено, а вернее дometывали: по всему лугу стояли уже завершённые стога и скирды готового душистого сена. Не сбавляя хода, Рыжик, направляемый хозяином, подлетел к группе стоящих людей и замер на месте. Между людьми завязался разговор, голос хозяина постепенно накалялся и вдруг перешел в яростный крик. Затем он взмахнул хлыстом и ударил им по лицу одного из стоящих у стога мужиков. Этот человек, схватившись за лицо, застонал. Хозяин размахнулся еще раз, но окружающие люди, выставив вилы, стали приближаться к дрожкам. Хозяин, изрыгая проклятия, быстро развернул Рыжика, и они поехали в обратный путь.

* * *

Увидев огромный луг, уставленный стогами отличного душистого сена, столь необходимого совхозным коровам, Трофим Найда как-то сразу понял, что приготовлено это сено для коров жителей поселка Лесозаводского.

«Ах, проклятая тварь! – обругал про себя управляющий учетчика Петровича. – Продай, гад, лучшие сенокосы! А мне все докладывал, что за логом сплошные болота».

Подлетев к стоящим у стога мужикам, он с ходу стальным тоном спросил:

– Кто разрешил вам обкашивать государственные луга?!

– А ты что за гусь? – спросил высокий широкоплечий мужик, лет за пятьдесят возрастом, уставившись бесстрашно в злобные глаза управляющего.

И тут глаза Трофима Николаевича внезапно полезли из орбит. Он всю жизнь не мог забыть этой синевы ненавидящего взгляда!

– Неужели это ты, иуда, Семка Храмцов?! – потрясенно проговорил он. – Ты как, кулацкая тварь, попал сюда?! И при советской власти хозяином стал? Но нет, пока я живой – этому не бывать!

– Пока живой, но можешь и подохнуть! – И синеву Семеновых глаз заволокла темная туча.

– Ты еще мне будешь угрожать?! – не выдержал Трофим и резанул по лицу врага плеткой, как когда-то Семен саблей.

Найда хотел ударить еще раз, но не успел: поселковые мужики с вилами уже окружали дрожки. Управляющий рванул Рыжика, тот, развернувшись почти на месте, устремился в обратный путь.

– Запомни, гад, этого сена тебе не видать как своих ушей! Завтра пригоню трактора и все конфискую в совхоз! – обернувшись, крикнул управляющий.

– Смотри, ты уже пытался конфисковать мое хозяйство – отделался шрамом. Как бы сейчас головы не лишиться! – понеслось ему в ответ.

* * *

Как же Семен Храмцов оказался жителем Лесозаводского поселка в глубине Сибири? Для того, чтобы ты, уважаемый читатель, имел представление о депортации кулаков и вообще «социально чуждых элементов», обратимся к документам.

Неизвестно, сколько человек из 1 803 392 официально сосланных по графе «раскулачивание» в 1930–1932 годах погибли уже в первые месяцы «новой жизни» от холода и голода. В архиве Новосибирска сохранилась справка, посланная в мае 1933-го инструктором горкома партии Нарыма в Западно-Сибирский крайком. Она касается двух эшелонов, в которых прибыли из европейской части страны более шести тысяч ссыльных. Вот несколько отрывков из этого ужасающего свидетельства:

«29 и 30 апреля 1932 года из Москвы и Ленинграда были отправлены на трудовое поселение два эшелона деклассированного элемента. Прибывши в Томск, этот контингент был пересажен на баржи. 18 мая первый и 26 мая второй эшелоны были высажены на реке Оби у устья реки Назина на острове Назино.

В двух эшелонах находилось 6114 человек. В пути люди находились в крайне тяжелом состоянии: скверное питание, скученность, недостаток воздуха, массовые расправы над самыми слабыми. В результате – высокая смертность, порядка 35–40 человек в день.

Сам остров оказался совершенно девственным, без каких бы то ни было построек. При этом на острове не оказалось никаких инструментов, ни семян, ни крошки продовольствия.

Жизнь на острове началась. На второй день прибытия эшелона, 19 мая, выпал снег, поднялся ветер, а затем мороз. Голодные, истощенные люди без кровли, не имея никаких инструментов, очутились в безвыходном положении. Обледевшие, они были способны только жечь костры, сидеть, лежать, спать у костра. Люди начали умирать. В первые сутки бригада могильщиков смогла закопать 295 трупов.

И только на четвертый день на остров прибыла ржаная мука, которую и начали раздавать трудпоселенцам по несколько сот грамм.

В начале июня началась отправка людей на так называемые участки, т. е. места, отведенные под поселки.

Участки были расположены под рекой Назиной за 200 километров от устья. Участки оказались в глухой необитаемой тайге. Здесь впервые стали выпекать хлеб в наспех сооруженной одной пекарне. Продолжалось то же ничегонеделание, как и на острове. Истощение людей шло своим чередом. Достаточно привести такой факт. На 5-й участок с острова пришла лодка в количестве 78 человек. Из них живыми оказались только 12.

Участки были признаны негодными, и весь состав людей стал перемещаться на новые участки, вниз по этой же реке, ближе к устью. Бегство приняло массовые размеры...

В результате всего из 6100 человек, выбывших из Томска (и плюс к ним 500–700 человек, переброшенных из других комендатур), на 20 августа осталось в живых 2200 человек».

Таким же образом в Сибирь, в Томскую губернию, был доставлен и Семен Храмцов. Везли «социально чуждых» людей в вагонах, предназначенных для перевозки скота, по ходу постоянно подсаживая все новых «неблагонадежных элементов». В тесноте, грязи и духоте люди начали заболеть. Умерли мать и шестнадцатилетняя сестра Семена, их тела изъяли где-то на Урале.

Его самого не выпустили из вагона, чтобы похоронить родных, и ему так и не удалось узнать, где их могилы (и хоронили ли их вообще).

По прибытии в Томск этот вагон расформировали и тех, кто более-менее держался на ногах, отправили на строительство железной дороги Томск – Енисейск. Попал в эту группу и Семен. Поселили их в вагоне-теплушке, кормили сначала плохо, но через несколько недель, видимо, убедившись в пользе такой рабочей силы, паек увеличили и стали кормить сносно. Можно было считать, что по сравнению с другими переселенцами, прибывшими в Томск, Храмцов повезло. Но неумный характер Семена навлек на него новую беду. Проработав на строительстве железной дороги полтора года, Храмцов вдруг надумал бежать назад на Волгу, не имея никаких документов. Само собой, далеко уйти ему не удалось: уже на четвертый день Семен был арестован на станции Мариинск и помещен в тюрьму, которая находилась тут же рядом со станцией.

Выяснив, кто он такой, следовательно, ведущий дело, направил запрос по месту прошлого жительства. Полученная справка гласила, что ранее Семен Анисимович Храмцов подозревался в организации сопротивления властям путем формирования кулацкой банды.

Получив десятилетний срок по статье 58 пункт 2 (захват власти на местах), Семен уже не поселенцем, а в качестве осужденного был направлен в тайгу на вырубку леса. На фронт во время войны он, естественно, не попал.

Вырубленный лес сплавлялся по реке Яе на завод поселка Лесозаводского, и ко второй половине срока Семена за безупречный труд перевели на этот самый завод – на распиловку кругляка.

* * *

Отбыв срок от звонка до звонка, Храмцов с завода не ушел. Жил сначала в общежитии вместе с такими же бездомными мужиками. Затем присмотрел себе женщину – вдову. Война год назад закончилась, а муж ее в дом не вернулся, сложил голову в чужом краю. Семену тогда уже перевалило за тридцать, мужик он был видный, крепкий, а у Зинаиды (так звали женщину) была большая усадьба на краю поселка. Семену здесь понравилось: вдали от шумных поселковых улиц, большой двор, да и огород немаленький, и

даже корова сохранилась. Сошлись с Зинаидой, правда, не сразу: она была недоверчивая женщина, ее останавливало то, что Семен отбывал срок как «враг народа». И только после того, как он отремонтировал заборы на усадьбе и в огороде, а также привез с лесозавода две машины дров, сердце бабенки дрогнуло.

Сошлись не зря, сразу стали жить душа в душу. Через десять месяцев на свет божий появилась дочка, назвали ее Лизой – в честь умершей сестры Семена. А он опять почувствовал тягу к личному хозяйству. Через год купили еще одну корову, через два во дворе появилась крепкая лошадь. И вопрос с заготовкой сена предприимчивый Семен решил быстро. Узнав, почему жители соседней улицы так привечают орловского учетчика, он пригласил Василия Петровича к себе. Напив его хорошей водкой (другие в этих целях использовали самогон) и дав еще в придачу малость деньжат (чего раньше никто не делал), Храмцов сразу стал лучшим другом учетчика. Вот почему большая часть луга за Змеиным логом стала принадлежать именно ему, Семену. Объединив других «друзей» Василия Петровича, Храмцов как бы стал у них бригадиром, и сообща они быстро справлялись с сенозаготовкой в тех местах уже более пятнадцати лет.

И вот – на тебе! Неожиданно прошлое в лице Трофима Найды резануло не только плетью по щеке, но и нестерпимой болью по сердцу.

«Мало я настрадался в жизни? – думал Семен. – Наверное, уже с лихвой рассчитался за все – и за этот шрам на его морде, и за убиенных активистов. Нет, видно, Бог не удовлетворен такими расчетами».

Зинаида, увидев красный рубец на лице мужа, взмахнула руками и запричитала:

– Это кто же тебя так, Семен Анисимович? Чтоб ему ни дна ни покрывки!

– Тише, тише, это меня веткой так хлестануло, не шуми, – успокоил он жену.

Всю ночь Храмцов пролежал, глядя в потолок. «Все, кончилась спокойная жизнь, – вертелась неотвязная мысль. – Да, видно, и совсем придется ее кончать. Этот сталинский активист от своего не отступится, сведет меня со свету и мою семью тоже. Уничтожил, гад, одну нашу семью, добирается и до второй. Ну нет, не бывать этому!»

Рано утром мрачный Семен запряг лошадь, потом вернулся в дом, поцеловал в лоб спящую, уже почти взрослую дочь, обнял Зинаиду. Та поняла: скоро случится что-то непоправимое. И, припав к плечу мужа, зарыдала.

– Прости, если что не так, – убитым голосом произнес Семен и быстро вышел на крыльцо.

Зинаида хотела выйти вслед за ним, но он, махнув рукой, не позволил. А сам зашел в амбар, открыл старый сундук и, вытащив двуствольное ружье, загнал в оба ствола патроны, заряженные картечью.

* * *

Трофим Найда тоже не спал ночью. Внутри у него все кипело от ярости.

Отступив с «поля боя», он обрушил несколько ударов плети на спину и без того резво бегущего Рыжика; жеребец, увеличив скорость до предела, в считанные минуты проскочил Змеиный лог. Когда Рыжик подлетел к совхозной конторе, первый раз в жизни он заметил, как с его боков сваливаются хлопья белой пены.

Хозяин, с ходу спрыгнув с дрожек, ринулся в дверь, угрожающе сжимая плеть. Через несколько мгновений из конторы выскочил тот самый хлюпик, который однажды захотел управлять Рыжигом, но не смог. Следом летел озверевший хозяин и что есть силы хлестал хлюпика плетью.

– А-а! За что?! – орал тот на всю деревню.

– За то, что ты продажная тварь! – ревел Найда. – Пригрел кулаков на нашем поле. Чтоб ты подавился своим самогоном, сволочь!

Рыжик, конечно, слов не понимал, но чувствовал: назревает что-то ужасное, непоправимое.

Отхлестав как следует учетчика Василия Петровича, Найда погнал Рыжика к совхозному гаражу. Там он нашел бригадира тракторной бригады Алексея Афанасьевича и распорядился:

– Завтра все трактора за Змеиный лог, вывозить сено!

– Так еще рано! Что ж таскать зароды по сухой земле, трактора рвать? – попытался возразить бригадир.

– Ничего не рано, как раз! – зловеще ухмыльнулся управляющий.

Почувствовав, что хозяин взял в руки вожжи, Рыжик подался в сторону конного двора, надеясь увидеться с Акимом. Но хозяин, резко рванув удила, направил его в сторону Суженки. Там

он нашел бригадира местной тракторной бригады и тоже распорядился отправить технику на луга за Змеиный лог завтра с утра.

Ночевать Трофим Найда остался в Суженке, дома. Но уснуть ему так и не удалось. «Надо же, гадюка, живой еще! – металось у него в голове бешенство. – Мало того, он еще и живет, видно, припеваючи. Морда, как у буржуя, гладкая. Ну, подожди, сволочь, я из тебя все соки выжму!»

Едва забрезжил рассвет, Найда вскочил, запряг Рыжика и рысью махнул в сторону Орловки.

* * *

Семену Храмцову не нужно было пересекать Змеиный лог, дорога от поселка была хоть и длиннее, но зато безопасна. Приехал он на луг рано, с началом рассвета. Привязал коня в лесочке, кинул ему охапку свежего сена. А сам, взяв ружье, зашел за ближайший к дороге стог сена. Ждать долго не пришлось: далеко с двух сторон послышалось гудение тракторов, но, перекрывая их рокот, из лога донесся топот быстро бегущего коня. И вот уже этот красавец жеребец, вылетев на луг, почти поравнялся со стогом, за которым стоял Семен. На дрожках, как монолит, с непроницаемым лицом застыл Трофим Найда. Вот уже упряжка почти пролетела мимо стога...

– Эй! – громко крикнул Семен.

Трофим резко обернулся, и Рыжик услышал, как грохнул раскатистый гром, отдаваясь эхом по лугу, затем второй. Что-то острое хлестануло его по крупу, жеребец повернул голову назад и увидел, как возвышавшийся над дрожками хозяин медленно осел и развалился поперек кошевки. Не чувствуя пока, в горячке, боли, Рыжик развернулся и стремительно понесся к конному двору...

Аким, издали заметивший Рыжика, открыл ворота и кинулся к кошевке. В ней, подвернув неловко под себя ногу, вниз лицом лежал Трофим Николаевич. Спина его в районе сердца была разворочена картечью, половина левого бока болталась, придерживаемая только плащом.

Подняв глаза на Рыжика, Аким увидел, как по крупу коня стекает кровь.

– Ты что, ранен? – испугался он.

Потом громко позвал напарника. Серега, протирая заспанные глаза, подбежал к упряжке. И тут же завопил благим матом:

– Ай, убили, убили! Начальника угробили!

– Заткнись, хватит орать! Дуй в контору, вызывай милицию! А я Рыжиком займусь, он тоже ранен.

Да, действительно, одна из картечин, пролетев мимо основной цели, вошла в мягкие ткани задней ляжки жеребца. Аким, приняв рану всего лишь за глубокую царапину, обмыл ее сверху марганцовкой и засыпал стрептоцидом. Однако картечина осталась в ноге Рыжика.

На третий день управляющего Орловского отделения Найду Трофима Николаевича похоронили с почестями.

Семена Храмова найти не удалось – как сквозь землю провалился. Сибирь огромная, потайных мест полно...

Чужое сено трактористы вывозить в совхоз отказались.

20

Напуганное таким ужасающим событием село притихло, как бы затаилось в ожидании новых трагедий. Аким, узнав все подробности случившегося, пожалел о том, что принял нового управляющего за близкого по характеру человека. Ему стало стыдно за это перед Рыжиком, и он три дня не выводил жеребца на прогулку, даже на несколько минут не оставался в его станке. Наливал ведро воды, высыпал полведра овса и тут же уходил. Поэтому и не сразу заметил беспокойство коня. Лишь на четвертый день, обратив внимание на то, что заданный вчера овес остался почти не тронутым, заволновался и попытался вывести Рыжика в загон. Но жеребец жалобно заржал, застонал и с места не двинулся.

– Рыжик, что с тобой? – испуганно воскликнул конюх.

Открыв дверь станка и запустив немного света, Аким увидел, что Рыжик стоит, опираясь лишь на три ноги, а заднюю правую держит почти на весу, лишь чуть-чуть прикасаясь копытом к полу.

– Ах, какой же я дурень старый! – начал сокрушаться конюх, приложив руку к месту ранения и почувствовав жар. – Не разглядел путем рану! Я-то думал, что это царапина, а здесь, видимо, пуля сидит!

Он опять развел в ведре марганцовку, обмыл сверху ногу, обсыпал уже начавшую отекать рану стрептоцидом, хотя и сам уже догадывался, что все это вряд ли поможет. Аким заметался по

загону, несколько раз забежал в станок, гладил Рыжика, шептал ему что-то ласковое, утешительное. По заросшему щетиной лицу конюха текли слезинки, но он их не замечал.

Немного успокоившись, Аким запряг Зорьку и поехал за ветеринаром Семеном Терентьевичем. На дворе уже начало смеркаться, когда тот, недовольно ворча («Не дают покоя ни днем ни ночью!»), при свете зажженного фонаря внимательно осмотрел и ощупал рану.

Потом безнадежно махнул рукой:

– Картечь застряла в мышцах ляжки, до кости, видимо, не достала, но расположилась глубоко, надо делать операцию. Я такие не делал, да и старый я уже стал, руки трясутся. Рана начала гнить, еще дня три-четыре, и Рыжика твоего – на колбасу...

– Ну, спасибо тебе, ты только и знаешь – всех коней на колбасу отправлять! – рассердился Аким. – Ты бы хоть шприц с собой прихватил да укол хоть какой-то поставил!

– Ну, насчет коней, Акимка, ты не прав. Вспомни, скольким я помощь оказал. А по поводу шприцов и медикаментов... Вы тут на конном дворе живете как в глухом лесу и ничего не слышите и не знаете. Я теперь отстранен от обязанностей ветеринара, поэтому нет у меня ничего. Теперь коновал у вас новый, Колька Бажков, сын Афанасьевича – бригадира тракторной бригады. Он уже неделю как принят к нам в совхоз: окончил техникум – и в родные края. А я – на пенсию. Говорят, методы у меня старые, знаний маловато. Вот так-то, Аким. Теперь к нему иди, хотя, я думаю, он еще не созрел для таких операций...

«Что может сделать пацан? – проводив Семена Терентьевича, думал Аким. – Правильно Терентич говорит: он еще зеленый, поди, и научился только клизмы ставить».

Всю ночь конюх не спал, то и дело забежал в станок к Рыжику, обглаживал его. Чувствуя, что жеребец горит от высокой температуры, сокрушенно мотал головой, ругал себя. От этого коню лучше не становилось, к утру шея его и бока покрылись крупным потом, ноги задрожали, и он опустился всем телом на пол, вытянув больную ногу перед собой.

Аким, убитый состоянием жеребца, сел на бревно около станка и, обхватив голову руками, замер. Он не замечал ничего – ни того, что давно рассвело, ни того, как рабочие запрягали лошадей, разъезжались по своим делам. Не заметил

он и того, как к нему быстрой, легкой походкой подошел худенький паренек, по виду – школьник-старшеклассник.

– Дядя Аким, – обратился к нему этот мальчишка, – я теперь у вас буду работать ветврачом, и мне директор обещал выделить коня для служебного пользования.

– Какого коня? – очнувшись от тяжких дум, спросил Аким. – А ты кто такой?

Он совсем не узнавал парня, да и как он мог его узнать, если раньше почти не видел, а последние четыре года тот вообще учился в городе.

– Я Бажков Николай, – представился паренек. – А коня мне нужно хорошего, чтобы я мог на нем ездить верхом.

«Значит, вот он какой, этот новый ветеринар, – подумал Аким. – Больно уж, мне кажется, шустрый. Доверить ему Рыжика или нет?»

– Бажков, значит, ветеринар, – сказал он вслух. – Алексея Афанасьевича сын. Отец-то у тебя надежный мужик. А ты как?

– Пока еще не знаю. Да и как я могу сам о себе сказать, надежный я или нет? – смутившись, ответил паренек.

«Молодец, правильно ответил», – одобрительно подумал Аким.

– Вот что, Николай, – решил он. – Лошадь для тебя есть отличная, жеребец, Рыжиком кличут. Да вот беда, больной он. Вылечишь – будешь ездить, а я буду за ним ухаживать и кормить. Никому более не дам прикоснуться к нему.

– Где он, Рыжик этот? Показывайте.

– Да вот он, здесь, – открыл дверь станка Аким.

Паренек быстро зашел в станок, смело пробежался по телу жеребца цепкими пальцами, надавил ладонью вокруг раны. А потом поднял возмущенный взгляд на конюха:

– Дядя Аким, он же ранен из огнестрельного оружия, и притом давно! Что ж вы дотянули до такой степени, там уже образовался абсцесс! Немедленно нужно делать операцию!

«Вот тебе и зеленый, – подумал Аким. – Видимо, пацан разбирается в своих делах».

– Да, это моя вина, я, полоротый, сразу не определил, что рана серьезная, – признался он Николаю. – Этот жеребец принадлежал убитому управляющему. Слышал, наверное, что у нас произошло?

– Конечно, меня как раз за день до этого приняли в совхоз. Вот что, дядя Аким. Я сейчас схожу за инструментами и медикаментами, а ты найди хороший фонарь. А то в этой клетушке темновато.

* * *

Николай Бажков с детства мечтал водить железнодорожные составы. Путь, которым он ходил в школу, пролегал через станцию поселка Лесозаводского. И Коля частенько останавливался, зачарованно глядя вслед убегающему товарному составу или пассажирскому поезду. И блестящие ровные рельсы так манили, так звали его в неизвестную даль.

Но мечты не всегда совпадают с действительностью, и, окончив восемь классов поселковой школы, Николай оказался студентом ветеринарного отделения сельскохозяйственного техникума города Мариинска. Учился с удовольствием, любил практически занятия, особенно по предметам хирургии и акушерства. Будучи еще студентом, проводил операции на животных в учебном хозяйстве техникума – порой даже сложные. Так что уважение преподавательского состава заслужил по делу и считался одним из лучших выпускников.

* * *

Аким, отыскав керосиновый фонарь, взволнованно расхаживал по загону в ожидании ветврача.

«Кто его знает, чем все это закончится? – тяжело размышлял он. – Спасителя ли бог послал или просто практиканта, которому все равно – будет этот жеребец жить или нет? Надо же ему на ком-то руку набивать».

Примерно через полчаса Николай, раскрасневшийся от быстрой ходьбы, перепрыгнул через забор загона и с ходу распорядился:

– Так, дядя Аким, хватит страдать! Открывай станок, зажигай фонарь!

Сам он стал раскладывать на чистой простыне инструменты и медикаменты. Аким, почувствовав решительность в тоне и движениях Николая, немного успокоился. Затаив дыхание, он внимательно следил за всеми действиями хирурга.

– Дядя Аким, ты чего замер? – прикрикнул на него Бажков. – Стоять некогда, будешь исполнять обязанности санитаря, то есть помогать мне!

От такого обращения Аким окончательно уверовал в благоприятный исход операции. Облегченно выдохнув, он превратился в послушно-го и старательного санитаря.

Произведя обеззараживание операционного поля этиловым спиртом, Николай обезболит рану путем обкалывания новокаином, внутривенно тоже ввел новокаин. Подождав несколько минут, острым скальпелем рассек поврежденную мышечную ткань вдоль волокон. Брызнула кровь, и из раны стала вытекать скопившаяся дрянь. Углубив рану и почувствовав, как скальпель задел за металл, хирург наконец-то извлек пинцетом картечину – крупную дробину с неровными краями.

Глядя на все эти безжалостно производимые манипуляции, Аким пару раз чуть не крикнул возмущенно: «Что ты делаешь, пацан, ему же больно!» Но, видя сосредоточенное лицо ветврача, не посмел открыть рта. Да тот, увлеченный своим делом, скорее всего, и не услышал бы конюха.

Промыв рану и обработав ее соответствующими медикаментами, Николай начал послойно зашивать разрез кривой хирургической иглой. А потом, оставив несколько сантиметров разреза книзу ноги незащитыми, вставил в него кусок стерильного бинта.

И вот тут уж конюх не выдержал:

– А это зачем? Что же, он теперь так и будет ходить – с тряпкой в ране?

– А это называется дренаж. Он не позволит всякой дряни скапливаться в ране, дорогой мой санитар! – улыбнулся Бажков, довольный хорошо проведенной операцией. – Позже мы и его удалим.

– Да, я, конечно, не знаю, что дальше будет с Рыжиком, – покачал головой Аким, – но ты, парень, далеко пойдешь! Страху в тебе нет!

– В нашем деле страх – последнее дело. Кто боялся, того еще с первого курса отчислили, – объяснил Николай. – Вот что, дядя Аким. К вечеру дашь коню полведерка теплой воды, завтра к вечеру – килограмм пять хорошего овса. Он к тому времени должен подняться. Я буду приходить два раза в день, вводить антибиотики.

– А это что за такое – анти... эти самые?

– Антибиотики разные плохие микробы убивают, ты теперь должен знать, санитар все-таки, – пошутил Николай.

«Да, парень надежный, как отец!» – подумал Аким. И, взяв чистую тряпку, начал стирать с жеребца пот.

Рыжик, ослабленный болезнью и парализованный обезболиванием, ни разу за все время операции не сделал резкого движения. Глаза его застилала мутная пленка, все происходящее он видел как во сне.

* * *

...Услышав первый выстрел, Рыжик от неожиданности вздрогнул. Прогревший второй выстрел и пронзительная боль в ляжке заставили испуганного жеребца обернуться. И он увидел, как его жестокий хозяин, прежде всегда вышавшийся над дрожками, рухнул на дно кошевки. Почувствовав, как ослабли вожжи, Рыжик развернулся и, преодолевая боль, галопом ринулся на конный двор.

Встретив его, Добрый и Равнодушный начали что-то тревожно обсуждать. Затем Равнодушный поспешил в сторону деревни, а Добрый наконец-то обратил внимание на рану Рыжика, распряг дрожки, отвел его в станок и начал чем-то промывать ногу. Затем обсыпал рану белым порошком и ушел. Боль не утихала. Рыжик стал волноваться. И не только от боли, но еще и оттого, что Добрый так быстро оставил его. Неужели не понял, в каком он состоянии? Раньше Добрый всегда был к нему внимателен...

Прошла ночь, боль усиливалась и стала опускаться к колену. Утром в станок заглянул Добрый, насыпал овса, поставил ведро с водой и удалился. Ожидая, что он вернется, Рыжик постоянно оглядывался на дверь, но напрасно. Попив воды и пожевав овса, Рыжик попытался заснуть, однако боль не позволяла.

Прошла еще одна ночь, боль усиливалась и уже овладела полностью задней ногой. Добрый опять занес воды и овса и опять ушел. Рыжик жалобно заржал вслед ему. Все бесполезно. Мучила жажда, Рыжик жадно, большими глотками выпил воду, а овес есть не стал.

Следующей ночью боль окончательно завладела всем его телом, на ногу наступить он уже не мог. Липкий пот покрывал всю кожу. Вошедший в станок Добрый вдруг замахал руками, начал бегать вокруг и браниться. Жеребец почувствовал наконец проявленное к нему сочувствие, но сил сопротивляться боли уже не

осталось и он упал на пол, вытянув вперед раненую ногу.

Добрый выбежал куда-то и исчез. Через некоторое время он вернулся в сопровождении человека, который кастрировал жеребчиков и от которого вечно исходил «химический» запах. Рыжик не испугался, в таком состоянии ему было уже все равно, кто пришел и зачем. Человек с «химическим» запахом походил вокруг, потрогал его руками. Затем люди начали о чем-то говорить. Голос пришедшего человека звучал безнадежно-растерянно. В голосе Доброго чувствовалось возмущение, а потом он стал просительным. Оставшись один, Добрый сел на пороге станка, обхватил голову руками и застыл.

Утром состояние Рыжика стало совсем скверным. Боли он уже почти не чувствовал, но ныло все тело, его колотил озноб, глаза застила дымчатая пленка. Сквозь бредовое наваждение он услышал, как его друг Добрый разговаривает с каким-то тонкоголосым человеком. Сквозь туман в глазах он увидел, как этот человек – худенький, высокий – зашел в станок и начал прощупывать его, бегая по телу тонкими пальцами. Затем этот человек вышел. А через некоторое время появился снова, почему-то весь в белом. Рыжик почувствовал, как его несколько раз укололи вокруг раны и в шею. Вскоре чувствительность тела пропала совсем. Голова Рыжика была приподнята, Добрый уложил ее на свою фуфайку, настелив под низ сена. Боковым зрением, плохо соображая, Рыжик видел, как человек в белом быстро орудует руками в его ране. Вот мелькнул блестящий маленький нож. Послышался треск разрезаемой ткани, но боли не было. Вдруг нож задел за что-то внутри раны. Пронзительная боль ударила в ногу до самого копыта, но сделать что-то в ответ силы не было. Человек в белом еще долго возился вокруг его раны, но Рыжик ничего не чувствовал. Однако почему-то догадывался, что это тоже друг, который пытается ему помочь. Вскоре этот человек ушел.

Через какое-то время боль начала возвращаться, она захватила ногу полностью, разливалась по всему телу и выжимала липкий обильный пот. Добрый теперь уже никуда не уходил. Вытирая тряпкой пот с тела Рыжика, он постоянно что-то гудел, заглядывал в его глаза, гладил по голове и иногда стонал вместе с ним.

Вечером пришел тот худенький человек, достал блестящую коробку, вытащил из нее стеклянный цилиндр и несколько раз уколол Рыжика в ногу вокруг раны, затем уколол в шею и что-то влил из другого цилиндра внутрь. Боль чувствовалась такая, что сил в ответ не было даже вздрогнуть. Но к утру боль начала ослабевать, и Рыжик заснул.

Утром худенький пришел снова и повторил все вчерашние действия. Сознание Рыжика стало проясняться, и он уже смог понять, кем по отношению к нему является этот человек. И в его голове укрепилось определение – Спаситель. Вечером после уколов Рыжик попытался встать, и это ему удалось с помощью Доброго и Спасителя.

Постепенно он начал есть овес – сначала малыми порциями, а затем перешел на обычные, которые получал до болезни. Попробовал аккуратно наступать на ногу. И, прихрамывая, гулял по загону под наблюдением своего друга Доброго. Их дружба стала еще теснее и крепче.

Но, странное дело, Рыжик все чаще стал поглядывать на дорогу, ведущую к конному двору, будто с нетерпением кого-то ожидая. И Аким с ревностью заметил, как радуется жеребец при появлении своего спасителя – нового ветврача.

21

Прошло время. Рыжик окончательно поправился и окреп. Уколы, к которым он привык, Спаситель делать перестал, но и сам куда-то исчез. Уже несколько дней его не было видно, и Рыжик затосковал. Нет, он не разлюбил своего друга Доброго, но ему явно недоставало присутствия Спасителя. Когда Добрый, напоив его и задав корма, удалялся, Рыжик, прохаживаясь вдоль забора загона, высоко задрав голову, внимательно смотрел на дорогу.

И вот однажды его ожидание оправдалось. Ранним утром, поедая насыпанный в кормушку овес, Рыжик вдруг уловил звук знакомой легкой походки. Он перестал жевать и прислушался: «Не ошибся? Нет!» Шаги быстро приближались. Рыжик выбежал из-под навеса в загон. Перепрыгнув через забор, к нему приближался Спаситель. Жеребец, радостно заржав, кинулся навстречу, сунулся неловко мягкими губами в его лицо. Затем, как бы засмущавшись, опустил голову и уперся в грудь долгожданного гостя лбом. В ответ Спаситель обхватил обеими руками эту

повинную голову и, поглаживая ее, что-то зашептал на ухо – ласковое, приятное.

* * *

– Ну вот, встретились наконец-то болезный с лекарем, – раздался сзади голос Акима.

– А, дядя Аким, привет! – обернулся Николай. – А я за Рыжиком пришел, надоело на перекладных до гуртов добираться. Их в совхозе уже больше десятка, да и расположены далеко один от другого. Помнишь наш уговор? Я лечу Рыжика, а ты его закрепляешь за мной. Или забыл?

– За кого ж ты меня держишь, Николай? – обиделся Аким. – Не только не забыл, я рад, что хозяином у него будешь ты. Теперь Рыжик в надежных руках. Надевай на него узду. И подожди, я сейчас вернусь.

Аким скрылся в «конюховке», через минуту вышел наружу, держа в руках новое красивое седло.

– А это тебе мой подарок, – застенчиво опустив глаза, прогудел конюх. – Сам шил, от чистого сердца, ездю на здоровье. Только вспомни и вторую часть нашего уговора: никому Рыжика больше не давай. Будет принадлежать нам с тобой, ты используешь его по своим делам, я же чищу, кормлю и пою его.

Оба были согласны, и уговор вступил в силу.

Как же Рыжик отнесся к тому, что новый хозяин стал ездить на нем верхом? Вспомним, он ведь уже ходил под седлом у цыган и довольно быстро привык к этому. К тому же он с детства ненавидел все эти прицепные телеги, дроги и брички, но поневоле приходилось их таскать. А тут – почти что полная свобода от упряжки, подумаешь, седло, да в нем легкий паренек. Приняв его на спину, Рыжик встрепенулся и, управляемый уздечкой, за воротами конного двора сразу перешел на рысь, широко выбрасывая красивые стройные ноги. Он будто летел, почти не касаясь земли.

* * *

Если мы, дорогой читатель, допустили, что лошадь может думать чуть больше, чем ей положено, почему бы тогда не предположить, что она умеет вспоминать? Вот давай и попробуем окунуться во фрагменты таких воспоминаний о совместно проведенном отрезке жизненного пути жеребца Рыжика и ветврача Бажкова. А отрезок этот длился ни много ни мало почти пять лет.

В первый же рабочий день с Николаем Рыжик понял, что подолгу стоять на одном месте, поедая сочную траву, ему теперь не придется. Они постоянно переезжали от одного участка к другому, и всюду Спасителю находилось дело: то он помогал появляться на свет божий маленьким телятам, то лечил обожравшихся коров, которые в порыве жадности вместе с полезной травой заглатывали и ядовитую. В общем, если описывать всю работу ветеринара, никакой бумаги не хватит, да и цель наша состоит совершенно в другом – в описании отношений двух этих героев.

А отношения между ними были поистине удивительными – с полным взаимопониманием и уважением. Конечно, от ветврача Бажкова всегда ужасно пахло разными медикаментами, но Рыжик сначала стоически переносил это, а затем постепенно привык. Зато он ни разу не уловил «химического» запаха изо рта своего хозяина и был ему за это благодарен.

В принципе, их жизнь повторялась изо дня в день: с утра – пробежка по гуртам и фермам, вечером – встреча с Добрым. Радостно приняв Рыжика из рук Спасителя, Аким начинал его чистить, кормить и поить уже капитально, а не наскоками, как это удавалось делать днем.

* * *

Но бывали и неожиданности, порой удивляющие Рыжика, а порой и пугающие.

Однажды поздней осенью они двинулись в соседнее село, расположенное в девяти-десяти километрах от Орловки. Желая сократить путь, хозяин решил проехать по льду небольшого озера. А сам, видимо, не умел управлять жеребцом в таких случаях. Вместо того чтобы натянуть повод и задрать голову коня вверх, он его отпустил; Рыжик, увидев под ногами необычную скользкую твердь, растерялся, сбился с ритма и упал на колени, продолжив при этом катиться по льду. Спаситель, вылетев из седла и оказавшись у передних ног жеребца, катился вместе с ним. Все бы ничего, но, докатившись до противоположного берега, который был не так далеко, Рыжик всей своей тяжестью придавил хозяина к откосу...

Спасли Спасителя ивовые кусты, росшие на берегу, они смягчили удар. В общем, все обошлось.

* * *

Прошла зима, по дорогам текли ручьи. Очередной рабочий день уже закончился, и Рыжик, обласканный Акимом, поедал выданный ему овес. Вдруг дверь станка распахнулась, вбежал с уздой в руках взволнованный Спаситель.

– Ну, Рыжик, давай скорее! – выпалил он, надевая узду на голову жеребца.

Рыжик, поспешив за ним, встал в загоне, ожидая, когда на него наденут седло. Но хозяин почему-то повел его к зимней кошевке. И они вдвоем с Добрым быстро запрягли жеребца в нее.

– Давай скорее, милый! – хлестнул его вожжами Спаситель.

И, почуяв передаваемую ему тревогу, Рыжик рванулся крупной рысью по обочине дороги, на которой еще сохранился снег.

Подлетели к деревенскому дому, у которого Рыжику часто приходилось бывать: как он догадывался, именно здесь жил хозяин. Спаситель забежал в дом и скоро вышел, держа под руку стонущую женщину, непривычно толстую в области живота. Усадив ее в кошевку, хозяин хлопнул жеребца по крупу вожжами:

– Ну, дружище, давай, не подведи!

В несколько минут они долетели до поселка Лесозаводского и остановились у большого длинного деревянного здания. Из него выскочили люди в белых халатах, подхватили под руки стонущую женщину и скрылись за дверью. Рыжик долго стоял, переминаясь с ноги на ногу, у забора. Часа через два из здания вышел хозяин, глаза его сияли ярким радостным светом.

– Ну, Рыжик, поздравь меня, у меня сын родился! – воскликнул он и чмокнул в нос ничего не понимающего жеребца. – Погнали домой!

Через две недели они с хозяином забирали ту же женщину из того же большого здания. Она села уже в летнюю кошевку, бережно держа в руках довольно большой сверток. Позже, услышав кошачий писк из этого свертка, Рыжик догадался, что в доме хозяина появилось еще одно существо.

* * *

Случай, происшедший в лето третьего года их совместной службы, еще раз подтвердил, что ветврач по отношению к Рыжику поистине является Спасителем.

Произошло это снова у злосчастного Змеино-го лога. Земли, находящиеся за ним, давно уже официально принадлежали совхозу, но и частники поселка не остались внакладе: они честно брали участки в аренду, и, как оказалось, сена хватило всем. Взятчика Василия Петровича из учетчиков убрали и перевели его скотником на молочную ферму.

Гурт дойных коров в тот день пасся на поле у лога со стороны Орловки. И, видимо, заболела какая-то животиная, потому что хозяин, прихватив сумку с медикаментами, направил Рыжика туда. Управились быстро и возвращались домой вдоль лога по еле заметной тропинке. Вдруг впереди Рыжик выхватил взглядом пеструю веревку, которая, извиваясь, пыталась быстро убраться из-под его ног. Хозяин тоже заметил гадюку и резко натянул поводья, но было уже поздно: жеребец наступил змее на хвост. Та взметнулась, и Рыжик почувствовал резкий укус в голень. Секунда – и гадюка исчезла в траве на склоне лога. По тому, как быстро соскочивший из седла хозяин схватил его ногу, Рыжик понял, что произошло что-то плохое. Спаситель вытащил блестящий нож из сумки и, сделав разрез на месте укуса, выпустил небольшое количество крови, после чего достал бинт и туго перебинтовал ногу выше разреза. Затем, вскочив в седло, погнал коня галопом к конному двору.

Вместе с Добрым они завели Рыжика в его станок, и тут жеребца начал колотить озноб, глаза застилала пелена. Добрый бегал вокруг, хлопая себя руками по бокам и что-то гудел. Хозяин, поймав его за руку на очередном взмахе, выпроводил Доброго за дверь, что-то наказав ему. Через несколько минут тот вернулся с другой сумкой. Хозяин достал блестящую коробку, из нее извлек несколько стеклянных цилиндров и начал обкалывать Рыжика, как два года назад.

Через сутки жеребец, пошатываясь, вышел из загон и стал медленно прохаживаться вдоль забора – к великой радости ветврача и конюха. Опять Спаситель сделал свое доброе дело.

* * *

Но и Рыжик, бывало, выручал хозяина. На четвертом году их дружбы, поздней осенью, Спаситель, придя рано на конный двор и оседлав жеребца, потом насыпал два ведра овса в мешок и закрепил его за седлом на спине коня. «Значит, путь будет неблизким», – догадался

Рыжик (хозяин всегда так делал в подобных случаях). Да и поведение Доброго подтверждало эту догадку: провожать друзей он вышел за ворота и долго махал рукой им вслед.

Выехали за село и догнали большой гурт откормленных бычков, который медленно продвигался по полевой дороге в сторону Шахтерска. Рыжик уже не раз сопровождал этих несчастных: в городе их загоняли за большие железные ворота, и оттуда они уже не возвращались.

Сопровождать их приходилось трое суток в одну сторону, так как по дороге быков подкармливали и давали им передохнуть часа два-три. В итоге до города добрались благополучно. Вновь открылись железные ворота, проглотив в несколько минут огромное стадо мычащих прощально бычков. Рыжик со Спасителем направились назад, в Орловку. Налегке преодолеть это расстояние можно было за шесть-семь часов, не напрягаясь и не расходуя лишних сил.

Выехали на окраину города, и вдруг повалил первый настоящий зимний снег. Он падал большими хлопьями настолько густо, что в двух шагах ничего не стало видно. С рыси пришлось перейти на шаг. Хозяин, подергивая повод, пытался дать определенное направление, но уверенности в его движениях не чувствовалось. И Рыжик начал догадываться, что направление тот выбрал неверное. Сам он точно определил под ногами склон того лога, где когда-то был пленен смуглыми каркающими людьми. И сейчас им со Спасителем нужно было резко повернуть направо. Но как сообщить об этом хозяину? И тогда Рыжик несколько раз резко дернул повод на себя. И Спаситель понял, чего требовал от него умный конь. Он просто отпустил повод.

Уже стемнело. Снег стал падать вроде реже, но совсем не прекращался. Однако, несмотря ни на что, Рыжик твердо знал, куда им нужно было двигаться. Маршрут этот он запомнил на всю оставшуюся жизнь. Вот та поляна, где Соловушка проломил преграду и освободила его от неминуемой гибели. Вот дорожка, огибающая село Суженское. Оставалось всего часа два ходу. Скоро под ногами оказались родные орловские поля, и Рыжик перешел на рысь.

За все время пути хозяин ни разу не дернул жеребца за повод, полностью доверяя ему. Лишь похлопывал по бокам да говорил что-то ободряюще-хвалебное. Вдруг на пути уставших путни-

ков возникли ворота. Они добрались до своего конного двора! Оба облегченно вздохнули.

Показался обрадованный Добрый, взял под уздцы Рыжика, помог слезть Николаю.

– Я вас ждал к вечеру, а сейчас уже четыре утра. Подумал, что вы заплутали, хотел ехать навстречу, да куда там – ни черта не видно!

– Да если бы не Рыжик, ты бы, дядя Аким, и к завтрашнему обеду нас не дождался! Этот жеребец порою бывает намного умнее человека.

– Это точно, – подтвердил Аким.

Рыжик, словно понимая, за что его хвалят, довольно махал головой, поедая овес из кормушки.

* * *

Вспомнился Рыжику и другой случай – неприятный. И особенно горький потому, что связан он был с расставанием со Спасителем.

Стояла уже глубокая осень. Наступило обычное утро, но Спаситель почему-то на конном дворе не появился. Привыкший к каждодневному распорядку, Рыжик прохаживался вдоль забора по загону, поглядывая на раскисшую дорогу. Выцветшее солнце проползло уже половину своего положенного дневного пути, когда он заметил приближающегося хозяина. Но что-то новое, непривычное и странное в его походке озадачило жеребца. Хозяин шел, громко чавкая сапогами, не разбирая дороги, размахивая руками и шатаясь из стороны в сторону.

Вышедший навстречу ему Добрый замер, открыв рот. Затем, встрепенувшись, начал размахивать руками и громко что-то выкрикивать. Рыжик хорошо научился разбираться в интонациях человеческой речи и понял, что конюх возмущен и крайне недоволен появлением Спасителя. Но тот, оттолкнув Доброго, зашел в «конюховку» и вскоре вышел с уздечкой в руках. Приблизившись к Рыжику, он с ходу накиннул уздечку жеребцу на голову и загнал удила в рот.

И тут Рыжика обуял ужас: от хозяина исходил удушливый, невыносимый «химический» запах! Горькая обида наполнила сердце жеребца. Произошло что-то невообразимое – подлое предательство! Столько лет он радовался, что хозяин не такой, как другие, и вот – на тебе!

Пока Рыжик растерянно размышлял, как ему поступить, хозяин без седла забрался на его спину и двинул ногами в бока, погоняя вперед. Жеребец сделал несколько шагов к воротам, од-

нако наперерез ему забежал Добрый и, широко распахнув руки, преградил дорогу. Но тот, что был наверху, больно хлестнул Рыжика поводом и пнул в бока ногами, и жеребцу ничего другого не оставалось, как обогнуть конюха и выскочить за ворота. Разбрызгивая грязь, он припустил по дороге, ведущей к молочной ферме. А тому неузнаваемому наезднику, видимо, было все равно, куда бежит Рыжик, он только толкал в бока коня ногами да постегивал поводом.

Обида в душе жеребца разрасталась все больше, требуя наказать предателя. Впереди на дороге разлилась огромная лужа, и Рыжик понял, что делать. Он резко увеличил скорость и, залетев на середину лужи, выкинув вперед ноги, встал как вкопанный. Хозяин скатился сверху кубарем и растянулся во весь рост в грязной воде. Побарахтавшись, он медленно поднялся, выловил соскочившую шапку и, опустив голову, не глядя на жеребца, пешком двинулся в сторону деревни. Рыжик, развернувшись, тоже не спеша побрел к конному двору.

Откуда коню было знать причину срыва хозяйина? Дело в том, что Николаю Бажкову предложили престижное место работы в области, но районное руководство наотрез отказалось согласовывать этот перевод, выдав ветврачу отрицательную характеристику, не соответствующую действительности. А тот все равно решил уехать, даже если такой демарш будет стоить ему партийного билета. В те времена это был невероятно большой риск: не только карьера, но и благополучие семьи оказывались под угрозой. Вот все свои горькие чувства Николай и залил горькой...

Следующим утром Рыжик еще спал, когда дверь станка открылась и появился Спаситель. Он робко протянул руку к губам жеребца: на ладони лежал большой кусок сахара. Рыжик сначала недоверчиво отдернул голову, но, почувствовав, как хозяин гладит его по спине и холке, услышав ласковые слова, которыми тот всячески пытается заглядить свою вину, взял лакомство. И потом, похрустев сахаром и проглотив его, примирительно всхрапнув пару раз, положил голову на плечо хозяйина.

Пришли конюхи Добрый и Равнодушный, они долго о чем-то толковали со Спасителем, уговаривали его, кого-то ругали. Хозяин извиняющимся тоном обращался к Доброму, тот в конце концов махнул рукой и улыбнулся, что бывало с ним

крайне редко. Затем конюхи вышли из станка, прикрыв за собой дверь. Хозяин обнял Рыжика за голову, что-то долго говорил ему на ухо, вытащил еще кусок сахара. Но жеребец выронил его под ноги, почувствовав какую-то надвигающуюся тоску, непоправимую беду.

– Ну все, Рыжик, прости за то, что я вчера натворил, – чуть слышно шептал Спаситель. – Не думал, что ты увидишь меня таким дураком. Спасибо тебе за все, что мы с тобой пережили вместе за пять лет, и прощай. Может быть, еще и увидимся!

Он чмокнул жеребца в нос и быстро вышел.

Вечером, засыпав в кормушку Рыжика овса, Аким положил руку на голову жеребца и горестно произнес:

– Ну вот и все, остались мы с тобой сиротами. Тебе он был спасителем и другом, а мне вроде как родной племянник. Уехал Николай сегодня из деревни.

22

Несколько дней Рыжик с нетерпением ждал, что вот сейчас откроется дверь станка и на пороге появится Спаситель. Но он не появлялся. Дверь открывалась, жеребец радостно оборачивался, а на пороге стоял либо Аким, либо Серега. (К тому времени, за несколько лет совместного «проживания», Серега и Рыжик подружились тоже, тем более что конюх во время дежурства перестал употреблять «химию».) Они задавали жеребцу корм, поили его, чистили, пытались разговорами и лаской утешить Рыжика. Но все их усилия были напрасны.

Рыжику не давала покоя одна мысль: «Неужели хозяин обиделся за ту выходку с лужей?» Но они же вроде помирились на следующий день. А кроме того, не он же первый начал раздор, хозяин тоже его обидел...

Рыжик стал плохо есть, похудел и никого, кроме Акима с Серегой, к себе не подпускал. И работу теперь выполнял лишь изредка и мелкую – по обслуживанию конного двора. А что особенно странно, стал он необычайно пуглив, вздрагивал на всякий громкий стук или скрип; во время выезда с конного двора, стоило пролететь через дорогу какой-нибудь бумажке, он взвивался на дыбы и потом мчался сломя голову, не разбирая дороги.

А на кобылиц он уже не обращал никакого внимания, даже серая в яблоках Зорька не прельщала его больше своей красотой.

Так прошла зима, наступила весна. Одним ясным солнечным днем Аким и Серега решили напилить в ближайшей ложбинке осинника: навес над загоном совсем обветшал и давно уже требовал ремонта. Запрягли Рыжика в дрожки, положили в них веревку, пилу, топоры и двинулись к намеченному месту – всего метрах в пятистах от конного двора. Управились быстро: навалили осинника, обрубали сучья; оставалось только стянуть волоком готовые бревна в одну кучу.

Аким привязал к хомуту веревку. Для того чтобы спуститься в ложбину, нужно было обогнуть три березы, стоящие на пути. Обогнули, и теперь веревка, зацепившаяся за березы, свободным концом своим поползла жеребцу навстречу.

Рыжик сделал несколько шагов. Вдруг перед ним зашуршали прошлогодние листья, он вздрогнул и широко раскрытыми глазами уставился в ту сторону. В траве что-то шевелилось и двигалось, извиваясь, прямо к нему. И в этот миг Рыжик увидел веревку. «Змея!» – сразу понял он. Хотел взвиться на дыбы, но в груди вдруг что-то оборвалось, острая боль отдалась звоном в голове, и тело его медленно осело на траву.

– Рыжик! Что с тобой?! – бросился к нему Аким, схватился за уздечку.

Попытался поднять голову жеребца, но та снова безжизненно опустилась на землю.

– Все, конец. Умер, – проговорил Серега. – Куда его теперь?

Но Аким не ответил. Отвернувшись, он прижался головой к березе, и плечи его вздрагивали.

Через некоторое время мужики вернулись на конный двор, взяли с собой Зорьку, прихватили лопаты. Долго рыли здесь же, в лесочке, у этих злополучных берез, большую яму. Затем аккуратно перевернули в нее Рыжика, засыпали землей, обложили могилу дерном. Аким нашел маленькую рябину, выкопал ее и посадил на образовавшийся холмик.

Зорька, наблюдая за действиями конюхов, недоуменно хлопала глазами, словно хотела спросить: «Зачем это все?»

Аким больше не проронил ни слова. Мужики молча запрягли Зорьку в дрожки, погрузили осинник, привезли на конный двор, разгрузили. После этого Аким вдруг развернулся и, закрыв за собой ворота, побрел в сторону деревни, тяже-

ло переставляя ступни. На другой день он на работу не вышел. Заболел. У него отнялись ноги.

23

Прошло три года. Осенней порой, когда природа, расплескав яркие краски и наполняя душу приятно щемящей тоской, ласкает последним солнечным теплом, от орловского конного двора в сторону леса медленно двигался старик. Большая узловатая кисть руки, сжимающая палку, на которую он опирался, напоминала о былой мощи этого человека. Однако время беспощадно... Забрав всю его стать и силу, оставило только исхудавшую согбенную фигуру с низко опущенными плечами, длинные седые лохмы на трясущейся голове да такую же седую бороду. Старик часто останавливался, шумно втягивал носом чистый воздух, всматривался в сторону ближайшего леса и, убедившись в правильности выбранного маршрута, двигался дальше.

Вот он вошел в лесок, пробежал глазами по окружающим деревьям. Сделал еще несколько шагов и остановился у росших на краю ложбины трех мощных берез. Взгляд его отыскал рябиновый куст, выросший уже в два человеческих роста, и еле заметный холмик, покрытый жухлой травой и желто-красными опавшими листьями. Постояв немного и отдышавшись, он опустил перед холмиком на колени.

– Ну, вот и я – Аким, – произнес старик. – Прости, Рыжик, не приходил я к тебе, не мог, болел. Ноги отказались носить. Если бы не наш друг Николай Бажков, я бы и сегодня к тебе не пришел. Он теперь в области большой человек, приехал в прошлом годе на машине и забрал меня в областную больницу. Я не хотел: ни к чему уже, жизнь прожита. Но он чуть не силком усадил меня в машину. Привез и врачам наказал, чтоб меня лечили, как начальника какого-то. И сам часто приходил ко мне. Нет для меня теперь человека роднее его. Вот вроде ходить начал. Хотя что толку: сердчишко никудышнее, колотится, как заячий хвост, задыхаюсь – воздуху не хватает.

Аким глубоко вздохнул, наклонился вперед и погладил дрожащей рукой могильный холмик.

– О тебе он тоже спрашивал, горевал сильно, что тебя не стало. Мы тебя часто вместе вспоминали. Жизнь нас связала и развела...

Старик смахнул набежавшую слезу широкой ладонью, потом что-то вспомнил и продолжил:

– Да, Михаил Алексеевич, бригадир бывший, вернулся в деревню. На пенсию вышел, но дома сидеть не стал. Конюхом вместо нас с Серегой работает: всю жизнь коней любил. А Серега-то помер в прошлом годе, на старости лет решил с пьянкой завязать, и, видно, зря. Сердце привыкло самогон по жилам гонять, а тут раз – и нет этой гадости, оно и остановилось.

Аким неумело перекрестился, посмотрел вокруг. Взгляд его уперся в разросшуюся рябину.

– Рябинка-то как вытянулась. Сколь лет-то прошло, как мы с Серегой и Зорькой ее посадили? – Подумал немного и перескочил на другое: – Да, Зорьку-то нашу недавно свезли. Куда? Сам знаешь куда. Занемогла, болезная, вот ее и того... А Битюка и Каштана еще в прошлом годе отправили туда же. Сейчас на конном дворе лошаденки так себе, дрянненькие. Никому они не нужны. Все трактора да машины, весь белый свет закоптили.

Он снова глубоко вздохнул, помолчал немного, взялся рукой за тощую грудь, словно пытаясь утихомирить вновь разыгравшееся сердце.

– Ну, кажется, ничего не забыл...

«А Соловуха как же?» – послышалось ему.

Медленно поворачивая голову, Аким огляделся: «Кто же это спросил? Неужели Рыжик?»

– Соловуха... – тихо начал он.

И вдруг ему показалось, что вокруг разыгралась метель, на расстоянии вытянутой руки ничего не было видно. Аким испуганно вглядывался в снежную муть, и в это время из пурги показалась конская голова.

– Соловуха! – обрадовался он. – Соло...

Замолкнув на полуслове, Аким медленно завалился навзничь, глядя широко открытыми очами в осеннее небо.

Вскоре желто-красные листья, облетающие с деревьев в последнем танце, плотно прикрыли эти глаза.

* * *

Хоронили Акима всей деревней.

Оказалось, он был не прав, когда думал, что не любит людей, а они в ответ платят ему тем же. Сам того не подозревая, всего лишь добросовестно исполняя свою работу, он любовь свою передавал людям через лошадей, которые благодаря его стараниям всегда были сыты и ухожены. А эти лошади исправно помогали односельчанам трудиться в совместном хозяйстве и содержать свое личное подворье, что позволяло людям жить, растить детей...

На прибитой к кресту дощечке местный художник Мишка Котов вывел красивыми буквами: «ЗДЕСЬ ПОКОИТСЯ АКИМ ФРОЛЫЧ БЫЧКОВ – ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК».

Какой-то сельский шутник позже приписал карандашом:

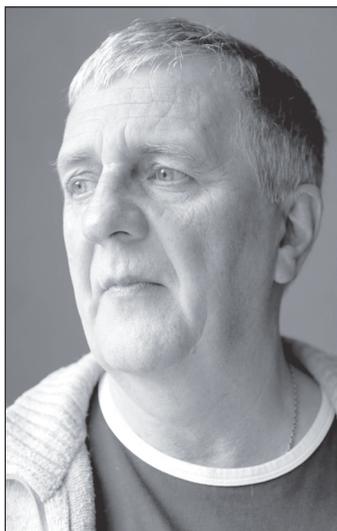
«ПРИЕМНЫЙ СЫН СОЛОВУХИ».

Дорогой Сергей Викторович! Поздравляем Вас со славным юбилеем! Ценим ваше многолетнее сотрудничество с журналом «Огни Кузбасса». Живите долго на радость своим друзьям и творите на благо Отчизне. И пусть продолжается наша дружба.

Сергей ФИЛАТОВ

ЗАВЕРНУ-КА ВСЁ В ТРЯПИЦУ ДА С СОБОЙ ЗАБЕРУ...

РУССКИЙ КОСМОС

Анатолию Краснослободцеву

В детстве, как и всем, ему мечталось
О вселенских космосах иных...

На лице – вселенская усталость,
Сплошь в морщинах века... и вины.
Иванов, а может быть, Ив́анов,
Помнящий великое родство
По скорбящим родинкам развалин –
Там, где ныне боле никого.

Все ушли: кто в вечность, кто оставив
Безымянный уголек тепла –
Жарче, чем то пламя, что мерцает
В топке ненасытного котла.

Ломит спину. Есть немного водки...
Накидать с запасом уголька,
Чтобы до утра не гасла топка,
Чтоб тепла хватило на века...

Спит хозяин. Больше нет спиртного...
Засыпая, понимаю я:
Космос кочегара Иванова
Догорает в топке бытия.

ДВЕРЬ

Рассохшийся, точно встревоженный скрип...
Гость редкий, не частый,
зачем я сюда – хоть на день, хоть на миг –
опять возвращаюсь?
Не здесь ли хоть в чем-то надежда жива? –
заснеженно, тонко –
когда б ни вернулся – зима и зима,
и дальше – поземка...

73

Пройти от калитки к крыльцу напрямик
нечищенной тропкой,
Расчистить бы впору...
как время звенит... безлюдно, негромко –
и дверь отворив,
и прервав этот звон, терзающий душу,
разбуженной двери простуженный скрип,
как память послушать...

ЧАСЫ

Куда они идут? Зачем они спешат? –
Как будто жизнь – сейчас, и завтра нас
не станет...
Реальность такова, что теплится душа,
покуда уголек ее еще мерцает.

ФИЛАТОВ Сергей Викторович родился 1 июня 1961 г. в Омске. После окончания Алтайского политехнического института в 1985 году работал по специальности, а также в редакциях ряда изданий. Участник IX Всесоюзного совещания молодых литераторов (1989). Учился в Литературном институте им. Горького. Стихи и проза публиковались в российской и зарубежной периодике. Автор 8 поэтических книг и 3 книг прозы. Лауреат ряда краевых и всероссийских премий. Лауреат сайта «Российский писатель» в номинации «Проза». Редактировал альманахи «Бийск», «Музейный вестник», «Чуйский тракт», «Бийский вестник», был заместителем главного редактора альманаха «Тобольск и вся Сибирь». Член СП России. Живет в Бийске.

Как будто полынью, затягивает льдом
Окно во внешний мир. И этой вот порою
читается легко, да пишется с трудом
и мыслится с трудом о том, что мир
огромен...

Огромен ли?.. Тик-так, вот стол, вот
стул. Окно,
затянутое мглой... Тик-так, тик-так...
А дале –
стена, еще стена. И что за той стеной,
за каждую из них?..

Лишь неизвестность давит.

Как будто воздух сжат в чулане
временном,
и вечность, как куржак, настыла над окном.

ПРИЧАЛ

Так живу в этом мире, в котором живу,
И часами могу просто слушать траву,
Просто слушать траву, просто слышать
листеу.

Потому что – живу как живу...

Кто-то в мире, возможно, не слышит
травы
И не чувствует шорох летящей листвы,
Это тоже вокруг, это тоже сейчас...
Так печаль заполняет забытый причал.

На причале, где лодка лежит без весла.
Где, я знаю, я помню, – здесь радость
жила,

И объятия, и встречи гудели гурьбой,
Заполняя пространство и годы собой.

Там встречались, потом провожали, потом
Вслед махали рукой, вслед махали
платком,
Уходили, забыв на причале печаль.
Все как мог сохранил молчаливый причал.

А сегодня его омывает волна
И рифмуется точно со словом «одна»,
И никто не причалит к причалу сейчас –
Кто захочет печалить чужую печаль?..

* * *

Памяти Николая Шипилова

В общежитии, где ангелы гостят,
Где поэты меж запоями живут –

В этом храме, словно в Спасе на... костях...
Но отсюда, Коля, нас и призовут...

Без повестки призовут, но точно в срок.
Перекурим да и бросим мы курить...
Увлеклись мы, Коля, этою игрой,
Но честнее здесь сказать, чем говорить.

Ну а коли ты запел, то нужно пить,
Потому как без питья – одно вранье.
Ну а пьют здесь, как ведется, чистый спирт,
Наливают, как известно, без краев...

Слышишь, Коля, то басовая струна
Надорвалась, как на взлете, и навзрыд...
И поехала-пошла. И понеслась
На пределе. На краю... Да под обрыв.

На краю – а людям слышится: в раю, –
Где твой голос хрипловатый зависал...
Слышишь, Коля, это ангелы поют
На твоих обетованных небесах...

* * *

Что-то неможется, как-то недужится,
Думы что листья осенние кружатся –
Жил бы да жил бы себе безболезненно,
Что-то хорошее делал, полезное...

Но аритмичность закралась в движение,
Будто бы маятник времени мается...
В сердцебиении, в стихосложении –
Ритмы сбиваются, рифмы ломаются.

Вывусь из круга ли? Или же вынесет?
Что-то не пишется, как-то не дышится...
Новое время – без роду, без имени –
Переродится и перенапишется.

Новое племя, на нас непохожее,
В мире случайное, в жизни прохожее.
Маятник мается, но не ломается –
Что-то меняется... Что-то меняется?

* * *

Опять гнилая осень на дворе...
Мну сигарету долго и бесцельно
и растворяюсь в этом октябре –
как капля в целом.

С самим собой что с небом говорить,
где даже эхо мне не отвечает.
Курить бросаю, чтоб... начать курить,
чтобы начать бросать курить сначала...

Порочный круг желаний и обид:
мы встретились... расстанемся врагами...
И осень безысходная, как быт,
и месиво из листьев под ногами...

* * *

Как надвое расколота
Сосновая тоска,
От оклика – до отклика:
Снега. Тайга. Века...

Живешь тоскуя, маешься,
Не знаешь, что и как.
Качнется ветка-маятник,
Как снег стряхнет рука, –

Сугроб в сугробы бухнется
С нее вниз головой.
И что-то в жизни сбудется.
А чаще – ничего...

СИБИРЬ

Какая краса ледяная
Лежит на столпах ледяных!
Я родину малую знаю,
Я знать не желаю иных.

Какие бураны гуляют!
Какие ложатся снега!
Да сосны в округах стреляют,
Когда затихает вьюга.

Когда все окрест замечает,
С погостом погост говорит...
Да птица снегирь прилетает
И алой зарею горит.
Озера и реки в округах
Тяжелым окованы льдом...

Но в горнице мышка-норушка
Сундук охраняет с добром.
Да дремлют тулуп с рукавицей...
И дед, почесав голову,
Расскажет мальчикам небылицу
Про чудо-юд-город Москву.

* * *

Я пожизненно врос в этот старенький двор,
Где в беседке с утра забивают козла
Мужики. А соседки ведут разговор:
Кто и с кем, что почем... про иные дела...

На веревках прищепок неслаженный строй
(Но не нотный же стан, просто спальный район),
Рядом верхняя «до» и провисшая «соль»,
На которых никак не просохнет белье.

Пусть недолго, но день изо дня по утрам
Солнце ластится кошкой домашней в окно,
И опять повторяется все как вчера,
Словно крутят по кругу родное кино.

И, как будто со дня сотворения, здесь
Тишь да гладь. Благодать и во всем,
и над всем.
Есть ли выход отсюда? Наверное, есть.
Только нужен ли он?
Если да, то зачем?..

* * *

Утро раннее, росное
За рекою встает.
Это – малая родина,
Это – мой окоем.

Светлой дымкою малою,
Только мне чуть видна,
Над рекой поднимается –
От воды – тишина...
В камышах кто-то крикает,
За лужком на юру...

Заверну-ка все в тряпицу
Да с собой заберу:
Хлеб да соль да разлитую
Тишину над водой...
Мне не надобно лишнего –
Что мое, то со мной.

* * *

Дождем пролита роца светлая,
парит земля... Христос воскрес!
Проклюнувшись, травинки свежие
пасхальной зеленью согреть
уже пытаются отчаянно
округу, брызнет все листвою
вот-вот, и чувство из-печальное
воскреснет радостью живой!

**Татьяна
ИЛЬДИМИРОВА**

**СТО СОРОК УДАРОВ
В МИНУТУ**

Повесть

Глава первая

Даша проснулась под утро от скрипа, расправшего мягкую, душную темноту комнаты, и, пока не вырвалась из сна окончательно, не понимала, что это начинает плакать Соня. Дашу вдавило в диван так, что казалось, она не сможет встать, что бы ни творилось рядом. Вокруг нее теснились стены, сдвигались шкафы, все ниже опускался потолок, и Даше чудилось, что она лежит, всеми забытая, в картонной коробке, неизвестно где и когда.

Когда до рождения Сони ее пугали бессонными ночами, Даша думала: какая ерунда, о чем тут говорить? Это же все равно, что ночь просидеть в интернете, прилечь на два часа, встать к первому уроку и написать контрольную с ясной головой. А нынешний сон совсем другой – он мутный, как вода в забытом аквариуме, и никак не уходит, цепляется за плечи, волочится за тобой.

Соня все отчаяннее и громче звала ее, и Дима недовольно толкнул Дашу в бок:

- Ты встанешь уже, нет?
- Встаю.

Даша рывком поднялась и стянула футболку. Два шага до кровати, два шага обратно. Под-

ложив под спину подушку, Даша села на кровати, прижимая к себе дочку. Маленькое существо прерывисто вздохнуло и прильнуло к соску. Медленно покачивая Соню на руках, Даша медленно съезжала обратно в полусон.

В следующий раз она проснулась, когда сквозь тюлевые занавески начинало сочиться утро. От бледного, будто разведенного света казалось, что в комнате стало прохладно. Дима спал, отвернувшись и укрывшись с головой. А она словно за всю ночь по-настоящему не спала ни минуты. Соня лежала у нее на руках.

Боясь разбудить дочку, Даша повыше натянула одеяло, подержала в руке Сонины ножки – обе теплые бархатистые ступни еще помещались в ее ладони. Даша прислушалась, как дышит Соня, и положила руку на ее животик, чтобы почувствовать, как он поднимается и опускается.

От Сони пахло свежееиспеченными сдобными плюшками. Или домашним творожным печеньем. Когда Даша была дошкольницей, она любила возиться с выпечкой вместе с бабушкой Валей, в ту пору сильной и зрячей: месить тесто, лепить из него всякие фигурки, украдкой подвядать сладковатые сырые кусочки, заглядывать в духовку. Ей и здесь, в Димкином доме, порой хо-

ИЛЬДИМИРОВА Татьяна Никоноровна родилась в 1981 году в Кемерове. В 2003 году окончила юридический факультет Кемеровского государственного университета. Последние десять лет работает юристом в банковской сфере. Публиковалась в журналах «Огни Кузбасса», «День и ночь», «Сибирские огни», «ЛиФФт», «Крым», «Дон новый», сетевых изданиях «Пролог», «Литература», «Российский писатель» и др. Автор книги повестей «Солнце». В 2011, 2014 и 2015 годах входила в длинный список премии «Дебют» в номинации «Малая проза». В 2015 году вышла в финал российско-итальянской премии «Радуга». Переводилась на итальянский. Финалист Всероссийского конкурса на лучшее произведение для детей и подростков «Книгуру» (2019, 2020), дипломант Международного литературного Волошинского конкурса (2019). Член Союза писателей России. Живет в Кемерове.

телось что-нибудь испечь, но она стеснялась лишней раз подойти к чужой плите.

В соседней комнате проснулась Тамара Ивановна, как бывало чаще всего – без будильника. Стены в доме были тонкие, и Даша слышала, как Тамара Ивановна шаркает тапочками, вздыхает, сливает воду в туалете, как шумит кран в ванной, напрягается и пыхтит чайник, нож стучит о деревянную доску, шипит масло на сковородке.

Тамара Ивановна выходила из дома раньше всех. И пока дверь за ней не закрывалась, Даша старалась не выходить из Димкиной комнаты без крайней необходимости. Потому что Тамара Ивановна на нее смотрела, а Даша не хотела, чтобы на нее смотрели. Тогда она с новой силой начинала ощущать себя посторонней и неправильной – в общем, не той. Дома Дашу вечно в полусутку упрекали, что криво режет хлеб, крошит на пол, слишком толсто срезает корочку с сыра. «Муж тебя из дома выгонит!» – сокрушался папа и весело махал рукой. Теперь Даша опасалась в чужом доме порезать криво, накрошить, забыть в раковине грязную тарелку, оставить на клеенке пятно от чашки...

Когда на телефоне заиграл будильник, Дима только глубже вполз под свое одеяло.

– Выключи, – сказала Даша. – Разбудишь же. Сколько я должна просить, поменяй мелодию, Дим, вроде же договорились. Поставь что-нибудь менее агрессивное. Я сама пугаюсь, а Сонька?

Дима хотел что-то ответить, но передумал и выключил будильник.

– Надо ее в кровать класть, – кивнул он на Соню. – Мы с тобой вдвоем тут еле помещаемся, а ты еще ребенка тащишь. Вдруг ты ее во сне выронишь?

– Она же не засыпает сама, – напомнила Даша. – Рядом с ней все время надо лежать.

– Нет, ну я ее, конечно, понимаю...

Дима замычал и попытался затащить Дашу под одеяло. Даша отстранилась от его рук, загордилась спящей Соней.

– Ты к первой паре сегодня? – спросила она.

– Да, а что?

– Думала, если ко второй, то ты бы мне помог коляску вынести. Она тяжелая, я каждый раз корячусь по ступенькам. Вчера опять лифт не работал.

– Нет, – сказал Димка, снова заваливаясь в постель, – я к первой. Или вообще не ходить? – задумался он. – Вообще-то спать хочется.

– Ты до сколько вчера сидел?

– А я не помню.

– Играл?

– Ага.

– Опять?

– Я же не просто, я так над задачами думаю.

Закинув свою ногу на Дашину, Димка шумно сопел ей в плечо.

– А что будет, если не пойдешь на пару? – спросила Даша.

– Родителей вызовут, в дневник напишут, в угол поставят, – фыркнул Димка. – Так, прекратили шуточки! Сейчас четная неделя? Вчера я был уверен, что четная.

– Я не знаю.

– Погоди-ка. – Завернувшись в одеяло, он переместился за стол и зашуршал тетрадками. – Блин, нечетная. Это беда-беда-огорчение. Значит, мне надо быть как штык, и лучше не опаздывать.

– Тогда поддержи Соню, я по-быстрому в душ схожу.

– Ну, я уже опаздываю, солнце.

– Я на пять минут всего.

Дима осторожно, будто в первый раз, принял дочку на руки. Она вздохнула и завозилась, но не проснулась.

Даша, закрывшись в ванной, встала под колкие горячие струи. Мокрые волосы облепили плечи, вода струилась по лицу. Даша замерла. В эти недолгие минуты она была одна, совершенно одна, и казалось невозможным перешагнуть через бортик ванны обратно в утренний студень, вытираться, глядя в зеркало на свое бледное отекающее лицо, накрывать на стол, о чем-то разговаривать, снова быть не одной.

Даша надеялась, что ей почудилось, но к двери ванной действительно рвался все более настойчивый плач. В дверь забарабанили:

– В конце концов! Хватит уже! Даша! Я опоздаю из-за тебя! Ты там утонула?

– Да сейчас я! – крикнула Даша, торопливо собирая в хвост сырые волосы и натягивая пижаму.

Соня в плаче изгибалась у Димки на руках.

– У тебя ребенок плачет, – сказал Дима, передавая дочку Даше, на случай, если она не заметила.

– Ты что, ее успокоить не можешь?

– Не могу, представь себе! У меня нету того, что ей нужно!

Даша выдохнула.

– Как выйдешь, поставь чайник, – кинула она, забирая Соню в комнату, – насыпь мне «Не-скафе» две ложки. Только сахар не клади, как в прошлый раз. И не съедай весь хлеб, я потом нарежу себе бутеров.

– А мама говорила, тебе кофе нельзя.

– Я сама буду решать, что мне можно, а что нельзя! Без твоей мамы! – закричала Даша из-за закрытой двери. – Не хочешь – можешь вообще ничего не делать! Господи, попросила человека, называется! Никогда никого ни о чем нельзя попросить! Как вы меня все достали!

Она вытерла о подушку мокрые щеки и легла в постель вместе с дочкой, приложив ее к груди и пристроив телефон за ее головой.

Яркие фотографии на экране сменяли друг друга.

Лиза, с которой еще полгода назад вместе сидели в школе, смотрит на нее, изгибаясь, с далекого берега моря, бирюзового и густого, как гуашью нарисованного. Лайк.

Оксана показывает семейство шиншил. Лайк. Мадинино селфи, еще одно, на переднем сиденье машины, с подписью: «Быть счастливой – это очень просто». Кто бы сомневался. Рецепт сырников. Пост, как носить объемный свитер с плиссированной юбкой. Викины котят. Реклама кроссовок. Реклама детского питания.

Лиза пьет через трубочку молоко из кокоса и получает двести лайков. Мадина, Настя и Лена, великолепная тройка, обнимаются на набережной, статус «Живи сегодняшним днем!». Спасибо за полезный совет, без вас бы не догадалась.

После рождения Сони никто из них ни разу Даше не позвонил. Лиза прислала в ватсапе музыкальную открытку с летящим аистом и слащавой песенкой, Даша нехотя напечатала в ответ «спс», и наступила тишина. Больше никто не писал ей в личку, не отмечал, не лайкал, словно Даши и не существовало, и из групповых обсуждений ее тоже исключили. Не оставили даже в группе, где обсуждали «Игру престолов».

А ведь еще год назад Лиза с Дашей считались подругами. Хотя и не такими, конечно, как с Леной, которая три года назад переехала с родителями в Москву и теперь писала Даше только по праздникам. Когда-то Даша рассказывала Ленке обо всем, а теперь никак не могла собраться и написать о том, что у нее появилась дочка.

Дима заглянул в комнату:

– Я, в общем, пошел.

– Иди, – не оборачиваясь, сказала Даша.

– Наверное, сегодня допоздна.

– Ладно.

– Мама попросила сварить картошку, половину большой кастрюли. Или хотя бы почистить. Сможешь? – Он будто хотел сказать что-то еще.

– Ага. Если будет спать одна. Сам закроешь, ладно?

Дима прошел в комнату, как был, в кроссовках, протянул Соне палец и неловко погладил Дашу по плечу. С рюкзаком на спине он был похож на большую черепаху.

Даша услышала, как повернулся ключ в замке, и пожалела, что они не обнялись по-человечески. Она оставила Соню на диване, пошла на кухню, окно которой выходило во двор, посмотрела вслед Диме и отправила ему сообщение: «Уже скушаю». Потом успела сделать два глотка остывшего сладкого кофе, сменить футболку на чистую, расчесаться и накрасить ресницы, прежде чем Соня обнаружила, что ее нет, и завопила сиреной.

Обычно по дороге в универ Дима звонил ей, и, пока он шел, они разговаривали. Даша раздражалась, когда он звонил не вовремя и будил ребенка, но и ждала звонка, а когда его не было – расстраивалась. Почему-то говорить по телефону было проще, чем вживую, и получалось откровеннее, и обсудить удавалось больше. Такие звонки напоминали ей время, когда они с Димкой только начали встречаться и никак не могли наговориться. По три часа бродили по улицам, а по возвращении домой звонили друг другу и снова говорили. О чем можно так долго болтать? Теперь Даша и не помнила.

Телефон бесполезно тренькнул: магазин косметики прислал сообщение о распродаже.

* * *

Снаружи хмурилось крапчатое, в дождевых подтеках небо. Соня с самого утра вела себя беспокойно, ерзала, кряхтела и требовала Дашиных рук. Даше казалось, что у Сони болит животик, скорее всего, это колики. Как советовал врач из детской поликлиники, Даша поила Соню специальным сиропом, гладила по пузику и разрешила ей жить на руках.

Соня, накричавшись, заснула на левой Дашиной руке, и Даша наконец снова смогла нырнуть в интернет. Она давно хотела найти в соцсетях девушку, с которой лежала в одной палате

в роддоме, и узнать, как у нее дела. Девушку звали Аней, фамилия тоже была не из редких – Николаева, было ей лет двадцать, и работала она парикмахером. Больше ничего о ней Даша не знала.

Анин ребенок родился намного раньше срока и весил девятьсот грамм. Даша и не знала, что дети бывают такими маленькими! Все мамы на этаже лежали в палатах со своими детьми, новорожденные спали рядом в специальных каталках, а Аня была одна: ее ребенка сразу после родов забрали в другое отделение и сказали, что он может не выжить. Аня почти все время проводила там, а вернувшись в свою палату, так смотрела на Сонечку и еще двух малышек, что Даше немедленно делалось стыдно. За то, что ей очень больно кормить грудью и нельзя сидеть, что больно ходить, что ее, Дашин, папа не пришел посмотреть на ребенка, за то, что она злится на Соню, которая требует еды каждые два часа, а сама не берет грудь, не берет, не берет, и отбивается, и плачет – да что ей вообще нужно?! За то, что после родов прошло два, три, четыре дня, а Даша так и не почувствовала обещанного счастья и хоть какой-нибудь любви – только усталость, стыд и страх что-то сделать не так. За то, что мама в ответ на ее жалобы спросила: «А ты чего-то другого ждала?» Аня же в это время возвращалась от своего ребенка и не сразу шла в палату, а долго стояла у окна в холле с таким лицом, какого Даша никогда не видела у людей.

Когда оказалось, что Дашу выпишут не в ожидаемый срок, а через день, она больше не могла сдерживаться: легла лицом в подушку и ее затрясло от плача. Ее одноклассницы благополучно отстрелялись, закончили год и, избавившись от школы, гуляли, показывались в сетях в цветущих яблонях и с охапками сирени, а Даша была здесь и никуда не могла выйти. Аня одна подошла и стала гладить ее по спине и говорить, что все будет хорошо. Остальные продолжали сидеть в телефонах.

Уже дома через некоторое время Даша вспомнила про Аню и попыталась найти ее в сетях. Она заходила на страницы различных Ань, Анн и Анюток Николаевых из своего города, но все оказывались не теми. Или Даша просто не могла узнать ее.

Время тянулось бесконечно. Даша быстро и беспощадно покромсала картошку, поставила ее

на плиту. И думать про нее забыла, пока вода не выкипела, а картошка не разварилась в лохмотья, и все пришлось делать заново. Потом она снова ходила с Соней на руках из комнаты в комнату, кругами от окна к окну, показывала машинки и птичек и прыгала с ней на фитболе, с которым надо бы уже начинать делать зарядку.

Несколько раз звонил городской. Даша не снимала трубку, потому что на городской звонили только Тамаре Ивановне. Ее же телефон молчал, и на ее комментарии к фотографиям Лизы и Мадины никто не ответил: Даша проверяла. Наползала такая серая, резиновая тоска, с которой остается только мыть посуду, качать пресс (фитбол!) или читать книги по программе (все равно когда-нибудь придется сдавать экзамены), хотя эти книги казались вязкими, надуманными и пыльными не только снаружи, но и внутри.

И квартира была пыльной, тесной, потертоточной, будто один большой старый шкаф. Даша, ненавидевшая делать уборку, сама от себя не ожидая, чуть ли не каждый день протирала влажной тряпкой полки и полы, но дышать легче не становилось. На стене в зале висел такой же ковер, как дома у бабушки, и на полу зачем-то тоже лежал ковер, и в каждом углу стоял шкаф, стеллаж или тумбочка, сверху донизу набитые непонятно какими вещами. Еще был книжный шкаф с пожухлыми серыми, зелеными, коричневыми томами – их никто никогда не доставал. Уродливые статуэтки. Две полки серванта с праздничной посудой, предназначенной только для гостей. Последний раз в гости приходили ее, Дашины, родители – в июне, в день выписки из роддома. Они с Тamarой Ивановной и Димой пили чай с тортом, пока Даша в соседней комнате сначала кормила Соню, а потом, когда та уснула во время еды, просто лежала, смотрела в потолок и каждую секунду хотела домой.

До сих пор, задумавшись, Даша по пути домой сворачивала не в свой двор, а в соседний. И каждый раз искала глазами окна своей комнаты, потом кухни, потом – родительской спальни. А если вдруг в вечернее время все окна были темными, она немного волновалась.

Папа не разговаривал с ней с того дня, как узнал, что Даша ждет ребенка. То есть говорил, но редко, сухо и по делу. Все равно что не говорил.

Когда Даша одна, без Сони, заходила к родителям, он придумывал себе какое-нибудь сроч-

ное дело и уходил из дома. Или закрывался в спальне, будто у него было много работы, и Даша не могла войти к нему. Становилось без слов понятно, что к нему нельзя, просто нельзя, и все, что там за компьютером сидит, сгорбившись, посторонний лысеющий человек. Но стоило Даше принести Соню, как отец менялся в лице. Он не спускал крошку с рук и ворковал таким голосом, какого Даша у него не помнила. Неужели он и с ней так говорил, когда Даша была как Соня?

– Почему он так? – спросила она однажды у мамы.

– Он все еще не может привыкнуть, – сказала мама. – Говорит, что от тебя такого не ожидал.

«Такого не ожидал». Словно Даша совершила что-то мерзкое, провинилась и не понимает этого, а не просто родила ребенка, его ненаглядную Сонечку, чуть раньше, чем положено у людей.

– Но ты подожди, рано или поздно он отойдет. Ничего же страшного не произошло. Он и сам переживает и уверен, что ты скоро вернешься домой.

* * *

Ближе к обеду стало теплее, густая облачная серость пошла прорехами и на глазах расплзлась на клочки, как старый, поеденный молью свитер. Даша одела Соню для прогулки и спустила вниз коляску, отдыхая на каждой лестничной площадке.

Соня спала в конверте, под задернутым пологом. Даша шла, не глядя по сторонам. Каждый раз, когда она выходила с Соней, ей казалось, что все смотрят на нее, на Соню и потом снова на нее, потому что она выглядела младше своих лет, ее часто принимали за тринадцатилетнюю. Даша пробовала представлять себе, что Соня – ее сестренка, но это не помогало: она чувствовала, что на нее продолжают смотреть, причем именно так, чтобы ей стало стыдно. Даше на самом деле не было стыдно, но чужие взгляды ощущались всей кожей и обжигали ее. Ей казалось, что коляска прозрачная и каждый может увидеть Соню, беззащитную, спящую, сжимающую кулачки, и хотелось закрыть ее собой, защитить от любого взгляда, но и сама Даша тоже была прозрачной, доступной для осуждения, поджатых губ, непрошеного совета. По той же причине она не выкладывала в социальные сети ни беременный живот, ни крохотную Соню и

страшно разозлилась на Тамару Ивановну, которая без разрешения разместила фотографию внучкиных пяточек на своей странице в «Одноклассниках» и получила семь восторженных комментариев.

Даша дошла до сквера за библиотекой. Она любила это место – тихое, окруженное старыми домами, невысокими, с облупившейся краской и кукольными балконами. Здесь всегда было немного теплее, чем на центральных улицах, и казалось, что и сам город другой.

Даша села на скамейку и, одной рукой покачивая коляску, достала телефон. Ноль пропущенных. Ноль сообщений. Даша сфотографировала Соню в коляске и отправила Диме с подписью: «Твоя дочь по тебе скучает».

– Даша! Я только недавно тебя вспоминала! – услышала она знакомый голос.

Лиза улыбалась ей радостно, словно они встретились в школе после каникул.

– Я думала, ты в Тае, – сказала Даша.

– Мы прилетели в прошлую субботу. Я постепенно фотки разбираю и выкладываю.

– И как там? Хорошо? – задала Даша банальный вопрос.

– Ты знаешь, у них же летом сезон дождей. Мы летели и не знали, повезет или нет. И было три дня, когда пришлось сидеть в отеле, потому что дождь лил без остановки, сплошной стеной! Мы, конечно, ездили гулять в торговый центр, но все равно это не то. А потом снова стало жарко. Мы с Пашей брали байк. Мама нас убила бы, если бы узнала.

Паша был Лизиним братом.

– Страшно?

– Очень. Там все ездят как попало. Ты же была там, да? Я помню, что была. Короче, я на всех поворотах глаза закрывала. А Паша, наоборот, любит скорость, я чуть не умерла с ним, ехала с закрытыми глазами, короче, повторять я это не стала.

– Что ты тут делаешь? – спросила Даша.

– Да я же вон, – Лиза показала на Дом культуры в конце сквера, – на танцы ходила. Только там идиоты все. Я психанула и ушла.

– Что случилось-то?

– Да ничего! Мы со Стасом с первого класса вместе танцуем! Я всего два занятия пропустила, пока мы были на море! Прихожу, а его с какой-то девчонкой новой в пару поставили. А меня одну оставили. Вроде бы как пока все не вышли после каникул, а потом видно будет. Ну

что это – «видно будет», мне пока вообще туда расхотелось, а главное, Стаса-то все устраивает. Ты-то сама как?

– Я нормально. – Даша замолчала и поstrarалась улыбнуться.

– Покажешь?

– Смотри. – Даша приоткрыла полог коляски, чтобы Лиза заглянула в нее.

– Лапочка какая, – заулыбалась Лиза. – Малышечка. На кого похожа?

– Мы сами не знаем. Вроде на Димку больше, чем на меня. Дима говорит, что губы мои, а глаза его, серые, – сказала Даша и снова укрыла Соню.

– Как назвали?

– Соня.

– А чего такое имя популярное? У нас в классе три Сони.

– Это в честь Диминой бабушки. А я еще решила, что, может быть, спать будет хорошо.

– И как спит?

– По-разному, – хмыкнула Даша. – Бывает, что плохо, а бывает, что и очень плохо. Слушай, – произнесла она после паузы, – что про меня говорят в школе?

– Ничего, – ответила Лиза.

– Так уж и ничего?

– Ладно. Вместо биологии приходила тетка из центра планирования семьи и рассказывала, как важно соблюдать осторожность и какие бывают способы. Все ржали, как психи. А Лариса Степановна на каждом уроке сообщает, как ей плохо без Рыковой, потому что остальные все забыли за лето, а вот если бы пришла Даша... Ну, и еще физрук. «Рыкова так сильно не хотела сдавать нормативы, что с перепугу родила».

– Придурок.

– Это точно.

– А наши говорят что-нибудь?

– Слушай, это же неважно на самом деле. Но ничего особенно обидного. Я бы точно не обиделась. Так, прикалываются, дурацкие шутки, честно. Мне кажется, на самом деле многие сочувствуют. Кто-то и завидует, у вас же любовь и вообще. Ты лучше скажи: больно было?

– Больно, но терпимо, – сказала Даша. – Я думала, будет хуже.

– Интересно, почему в сериалах тогда все рожаящие орут как резаные?

– Я тоже боялась, что так буду орать, но мне сделали укол в позвоночник, и потом почти не было больно. Только очень-очень тяжело все

равно, у меня никак не получалось. Ты как будто выпихиваешь из себя волейбольный мяч, – призналась Даша. – Или вообще баскетбольный.

– А укол больно?

– Укол как укол. Только когда его делают, нельзя шевелиться, а я очень боялась, что дернусь.

– Вообще не могу себе это представить, – отворнулась Лиза. – Ты когда вернешься? В этом году? С нами будешь сдавать?

– Нет, я год пропускаю, – сказала Даша.

– Ну да, нам говорили. Но это ты зря, я считаю. Я бы на твоём месте старалась все успевать. С другой стороны, меня так все достало, – вздохнула Лиза.

– Это тебя за неделю уже все достало?

– Конечно! Ты что, забыла нашу школу? Меня уже ко вторнику все достает так, что хоть плачь. Слушай, – она вынула мобилку, – скажи мне свой номер, а то у меня старый телефон украли. Надо как-нибудь встретиться всем вместе, ты же можешь ее с кем-нибудь оставить?

– Она ест примерно каждые два часа и не спит без меня, так что...

– Как это – не спит без тебя?

– Надо рядом с ней лежать. Она просыпается, если я отхожу. А иногда вообще надо ее спящую на руках держать.

– Ну проснется, и что?

– Будет орать.

– Я бы на твоём месте точно свихнулась, – решительно сказала Лиза.

В последний раз Даша видела ее в мае, за месяц до рождения Сони. К тому времени Даша перестала ходить на уроки и в очередной раз шла в клинику – через школьный двор, чтобы сократить путь. Она шла животом вперед, как дирижабль, и казалась себе невозможно толстой. Кое-где лежал снег, но день был по-летнему теплым. Лиза с девочками без курток сидели на скамейке у спортивной площадки. Даша хотела сесть с ними, потрындеть как ни в чем не бывало, если бы они потеснились. Но Лиза взглянула на Дашу так, будто никогда ее не знала, а остальные вообще никак не смотрели на нее.

– А на бездник мой придешь? – спросила Лиза. – В субботу в семь у меня. Родителей не будет.

– Может быть, – ответила Даша. – Я не знаю.

– Ты скажи, если бы не ребенок, ты хотела бы прийти?

– Ага.

– Вот и приходи. Обязательно приходи, слышишь?

Соня начала возиться и поднывать.

– Что это она у тебя? – спросила Лиза.

– Может, голодная, может, холодно ей.

– А как ты ее понимаешь?

– Методом проб и ошибок. – Даша вынула дочку из коляски и принялась ее укачивать. – Ты же, например, свою кошку понимаешь, хотя она и не говорит.

Сонины щечки были холодными. Лиза погладила Соню по ножке:

– Правда, хорошая такая, словно куколка.

Пока Даша качала Соню, Лизе позвонил отец, и она ушла. Даше показалось, что с облегчением. Она посмотрела ей вслед: Лиза уходила быстро.

Соня, почуяв, что мама отвлеклась, по-настоящему раскричалась, так что Даше пришлось почти бегом катить коляску домой. Пока коляска ехала быстро, Соня повизгивала, а когда пришлось остановиться на светофоре, она завывала сиреной.

Пожилая женщина, упакованная в пальто от шеи до лодыжек, похожая на Дашину учительницу физики, нагнала их, легко, будто это само собой предполагалось, отодвинула Дашу от коляски и, подняв полог, наклонилась над Соней.

– Ну что же ты так кричишь, что же ты так плачешь, что случилось с такой замечательной деткой? – заворковала она мягко, будто рассказывала сказку. – Наверное, мама тебя не покормила вовремя? Наверное, тебе холодно в такой легкой шапочке? Ты моя бедная! А ты посмотри, – она обратилась к Даше уже нормальным голосом, – у ребенка уши голые. Шапка сползла, все уши наружу. Да и шапка... для красоты же куплена, не для тепла.

На секунду Даше почудилось, что эта посторонняя безумная тетка готова выхватить у нее коляску и укатить к себе домой. Женщина уже самостоятельно шуровала внутри, поправляла на Соне шапочку и байковое одеяльце. Оттого, что чужие руки прикоснулись к Сонечке, Дашу бросило в жар. Она едва сдержалась, чтобы не вырвать коляску силой.

– Ей же сквозит, не понимаешь, что ли? Знаешь, сколько я отитов видела у таких маленьких? Заморозила ребенка. Конечно, она у тебя кричит. Малышка плачет, сердце кровью облива-

ется, а ты даже на руки ее взять не можешь. Как будто ты ей не мать.

«Вы что? Это моя сестра», – хотела ответить Даша, но вместо этого развернула коляску и сказала:

– Мне пора ее кормить.

Кого она обманет? Ей снова казалось, что все женщины вокруг по умолчанию знают правду: видели Дашу в клинике или в роддоме или слышали про нее от мамы, от Тамары Ивановны, от кого-нибудь из школы. И она одна в толпе наглых, вездесущих, громогласных женщин, каждая из которых точно знает, что и как делать правильно, как жить верно, а как – нельзя, и от их коллективного знания не спрятаться и не скрыться. Даше было очень страшно когда-нибудь стать такой же.

– Могла бы и спасибо сказать! – донеслось до нее сзади. – Молодежь! Что, в интернетах ваших ничего не пишут про вежливость и благодарность?

Даша сделала вид, что ничего не услышала, и ускорила шаг.

* * *

Дима вернулся домой в половине восьмого. Даша, как и утром, кормила осоловевшую Соню, лежа на диване. Тамара Ивановна на кухне смотрела сериал про больницу и жарила котлеты. От запаха лука, разнесшегося по всей квартире, Дашу мучило. Она не выносила лук, особенно в сочетании с мясом, а Тамара Ивановна, как назло, верила в лук как в средство от всех болезней и щедро строгала его во все блюда.

– Ты долго, – прошептала Даша, увидев Диму. – Где был?

Он бросил в угол спортивную сумку и ехидно ответил:

– В библиотеке.

– Врешь!

– Четыре пары, потом тренировка, потом надо было состыковаться кое с кем.

– Тебе так уж обязательно ходить на эти тренировки? И состыковаться, наверное, можно было в другой день? Я тебя жду, твой ребенок тебя ждет.

Дима, как был в уличных джинсах, лег к ним на диван, обнял одновременно Дашу и Соню, провел большим пальцем по Сониной щечке и спрятал лицо в Дашиных волосах.

– Как тут мой Сочень поживает?

– Ты бы переоделся сначала, – сказала Даша. – В уличной одежде, руки не помыл, ребенка хватаешь.

Она бы хотела говорить ему совсем другое, и чувствовать она тоже хотела другое – радость оттого, что он наконец пришел. Но с его приходом в комнате стало тесно и душно, его рука лежала тяжестью на ее боку, пахло от него спортивным залом и отчего-то – ненавистным луком, он был слишком рядом, его было слишком много. Он целый день занимался интересными делами, ходил на волейбол, общался с людьми, умеющими говорить, с людьми, для которых он был своим, и Даша отчаянно ему завидовала.

– Я что, не могу спокойно домой прийти? – громко зашептал Дима. – Где был? Что делал? Почему не звонил? Могу я просто отдохнуть или нет? Мне еще к семинару готовиться. Я все понимаю, но и ты тоже пойми!

Он был тысячу раз не прав, но Даша не хотела ссоры.

– Ты не забывай, я тоже устаю, – сказала она.

– Гулять ходили?

– Да. Дим, ты переоделся бы все-таки.

– Я купил всем эклеры, – вспомнил он и пошел в коридор.

– А хлеб в этом доме никто не купил? – закричала с кухни Тамара Ивановна.

– Я схожу! – закричала в ответ Даша.

Рядом было несколько магазинов, но Даша выбрала торговый центр, что подальше. Она купила полукруг ржаного и батон и поднялась в фуд-корт, на самый верхний этаж. Даша часто после школы сидела здесь с компанией и теперь надеялась встретить хоть кого-то. Она взяла кусок пиццы, колу и села за столик на одного.

Дважды позвонила мама – Даша не ответила, потом принялся названивать Дима, и тогда она вообще отключила телефон. Есть, не заглядывая в телефон и не болтая, было странно и не очень вкусно. Вокруг сидели счастливые люди: они были с друзьями, могли сидеть здесь допоздна, их не дергали звонками каждую минуту, они могли пойти в кино (Даша полгода не была в кино), или по магазинам, или просто гулять. Даша снова почувствовала, как сильно отличается от них. Не внешне. Но ее как будто выкинуло из привычного круга нормальных людей, и теперь ей оставалось только смотреть на них со стороны.

Надо было торопиться, но она все-таки заскочила в «Л'Этуаль», чтобы брызнуться духами и купить бальзам для губ в подарок Лизе. По дороге домой она останавливалась и вдыхала с запастью прохладный жасминовый аромат.

А прежде чем зайти домой, Даша еще несколько минут стояла на лестничной площадке. Она ни о чем не думала, просто стояла, пока могла еще чуть-чуть побыть Дашей, а не мамой, не «твоей Дашей», не «Дашей-ты-что-так-долго-тебя-только-за-смертью-посылать».

Глава вторая. Пять недель

Осень была теплой и ароматной, как спелая тыква, почти до последних дней октября. Даша таскала летние кроссовки и расстегнутую куртку, а на большой перемене выходила с девочками посидеть на стадионе и вовсе без куртки: солнце не давало замерзнуть. Все изменилось в один день, а точнее, в одну ночь: когда утром Даша спустила босые ноги на пол, она словно ступила в августовскую речку.

– Даша, надень под джинсы колготки, – сказала мама, наматывая на шею огромный клетчатый шарф.

Колготки! Под джинсы! Дашу аж передернуло.

– У меня от них ноги чешутся!

– Странно, у меня почему-то не чешутся. Надевай, лето кончилось.

Даша колготки надевать не стала, но, посмотрев в окно, вместо сетчатых кроссовок обула грубые осенние ботинки. Уже на лестнице она почувствовала, что даже через носки ботинки натирают пятки. Особенно правую. Хорошо, что до школы недалеко.

Выйдя из подъезда, она едва не упала – поскользнулась на ступеньках, покрытых едва заметной снежной пудрой. Даша поглубже спряталась в куртку: ветром хлестнуло по лицу, холодом обдало открытые лодыжки. Тонкая ледяная корка на асфальте приятно хрустела под ботинками, и Даша специально шла так, чтобы хруста было больше. Ей казалось, что и воздух – дымчатый, мерзлый – тоже скрипит. Так странно: когда приходит зима, тебе сначала очень-очень холодно, всегда холодно – и на улице, и дома; а к середине декабря уже привыкаешь и в минус двадцать гуляешь как ни в чем не бывало, иногда даже и без шапки.

В кармане пискнул телефон, это Дима прислал первое утреннее сообщение. По утрам они всегда обменивались смешными картинками

или роликами с ютуба. Сегодня он скинул ей большого кота, спящего на батарее.

На втором уроке пошел нешуточный снег, сразу, без разминки. Снег валил щедро, здоровенными, с виду теплыми хлопьями, и в классе стало по-особенному светло.

– Смотри. – Лиза толкнула Дашу в бок.

Юрка по фамилии Пашот с ногами забрался на подоконник, сдвинув в сторону цветы, и продолжал слушать историка, разглядывая снегопад через свернутую трубочкой тетрадь. Потом он приоткрыл окно, зачерпнул с карниза горсть снега и, спрыгнув на свое место, затолкал его за шиворот соседу Саньку. Тот молча продолжал строчить в тетради.

– Ты что, вообще ничего не пишешь?

Даша взглянула на дважды подчеркнутое слово «Реформы» на пустом листе и ответила Лизе:

– Ручка сдохла.

– Возьми мою.

– Да ну, это все в учебнике есть, – сказала Даша и опустила голову на руки.

В классе стоял обычный негромкий гул, считавшийся тишиной и порядком. В нем сплетались безразличный голос учителя, скрип стульев, легкое потрескивание ламп, шаги в коридоре, шелест тетрадей и едва слышная мелодия: кто-то играл в телефоне. По полу между ногами учителя бегал огонек лазерной указки. Павел Олегович продолжал невозмутимо диктовать тем, кому это надо.

– Зима, – вполголоса сказали сзади.

– Пойдем лепить снеговика!

– Ты что, маленький?

– Слышь, а давай из Ванюшина лепить снеговика!

Даша посмотрела на Саньку: он сидел, маленький и сутулый, продолжая записывать за учителем, словно говорили не о нем.

– Еще десять минут, – вздохнула Лиза.

Даша проверила телефон: ни одного сообщения. Ей показалось, что если она просидит в этом классе еще хотя бы две минуты, то вскочит на ноги и по-дикому завопит во все горло. Павел Олегович продолжал монотонно читать книгу о том, что было давно и неправда. А даже если и правда, все равно о том, что никак не могло касаться ее, живой Даши, о том, что было совсем не нужно ей – и раньше тоже, а сейчас тем более. И это был только второй из пяти сегодняшних уроков.

Следом шла литература, где Дашу неожиданно похвалили за сочинение, хотя она даже не старалась и написала первое, что в голову пришло. Это тоже было неважно. Здесь, в школе, вообще не могло случиться ничего важного, здесь не было ничего, похожего на настоящую жизнь. Зато Дима написал, что встретит ее после уроков. Теперь каждая минута казалась еще длиннее предыдущих, болела натертая нога, доска была едко-зеленой, писатели с портретов смотрели с ехидцей и осуждением, особенно Некрасов: доля ты, горькая долюшка женская, вряд ли труднее сыскать. От Иры, сидящей спереди, оглушительно разило духами. У мамы тоже были такие духи, прежде Даше казалось, что они пахнут приятно, и Даша иногда брызгала ими на себя. Больше никогда!

Анна Ивановна ходила между рядами и смотрела, кто чем занят. Не ругалась, просто смотрела, и поэтому приходилось что-нибудь записывать. Анна Ивановна никогда не присаживалась на уроках, даже когда все писали сочинение, и даже после сложного перелома ноги, прихрамывая, ходила по классу, иногда поглаживая кого-нибудь по голове или по плечу. Даше Анна Ивановна напоминала бабушку, и, наверное, не только ей, потому что в классе эту учительницу звали Бабаней.

– Что с тобой, Даша? – спросила Анна Ивановна, положив руку ей на плечо.

– Ничего.

– Ты что-то бледная, тихая. И не слушаешь совсем.

– Я слушаю.

– Ты не заболела?

– У меня болит живот, – призналась Даша.

Позади кто-то противно засмеялся, и у нее вспыхнули щеки. Внизу живота, сжавшись в плотный комок, лежал колючий страх. Этот страх был с ней уже третью неделю даже во сне, был первым, что ощущала Даша каждое утро, и не оставлял ее ни на минуту.

– К медсестре пойдешь?

– Я потом, на перемене, – быстро ответила Даша. – Я на самом деле слушаю, мне интересно.

Она соврала – потому что Бабаня всегда радовалась, если кто-то ее внимательно слушал или задавал вопросы. А соврать было несложно.

– Это оттого, что вы едите что попало, – сказала Бабаня и пошла дальше по проходу. – И пьете колу. Верно, Пашот?

– А что сразу я-то? – привычно спросил Пашот.

– У тебя пустая банка под стулом. Я всегда говорила, что такие напитки изуверские в школе продавать нельзя. А ты, Даша, сходи к медсестре обязательно. Живот – это может быть серьезно.

Снег все шел и шел, и хорошо было бы выйти во двор хоть на минутку, зачерпнуть снега полную горсть и там же прикладывать его ко лбу, к щекам, сжимать в кулаках, пока не замерзнут ладони, а остатки положить в рот и долго рассасывать, как леденец. Пока он еще чистый, новорожденный.

На большой перемене Даша вышла из столовой, где витали запахи подгоревшего молока и картофельного пюре, и стукнулась к медсестре. Она пожаловалась на живот, ответила на пару обычных вопросов и получила таблетку, которая должна была унять боль, и справку, чтобы пропустить физкультуру. На это и был расчет. Даша зашла в спортзал и, опустив глаза, предъявила справку длинному и тощему, как фонарь, физруку, который искренне считал свой предмет самым важным. Физрук двумя пальцами взял справку и с подозрением поднес ее к глазам.

– Живот, – заторопилась Даша. – Очень болит. Я сегодня пропускаю.

– Пропускаешь и пропускаешь. Сколько можно уже? Нормативы кто за тебя сдавать будет, Владимир Владимирович Путин? На ГТО сколько человек из вашего класса записалось?

Даша пожала плечами и села на скамью в дальнем углу зала, предназначенную для освобожденных и больных. Вскоре к ней подсела Настя и сразу углубилась в телефон. Остальные сегодня играли в волейбол, без особого азарта перекидывая мяч через сетку. Физрук бежал по залу и давился свистком. Даша тоже достала телефон и стала смотреть фотографии, листая назад, к их с Димкой общему лету, к поездкам на дачу и на речку, к рок-концерту на площади и долгим велосипедным прогулкам по окрестностям. Даша постоянно снимала совместные селфи и листала их перед сном или когда приходилось долго и нудно чего-то ждать.

– Это кто? – спросила любопытная Настя, заглянув через плечо. (Даша как раз дошла до фотки, на которой Дима в контактном зоопарке пытался снять с себя носуху.)

– Да так, никто, – ответила Даша и погасила экран.

– Как будто так ответить сложно, – скривилась Настя и отвернулась. – Можно подумать, мне правда интересно. Урод какой-то.

– Настенька, учи биологию, это носуха. – Даша прикинулась дурой, и Настя фыркнула в ответ.

Последним уроком был факультатив по обществу, и Даша на него не пошла. Всю физру она отсиделась на лавке, но ей казалось, что от нее несмываемо пахнет чужим потом, древней пылью гимнастических матов и резиновым мячом, и нужно было срочно выйти на свежий воздух, иначе все почувствуют, как от нее пахнет, и это будет ужасно. Ее мутило от столовской еды, и во рту сохранялся привкус комковатого пюре. Невыносимо хотелось колы.

«Что молчишь», – неожиданно написал Дима. Даша трижды начинала набирать ответ, но в конце концов отправила грустный смайлик и вслед еще одно сообщение: «Устала». Он немедленно ответил: «Перенесем на завтра?» «Хочу погулять прямо сейчас», – написала Даша.

Димка не отвечал долго, минут сорок. Наверное, передумал с ней встретиться. Даша и сама перехотела. Она купила в ближайшем магазине вожделенную колу и, сидя на заснеженной скамейке в чужом дворе, залпом выпила две трети бутылки. Снова замерзли ноги, но это был приятный, бодрящий холод. Бабушка, кутая ее в детстве, говорила: «Жар костей не ломит», а Даша, ненавидящая вариться и потеть в лишней одежде, не понимала, чем это жара лучше холода. Куда лучше десять раз озябнуть, чем один раз вспотеть.

От холодной газировки ломило зубы и щекало в носу. Даша проверила телефон и увидела три неприятных вызова, все от Димки. Она не стала ему перезванивать. Вместо этого начала гуглить «причины задержки», но, не закончив, стерла запрос.

* * *

Дима подошел к Даше со спины и закрыл ей глаза ладонями. Она не узнала его рук и на долю секунды испугалась:

– Ты чего подкрадываешься?

– Я не подкрадываюсь, я собирался тебе звонить, смотрю, а ты тут сидишь. Ну что, куда пойдём? Гулять? На набережную? – Он отряхнул ей плечи и капюшон. – Ты не замерзла си-

дочь в сугробе? У тебя на плечах по килограмму снега.

– Я не хочу нигде ходить, я ногу стерла.

– Пойдем тогда ко мне посмотреть «Ходячих мертвецов».

– Ты один? – спросила Даша.

Она побаивалась Тамару Ивановну и старалась пореже попадаться ей на глаза. Тамара Ивановна смотрела на всех так, будто заранее ждала от людей чего-то плохого. Даже когда улыбалась и была приветливой, она как будто знала, на что действительно способен человек. Даше чудилось, что Тамаре Ивановне известно, как она украдала из магазина шоколадку, как в первом классе соврала, что Пашот толкнул ее в лужу, и каким словом назвала саму Тамару Ивановну в недавнем разговоре с мамой.

– Нет, конечно, я с тобой. Ну? Так мы идем? Или я тебя домой провожу?

– Идем, – ответила Даша. – Ты мне только физику реши.

– И алгебру, видимо, тоже. Решу, куда деваться, когда встречаешься с гуманитарием...

Квартира была свободна. На кухонном столе лежала записка: «Свари себе пельмени».

– Пельменей хочешь? – спросил Димка.

– Может, позже.

– Нет, ты сразу говори, чтобы я знал, сколько штук варить.

– Тогда буду. Штук десять. И не в чайнике.

– Не понял.

– Это наш домашний прикол. Когда папа студентом был, они с другом в общежитии, в своей комнате, варили пельмени в чайнике, чтобы не идти на общую кухню и ни с кем не делиться. Папа это не только рассказывал, но и показывал: натолкал пельменей в электрочайник, и они там к чему-то прилипли... Мама сильно потом ругалась.

Даша забралась с ногами на узкий кухонный диванчик и грела руки о чашку с чаем. В этом доме все пили самый простой чай, черный из пакетиков, без всяких церемоний, а как полагается – со сладким. Ее же мама постоянно сидела на диетах, старалась не приносить в дом сладости и ругалась, если их покупали Даша или папа. Даша пронесла шоколад тайком, хранила у себя в сумке и ела тоже тайком, в своей комнате. Папа иногда просил поделиться захламленным.

Даша надкусила пряник и достала пакетик из чашки; передержала – чай стал слишком крепким. Положила руку на живот: страх, пригрев-

шись, засыпал и почти не шевелился. Можно было представить себе, что все в полном порядке. Как было раньше.

– Что в школе? – спросил Димка, бросая в кипятильник пельмени.

– Ничего нового, – откликнулась Даша.

– Вызывали?

– Может, ты еще и электронный дневник посмотришь?

– Да я так просто спросил, чего заводиться с пол-оборота? Сидишь грустная, нервная... Будто не рада, что увиделись.

– Так я грустная или нервная?

– Да не знаю я. Не такая, как обычно.

– Наоборот, все как всегда. Это-то и достало.

Каждый день одно и то же.

– А я в Москву лечу на каникулах, – сообщил Димка с радостной улыбкой, которую и не пытался скрыть.

– На все каникулы? – расстроилась Даша.

– Наверное. Вначале конкурс. Это три дня, потому что три этапа и культурная программа. А потом мама договорилась, чтобы я на остаток каникул поехал к ее сестре. Чтобы не просто туда и обратно, а было время немного погулять. Я себе столько всего запланировал!

Даша вздохнула:

– Я бы тоже хотела.

– Ничего. Вот когда поступим...

– Ты-то точно поступишь.

– Ага, щас. Я упорно на тестах валюсь. Репетитор говорит, у меня нестандартное мышление. Я как тест вижу, так мозги сразу набекрень. Во будет прикол, если ты поступишь, а я – нет.

– Со второй попытки точно поступишь, ты же юный гений.

Димка был всего на месяц старше ее, но уже в одиннадцатом, потому что после первого класса перескочил сразу в третий. А с восьмого класса он перешел учиться в престижную гимназию, что была неподалеку. Дашин папа преподавал там историю, и у Димки тоже (по истории у него было между уверенной тройкой и слабой четверкой).

В седьмом классе Даша тоже сдавала экзамены в эту гимназию. Родители настояли хотя бы попробовать. Поступить было сложно. Даша очень волновалась, недобрала два балла и не прошла. Наверное, отец мог бы помочь, поговорить с кем надо, договориться, как все нормальные папы, но он не стал. Принципиально. И ина-

че нельзя: другие дети были лучше, ты плохо подготовилась – остаешься в старой школе. Даша на отца почти не обиделась, а вот мама – еще как (принципы дороже дочери!) и не разговаривала с ним четыре дня.

– А я, может быть, на зимние праздники уеду, – сказала Даша. – Мама предложила во Вьетнам на Новый год. Они с папой уже выбирают отель.

– Так это же здорово!

– Это, наверное, очень здорово, и я хочу поехать, я ни разу не была на море зимой. Из зимы в лето, ты только представь! Но я думала, мы вместе отметим. Вместе с тобой, Дим.

– Тебя разве отпустили бы? – Он усмехнулся.

– Ты же сам говоришь, нет ничего невозможного для человека с интеллектом.

Ее родители предпочитали выпить в полночь по бокалу шампанского, поесть бутербродов с икрой и мандаринов и лечь спать, как в самую обычную ночь. Даша надеялась, что ей удастся незаметно вернуться домой поздно, когда родители уже будут спать.

Димка поставил на стол две тарелки с пельменями:

– Давай уже, ешь, человек с интеллектом.

Он заедал пельмени хлебом и шумно прихлебывал чай. Даша неохотно ковырялась в тарелке и в сотый раз разглядывала магниты на холодильнике. Вон тот, «Крестный отец», в прошлом году привезла из Италии Даша. Страх у нее в животе снова приподнял голову, и не только смотреть Димке в глаза, но и просто смотреть на него было сложно.

– А кто еще в Москву едет? – спросила Даша.

– Егор Михалыч, это наш физик. Ну, еще Кира.

– Кира, значит.

– Вот только не надо начинать.

– Я и не начинаю вовсе, – сказала Даша и, не жуя, проглотила горячий пельмень. – Я прикалываюсь вообще-то, не понял?

Серьезная глазастая Кира жила с Димкой в одном подъезде. Их мамы дружили, и Кира с Димкой тоже дружили с незапамятных времен. Даша не ревновала. Ревновать стыдно, Кира ей просто не нравилась. Она часто звонила Димке, Даша знала это, потому что время от времени на всякий случай проверяла его телефон.

– Кира едет с мамой. Ей там тоже что-то надо.

– Да мне вообще-то без разницы. Ты лучше скажи, у твоей мамы сегодня есть тренировка?

Тамара Ивановна дважды в неделю ходила на восточные танцы и в дни занятий возвращалась поздно, когда Даша уже была у себя дома.

– Нет, сегодня же среда.

– Точно.

Димка поставил на стул ноутбук и включил очередную серию «Ходячих мертвецов». Даша, как обычно, забралась с ногами на диван и легла, положив голову ему на плечо. Было неудобно, даже очень неудобно. У Димки, оказывается, очень острое плечо. Даша потерлась о него щекой и сползла чуть ниже – все равно неудобно, легла головой к нему на колени. Димка положил руку ей на волосы и машинально гладил, как кошку.

Внутри у нее все дрожало. Вроде как даже подпрыгивало.

– Если замерзла, вон плед, – не отрывая взгляда от экрана, сказал Димка.

Даша взяла оранжевый плед и, укрывшись, легла на то же место. Согреться не получалось, она словно мерзла внутри, а не снаружи. Даша снова налила себе чаю и, выпив половину чашки, села рядом с Димкой, закинув ноги ему на колени. Ноги быстро затекли. Даша почти не замечала, что происходит на экране, даже когда серия закончилась и Димка включил следующую.

Промелькнула невозможная мысль: сказать. Вот так просто: взять и сказать.

Кажется, я...

Может быть, но это еще не точно, я...

Как продолжить, Даша не знала. Потому что все сразу изменится. Скажет – и все сразу станет другим, в следующую же секунду.

А если не сказать, все еще может решиться само собой. Сегодня, завтра или на этой неделе. Так бывает. Окажется, что все страхи напрасны, что она себе все напридумывала. Напридумывала – какое хорошее слово. Даша читала: сильнее всего человек боится того, что никогда с ним не произойдет.

Она снова представила себе, как говорит: «Дима, ты знаешь...»

Какое у него будет лицо? Что он ответит?

Хотя всегда же можно поспешно добавить: «Шутка...»

И все-таки: какое у него будет лицо?

Глава третья. Шесть недель

В первый день каникул Димка уехал. Московский самолет вылетал в половине восьмого, и за два часа до этого Даша надела джинсы, куртку и выскользнула из квартиры. Димка разбудил ее телефонным звонком, как договорились. Родители еще спали.

Даша выскочила из подъезда и с разбегу врззалась в Димку. Пряча лицо в капюшоне, она сразу обхватила его за талию:

– Выиграй там все, что можно, ладно?

Димка, похлопывая ее по спине, ответил:

– Ну, ты зареви еще, можно подумать, навсегда прощаемся. Семь дней всего, Дашкин, ты что?

– Я скучать буду, – прошептала она, дыша в его плечо.

– Сходи в кино с девчонками, потом расскажешь.

– А ты, ты скучать будешь?

– Буду, конечно. – Он поцеловал ее в капюшон – наверняка хотел в лоб, но промахнулся. – Я тебе какой-нибудь подарок привезу.

«Сказать», – промелькнула мысль. Сказать сейчас все как есть, не подбирая слова специально.

– Ну все, мне пора, такси ждет.

Даша выдохнула:

– Посмотри на меня, пожалуйста, я тебе сейчас кое-что расскажу.

– Расскажешь, когда вернусь. Или позвони, ладно?

Он быстро поцеловал ее куда-то в район уха, снова попав в капюшон, и поспешил к своему дому. Наверное, действительно приехало такси...

На кухне уже сидела мама с мокрыми волосами, с патчами, наклеенными под глазами, и смотрела на турку на плите. Ей почти никогда не удавалось сварить кофе так, чтобы он не убежал и не заляпал гущей плиту. Как ни следи за ним, кофе оказывается проворнее.

– Где была? – весело спросила мама.

Даша удивлялась, как она легко просыпается в такую рань. Если бы не мама, Даша бы не верила, что люди-жаворонки существуют. Только мама все равно собиралась на работу дольше, чем Даша в школу, потому что медленно пила кофе, читая ленту фейсбука. Считалось, что это ее личное время. Если кто-то еще вставал рано и начинал шарахаться по квартире, мама обижалась.

– Димка уехал, провожать выходила к подъезду.

– Да, я видела вас. Знаешь, Даш... – она замялась, – ты напрасно так к нему льнешь... прямо на шею вешаешься. Неправильно это: он должен к тебе, а не ты, понимаешь? Ты кофе будешь или пойдешь досыпать?

– Во-первых, я на него не вешаюсь, я его обняла – и все, потому что он на неделю уезжает. Во-вторых, я кофе хотела, а теперь уже не хочу. Вешаешься! Надо же было придумать такое!

Даша вымыла руки и швырнула на стол кухонное полотенце. Теперь от рук пахло средством для посуды.

– Зачем ты за нами подсматривала? Чтобы мне потом настроение испортить?

– Я не подсматривала за вами, Даш, я встала, пошла варить кофе, выглянула в окно, а там ты льнешь к нему, а он как дерево.

– Сама ты дерево, он просто еще не проснулся, и вообще он сдержанный!

– И ты тоже должна быть сдержанной, Даш. Он к тебе, а ты от него. Иначе им неинтересно, как ты не понимаешь?

– Дурой уродилась, вот и не понимаю.

– Тише говори, отец еще спит.

Кофе, перелившись через край турки, с громким шипением заливал плиту. Мама сняла турку:

– Потом уберу.

– Я и правда не понимаю, – начала Даша. – Девушка должна быть гордой, как еще говорят, загадочной, сдержанной, скромной. Верно? Но тогда выходит ерунда. Как узнать своего человека, если быть загадочной? Как он сможет понять, что я вот такая именно, а не другая? А главное, зачем мне нужен парень, с которым я должна притворяться? Я бы, например, не хотела дружить с человеком, который вечно строит из себя кого-то другого.

– Даш, ты все поймешь, когда станешь старше.

– Опять! Вот ты меня старше – ты все поняла?

– А я и не говорю, что уже поняла. Даш, я же не хочу впустую нудить. Я просто не хочу, чтобы тебя обидели. Когда открываешься перед не тем человеком, потом может быть очень больно. Особенно в первый раз. Но и во второй, и в третий тоже. Всегда больно. Надо быть осторожнее, понимаешь? Присматриваться к людям.

Даша глотнула кофе.

– Димка хороший, – сказала она.

– Я и не сказала, что он плохой, – заметила мама. – Мне многое из того, что ты рассказываешь, в нем очень даже нравится. Похоже, он умный мальчик, целеустремленный. Но я его почти не знаю.

– А я знаю! И я в нем уверена! Я ему верю, как себе!

Мама кивнула, молча допила кофе и принялась протирать плиту.

– Планы на каникулы есть? Или без Димы белый свет не мил и ты все каникулы будешь сидеть в телефоне и киснуть?

– Киноклуб на английском, – вспомнила Даша, – это в четверг.

– Что вы там сейчас смотрите?

– «Шерлока». А в среду у Миланы день рождения. Она пригласила всех в боулинг. В боулинг, прикинь? Я сто лет не играла.

– Я нас тогда на завтра запишу на ногти. Смотри, как отросли. – Мама показала руку. – И тебе пора уже поменять цвет на какой-нибудь яркий, раз каникулы, что думаешь?

– А челку покрасить можно? Она смоеется через неделю! Хочу в розовый!

– Лично я была бы не против, но твой отец этого не переживет.

– Я у него сама спрошу.

– Ну что же, попробуй. Веди переговоры. Сможешь его убедить – можешь хоть в зеленый целиком покраситься.

– Я не хочу в зеленый. Ты лучше скажи: ты точно сможешь на маникюр?

Мама кивнула. Она была адвокатом и иногда принималась работать в самое неподходящее время, когда ничего не предвещало беды. В поездках не расставалась с ноутбуком. Однажды в театре прямо посреди спектакля она надолго вышла в холл, оставив Дашу одну в зрительном зале. Даша даже успела испугаться, она ведь тогда совсем мелкой была, только-только пошла в первый класс.

Прошедшим летом мама оформила Дашу работать в своей фирме на четыре часа в день, на весь июль. Даша стояла в бесконечных очередях на почте, снимала копии с документов, сшивала их и делала всякую мелкую работу, которую никто больше делать не хотел. У работы был только один плюс, но перекрывающий все минусы, – это зарплата (Даша купила себе на распродаже кожаную куртку, рюкзак и крутые кроссовки). Все остальное ей не нравилось, в работе не оказалось ничего захватывающего.

Она пробовала читать документы, но ее одолевала скука: одни люди не хотели платить штрафы, кредиты и алименты, другие разводились и делили имущество – чайники, телевизоры, диваны, даже деревья, растущие на даче. Даша не могла понять, почему мама бывает так увлечена работой, что ходит в офис даже в выходные. Из-за этого у нее не хватает времени на нормальную жизнь. Было бы ради чего возвращаться домой поздно и говорить: «Все, я закончилась».

Мама признавалась, что у нее профессиональная деформация: она сразу распознает вранье и сама обманывает легко и непринужденно. Ее не любили в Дашиной школе, потому что она всегда выгораживала Дашу перед учителями, не сдавала деньги на ремонт и могла написать жалобу куда угодно. Бывало, она устраивала Даше приключения – будила ее с утра пораньше и говорила: «Я позвонила в школу и сказала, что ты заболела». Вместо школы они ехали в соседний город, где мама час проводила в суде, а потом они вместе шли в какое-нибудь интересное место, например в «Икею». Правда, мама и там начала работать, сидя на демонстрационном диване, но все равно было здорово: Даша купила огромную акулу и всю обратную дорогу ее обнимала (а теперь с ней спала). Мама очень удивилась, увидев их с акулой на кассе!

Дорога туда-обратно была еще лучше. Они или разговаривали, или слушали музыку. Мама ставила свою музыку, которую слушала в Дашином возрасте, и рассказывала о ней, а Даша ставила ту, что было принято слушать в их классе, хотя мамина нравилась ей гораздо больше. А если разговаривали, то не про оценки или репетиторов, а про жизнь. Про то, почему мама защищает интересы людей, которые не правы, – и ведь сама знает, что не правы. Почему у нас в стране все так, как есть (и почему лучше об этом ни с кем не говорить). И еще мама много рассказывала про свою юность, про мальчишек и дискотеки, про лучшую подругу (ну, тетю Катю, ты ее помнишь, мы у нее жили в Питере), и как у нее на улице украли норковую шапку, и как они с девочками впервые пили шампанское (наутро чуть не сдохли, вторая бутылка на человека была лишняя), и про то, как она чуть не завалила вступительные, потому что перед самым важным экзаменом гуляла с парнем. И про то, как она в первый раз в жизни пришла в суд и с перепуга назвала старенького строгого судью: «Ваше ве-

личество». Даша иногда рассказывала что-нибудь в ответ – про какую-нибудь подружку, а на самом деле про себя. Даже если Даша засыпала в машине и спала до самого дома, все равно ей казалось, что они успели поговорить о чем-то важном.

– Мам, – спросила вдруг Даша, – а тебе, случайно, в Новосиб не надо?

Мама закончила красить левый глаз и ответила:

– По работе пока нет, но можно запланировать и сгонять в выходные. В аквапарк, давай?

– Это с папой, а я хочу только с тобой, вдвоем.

Мама кивнула:

– Посмотрим.

Это означало скорее «нет», чем «да». В лучшем случае «не сейчас».

* * *

В первый день Димка прислал четыре сообщения, во второй – два, в третий – ни одного. Даша залезла на сайт конкурса и посмотрела расписание мероприятий. Димка должен быть занят весь день. «Если мужчина хочет позвонить, он позвонит в любом случае», – подумала Даша маминым голосом. Во рту стало сухо и горько. Она написала Лизе и полчаса обсуждала с ней сериалы. Лиза как раз сидела под дверью стоматолога и хотела отвлечься, и Даша словно с ней рядом сидела. Потом Лиза написала: «Иду на казнь» – и пропала. Только вечером написала, что все хорошо, не больно.

Димка тоже нашелся вечером и скинул сразу много фотографий. В Москве, оказывается, тепло, снега нет, все ходят без шапок, а он приехал в меховой ушанке, как Филиппок. Даша ничего ему не ответила, решила помучить до утра, и через час он позвонил. Голос у него был такой радостный, что Дашин страх внизу живота съезжился и затих.

После его звонка Даша лежала в ванне и вспоминала, как они с Димкой впервые поцеловались. Это случилось в апреле, но она все помнила, будто это было вчера: как она сама потянулась к нему, уже не могла больше ждать, а его губы были сухими и прохладными. Она боялась, что все испортила, и была готова заплакать, а он словно выдохнул с облегчением, вцепился в нее мертвой хваткой и никак не мог отпустить домой. Даша опоздала на полчаса, ее немного поругали – надо же предупреждать,

когда задерживаешься! – а она была такая счастливая, так смеялась внутри: и пускай себе ругают, и пускай, она все равно никого не слушает, столько в ней счастья, что никто никогда в жизни не сможет ее расстроить...

Даша стала замерзать. Она добавила горячей воды и положила руки на живот. Все как всегда, там ничего не могло быть. Конечно же, ничего, будь не так – Даша бы обязательно почувствовала. Невозможно не ощущать, что внутри тебя новая жизнь. Даша была по-прежнему худой и, к сожалению, плоской, словно десятилетняя. Непонятно, что Димка в ней нашел. Мама говорила, что до рождения Даши она была такой же, а теперь ей остается только завидовать или ходить в зал трижды в неделю.

Но скоро страх не только вернулся на прежнее место, чуть ниже пупка, но и холодком заструился по спине вдоль позвоночника. С ним еще можно было поторговаться: все будет хорошо, если я не буду наступать на трещины на асфальте, если у лестницы окажется четное количество ступеней, если я насчитаю двадцать зеленых машин, если Димка пришлет сообщение, если в его дворе будет гулять пудель Митя, если Даша поймает по радио любимую песню – и тогда страха становилось меньше на каплю, на микрон, на выдох-вдох.

На всякий случай она купила в аптеке подалее от дома тесты на беременность. Три теста, чтобы уж наверняка, хотя девушка-фармацевт и сказала, что эти тесты очень точные.

Даша представляла, как обо всем рассказывает маме, будто смотрела кино. Настолько все казалось нереальным. Она вздрагивала каждый раз, когда кто-то из родителей открывал дверь в ее комнату. Мама заходила и поливала цветы, брала из шкафа книгу или запускала в комнату робот-пылесос и каждый раз отмечала: «Опять сидишь в телефоне». Даша не хотела привлекать к себе лишнего внимания и отмалчивалась, хотя сама-то мама жила в телефоне ничуть не меньше – можно было бы ей об этом и напомнить.

Вообще-то Дашу редко по-настоящему ругали. И вспомнить-то особо нечего. Разве что... Однажды, когда она училась в пятом, они с Лизой и другими девчонками на спор воровали в магазине напротив школы маленькие шоколадки. Нужно было вынести шоколадку так, чтобы не заметили ни продавцы, ни охранник. Всем

удалось выйти с добычей, а Даша бестолково все кружила и кружила по магазину, не в силах взять чужое. Она решила купить плитку и сказать всем, что украла ее, но через окно на нее смотрела Лиза, и проще было положить плитку в карман куртки, чем выйти из магазина с покупкой. Ну что – ее поймали, все убежали, и начался такой стыд, не описать словами. Разумеется, никто не поверил, что она случайно, заплатить не разрешили, вызвали полицию.

Мама примчалась очень быстро, заплатила за шоколад и устроила в магазине грандиозный скандал. Полиция уехала восвояси, перед Дашей сухо и неохотно извинились.

«Мы поговорим дома, – сказала мама, когда Даша пристегивалась в машине. – Ты шоколад-то ешь, ешь, раз так сильно захотелось».

Даша не смогла проглотить ни кусочка. Всю дорогу до дома она ехала ни жива ни мертва, а мама рассказывала, что в ее же возрасте украла из магазина красный лифчик, который бы ей никогда не купили, что ни разу его не надела, поскольку был он пятого размера, и что до сих пор ей стыдно проходить мимо здания, где находился тот уже тыщу лет назад закрытый магазин.

«Расскажем отцу?» – спросила она потом.

Даша просила не говорить.

«Я не буду, но ты должна сделать это сама».

«А если я не смогу, ты скажешь?»

«Я тебя, разумеется, не выдам, но свои выходы о тебе я сделаю».

За ужином, давась слезами и борщом, Даша рассказала все как было и ушла в свою комнату. Никто не пришел ее утешать, отец больше месяца смотрел на нее так, будто она прозрачная, и старался с ней не разговаривать. Лизу с тех пор он терпеть не мог, она стала «той девочкой, что тебя воровать научила». А злосчастная шоколадка лежала в шкафу неделю, пока мама не разломала ее и не выложила на стол к чаю. Все ели шоколад, и Даша тоже съела один квадратик. Несмотря ни на что, ей было вкусно.

О том, что, возможно, случилось теперь, рассказать было куда страшнее.

* * *

Однажды мама в раздражении в конце разговора, который начался с оценок и вдруг стал сложным и неприятным, сказала, почти крикнула:

– Что ты вообще хочешь, Даша?!

Маме не нравились ее четверки. Мама считала, что Даша должна стремиться к большему, пусть не по всем подряд предметам, а по любимым, как Дима со своей химией. А у нее и любимого-то предмета нет, разве что англиш.

– Я смотрю на тебя, – распаяясь, продолжала мама, – и вижу человека, который совсем ничего не хочет. Для которого главное в жизни – не напрягаться. Которому лень сесть и выучить чуть-чуть больше, чем задано. Не спорь со мной, я сказала: лень. Я вижу человека без целей в жизни. Тебе не восемь лет, не тринадцать, тебе почти шестнадцать. Так чего ты хочешь, я не могу понять? Сидеть в телефоне? И это все?

– Ничего я не хочу! Я! Совсем! Ничего! Не! Хочу! – прокричала в ответ Даша и до утра закрылась в своей комнате.

На самом деле она хотела многого.

Например, чтобы все оставили ее наконец-то в покое. Чтобы перестали решать за нее, что она должна чувствовать. Чтобы ее считали человеком, а не ребенком. Чтобы, когда ей бывает плохо, ее бы просто обнимали, а не рассказывали, как надо было поступить и что другим людям бывает куда хуже, чем ей.

Хотела гулять допоздна, ходить на любые концерты. Научиться ездить верхом, кататься на сноуборде, на горных лыжах. Волосы обрезать очень коротко. Чувствовать себя красивой. Наблюдать за рассветом на морском берегу. Купаться при луне. Поехать в Южную Америку. Завести кошку, собаку, шиншиллу. А работу такую, чтобы постоянно путешествовать – такое вообще бывает, чтобы жить в поездках?

Еще – засыпать в обнимку с Димой, чувствуя, как стучит его сердце, и видеть его сразу, как проснешься. Родители ни разу не разрешили им ночевать вместе, сколько ни просила Даша отпустить ее к нему с ночевкой. Быть дома в десять – вообще детский сад, но нет, нет и еще раз нет.

* * *

Яблоки, молоко, оливковое масло, сельдерей, лимоны, хлеб. Даша шла в магазин через школьный стадион, срезая путь. В выходные снег неожиданно растаял, а в ночь на понедельник холод вернулся и сковал лужи, грязь и пожухлую траву. Даша шла осторожно, чтобы не растянуться. Школа следила за ней пустыми окнами, Даша повернулась к ней спиной и заткну-

ла уши наушниками. Музыка помогала хотя бы недолго не думать ни о чем.

В магазине быстро набрала корзину: яблоки, лимоны, молоко, хлеб. Масло, чуть не забыла! Теперь домой.

Сквозь музыку ей почудилось, что кто-то ее зовет. Даша прошла еще несколько метров и обернулась. Ей не послышалось, ее и правда звали: на крыльце магазина стояла Анна Ивановна, Бабаня.

Даша вынула один наушник и вернулась.

– Ты забыла, – сказала Анна Ивановна и отдала ей карту магазина.

У нее на плече болталась холщовая сумка, из которой торчала бутылка молока. В голосе чувствовалась легкая простуда.

– Я прямо за тобой стояла в очереди, – добавила Бабаня. – Ты меня не заметила.

– Спасибо, – опомнилась Даша.

– Задумалась?

– Да, извините.

– Ты в какую сторону?

Даша неопределенно махнула рукой:

– Домой.

– Проводишь меня вон туда? – спросила Бабаня, показав в сторону восьмизатжки. – Скользко. Ты же никуда не торопишься?

Отказываться было неудобно, тем более что прошлой весной Бабаня уже ломала ногу, поскользнувшись в гололед, а еще раньше – руку.

– Только я и сама могу упасть, – предупредила Даша, подставляя локоть.

В школе она не замечала, что Бабаня едва-едва достает ей до плеча, но рядом с ней Даша ощущала себя маленькой.

– Что делаешь на каникулах?

– Да ничего особенного.

– Читаешь что-нибудь не по программе?

– Нет, если честно, – сказала Даша. – Почему-то не хочется.

– Ты в последнее время задумчивая такая, постоянно витаешь мыслями где-то далеко. Если хочешь, можешь мне рассказать. Иногда с родителями или с подругами не хочется делиться, а с посторонним человеком – легче. Никто в школе не узнает.

Даша сказала:

– Не хочу. – Она и правда не хотела.

– Можно, тогда я спрошу?

Даша промолчала.

– Хорошо, я не буду спрашивать.

– Знаете, – неожиданно выдохнула Даша. – У меня есть подруга, очень близкая, самая лучшая, вы ее не знаете, она не из нашей школы, тоже учится в десятом. Она встречается с парнем, давно, все серьезно у них. Теперь у нее задержка, и она не знает, что делать. Она еще никому об этом не рассказывала, только мне. Она боится и не знает, как ей быть.

Они перешли дорогу и вошли в сквер. Даша разглядывала верхушки деревьев, униженные вороньими гнездами. Небо было бледное-бледное, предснежное. В горле пересохло.

– Я родила сына в шестнадцать лет, – неожиданно сказала Анна Ивановна. – С той самой минуты, когда я впервые его увидела, я ни одного дня в своей жизни не жалела, что стала матерью.

– Я не знала, что у вас сын, – глупо сказала Даша.

Если задуматься, она ни о ком из учителей ничего не знала.

– Он, конечно, взрослый уже. Красивый, умный, врач! Окулист! Работает в Германии, две дочки у него, двойняшки, внучки мои. Его семья – это самое лучшее, что у меня есть! Хотя я была с ним одна, хотя нам было тяжело, хотя мои родители не сразу приняли меня с ребенком, и я училась на заочном, я жила у тетки, я работала, я стирала руками пеленки, я так и не смогла найти ему отца, у меня не было времени ходить на свидания, но я голову даю на отсечение, я ни о чем никогда не жалела.

Даша слушала молча. Ей казалось, она и так наболтала много лишнего. Было все равно, что там за сын у Бабани, и чуть-чуть стыдно, что ей совсем неинтересно слушать про него и хочется поскорее уйти домой. Почему, стоит только чем-то поделиться, как люди, не дослушав, начинают рассказывать собственные истории?

– Если захочешь поговорить про подругу, приходи, – сказала Бабаня и погладила ее по плечу. – И подругу приводи.

Даша проклинала себя за свой язык: через несколько дней ей предстояло войти в класс и сесть напротив Анны Ивановны, знающей теперь намного больше, чем следовало.

– Самое главное, ты ей объясни, что родителям все равно сказать придется, – втолковывала Бабаня. – Лучше рано, чем поздно. И еще

чтобы никаких таблеток и ни к каким бабкам. А то ведь разные бывают случаи, здоровье потом не вернешь.

– Кому объяснить? – не поняла Даша.

– Подруге твоей, как ее зовут?

– Лиза, – назвала Даша первое подвернувшееся имя. – Но это другая Лиза, не Самойлова.

– Я поняла, что другая, это частое имя. Да не волнуйся ты так, на тебе же лица нет. В вашем возрасте кажется, что это катастрофа, личный конец света, земля из-под ног, а потом приходит понимание, ничего страшного-то не произошло. В нашей школе практически каждый год такое случается, кто из десятого идет рожать, кто из одиннадцатого. Вот здесь живет недалеко Вика Мезенцева, очень хорошая девочка, пухленькая, скромная такая, застенчивая, но приветливая всегда. Я ее часто вижу, она гуляет с мальчиком. Два года назад ее мама ко мне приходила, так плакала: что же теперь с Викой будет? Пятнадцать лет... А в результате отличный пацан получился, вся семья в нем души не чаёт.

Она снова начала о других, как будто истории из чужой жизни могли помочь и все исправить, и Даша почти ее не слушала. Сельдерей, вспомнила она, сельдерей! Корень сельдерей!

– Мама меня убьет, – вслух сказала Даша и поторопилась объяснить: – Я сельдерей забыла купить.

* * *

По дороге домой она увидела маму. Сначала она увидела издали со спины молодую женщину в кроссовках, пальто и мужской шляпе, из-под полей которой выглядывали светлые волосы, и потом узнала маму. Мама шла медленно, она на ходу переписывалась с кем-то в телефоне, и Даша подошла так близко, что при желании могла бы ее напугать. В руках у мамы был прозрачный пакет с бугристым корнем сельдерей.

– Я тоже купила, – сказала Даша, догоняя ее и показывая свой пакет.

– Я была уверена, что ты забудешь, – ответила мама. – Я видела тебя сегодня утром около поликлиники, – потом сказала она. – Что ты там делала?

– Я снова хочу ходить в бассейн вместе с Лизой, – быстро придумала Даша. – Надо было узнать, как получить справку.

– Узнала?

– Я зашла и сразу вышла, как только увидела очереди в коридоре.

– Ты мне напомни, я достану тебе справку. Это ты вообще-то хорошо придумала. Я бы тоже походила в бассейн, можно попробовать выбраться вместе. Ты извини, мне сейчас надо позвонить по работе, чуть не забыла.

Она отошла на несколько шагов в сторону и уже до самого дома говорила по телефону. А дома, не успела Даша переодеться, мама открыла дверь и закричала не своим голосом:

– Дашка, ты совсем обнаглела, что ли? Я что, о многом прошу?

– Это ты совсем! – закричала в ответ Даша, не ожидавшая скандала.

– Так. – Мама прошла в комнату и села на ее стул верхом. – Я в очередной раз тебе напоминаю: я много работаю. Я устаю. Я делаю все, чтобы твоя жизнь стала еще немного интереснее. Когда я прихожу домой, я хочу увидеть хотя бы намек на порядок. А не этот свинарник!

– Ты только орать умеешь! По-человечески скажи, что не так. Я сейчас уберу.

Мама встала со стула и начала ходить по комнате.

– Я же вообще-то прошу немного. Если у тебя что-то с памятью, напоминаю: вещи – в шкафы, а не бросать как зря, на письменном столе – порядок, грязную посуду – в посудомойку, грязную одежду – в корзину, пару раз в неделю запускать пылесос. Господи, да он даже сам пылесосит, его только включи! Все! – Она снова начала закипать. – Даша, я в твоём возрасте должна была убирать всю квартиру! Тряпкой и руками, а не как ты! Это была моя постоянная обязанность, и попробовала бы я схалтурить! Мне бы прилетело так, что мало бы не показалось!

– Да что я не сделала-то?

– На кухне бардак. Нож в масле на столе. Крошки, корки от апельсина, чашка грязная, сыр обрезала и бросила, чтобы я убрала. Дашенька ведь у нас такая занятая, насвинячила и пошла, это же матери заняться больше нечем, да? Только за Дашенькой прибираться?

– Это не я! – со злостью закричала Даша. – Это папа! Меня даже дома не было! И оставь меня уже наконец в покое! Достала!

Мама молча вышла из комнаты и закрыла за собой дверь. Даша рухнула на кровать и трижды набрала Димку, но он все не отвечал.

Глава четвертая. Семь недель

В понедельник началась новая четверть. Дима должен был вернуться вчера, но он так и не позвонил, не ответил ни на одно из сообщений, не был в Сети. Даша спала беспокойно, несколько раз просыпалась среди ночи и проверяла, не пришло ли новое сообщение, а потом никак не могла согреться и снова заснуть. Тоскливо ныло внутри живота, и холодно было и в груди, и губам, и пальцам ног, и шее у кромки волос. Даже подумать было нельзя, что через несколько часов снова придется идти в школу, отсиживать уроки, отвечать, если спросят, стоять у доски перед классом, смеяться с девочками на подоконнике в холле, у автомата с шоколадками, есть в столовой пирожки с картошкой и печенкой и вообще вести себя так, будто она нормальная, как раньше. Хотелось запищать как мышь, и целиком уместиться в теплой душной щели между кроватью и стеной.

Все вокруг стало немного другим, словно сдвинулось на волосок. Словно кто-то вернулся в прошлое и раздавил там бабочку, как в рассказе Брэдбери. Даша представила, как выходит утром на кухню, а там вместо ее мамы пьет кофе другая женщина. Такая, что внешне выглядит как мама, а внутри – другая, незнакомая. В конце концов, если Даша перестала быть собой, то и все остальные тоже должны измениться.

В щель под дверь сочился свет. Даша заглянула на кухню: мама с телефоном в руке сидела на своем обычном месте и пила кофе из своего обычного тазика – огромной кружки, которую больше никому не разрешалось брать.

– Ты чего не спишь? – спросила мама.

– В школу пора вставать.

– Сейчас пять утра, попей воды и иди поспи еще.

– Ага. – Даша прислонилась к двери.

– Что-то случилось? Или просто голова болит?

– Да так... Вообще-то, он не звонит, не пишет, сообщения не читает, временно недоступен. Я весь день ждала, а он... Я уже так больше не могу! – выдохнула Даша и закашлялась.

– Когда он должен был приехать?

– Вчера рано утром.

– Так ведь вчера все самолеты сели в соседних городах из-за тумана, моя коллега вообще приземлилась в Барнауле. Не переживай,

найдется твой Дима, скоро позвонит, не надо себя накручивать из-за ерунды. Ты ему, главное, не пиши сто пятьдесят тысяч эсэмэс, а то вообразит, что ты без него умираешь. Пусть думает, что тебе все равно.

Мама спокойно пила кофе, будто ничего не происходило. Она даже не подняла глаз от телефона, будто лента в фейсбуке была важнее и интереснее Даши. Даже лайки ставила! И улыбалась тому, что там прочитала!

– Он бы написал, это совсем на него не похоже, он мне всегда пишет! Он телефон выключил, никогда такого раньше не было! Да что я тебе все это рассказываю! У тебя на все один ответ: «Не переживай, не накручивай!» Как будто я могу так просто взять и все свои чувства отключить! Я не робот, у меня есть причина переживать, настоящая причина, не детский сад! Мне не может быть все равно! А ты никогда не понимаешь, ничего не понимаешь!

– Ну да, конечно, ты права, ты одна у нас такая умная и тонкая. Будто мы с папой не любили никогда.

– Наверное, не любили, – из-за двери хрипло ответила Даша. – Иначе бы понимали.

Она снова достала телефон из-под подушки, одно за другим направила: «Ты меня игноришь?» и «Раз тебе не надо, то и мне это все больше не надо» – и выключила телефон, совсем.

Когда родители уехали на работу, она решительно достала из потайного кармана рюкзака три теста на беременность. И через пятнадцать минут сидела на полу в ванной, скорчившись и глядя неверящими глазами на шесть четких красных полосок – по две на каждом тесте.

* * *

Сердце билось в горле, словно Даша долго бежала. Слюна во рту была горькой, уши заложено. С неба косо сыпалась мелкая колючая крупа, а под ногами был вязкий, грязный, рыхлый снег, и ноги быстро промокли.

Даша оказалась в школе к третьему уроку, привычным движением – руки помнят – стерла следы потекшей туши и поправила волосы перед зеркалом, из которого смотрела на нее самая обычная Даша, только чуть грустная. Кажется, за каникулы она еще сильнее похудела. Вокруг были люди, люди и люди, кто-то здоровался с ней, с кем-то – она, кто-то обнял ее за талию и коснулся щекой, кто-то спросил, где

была, почему не писала. Ее торопили на следующий урок, и Даша в толпе побежала на третий этаж, не помня, в какой кабинет, – просто все побежали, и она тоже. Это было правильно и хорошо: в толпе она уже не была собой и могла хотя бы недолго не думать о своем. Она даже смеялась, когда смеялись все, и это тоже было правильно – смеяться, когда смешно.

Когда историк вызвал ее к доске и начал гонять по датам, она почти все назвала правильно. Даже странно. Она не задумывалась над ответами, даты сами собой всплывали из памяти, будто Даша с ними родилась.

На большой перемене Лиза куда-то пропала и только перед самым звонком как из-под земли выросла, подхватила Дашу под руку, увлекла ее в закуток под лестницей и стала, смеясь, рассказывать, как ее поймала безумная женщина Бабаня и непонятно зачем долго объясняла про счастье материнства. Совсем с ума сошла. Но главное, чтобы она не додумалась донести свои фантазии до мамы! Даша испугалась, невпопад поддакивала и толком ничего не успела сказать, потому что грянул звонок – редкий случай, когда вовремя, и они заторопились.

Даша села рядом с Лизой, уронила голову на руки и закрыла глаза. Вокруг шумели, кричали, и шум этот был ненастоящий, словно шел с экранов телефонов. На улице уже начало темнеть, в классе включили свет. Пахло сыростью, противными духами и яблоком: Пашот с громким хрустом поедал фрукт.

По расписанию была литература, но вместо нормального урока в класс пришла пожилая поэтесса и читала свои стихи, посвященные красоте родного края. Даше стихи не понравились, они были слишком правильные, гладкие, ни о чем, но ей было жаль поэтессу, которую никто не слушал, и она привычно сделала вид, что ей интересно, и машинально рисовала в конце тетради придуманных фантастических тварей.

Поэтесса раскачивалась у доски в такт стихам, по рядом прогуливалась Анна Ивановна и всякий раз, проходя мимо, гладила по плечу Дашу или Лизу. Родной край за окном был припылен сероватым туманом: какой-то из заводов выпустил в воздух очередную гадость. Когда настанет время идти домой, дышать будет противно, в носу и в горле станет немного кисло, а если не кисло, то горько.

Даша жалела, что оставила телефон дома. Было странно, будто не хватало какой-то очень

важной части тела. На крайний случай на дне рюкзака валялась ее старая кнопочная звонилка, но ее номера Димка не знал и Даша не могла проверить, появился ли он в зоне доступа. Наверное, по законам жанра он звонил ей не один раз, прислал кучу сообщений с извинениями, цветами и котятами. Она могла бы позвонить сама, но это было бы уже слишком. Больше никогда она не позвонит ему сама, она ничего ему не расскажет, думала Даша и сглатывала горькую слюну.

В довершение всего сильно запахло ацетоном: Настя за соседним столом перекрашивала ногти. У Даши закружилась голова, ее даже слегка замутило. Стараясь не смотреть на Анну Ивановну, Даша взяла вещи и вышла из класса. Раздевалка, к счастью, оказалась открытой.

На улице практически не было ни людей, ни машин, и если сильно постараться, можно было представить, что Даша осталась в городе совершенно одна. Даже голубей не видеть. И кошек тоже. Как будто все ушли, а ее оставили. Если вернуться сейчас в школу, там тоже окажется пусто. Даше захотелось закричать, что она здесь, – тогда наверняка кто-то подойдет к окну или выйдет на балкон. Но тут из банка вышел человек, и из пекарни, и из аптеки, в которой работала Димкина мама, и вдруг оказалось, что на самом-то деле людей вокруг полно.

Даша зашла в аптеку и разглядывала витамины. На некоторых упаковках было написано, что они для беременных, для таких, как Даша. Она обжигалась об это слово. Даша ничего не собиралась покупать, она хотела только посмотреть, работает сейчас Димкина мама или нет. Вначале за прилавком никого не было, а потом вышла женщина, но другая, не Тамара Ивановна. Хорошо, что так. Иначе Даша не выдержала бы и спросила. А это плохо. Димка решил бы, что Даша просто обижается, а не что ей все равно. Ей все равно, решила Даша, а раз так решила, то на самом деле ей станет все равно. Она с силой сжала кулак, вонзив ногти в ладонь, и быстрым шагом пошла на набережную. Домой совсем не хотелось.

На набережной Даша спустилась к воде, где мало кто гулял, и села на большой камень, надвинув капюшон на глаза. Они с Димкой часто приходили сюда, а еще под мост. Здесь по-особенному молчалось, хотя каждый камень был неживым на ощупь, а река – холодной, мутной и мусорной.

Льда еще почти не было, река лежала грязной серой лентой. Однажды, когда Даша была маленькой, они с папой перешли реку по льду, чтобы покататься на снегокате в бору на том берегу. Даше было страшно, особенно на середине переправы: они шли по реке, река текла прямо под их ногами. Хотя отец говорил, что лед толстый и им ничего не грозит, Даша боялась сделать каждый шаг. На льду виднелись рыбаки, издали похожие на черные шахматные фигуры, но из-за них было еще страшнее: проруби! От них по реке могли пойти трещины, думала Даша, крепко сжимая папину руку.

«Аборт», – просто подумала Даша. Одним словом. А-борт. Слово перекатывалось на языке, как горькая таблетка. Повторять его было неприятно, но ни о чем другом не думалось. Интересно, можно так, чтобы вообще никто не узнал, оставить в тайне? Нужно ли согласие от родителей? Надо ли ложиться в больницу? Будет больно или терпимо? Сколько надо денег? Даша не знала и не хотела гуглить. Как будто, когда начнешь гуглить, узнавать, читать чужие истории, это слово из обыкновенного слова превратится в нечто осязаемое.

Отчего-то слезы текут, когда все не очень страшно: допустим, упала с велосипеда, украли телефон, обиделась на Диму, получила несправедливую двойку. А если происходит то, что давит тяжестью на грудь, заплакать не получается. Когда бабушке неудачно сделали операцию на глазах и было непонятно, сможет ли она видеть одним глазом хоть немного, Даша не плакала. Только воздух стал сухим и горячим и в горле будто застрял шерстяной клубок. И она никого не могла видеть. Как и сейчас.

Даша бросила в реку камень, и еще один камень, и еще, и снова спрятала руки в карманы. Она непонятно где то ли забыла, то ли потеряла перчатки, и руки, даже втянутые в рукава куртки, замерзли так, что пальцы едва шевелились, и снова заложило нос. И вообще она замерзла вся, даже брови. Хорошо бы заболеть, посидеть дома еще неделю. Надоела школа. В младших классах Даша любила школу, потому что была отличницей и все ее хвалили – и мама, и Евгения Сергеевна, у Даши были самые аккуратные тетрадки, она никогда не баловалась на уроках. Тогда все было просто и понятно: существовало правильное и неправильное, и если вдруг кто-то вел себя неправильно, то ему должно быть стыдно, а если ты все делаешь правильно, ты

лучше тех, кто что-то делает не так. Даша хотела бы снова стать прежней, знать не знающей, каково это – ощущать колючий холод по всему телу, думать про аборт, ждать, что Дима позвонит, быть самой одинокой и самой напуганной девочкой на свете.

Вдоль набережной шли посторонние люди, плоские, похожие на тени, словно они не сами шли, а кто-то двигал их из-за невидимой ширмы. И еще собака – черный лабрадор. Он подбежал к Даше, обнюхал ее и сунул голову ей под ладонь.

– Конрад, фу, отстань! – закричал издали хозяин, и лабрадор бросился к нему.

* * *

Дома Даша попросила отца:

– Пап, давай заведем собаку.

Они ужинали вдвоем, мама была на работе, и надо же было о чем-то говорить. К тому же Даша мечтала о собаке всю свою жизнь и время от времени на всякий случай закидывала удочку.

– Какую еще собаку?

– Вообще-то я очень хочу корги. Но можно просто выбрать собаку в приюте, мы с Димиными друзьями недавно туда ездили. Там такие собаки хорошие, так всех жалко. Ты когда-нибудь там был?

– Стоп. Кто с ней гулять будет?

– Я буду.

– Могу себе представить.

– Правда, буду...

– Ну хорошо, будешь. А куда мы денем собаку, когда поедем в отпуск?

– Я не знаю, но люди ведь что-то придумывают.

– Вот и я не знаю. Будешь жить одна – заведешь хоть бегемота, хоть кашалота.

– Я не хочу бегемота или кашалота, я хочу собаку маленькую, с ушами.

На самом деле пятнадцать лет назад в доме была собака, подборашка-двортерьер, бородастая Зося. Даша, конечно, не помнила ее, а только видела на фотографиях. Мама говорила, что Даша училась ходить, держась за собаку. Зося съела отраву, разбросанную во дворе, и в этот же день умерла в машине, не доехав до врача, у папы на руках. После этого папа больше не хотел заводить собаку, и пузатого бело-рыжего щенка, принесенного Дашей со двора, без разговоров отвез к друзьям в деревню.

– Как там в школе? – спросил папа.

– Все нормально. – Даша скорчила рожу. – По истории пятерка.

– Понял, отстал.

Он стал сметать ладонью крошки со стола. Даша чистила апельсин и думала, о чем бы еще поговорить.

– Мама поздно придет? – спросила она.

– Да, она собиралась вечером в тренажерку.

– Расскажи: как вы познакомились? – наливая себе заварки, неожиданно спросила Даша, хотя прекрасно знала мамину версию.

– Ты же знаешь. У нее был двоюродный брат, мой одноклассник, я часто бывал у него дома, и твоя мама тоже. Он учил ее играть на гитаре, ее подружки пытались собрать что-то вроде группы. Вот так все и получилось. Она была тогда такая хрупкая девочка с огромными глазами. Хотя почему была, она до сих пор такая и есть. К ней было страшно подойти, но я ее провожал, чтобы она не ходила одна по вечерам. У нас в районе было опасно, мне много раз приходилось драться. Нос ломали, ребро, три сотрясения. Девчонкам тем более не надо было ходить в одиночестве.

– Сколько вам было лет?

– Кажется, пятнадцать или около того. Потом мы какое-то время не встречались. Я ей признался, и вот смотрю в ее глаза и вижу такой дикий страх, и даже, знаешь, жалость ко мне, и тогда я развернулся и ушел, больше не хотел ее напрягать. Не стал даже слушать, что она скажет, избавил ее от этого. И себя заодно избавил от унижения. Если бы я тогда ее выслушал, я бы, наверное, больше не смог к ней подойти.

– Мама считала, что ты был странный. Она мне говорила. А через десять лет...

– Да, через десять лет. Ее брат разбился на мотоцикле, я жил в Томске, но приехал на похороны. Смотрю: она. А она не смотрит, меня не замечает, ходит как в тумане. Это понятно, она очень любила брата. Через несколько дней я ей позвонил, а потом еще и еще. Так и звонил, наверное, полгода. Мы общались только по телефону. Я дня не мог провести без того, чтобы ей не позвонить, кучу денег выговаривал. Мы даже фильмы смотрели по телефону – она у себя, я у себя – и обсуждали по ходу действия.

Он подлил себе чаю и продолжил:

– Я только ради нее сюда вернулся. Это редкий случай, когда с девушкой можно разговаривать как с другом, когда она не считает, что я должен за ней бегать и ей постоянно угодать.

Есть, знаешь ли, такая противная порода девиц, которые мнят себя королевами, а она никогда такой не была.

– Вы жили в разных городах, и тебе никогда не хотелось дружить с какой-нибудь другой девушкой? Которая была бы ближе?

– Не знаю. – Он задумался. – Вроде бы нет.

– Ты же говоришь так не из-за того, что я могу рассказать маме? То есть это возможно, да? Когда только один человек нужен?

– Даш, это же у всех по-разному. Кому-то только одного человека достаточно, а все остальное недопустимо. Кому-то – нет. У каждого свои ценности, свои моральные принципы.

– А как понять, у кого какие?

– Смотреть на поступки, наверное, словам не верить. Сказать можно что угодно.

– Обычно говорят: надо слушать свое сердце.

– Лично мое мнение: разум важнее сердца. Можно долго заблуждаться, игнорировать очевидное, а можно присмотреться с холодной головой и понять, что это же неспроста.

– А я не согласна!

– Посмотрим, что ты скажешь через десять лет.

– Вот мне кажется, что через десять лет я по-прежнему буду с Димой, – сказала Даша, разглядывая ногти.

Ей захотелось включить телефон и написать ему, что любит и волнуется и чтобы он не читал те сообщения, которые она отправила раньше.

– Дашка ты Дашка. Какая же ты Дашка!

– Ты мне не веришь, а так оно и будет!

– Что ж, мне интересно будет на это посмотреть.

– Почему он тебе не нравится?

– Да не в этом дело. Нормальный он, бывают и хуже. Быть вместе, Дашунь, это труд. Люди в шестнадцать лет еще не умеют строить отношения. Вы еще незрелые, импульсивные, нелогичные, сами не знаете, чего вам надо, придумываете себе идеалы и пытаетесь натянуть сову на глобус, ждете непонятно чего, раните друг друга с дури в самые болезненные места, не умеете идти навстречу, где-то уступить, где-то подстроиться. Прощать не умеете. Ответственность друг за друга нести не умеете. Я так долго могу продолжать. Это не вина ваша, а беда. Нужно время, опыт, нужно не раз удариться головой, чтобы повзрослеть. Есть люди, которые и в сорок лет еще подростки.

– Не все такие, – заспорила Даша. – Ты самого главного не понимаешь! Когда правда любовь, отношения не надо строить. Все получается само собой. Потому что ты рождаешься именно для этой любви, потому что в ней смысл всего... И нельзя тогда разлюбить, никогда в жизни нельзя! Я не знаю, как с тобой об этом говорить!

– Дашунь, про любовь можно говорить, когда с человеком прожил самое меньшее десять лет, а лучше двадцать.

Он отпил из чашки и хотел продолжить, но Даша его перебила:

– Перестань так на меня смотреть!

Отец всегда начинал улыбаться, когда Даша говорила о серьезных вещах. Смотрел на нее, опустив подбородок и иногда пряча улыбку, как будто она не замечала.

– Дашка ты Дашка.

– Ну чего еще? – Даша начала складывать посуду в машинку.

– Ты даже тарелки не можешь правильно загрузить, а рассуждаешь, как философ.

– Да какая разница, как их ставить! Если не нравится, делай сам.

Отец нахмурился:

– Ты все же загрузи как полагается. Раз начала делать, надо сделать хорошо.

Любой разговор с родителями заканчивался посудой, уроками, беспорядком на столе, слишком ярким макияжем, зависанием в телефоне или чем-то подобным, но неизменно обидным. Дашу будто пытались поставить на место: вот вроде ты такая умная, а посудомойку загрузить не можешь. Выходило так, словно посуда важнее, чем мысли, которыми в кой-то веки хочет поделиться Даша. Хотя кто бы говорил: вон носки в углу валяются четыремя вывернутыми комочками. Мама придет – не оценит. С тренировки она всегда возвращается злая и говорит, что от спорта из нее выделяются не эндорфины, а раздражение.

Даша сказала, что много задали, и ушла в свою комнату, хотя сама мысль о том, что надо делать уроки, была дикой и неуместной. В горле сильно першило, глаза резало, будто в них попал песок. Телефон валялся в столе мертвым кирпичиком. Надо было срочно делать что-то, чтобы все снова стало как раньше: выяснить, позвонить, записаться. Хотя бы записаться, можно в ту клинику, куда мама всегда водит Дашу к те-

рапевту и лору, там есть и гинеколог, Даша видела кабинет. Надо поговорить с врачом, просто поговорить. Наверное, врачом окажется женщина, которая будет строго смотреть из-под очков и стыдить Дашу, хотя никогда не была на ее месте, и думать про нее разное. Можно сначала глянуть на сайте, вдруг у них есть молодые женщины-врачи.

Даша положила руки на живот: там было тихо и почти пусто. Несколько лишних клеток, которые оказались в ее теле в неподходящее время, и все. Почти как опухоль. Даше было жалко, очень себя жалко. Она включила музыку на ютубе, легла лицом в акулку из «Икеи» и резко, до вкуса крови во рту, прикусила щеки.

В дверь кто-то постучал. Даша сделала музыку тише и снова легла.

– К тебе пришли, – сказал отец из-за двери.

– Пусть подождут! – крикнула она.

К Даше никто и никогда не приходил без предупреждения. Она выключила музыку, спешно поменяла домашнюю майку на чистую и как попало собрала волосы в хвост.

– Можно я зайду? – услышала Даша и хотела ответить, что нельзя, но Дима уже вошел в комнату и сел на край кровати.

– Наконец-то я тебя вижу, – улыбаясь, сказал он.

Даша выпрямила спину и отвернулась:

– У меня сейчас нет времени с тобой разговаривать.

Она очень старалась, чтобы ее голос был равнодушным.

– А когда появится?

– Я не знаю. Может быть, никогда.

– Тогда я пошел домой?

– Иди.

– Точно?

– Я же тебе все сказала.

Димка на самом деле пошел к двери, не оглядываясь. Он не стал с нею спорить, он так легко встал и пошел. Даша снова прикусила щеки, но этого было мало, она укусила себя за ладонь так сильно, что на глазах выступили слезы. Кажется, она всхлипнула, потому что Димка подлетел к ней и обхватил за талию, а потом осторожно взял ее лицо в руки, погладил виски, веки, щеки. Даша боялась открыть глаза.

– Я соскучилась так, что не могла уже, – шептала Даша. – Ты куда пропал, ты не знаешь, что нельзя так с людьми поступать?

– Это долгая история. Я опоздал на самолет, мы стояли в пробке, я там бежал по Внуково как ненормальный, как в кино, мне сразу купили билет на другой рейс, мы с тетей поехали в Домодедово, стояли в пробке, думали, опять опоздаем, потом у вас тут туман, кружили-кружили, сели в итоге в Новосибирске, я телефон потерял непонятно где, наверное, в такси его обронил, не знаю, Дашкин, не знаю.

– Так ты когда приехал?

– Вчера.

– А почему сразу не позвонил?

– Потому что я спал. Я приехал, лег на чашок – и все, проснулся поздно вечером, поел пельменей и снова заснул. А утром я сразу достал свой старый телефон, сходил купил симку, я звонил тебе раз двадцать, а ты что подумала? Я приходил к твоей школе, видел твою Лизу, она сказала, ты давно ушла.

– Я не знаю, у меня телефон умер, не включается, – сказала Даша.

– Давай я посмотрю.

– Я в ремонт его сдала.

– Видимо, ты написала мне все, что обо мне думаешь, и телефон не выдержал.

– А я правда ничего хорошего о тебе не думала, и не надо смеяться.

– Я не смеюсь, я радуюсь, что тебя вижу. Я привез тебе в подарок кружку с муми-троллями и разбил ее. Представляешь, начал вещи разбирать, а там одни осколки в пакете, я тебе принес их показать.

– Зачем?

– Вдруг ты мне не поверишь, что привез, что разбил, подумаешь, что ничего тебе не купил, а я ведь помню, что обещал.

Даша дышала в его плечо, и ей становилось почти спокойно. Не отпускать бы его никогда. Тогда точно не случится ничего плохого. Она замерла, чтобы запомнить это чувство и вспоминать ночью, когда не уснуть.

– Мне кажется, твой папа стоит под дверью и подглядывает, – сказал Дима.

– Нет, подглядывать он точно не будет, максимум – подслушивать. У нас тонкие стены. Пойдем, попьешь с нами чаю, я купила орешки со сгущенкой и спрятала их от мамы, она опять худеет. А может быть, ты голодный, ты хочешь супа? Там борщ с фасолью, папа сварил.

– Папа?

– Да, он любит готовить, а маме почти всегда некогда.

– Я совсем не голодный, я ничего не хочу.

– Если это ты из-за моего папы...

– Вообще-то да, мне его в школе хватает, я ему реферат не сдал, писать еще не начал, да же тему не помню.

– Тогда давай я еду в комнату принесу.

– Лучше пойдем гулять. Мама тоже вечером дома. Если замерзнем, пойдем на фуд-корт.

– Ладно, ты только выйди, я переоденусь. А то папа меня убьет.

Даша спешно натянула джинсы, теплый свитер, нарисовала ресницы и выбежала в коридор. Дима, зажатый в угол, смотрел на ее отца снизу вверх и говорил:

– Я дома забыл, я завтра принесу.

– Да уж сделайте мне одолжение. – Отец звал учеников на «вы». – А ты чтобы в десять дома была.

Даша кивнула.

– Что ж тебя девочка-то обошла, а? – напоследок спросил отец.

Даша уже знала из интернета, что конкурс неожиданно для всех выиграла Кира, единственная девочка в десятке лучших.

– Эта девочка почти всех обошла, – ответил Дима. – Хотя так волновалась, мы думали, она в обморок хлопнется.

А потом они пошли гулять, но стало еще холоднее, чем днем. Приходилось все время поворачиваться к ветру спиной, иначе мелкий снег хлестал в лицо. К тому же Димка был без шапки, а капюшон слетал с головы. Они сделали кружок по парку и все же отправились на фуд-корт.

Дима заказал большую пиццу, две колы. Даша кое-как съела один кусок без бортика. Ей совершенно не хотелось есть. И колы больше не хотелось, даже смотреть на нее было противно.

– Ну и, в общем, я теперь точно знаю, что уеду, – сообщил Дима. – Не летом, так через год. Ни в каком другом месте я учиться не хочу и не буду. День и ночь буду готовиться, лишь бы все получилось.

Даша сглотнула ком в горле.

– Это же, наверное, очень дорого, – сказала она.

– Я только на бюджет пойду, конечно. Иначе не вариант. Я нашел адрес общежития для студентов, поехал туда и смотрел, как они стоят на крыльце, как к метро идут, и представлял, что я с ними, что все мои друзья там, да нет для меня больше никакой жизни! В жюри был один про-

фессор, он как раз там преподает. Он подсел ко мне за стол в столовой в перерыве, сам подсел, ко мне, и вопросы задавал! Как будто ему правда интересно! Там такая лаборатория, такая! Кира теперь тоже туда хочет, правда, ее-то родители решили отправить в Канаду. Но она говорит, что будет выбирать сама.

– А я, Дим? Как же я? – спросила Даша.

– Что ты? Ты приедешь через год, поступишь куда захочешь, тоже будешь учиться, подрабатывать.

– Ты-то все решил. Ты любишь химию. Мама вообще в десять лет решила, что хочет быть адвокатом. А я до сих пор не могу решить, куда пойти. Мне ничего не нравится так сильно, чтобы мечтать об этом. И как тогда выбрать?

– Мы что-нибудь придумаем, – сказал он, словно все было проще простого. – Не оставаться же здесь.

Даша больше не могла смотреть в его счастлирое лицо. Она скомкала салфетку:

– Пойдем тогда? Тебе реферат писать. Мне тоже уроки делать.

Они снова вышли в холод. Даша взяла Димку под руку, но он шел быстро, и она за ним не поспевала.

– Ты что? – остановился Димка. – Все это будет почти через год. Зачем тебе сейчас-то переживать? 100

– Затем, – сказала Даша слишком тихо.

Он не расслышал и ускорил шаг.

Во дворе она уткнулась лбом в его куртку:

– Ты меня до подъезда не провожай, давай тут попрощаемся.

– Так что случилось-то, Дашкин? Ты весь вечер как чужая.

– Ничего не случилось.

– Ты на меня злишься? Я же объяснил.

– Нет, не злюсь.

– Точно?

– Точно, – глядя в сторону, сказала Даша. – Только я беременная.

Не собиралась она говорить здесь и сейчас, само вырвалось. И сразу зажмурилась, чтобы не смотреть на него. Даже не сообразила убежать.

– Ты... Даша... Ну ничего себе.

Димка схватил ее в охапку и сжал так сильно, что ей стало больно, вдавил ее лицом куда-то себе в подмышку. У него тряслись руки.

– Давно знаешь? – спросил он, и голос его, как и руки, дрожал.

– Нет.

– Не может быть ошибка?

– Нет.

– Это когда мы в сентябре на даче, да? Когда мы решили, что пронесет?

Даша кивнула. Он продолжал прижимать ее так же сильно, и пальцы продолжали трястись, и в горле будто что-то клокотало.

– Я не знаю, как так получилось, – зачем-то сказала Даша.

– Ты кому-нибудь уже рассказывала?

– Нет, только тебе, – прошептала Даша. – Я могу, в принципе, аборт сделать, ты только сходи со мной, я очень боюсь идти туда одна, я маме ни за что на свете не скажу.

Димка встряхнул ее за плечи:

– Ты с ума сошла такое говорить!

Она мотнула головой и пошла от него. Идти было сложно, словно к ногам привязали кирпичи. Даша дошла до детской площадки и села на спинку скамейки, Дима догнал ее и сел с ней рядом. Ей показалось, что он вот-вот заплачет.

– Ребенок, – произнес он. – Значит, ребенок. Да?

У него снова затряслись руки. Даша сжалась в комочек и тоже вся дрожала, пряча лицо в ладонях. Он погладил ее по спине.

– Ребенок, – повторил Дима и выдохнул. – Это же надо. Ты не бойся, главное. Не нервничай, тебе же нельзя. Я с тобой буду. Я никуда от тебя не денусь.

Глава пятая. Восемь недель

Даше снилось, что она плывет глубоко под водой. Так глубоко, что непонятно, есть ли наверху солнце. Вода была синей, теплой и густой. Даша плыла без акваланга и без маски и дышала под водой, как рыба. Она гребла руками без малейшего усилия – вода сама ее несла, и сама Даша, кажется, становилась водой.

Как только она проснулась, в горле было странное ощущение. Не успев понять, что это, Даша побежала в туалет, и ее вырвало. И еще раз вырвало.

– Это что-то новое, – сказала мама из-за двери. – Чем вас кормили в школе?

– По-моему, это какой-то вирус, – умыв лицо, ответила Даша. – У нас уже много кто переболел.

Температура оказалась нормальной. Мама дала выпить порошок, растворенный в противной теплой воде, и сказала не ходить сегодня в школу. Даша отказалась от завтрака и вернулась в кровать с планшетом, укутавшись в одеяло, как в кокон. Лиза вчера скинула ей ссылку на новую драму с красивым актером, а еще надо было наконец-то написать эссе на тему экологии. Внутренности крутило так, будто там все поменялось местами. Голову клонило к подушке.

Даша написала Димке, что ее тошнит, и он ответил грустным смайлом.

«Ты же никому не рассказал?» – написала Даша. «Никому», – пришел ответ.

Даша два часа спала, потом маялась с эссе про сортировку мусора. В голове была жидкая каша, мешающая сосредоточиться. Или тот самый несортированный мусор.

Внезапно написала Лиза и спросила, можно ли прийти после школы, есть разговор. Даша, как было принято дома, заварила чай и выставила печенье, хотя сама не могла смотреть на еду, а Лиза была на диете.

– Помнишь, я говорила, что «ВКонтакте» с парнем познакомилась? – спросила Лиза. – Он позвал меня в кино. Я пошла.

– Ты пошла встречаться с человеком, которого никогда в жизни не видела? Одна?

– А что такого-то? Ты чего как мама? Мне уже расхотелось тебе рассказывать.

– Да ладно, давай дальше.

Даша рассасывала дольку лимона.

– Мы уже месяц с ним переписываемся, он мне посоветовал кучу сериалов. Еще у нас с ним общая книга любимая – «Дом, в котором», и он тоже пишет по ней фанфики...

– Скинь мне что-то новое почитать!

– Да там ничего хорошего, одни наброски. Ну вот. Он писал, что из нашей школы и что боится ко мне подойти. Музыка мне слал романтическую. В общем, я пошла. А он... Короче, он не свою фотку поставил на аватарку, и если бы я знала, кто это, ни за что бы не пошла. Я еще вырядилась как дура, взяла у мамы ее сумку за пятьдесят тысяч, ресницы наклеила. И угадай с трех попыток, кто это оказался.

– Кто-то из учителей?

– Нет, парень, школьник.

– Малолетка?

– Нет.

– Тогда просто какой-нибудь урод.

– Теплее, Дашенька, теплее. Даю подсказку: из нашего класса.

– Сдаюсь.

– Ванюшин.

– Ну ничего себе, – сказала Даша.

– Я там чуть не упала, уже думала, развернусь и уйду. Нельзя же так врать живому человеку, это подло. Но не сбежала, потому что захотела фильм посмотреть. Так он взял меня за руку, своей мокрой потной ладонью, вот за эту руку взял, до сих пор противно вспоминать.

Даша из последних сил изобразила ехидную улыбку:

– И вы теперь встречаетесь... Лиза Самойлова полюбила Сашу Ванюшина!

– Я тебя убью! – Лиза вскочила и забегала по комнате. – Нет, конечно! Зачем надо было мне врать? Я ведь понадеялась, я ведь думала, какой интересный парень пишет! В общем, я его заблокировала «ВКонтакте» и в школе сделала вид, что ничего не случилось! А он ушел после второго урока. Ну скажи же, прикол!

– Прикол, Лиз. А я беременна. Тоже прикол, да?

У Даши больше не дрожал голос, когда она об этом говорила. Только там, где находится диафрагма, все холодело и сжималось.

Лиза чуть не села мимо стула.

– Ты только пока не говори никому, – попросила Даша. – Я еще не решила, что буду делать.

– Димка знает? – прошептала Лиза.

– Знает.

– Что говорит?

– Чтобы рожала и ни о чем не волновалась. Но я ребенка не хочу. И он тоже, я вижу, не хочет.

– А мама знает?

– Да ты что, она меня убьет.

– Моя бы точно меня убила, – сказала Лиза. – Я даже представить себе такое не могу. Но у тебя же адекватная мама.

– Ты только не рассказывай никому. Никому-никому, поняла? Особенно Насте.

– Она нормальная, Настя, зря ты на нее наговариваешь.

– Никому, – повторила Даша. – Я иначе не знаю, что сделаю.

На следующее утро к горлу снова поступала тошнота, но Даша пришла в школу. Она опоздала к первому уроку на десять минут. Была физика, все сидели тихо и что-то записывали, на фи-

зике с этим было строго. Даша вошла в класс: все оторвали головы от тетрадей и смотрели на нее. Все на нее смотрели. Смотрели на нее все. И даже те, кто старался не смотреть, все равно – боковым зрением – смотрели.

Даша села на свое место и достала тетрадь. На нее продолжали смотреть. И маленький корявый Ванюшин, до ее появления писавший на доске ряд корявых формул, тоненьким голосом попытался изобразить плач младенца: уа-уа.

Дашу снова замутило. Она сглотнула и развернула плечи, стряхивая чужие взгляды. Потом достала тетрадь и начала переписывать то же, что Ванюшин писал на доске. Физик невозмутимо назвал номер следующей задачи и сказал Ванюшину, что он, физик, сам сейчас заплачет, как ребенок, глядя на такое нестандартное (в плохом смысле слова) решение.

Лиза сидела с Настей и отвернулась, чтобы Даша не могла встретиться с ней взглядом.

Формулы расплывались перед глазами. «Они же мне никто, пустое место, совсем никто, – думала Даша. – А я у себя одна, я себя люблю, плевать мне на них». Но что-то сдавливало горло, дышать было больно, спина словно вся была в занозах. Выйти из класса тоже было нельзя. Это означало бы, что им удалось ее довести. Весь бесконечный урок Даша сидела прямо и спокойно смотрела в учебник и так же прямо и спокойно вышла после звонка, хотя ее окликнул физик.

Она не смогла вытерпеть больше одного урока и ушла, ни на кого не глядя, прямо в сменке. Только у Димкиного дома она поняла, что ее ноги в черных туфлях промокли и замерзли.

Она позвонила в домофон, но ей никто не ответил. Димки, естественно, не было дома. Во дворе гуляла бабушка с пуделем Митей. Даша любила их встречать, Митя был вроде как ее талисманом. Потому что прошлой зимой Митя потерялся, а Димка помогал соседке его искать, он разместил пост в городской группе «ВКонтакте», который случайно попался на глаза Даше. На следующий день Даша увидела и самого Митю: ей в подъезде метнулся под ноги серый замерзший комок шерсти. Она позвонила по телефону из поста и до вечера ждала, когда его заберут. Митя за это время успел от волнения понаделать луж и погрызть папин ботинок, но папа не рассердился на Митю и даже гладил его. Вечером пришел парень, Дима, они вместе от-

несли Митю хозяйке, и тем же вечером Даша снова нашла Диму «ВКонтакте» и поставила ему четыре лайка. И он ей. И она ему. И он ей. Как все было просто. Казалось, что всегда все будет так же просто.

Даша все звонила и звонила Димке, а он все не брал трубку, но каждый раз перезванивал – и тогда уже Даша отчего-то не слышала звонка. Один раз позвонила Лиза, но Даша сбросила звонок. Ей было сейчас не до Лизы, слушать ее голосовое сообщение она не стала. Все и так ясно: растрепала, стыдно, прости. Это все потом. Сейчас ей было нужно как можно скорее услышать Димкин голос, зацепиться за него, не дать себе соскользнуть в отчаяние. Он обязательно сказал бы, что все хорошо. И хотя все было как угодно, только не хорошо, Даше удалось бы на время разговора ему поверить.

Она не рассказывала ему, что неделю назад уже побывала в поликлинике. Она проходила мимо и увидела на торце дома табличку со словами «Женская консультация». Стены внутри были выкрашены по-больничному в бело-зеленый, увешаны плакатами на детские темы. «Мама, оставь меня!» – было написано на одном, и Даша поспешила пройти мимо. Пахло лекарствами и уколами. Около кабинетов сидели беременные тетки, уставшие, бледные и толстые. Многие из них наверняка были не сильно старше Даши, но почему-то показались ей именно тетками. Даша подумала, что никогда не станет такой. Она шла по бледно-желтому линолеуму и думала, что если до регистратуры будет четное число шагов, она подойдет и спросит, как записаться к врачу. И шла, считая шаги, а навстречу ей шла низенькая, ниже Даши, и очень широкая, просто необъятная женщина в белом халате и смотрела на Дашу так, словно все про нее знала: допрыгалась. Наверное, у этой тетки была дочь, как Даша, хорошая домашняя девочка, которая никогда не допрыгается. Еще несколько месяцев назад Даша сама про себя могла бы сказать: она – никогда. Женщина подошла ближе и спросила: «Почему без бахил?» И с таким взглядом, будто Даша воплощала мировое зло. Даша передернула плечами, как всегда, когда ее начинали ругать, сбилась со счета и поскорее ушла на улицу.

Даша снова позвонила Димке, но в телефоне внезапно отозвался чужой, женский голос. «Дима», – от неожиданности начала Даша и услы-

шала нервное, даже надрывное: «Его тут нет!» Это было очень странно. Через девять минут с того же номера пришло сообщение: «Перезвоню». И снова тишина. Скоро пришел с работы папа и погнал Дашу в магазин за хлебом и молоком. По пути из магазина Даша завернула в Димкин двор и посмотрела на его окна. Шторы были задернуты, и, судя по всему, никого не было дома.

* * *

Как только она открыла дверь, услышала голоса. Говорили, перебывая друг друга, мама и еще какая-то женщина. В животе у Даши снова заворочался, заурчал страх. Она заглянула в зал и увидела Тамару Ивановну, Димкину маму, почему-то в сапогах и в норковой шубе из тех, что нормальные люди, говорила Дашина мама, уже давно не носят. Тамара Ивановна размахивала руками так, что занимала собой всю комнату. Под ее сапогами по полу растекалась грязная лужа. Отца Даша не заметила.

Она вынула из ушей наушники и немедленно услышала четко сказанное слово, которое никак не могло к ней относиться. Ее всю обдало жгучим холодом и стыдом. Дыхание перехватило. Даша выскочила из квартиры, не закрыв дверь.

Она оставила рюкзак с телефоном в коридоре и теперь не могла позвонить Димке. Его окна оставались темными, а домофон не отвечал, и было непонятно, куда он девался.

Даша вернулась в свой двор и села на качели на детской площадке, поджидая, когда уйдет Тамара Ивановна. Что делать дальше, она не знала. Белыми хлопьями с неба валилась зима. Все зашло в тупик, из которого не было выхода.

Мама вышла из подъезда в накинута отцовской куртке, с трудом пробралась через сугробы и встала рядом с качелями. Даша не смотрела на нее.

– Все хорошо, не переживай. Все хорошо! Я не сержусь, Даша, честное слово! Плохо только, что ты сама мне не рассказала.

– Я хотела, – сказала Даша. – Я не знала, когда и как начать.

– Эта женщина... Я от нее узнала много нового и интересного и о тебе, и о себе. Она как с цепи сорвалась. Орала как ненормальная, мне пришлось ей ответить. Ей это не понравилось.

Даша молчала.

– Давно ты забеременела?

– Мы думаем, что в сентябре.

– Как ты себя чувствуешь? Тошнит?

– Несколько раз всего.

– Живот не болит?

– Болит почти все время.

– Это плохо, так не должно быть. Я завтра же с утра позвоню врачу, тебе надо срочно на прием. Иначе это может паршиво закончиться.

– Что папа говорит? – с трудом спросила Даша.

– Он не верит, что ты так могла.

– Как так? – Даша уже не могла сдерживать слезы.

– Неосторожно и безответственно. Он и подумать не мог, что вы зашли так далеко.

– Надо, наверное, аборт? – сквозь слезы спросила Даша.

Мама задумалась.

– Мы потом об этом поговорим. Когда тебя посмотрит врач, когда будет ясно, все ли в порядке. Я бы не советовала, но это все обсудим после. Всему свое время. Сейчас идем ужинать и отдыхать. Пойдем, – поторопила она, – не надо сидеть на холоде. Тем более что я, посмотри, в тапках.

– Там папа, я не хочу, я боюсь!

– Во-первых, он закрылся и не хочет никого видеть. Во-вторых, рано или поздно вам придется поговорить. Ты только с ним не спорь. Видишь же сама, как все обернулось. А сказала бы мне, я бы его заранее подготовила.

Даша вошла в квартиру, как будто она была здесь гостьей, и, пока разувалась, вешала куртку на крючок и складывала на полку шарф, все время прислушивалась, как там папа. Сразу было понятно, что тут недавно ругались. Комнату еще не проветрили после прихода госты, в воздухе висел плотный шлейф ее ванильных духов. На полу остались грязные следы от сапог, которые никто не стал вытирать. Даша заперлась в своей комнате и сидела там до ночи. Дима звонил ей раз пять, она сбрасывала звонки. Наконец написала ему, что спит, и выключила телефон. В квартире было тихо, не слышалось ни шагов, ни шепота, ни стука по клавишам.

Уже за полночь Даша выскользнула на кухню и сделала себе бутерброд. Ей показалось, что кто-то стоит за спиной, но она не обернулась. Тот, кто стоял в дверях кухни, молча ушел. По-прежнему пахло приторными духами Тамары Ивановны.

Утром Даша не услышала будильник. Мама разбудила ее в начале девятого, когда отец уже ушел на работу. Завтрак не лез в горло, снова

подступала тошнота, а когда Даша выпила полчашки чая, ей стало по-настоящему плохо.

– Так будет все девять месяцев?

– Меня вообще не тошнило, – сказала мама. – Может быть, и у тебя скоро прекратится.

Она доела кашу и повезла Дашу к своему врачу. Когда ехали мимо школы, Даша зажмурилась, чтобы даже случайно не увидеть никого из своего класса.

В маленькой клинике, куда они приехали, мама рвалась зайти в кабинет вместе с Дашей, но ее попросили подождать за дверью. Даша так сильно боялась врача, что уже устала, и, глядя в окно, покорно отвечала на вопросы: шестнадцать лет, один партнер. Окно выходило на детскую площадку, заметенную снегом. Врач была старенькая, как Анна Ивановна, она не ругала, не стыдила и, что тоже хорошо, не жалела, она работала: спрашивала о том, что творилось в Дашином организме, и говорить об этом было несложно – как о другом человеке, не о себе. Даше дали направление на УЗИ, которое можно было сделать прямо сейчас в соседнем кабинете, прописали лекарства и сказали, чтобы две недели сидела спокойно дома и никакой школы.

– А если я не захочу оставить? – Даша задала вопрос, который репетировала все утро.

Врач не стала ее отговаривать.

– На этом сроке остается только чистка. Про последствия почитайте в интернете. Дальше затягивать уже нельзя, надо решить в течение нескольких дней.

– Ты пойдешь со мной на УЗИ? – спросила Даша у мамы, выйдя из кабинета. – Тебя туда пустят?

– Сейчас узнаем.

Ее пустили. Мама сидела на стуле рядом с кушеткой и внимательно смотрела на монитор.

– Как сейчас помню, – сказала она.

Даша закрыла глаза, закусила щеки и медленно считала до ста. Датчик полз по ее животу. Врач смотрела в экран и молчала. И мама тоже молчала. Плотность молчания в кабинете была такая, что Даше стало очень, очень страшно.

– Плод двадцать миллиметров, – наконец сказала врач.

– Это мало? – встрепенулась мама.

– Это как надо. Он у вас сейчас размером с фасолинку. Мамочка, посмотрите тоже.

Даша не сразу поняла, что обращаются к ней. Она взглянула на монитор. В черном пространстве расплывались мутные пятна, ни одно из которых не было похоже на ребенка.

– Где он? Куда смотреть?

– Вот же, вот он. Как фасолинка или виноградинка.

– Он живой? – спросила Даша.

– Конечно. Посмотрите, он шевелится. Сейчас мы послушаем сердечко.

Дашино собственное сердце забилося так, что едва не выскочило из горла. Она снова закрыла глаза. Быстро-быстро стучало второе сердечко в ее теле. Непроизвольно выступили слезы. С ней происходило что-то, чему не было названия. Она словно падала с большой скоростью в безвоздушном пространстве.

– Ничего, что так быстро бьется? – спросила мама.

– Ничего. Все как положено: сто сорок ударов в минуту. Пока я никаких отклонений не вижу, через месяц надо прийти в следующий раз. Вам врач все расскажет – что, когда, какие анализы.

Они вышли на набережную. «Давай пройдемся», – попросила Даша. Она думала, что маме надо срочно на работу, и надеялась, что та уедет, но мама согласилась.

На набережной было безлюдно. Внизу текла мутная, тревожная река. Снег летел во все стороны сразу, даже вверх, и слепил глаза, и было сложно смотреть куда-то, кроме как себе под ноги. Даша не хотела разговаривать и оторвалась от мамы на несколько метров, но все время чувствовала, что мама идет за ее спиной.

* * *

Даша хотела позвонить Димке и рассказать ему про двадцать миллиметров и сто сорок ударов в минуту, но не знала, как теперь с ним разговаривать. Она сняла перчатки, приложила руки к щекам и не узнала своего лица.

– Отвези меня к Димке, – попросила она маму.

– Я думаю, он в школе.

И правда, он был на уроках, но они подъехали как раз к перемене. Димка стоял на крыльце без куртки и с кем-то разговаривал по телефону.

– Даш, привет, – растерялся он и посмотрел по сторонам. – Ты что здесь...

Даша налетела и с размаха хлестнула его по лицу. В первый раз в жизни она ударила человека по мягкой теплой щеке.

– Ты зачем ей рассказал? – закричала Даша, захлебнувшись рыданием.

Ей было все равно, что все на них смотрят.

– А как я мог ей не сказать?

– Я же попросила не говорить! Я же попросила тебя, как ты мог меня не послушать? Ты знаешь, что было? Что из-за тебя было? Что она моим родителям сказала?

– Она должна знать...

– То есть ты специально ей сказал? Сам начал этот разговор, сам меня сдал... Сдал меня, как будто так и надо! Да если бы я не захотела, и ты бы ничего не узнал! Ты должен был поступить как мужчина, а ты побежал к своей мамочке жаловаться на меня!

Он больше не пытался возражать. Стоял, краснея всем лицом, и смотрел себе под ноги.

– Я не думала, что ты такой, – задыхаясь, сказала Даша и побежала от него прочь.

Она надеялась, что он догонит ее, поймает, схватит в охапку и попросит прощения, и она простит, она расскажет про сердцебиение, они вечером вместе придут к ее родителям. Она забежала в первый попавшийся магазин и посмотрела в окно – Димки не было. Наверное, он вернулся в школу как ни в чем не бывало.

В кармане звякнул телефон. «Прости, я тебя люблю», – прочитала Даша. У него даже не хватило смелости сказать это самому.

Магазин, в который она забежала, оказался пекарней. У окна стояло несколько столиков и кресел, и можно было перекусить. Даша взяла какао в бумажном стаканчике и булку с корицей и села за свободный столик. За столиком в углу сидела девушка с ребенком на коленях, у дверей стояла коляска. Даша не разбиралась в возрасте малышей, но этому было явно меньше года. Он жевал булку так, что все падало у него изо рта, размахивал руками, и девушка все время отодвигала от него чашку с кофе.

Даша представила на ее месте себя так ясно, будто увидела собственное будущее, и ей стало страшно. Врач сказала, что, если все будет хорошо, ребенок родится в июне. Близнецы или Рак. Ребенок, живой, настоящий, не кукла. Маленький человек. Что она будет с ним делать?

Как его держать, такого шустрого? Как с ним играть, о чем разговаривать? Когда дети начинают понимать человеческую речь? Надо будет обо всем прочитать заранее. А если он заболеет? А вдруг она с ним упадет?

Врач назвала ее сегодня «мамочка». Это она, Даша. Дыхание перехватило: такого не бывает. Мама – это мама. Это не она, не Даша. Пока она не услышала, как в ней бьется чужое сердечко, ей еще казалось, что все происходит по-нарошку, все можно вернуть назад. Закончить игру и вернуться на прежний уровень.

Даша положила руку на стол. Стол был настоящим. Ее ладонь была настоящей. Стакан какао был настоящим. Браслет на руке был настоящим.

– К этому сложно привыкнуть, – сказала сегодня мама, когда они ехали из клиники. – Мне было двадцать восемь, я была замужем, и все равно я чувствовала, что рано, чудовищно рано, что я еще столько важного не успела сделать. Мне казалось, что моя жизнь с ребенком обязательно превратится в унылое существование.

Еще она сказала:

– Ты только замуж пока не выходи.

И на молчаливый вопрос Даши ответила:

– Потому что ребенок – не причина. Выходить замуж надо, только когда выходишь за мужа. А если вы играете в семью, в дочки-матери за счет родителей, то это не семья, это пародия на семью. Родить без мужа, Даш, не стыдно, стыдно выскочить замуж в шестнадцать лет за первого встречного. Поживете, присмотришься, подумаешь.

– Что в школе начнется, – одними губами проговорила Даша.

У нее не было сил спорить про «первого встречного».

– Да какая разница, кто что скажет? У тебя есть ты. Твой ребенок. Твоя семья. Плевать нам на остальных. Дремучих людей много, Даш, из-за каждого из них переживать – никаких нервов не напасешься.

Когда ребенку исполнится шестнадцать, мне будет целых тридцать два, сосчитала Даша. Она пыталась представить себе, что за жизнь у нее будет, и отчего-то видела кухню – родительскую, не Димкину, и как они вдвоем со светловолосой тоненькой девочкой, похожей на Лизу, пьют чай и смотрят «Танцы» на ТНТ.

* * *

Даша вернулась домой к ужину и попыталась как можно незаметнее проскользнуть в свою комнату. Она не была голодна и меньше всего на свете хотела с кем-то говорить.

Из-за стенки, из спальни родителей, доносились незнакомые звуки, словно кто-то безутешно плакал. Даша прислушалась:

– Мозгов нет... я-то думала, отстрелялась уже, все, можно жить для себя... А тут эта... сюда принесет... уже без вариантов.

Отец что-то ей ответил, но слишком тихо, Даша не разобрала. Ей было достаточно того, что она уже услышала. Она надела наушники и вползла с планшетом под одеяло.

Вдруг резко вспыхнул свет. Отец вошел к ней в комнату, сдернул с Даши одеяло, забрал наушники вместе с планшетом и скинул с кровати акулу, которую обнимала Даша.

– Ну, рассказывай, – сказал он.

– Что рассказывать?

– Как дошла до жизни такой. Что будешь делать дальше. Где жить.

– Ты меня прогоняешь?

Даша такое раньше только в кино видела – про прошлый век или вообще про девятнадцатый.

– Да никто тебя не прогоняет. Я тебя хочу послушать. Прежде чем с мальчиком ложиться, надо было думать головой, – брезгливо сказал отец. – Ну, не реви. Как будто сама не знаешь, что я прав.

– Мы любим друг друга.

– С чем я вас и поздравляю. А дальше что?

– Он сказал, что меня не оставит.

Отец вздохнул.

– В общем, так, Даша. Тебя никто не гонит. Ребенок не виноват в том, что у него такие безответственные и неумные родители. Это раз. Мы тебе поможем. Это два. Твой Дима нам тут не нужен ни живым, ни чучелком, ни тушкой. Это три.

– Он не виноват!

– А кто виноват? – Отец прищурился.

– Никто, так получилось.

– Даша! Я всегда говорил и буду говорить: люди, у которых всегда «так получилось», – никчемные существа. Я не хочу, чтобы ты была такой. Это раз. Виновата ты, разумеется, потому что ты ему разрешила сделать с тобой вот это. –

Он показал на ее живот. – Это два. Хотя про меры предосторожности ты все прекрасно знаешь. И Дима, разумеется, виноват наравне с тобой. Это три. Раз он до сих пор не пришел и не поговорил со мной, то может больше здесь не показываться. Он сегодня был у меня на уроке. Попытался слиться с рисунком на занавеске. Глаза отводил, как девочка-институтка. После урока сбежал так быстро, словно прошел сквозь стену. Я не удивлюсь, если сейчас он мчится к монгольской границе, переодетый в женское платье. Я все сказал. Тебе все понятно?

– Понятно, – буркнула Даша.

– Что тебе понятно?

– Я уйду жить к Диме.

– Что? – Отец хлопнул руками по коленям и расхохотался: – Вера! Иди сюда! Посмотри на нее, она замуж собралась!

Даша схватила телефон, набрала Димку, и он, к счастью, сразу ответил.

– Дима, забери меня отсюда, я здесь больше не могу! Приходи прямо сейчас! – прокричала она.

Потом вскочила с кровати, достала сумку, с которой обычно ездила на отдых, и принялась кидать в нее джинсы, школьные рубашки, физкультурную форму, учебники, тетрадки, колготки – все, что попадалось под руку.

– Я же сказала, мы друг друга любим! Если ему здесь нет места, то и мне тоже нет!

Отец смотрел на нее с презрением:

– Прекрати истерику!

– Это ты прекрати!

– Пусть идет, – сказала мама, глядя на них. – Это у нее гормоны, ты должен понимать. Пройдет. Даша, тебя Дима встретит? Его мама-ша не отправит тебя обратно?

– Трусы не забудь, – усмехнулся отец.

Они внимательно смотрели, как она собирается, словно им было все равно, что она больше никогда, ни одного дня не будет с ними жить. В детстве она уходила из дома раз десять, но самое дальнее – до остановки, потом ее догоняли и возвращали. Теперь никто не собирался ее останавливать, а раз так – она уйдет отсюда как можно скорее.

Дима прислал сообщение, что ждет ее внизу.

– Кишка тонка подняться, – сказал отец. – Если что, звони.

– Не забывай пить таблетки, которые мы сегодня купили, это важно, – добавила мама.

Если бы отец не пошутил глупо, как пацан-недоросток, про трусы, Даша еще могла бы остаться. Но он пошутил. Поэтому Даша подхватила сумку и вышла из квартиры, специально хлопнув дверью. Димка ждал ее в подъезде этажом ниже. Даша прижалась к нему и перестала дышать.

– Совсем плохо?

– Скажи спасибо своей матушке. Она не выгонит меня?

– Я сказал, что ты всего на одну ночь, чтобы не нервировать ее, а дальше что-нибудь придумаем.

Даша прерывисто вздохнула:

– Может быть, мне лучше прямо сейчас вернуться домой?

– Ну что ты опять начинаешь...

Дома Димка повесил ее куртку в шкаф и сразу повел за руку в свою комнату. Тамара Ивановна закрылась на кухне, откуда что-то шкворчало, и Даша хотела было войти, поздороваться, как полагалось, но Дима мотнул головой и приложил палец к губам. Ему было виднее – это же была его мама.

В комнате Даша поставила сумку в угол и поняла, что забыла пижаму.

– Дай мне майку, чтобы в ней спать, – попросила она.

Димка кинул ей свою старенькую домашнюю майку, и она, отвернувшись от него, переоделась. Футболка доходила Даше почти до колен. Она села на диван, скрестив по-турецки ноги.

– Ты спать ложишься? – спросил Дима.

– Нет, наверное. А ты что будешь делать?

– Вообще-то у меня еще не все уроки сделаны. Но можно посмотреть одну серию, если хочешь.

Даша не знала, хочет ли смотреть сериал, ее занимали другие мысли. Они с Димой никогда раньше не ночевали вместе. Даша не могла понять, как ей завтра утром принять душ, не побеспокоив Тамару Ивановну, найдется ли здесь фен, что она будет есть с утра. Она не взяла зубную щетку и кучу других важных вещей.

– Мы же вместе спим вот здесь? – Она хлопала по дивану.

– Если ты не забыла, он раскладывается.

– Тогда разложи.

Дима разложил диван и достал постельное белье с незабудками. Даша легла под одеяло, подтянув ноги к груди и спрятав руку под поду-

шкой. Было неудобно – она не любила ложиться спать, не приняв душ, но сейчас боялась идти через комнату, в которой могла ложиться спать Тамара Ивановна.

– Иди ко мне, – сказала она Димке. – Мне надо тебя почувствовать.

Димка вздохнул и лег рядом. Они соприкоснулись подбородками и носами, потом Даша положила голову ему на плечо. Ее по-прежнему трясло внутри, она никак не могла успокоиться и отогреться. Дима снова начал говорить, что все будет хорошо и что в субботу, когда все успокоится, надо встретиться двумя семьями и все обсудить. Все, что он говорил, было правильно, но Даша ждала от него других слов. Она не хотела думать о том, как все соберутся и будут решать, как с ними поступить. Будут решать за них, словно они маленькие дети.

Дима погладил ее по животу:

– Когда он начнет шевелиться?

– Через несколько месяцев.

– Как ты думаешь, кто там? Мальчик или девочка?

– Лучше бы девочка.

– Будет такая же красивая, как ты.

Даша почувствовала, что он улыбается.

Уткнувшись в него носом, Даша вспоминала, как в теплый сентябрьский день они с Димкой ездили к нему на дачу. Они валялись на чердаке на груде старых матрасов и смотрели, как через щели в стенах ложатся на пол солнечные полосы, а Даша целиком, каждой клеточкой принадлежала Димке, и цепенела от счастья, и не верила, что когда-нибудь станет иначе. Потом они ели мед из банки, потому что Даша забыла в автобусе сумку с продуктами, а ничего другого съестного на даче не оказалось, кроме этого сахаренного твердого вкуснейшего меда. Нашли книжку для молодых супругов пятидесятилетней давности и хохотали над ней, никак не могли прекратить смеяться. А потом Димка наступил на осу, и это было уже не весело, потому что у него была аллергия на укусы этих тварей, и пришлось срочно вызывать такси в город. Дима говорил, что такое случалось уже не раз, и надо только скорее принять лекарство, но Даша всю дорогу домой обмирала от страха и крепко сжимала его руку. В тот день она впервые за шестнадцать лет почувствовала себя полностью, до последней клеточки, живой и настоящей.

Глава шестая

Соня голосила. Уже не просто плакала тоненько и жалобно, а, разошедшись, голосила во всю мощь своих легких. Даша еще на втором этаже услышала ее полный отчаяния крик и взбежала на пятый на одном дыхании.

– Даша, ну наконец-то ты пришла, у меня уже голова болит, – выдохнула Тамара Ивановна.

Казалось, она и сама готова была расплакаться. Сонино красное личико, сморщенное от плача, выглядывало из чепчика, надетого бабушкой из-за сквозняков.

– Давно она так? – крикнула Даша, торопливо переодеваясь в ванной.

– Я не знаю, я на часы не смотрю. Ты ее кормила перед уходом?

– Я же вам говорила, что кормила. – Даша подхватила Соню на руки.

– А она плачет так, будто голодная. Даша, может быть, ей не хватает твоего молока? Она плохо набирает вес. И сама ты вон какая худенькая. Может быть, тебе нужно ее докармливать из бутылки?

– Я поговорю с врачом, – с раздражением ответила Даша.

– Ты же знаешь, врачи – они мало что понимают. Ох, Дашенька. Больше не уходи так надолго. Я не могу детский крик слышать, мне плохо делается.

Даша села на диван, задрала футболку и приложила Соню к груди. Соня ухватилась за нее, словно ее никогда в жизни не кормили. Тамара Ивановна все стояла в дверях.

Соня сосала молоко так жадно, что Даше было немного больно. Даша дала Соне палец, и дочка крепко его сжала. Дождалась ее. Крошечка, малышка. Даша погладила ее по щеке. Такая нежная кожа, нежнее сложно вообразить. Тоньше, чем на веках. Еле заметные бровки. Длинные реснички. Темные волосы, торчащие во все стороны. Даша очень удивилась, когда дочка родилась лохматая.

Она уткнулась в Сонину щечку, чтобы хотя бы на минуту забыть сегодняшний день.

– Даша, так нельзя. Ты ее разбалуеть, – сказала Тамара Ивановна. – Посмотри, она тебя никуда не отпускает, без тебя практически не спит. Тебе ведь самой же тяжело. Дима в три месяца уже спал всю ночь в своей кроватке, я приучила его ночью не просыпаться.

– Как?

– Пару ночей оставляла его прокричаться, он всегда был молодец, он быстро все понял.

– И не жалко было?

– Жалко. А как еще? Мы с ним были одни. Я хотя бы по ночам должна была отдыхать.

Соня ела и спала одновременно, не выпуская Дашин палец. Ее челка была влажной и прилипла к лобу. Она была такая крохотная, такая беззащитная. Тамара Ивановна предлагала учинить над ней какое-то немислимое зверство.

– Поздравила подружку? – спросила Тамара Ивановна.

– Ее дома не было, – шепотом ответила Даша.

– Ты говорила, она же тебя пригласила.

– Я, наверное, что-нибудь перепутала.

– Ясно. А ужинать будешь?

– Нет, не хочу.

– Надо есть, чтобы приходило молоко. Странно, что, как тебя спросишь, ты все негодная. Когда я кормила Диму, я все время хотела есть. По ночам шла к холодильнику и ела жирную сметану ложкой из банки. Потому что все остальное уже было съедено. И при этом я не поправлялась, все уходило в молоко.

– Я попозже поем.

Тамара Ивановна неохотно ушла. Наверное, подумала Даша, у нее тоже бывают моменты, когда грустно и хочется с кем-то поговорить.

Соня спала, не отпуская Дашу. Если сейчас от нее отойти, снова будет много крика. Даша дотянулась до телефона и проверила страницы Лизы и тех одноклассниц, которые с ней дружили. Так и есть: все на даче. Уехали без нее, заранее не предупредив. Лиза, Настя, Мадина, незнакомая девочка. Мадина покрасила кончики в розовый. Какие-то парни жарят шашлыки. Кошка сидит неподалеку и глядит на мясо. На кошку было смотреть куда приятнее, чем на Лизу: мордочка у кошки была выразительнее и кошка не выпендривалась на камеру.

Хотя была суббота, Димка ушел в универ. Даша впервые оставила Соню с Тамарой Ивановной. Она покормила Соню, та задремала, и Даша решила, что час-полтора у нее точно есть. Она нарисовала ресницы и губы и через пятнадцать минут уже стояла около Лизиного подъезда. Она набрала номер квартиры, но никто не ответил ни в первый раз, ни во второй, ни в третий. Наверное, ее не услышали из-за громкой музыки, решила Даша. Когда из подъезда вышла Ли-

зина соседка, Даша поднялась наверх. За дверью Лизиной квартиры было тихо, даже слишком тихо, словно никого не было дома. Она позвонила в дверь, но ей никто не открыл.

Даша подождала еще. Она хотела позвонить Лизе на мобильный, но это было бы, наверное, тупо. Даша подумала, что сама что-то перепутала. Потом – что Лизе не разрешили родители. Весной Лизин отец увидел Дашу с животом, у него что-то перемкнуло в голове, и он запретил Лизе общаться с ней. Еще ей пришло в голову, что Лиза специально уехала из дома, а Дашу позвала ради смеха. Глупая мысль. Скорее всего, Лиза просто про нее забыла.

Даша послала ей гифку с фейерверком. «Спас», – ответила Лиза.

Даша хотела бы не обижаться, она уговаривала себя не обижаться, но злость и обида – не только на Лизу, но и на себя, а заодно и на Димку – зудили и надоедали ей всю обратную дорогу.

Она наделась, что Дима уже пришел. В последнее время он часто возвращался поздно, и Даша страшно по нему скучала. В него можно было ткнуться лбом. В него можно поплакать, недолго. Если Тамары Ивановны нет дома, то на него можно наорать, не сдерживаясь, – иногда от этого становится легче. С ним можно поговорить, и он, в отличие от Сони, ответит. Можно сидеть рядом и смотреть, как он играет на компьютере в логические игры.

Когда Дима был дома, Даше хотя бы на время казалось, что и она тоже дома, а не в чужой квартире, в которой обитает чужая мама, для которой Даша – досадная помеха.

Но Димки дома не было, а Соня орала. Он вернулся поздно, когда Соня уже успела проснуться, заснуть и снова проснуться. Он принес ужин в комнату и включил компьютер.

– Тебе совсем неинтересно, как мы тут время проводим? – с обидой спросила Даша.

– Я же вижу, что все у вас нормально, зачем лишний раз спрашивать?

Даша обняла его со спины, и ей показалось, что ему это не понравилось. Его спина напряглась. Он будто ждал, когда она уберет руки. По крайней мере, так показалось Даше.

– А у тебя? Все хорошо? Что ты сегодня делал? Ходил в бассейн? – Даша почувствовала запах хлорки.

– Ага, проплыл полтора километра.

– Когда поешь, побудь с Соней, ладно?

– А что я с ней буду делать?

– Да хоть на руках поноси по комнате, потом купать ее будем.

– Дашкин, солнце, давай сама, а? Мне надо отдохнуть.

– Мне тоже.

– Иди сюда.

Даша села к нему на колени, прижалась щекой к щеке и замерла. Ей хотелось, чтобы ее пожалели, похвалили, покачали на ручках, ей надоело целый день быть взрослой. Дима ее поцеловал и согнал с коленей на диван. Он стал рассказывать про бассейн, потом про концерт, который готовят на факультете. И еще он встретил бывшего одноклассника, Макса. Даша знать не знала никакого Макса. «А у тебя что нового?» – спросил он потом. Даша хотела сказать ему про Лизу, но не стала, потому что чувствовала себя душой. Он наверняка предложит просто не обращать внимания.

– Что у меня может быть нового? Мы покакали.

Она хотела пошутить, но шутка не удалась. Дима только брови поднял.

– Тебе бы хорошо вернуться в школу, так, чтобы учиться дома, или пойти на какие-нибудь курсы. Тебе же нравился инглиш.

– А с Соней кто будет? Все работают. Ты учишься.

– Скучно же все время дома сидеть.

– Это не скучно, это... – Она не смогла подобрать слова. – Это больше, чем скучно.

– А ты чего хотела?

– Я хотела, чтобы хотя бы ты не спрашивал: «А ты чего хотела?»

Новая обида царапала, как ржавый гвоздь, задевая и прошлые. А ты чего хотела? Это взрослая жизнь. Все так живут. Раньше надо было думать. Мы тебе говорили, мы тебя предупредили. Быть матерью – тяжелая работа.

– Я это просто так сказал.

Даша не поняла, как это случилось, но Димкина чашка грохнулась об пол и раскололась. Растеклись остатки кофе. Соня заворочалась, закричала, просыпаясь.

– Ты что, с ума сошла?! – шепотом закричал Дима.

– А ты думай, что говоришь! – тоже шепотом ответила Даша.

– Успокойся! – Он вышел из комнаты.

Даша услышала, как он говорит Тамаре Ивановне, что случайно локтем столкнул чашку. Вернулся с тряпкой, убрал осколки, вытер лужу.

Даша молча кусала губы. Ее жег стыд, и обида на всех, и обида на себя, причем на себя, кажется, сильнее, чем на всех остальных вместе взятых. Соня снова уснула. Даша отвернулась к стене и легла лицом в подушку. Она весь день ждала Диму, а теперь он дома, но все стало только хуже.

Димка ушел ужинать с Тамарой Ивановной, на кухне они говорили, наверное, о Даше. Она искала наушники, чтобы заткнуть уши музыкой – нездешней, жаркой, бразильской, под которую само собой представляется, как она, Даша, в ярком платье танцует босиком на песке. Раньше она думала, что обязательно поедет в Бразилию. И на Кубу. И в Аргентину. Теперь казалось, что это так же нереально, как оказаться на другой планете.

Наушники обнаружили на полу между диваном и шкафом. Какой-то проводок был поврежден, и поэтому музыку можно было слушать только одним ухом. Сегодня все было наперекосяк. Да еще Соня снова начала во сне поднывать. Даша покормила ее спящей и перенесла в кроватку, потом разложила диван и легла, укрывшись с головой. Она не успела уснуть, когда Дима снова сел за компьютер, однако притворилась спящей. Проходя мимо, он нагнулся над ней и погладил по одеялу, но не стал будить.

Даша не понимала, как так можно: одновременно любить человека и раздражаться на него, ждать, когда он уйдет, и хотеть обнять его всем телом, чтобы чувствовать его запах. В одну и ту же минуту.

* * *

Через неделю снова все пошло не так с самого утра. Даша просыпалась трижды за ночь, и наутро в голове ее была мутная подгоревшая каша. Она влила в себя две чашки кофе, не чувствуя его вкуса: нос был заложен наглухо. Дима собирался утром смурной и в спешке, и Даша не помнила, то ли она на него в очередной раз обиделась вчера вечером, то ли он на нее. Вроде бы ничего такого они друг другу не сказали. А обида осталась.

В инстаграме, как обычно, все у всех было хорошо, у всех были довольные лица. Даша бродила по популярным профилям мам с детьми и не понимала, что с ней не так. Почему у нее не такое лицо, а обычное, уставшее, человеческое, которое с любыми фильтрами остается обычным. Почему она не может строчить вдохновляющие посты, полные женского счастья. Почему

она, в конце концов, в свободное время не занимается спортом, не печет капкейки, не делает украшения и не учит иностранный язык, ведь она тоже #мамочкавдекрете и должна делать хотя бы что-то одно из этого. А она, Даша, даже в школе пропускает год и никак не может начать делать зарядку. Почему Соня плачет, плачет, постоянно плачет. Почему Димка ни разу не подарил ей нормальный букет из пары десятков бордовых роз и не говорил, что любит больше жизни. Почему она, целуя Соньку в пяточки и в животик, радуясь каждой ее беззубой улыбке, все равно не чувствует себя неопишимо счастливой, как все нормальные мамы. Много всяких почему.

– Тихо, тихо, – зашептала Даша. – Тихо, девочка моя хорошая, тихо, тихо.

Но Соня не умела тихо. Она изгибалась у Даши на руках, словно ее не узнавала, и кричала, кричала, и не хотела брать грудь, и не хотела, чтобы с ней ходили по комнате и прыгали на фитболе, и снова было невозможно понять, чего она хочет. Сегодня ночью на ее зов вставал взъерошенный Димка и брался укачать дочку, но у него на руках Соня взвыла с новой силой, потом проснулась Тамара Ивановна и, подозревала Даша, весь подъезд. Тамара Ивановна выдала из своих запасов большую бутылку со святой водой и предложила умыться ею Соню, но это тоже не помогло. И вот опять.

– Почему ты не спишь? – спрашивала Даша Соню, таская ее на руках из комнаты в комнату. – Почему ты плачешь, что еще тебе надо?

Даша не могла ее понять, не могла даже почувствовать, почему ей плохо, словно Соня была не ее дочкой, а чужим ребенком, с которым пришлось остаться впервые. Соня захлебывалась криком и отталкивала Дашу, и себя Даше было жалче, чем дочку, и хотелось оставить ее в кроватке, закрыть за собой дверь и уйти из дома хотя бы часа на два. Может быть, и правда, как советовала Тамара Ивановна, дать ей прокричаться?

Даша встряхнула Соню и шлепнула ее по ножке.

– Прекрати надо мной издеваться, прекрати сейчас же! У меня скоро руки отвиснут! У меня голова болит от твоего крика! – выкрикнула Даша и замолчала.

Она вдруг поняла – почувствовав это, как удар под дых, – что готова снова шлепнуть Соню и очень этого боится. Себя боится. Потому что себя не знает.

Она отнесла дочку в ее кроватку.

– Не слушаешься меня, да? Тогда побудь одна, чтобы поняла, как себя вести! А то ты мне вовсе и не нужна такая, да-да!

Даша поспешно вышла из комнаты, плотно закрыла дверь, вытерла злые слезы и на кухне с ногами села на стул, плотно зажав ладонями уши.

– Прекрати орать! Орать прекрати! Ты меня слышишь там или нет? – закричала она.

Слезы обжигали веки. Соня плакала за закрытой дверью, плакала все жалобнее, с такой горечью и отчаянием в голосе, каких Даша никогда еще от нее не слышала. Потом она замолчала.

Даша даже не сразу поняла, что стало тихо, и эта тишина ее не обрадовала, а напугала. Она не знала, что происходит в комнате, и боялась туда заглянуть. В кончиках пальцев что-то заняло, живот скрутило от беспокойства и стыда, от нежелания быть такой, какая она сейчас. Злосердечная. Запомнит ли Соня ее такой? Могут ли такие маленькие дети что-нибудь помнить? Даша помнила себя с четырех лет, но вдруг бывает и по-другому?

Она приоткрыла дверь и заглянула в комнату. Соня спала в кроватке, раскинув ручки со сжатыми кулачками. Ее личико было одновременно сердитым и несчастным, и Дашу снова окатило волной стыда. Она чуть было не подхватила Соню на руки. Но вместо этого легла на диван, крепко обхватив себя руками. В левом виске пульсировала боль. Хотелось повторять только одно слово, острое и красное: никогда, никогда. И еще хотелось спать.

Чтобы отвлечься, Даша открыла инстаграм. У Лизы была новая стрижка. Даша машинально прошла по ссылке на салон красоты, отмеченный ею, и от неожиданности чуть не вскрикнула: в этом салоне работала Аня Николаева, та самая девушка из роддома, у которой ребенок родился раньше срока. Даша нырнула на личную страничку Ани, та оказалась закрытой, но Аня сразу приняла заявку, и Даша увидела фотку ее сына, Прохора. Тот был меньше Сонечки, но он был живой, живой!

Жалость к Сонечке вернулась с новой силой. Какая же она, Даша, мать, раз так обращается с ней!

Даша написала Димке: «Приходи пораньше сегодня, я с ней больше не могу». Димка сразу же ответил: «Нет, очень занят». Даша позвонила

ему, но он, наверное, был на паре, потому что сразу сбросил вызов.

В дверь позвонили. Даша сжалась у себя на диване и решила не открывать. Позвонили еще раз, потом беспокойно завибрировал телефон. Даша подошла к двери и посмотрела в глазок. На лестничной площадке стоял ее папа и ждал. Только этого еще не хватало. Даша насухо вытерла глаза, изобразила радость и открыла ему. У него было пальто, которого Даша раньше не видела, и, кажется, очки тоже новые.

* * *

– Привет, – сказал папа таким тоном, будто они виделись каждый день. – Я шел из школы и решил к вам заглянуть. Вы куда-то собираетесь? Гулять?

Он дал шанс вежливо его проводить.

– Нет, – ответила Даша.

– Я бы выпил чаю, – сказал папа и пошел мыть руки. – Какое полотенце, Даш?

– Зеленое, – крикнула она из кухни и включила чайник.

Ей очень хотелось, чтобы ему все понравилось, и она достала листовый чай, и сахарницу, и печенье, и пирожки, которые вчера испекла Тамара Ивановна, и две одинаковые чашки.

– Сонечка спит? Скоро проснется?

– Скоро, наверное, она никогда надолго не засыпает.

– Это она в тебя пошла, ты до года, по-моему, вообще никогда не спала.

– Не помню такого.

– Зато я прекрасно помню. Я один раз заснул на работе. Пришел, сел в кресло в углу учительской, а проснулся от звонка на перемену. Звонка на урок, что примечательно, я не услышал, и никто из добрых коллег меня не разбудил. Мало того, завуч провела урок за меня, можешь себе такое представить?

– А когда стало легче? – спросила Даша.

– Даже и не знаю, как тебе сказать. Лучше съем еще один пирожок. Ты научилась готовить?

– Это Тамара Ивановна, но я кое-что теперь умею. Так все-таки, когда мне будет легче?

– Мне, Дашка, до сих пор легче не стало.

– Я серьезно!

– А я тоже серьезно. В чем-то будет легче, а в чем-то сложнее. Например, я и знать не знал, что ты можешь так меня удивить. Но я вообще-то о другом хотел спросить. Дмитрий тебя не обижает?

– Нет.

– Правда?

– Правда.

Он посмотрел на Дашу внимательно, словно проверял, можно ли ей верить, и продолжил:

– Если что, ты мне скажи, я с него три шкуры спущу и чучело сделаю для краеведческого музея. Чтобы другим неповадно было. Следующий вопрос. Он тебе помогает?

– Нет.

– А по дому что-нибудь делает? Полы помыть, посуду...

– Редко, почти никогда. Все делает Тамара Ивановна, ну и я тоже, если успеваю.

– Воспитала матушка сыночка... – вздохнул отец.

– Она говорит, он должен учиться, а все остальное не так важно. И он правда очень много занимается.

– Ладно, хотя бы с Сонечкой он водится?

– Только если вместе со мной, потому что он ее, по-моему, боится, – честно ответила Даша.

– Хорошо устроился твой Дима, сел матери на шею, ножки свесил, еще и тебя в дом привел. Ты ему говори, когда нужна помощь. Он сам никогда не предложит, имей в виду. Вот прямо ртом и говори, русским литературным языком. Иногда можно и нелитературным, если обнаглеет, поняла?

Даша кивнула.

– А иначе нельзя, иначе ты себя загоняешь. Раз уж ты решила сюда переехать, я должен быть уверен, что тебе здесь помогают. Иначе иди домой. Хочешь домой?

Даша едва удержалась, чтобы не кивнуть. Она хотела домой больше всего на свете. Но только если всем вместе. Наверное.

Отец продолжал пить остывший чай, молча. Даша мыла посуду и думала, что бы сказать еще. Она очень давно не говорила с ним, в последнее время – только через маму, и он с ней тоже через маму, даже когда они были в одной комнате.

– Ты подожди, Соня скоро проснется, – сказала Даша.

– Да я пока и не собираюсь уходить. Наоборот. Дашка, угадай, в какой руке.

– В правой, – сказала она, убирая чашки в шкаф.

– Угадала.

Он протянул ей пятитысячную купюру:

– Потрать на себя. Только не на то, что нужно, а на то, что давно хочется. Платье купи себе

новое, помаду, не знаю, что-то из ваших женских штучек. Только чтобы на себя обязательно.

– Это от мамы?

– Это от меня. Мама не знает, что я к тебе пошел. В общем, Дашка, корми ребенка, бери деньги и иди их профукай в свое удовольствие. Два часа тебе на все про все. С Сонечкой я побуду.

– Она не останется с тобой, – предупредила Даша. – Она будет все время орать.

– Вряд ли она будет орать громче, чем пятый «Б» на перемене.

Даша не сомневалась, что Соня умеет кричать куда громче, но не стала этого говорить. Тем более что Соня уже начала беспокойно ерзать, подхныкивать и подквакивать. Даша вытащила дочку из кровати, прижала ее к себе.

– Прости меня, – пробормотала Даша.

Соня смотрела на нее серьезно, словно понимала и знала намного больше, чем Даша, чем папа, чем любой другой взрослый.

Даша кормила Соню, прислушиваясь, что там делает папа, и боялась, что он передумает.

Папа взял Сонечку на руки и кивнул Даше: иди. Даша торопливо оделась, даже ресницы красить не стала, и выскочила из дома.

Ей хотелось купить сразу все, что было в торговом центре. В своем любимом магазине она заняла примерочную надолго и во всем, что надевала, очень себе нравилась. Отведенное ей время пролетало стремительно. Она выбрала юбку, и помаду, и подводку, и новые наушники. Потом выпила в кафе лавандовый раф, и уже надо было спешить домой.

По первому этажу торгового центра шла компания старшекласников или студентов. Их было человек восемь, и среди них – парень в смешной зеленой шапке, такой же, как у Димки. Даша узнала его и радостно замахала. Он прошел мимо, не заметив. Разумеется, он не думал встретить ее здесь, в торговом центре, без ребенка, среди бела дня. Но прошел все-таки, мимо прошел. Даша чуть не побежала за ним – еще не поздно было посмеяться вместе, но вспомнила, что вчера вечером он смотрел на нее как на табуретку и разговаривал с ней, будто исполнял неприятную обязанность.

Обида развернулась во всю свою змеиную длину и больно ее куснула. Спина между лопатками онемела и замерзла. Даша почувствовала себя очень маленькой и ненужной.

Дома она услышала, как папа поет Соне «Шел отряд по берегу, шел издалека», а потом увидела их двоих и поразилась, как они похожи.

– Можно мы с Соней у вас поживем несколько дней? – зажмурившись, спросила Даша. – Мне надо подумать.

– Нельзя, – сразу ответил папа.

Даша сглотнула горькую слюну:

– Понятно.

– Дашка ты Дашка. Нельзя – не потому что мы тебе не рады. А потому что это не дело: психанула – сбежала от нас, потом психанула – сбежала от Дмитрия. Это тебе не «веселые старты» среди учеников начальных классов.

– Я не собираюсь от него сбежать. – Даша взяла Сонечку и поцеловала ее теплую нежную щечку. – Я хочу, чтобы он понял, что без нас ему плохо.

– Какой ты ребенок, Даш. Ты пойми. Ты выбрала человека, с которым решила провести жизнь или большую часть жизни, так? Если ты решишь, что сделала ошибку и быть с ним не хочешь, – ты всегда можешь вернуться. Но капризы... Нет. В этом я тебе не помощник. Мама, думаю, тоже. Хотя знаешь сколько раз мы чуть не развелись?

Даша обиженно мотнула головой.

– Трижды. Один раз отнесли заявление в суд.

– А из-за чего вы так?

– Представляешь, я не помню. Правда не помню, без шуток.

Когда они договорились вместе навестить в субботу бабушку и папа ушел, Даша легла на диван и прижала к себе Соню. Крепко-крепко. Потом подняла дочку на вытянутых руках, снова прижала ее к себе и ткнулась носом в теплый животик. И фыркнула, и поцеловала. Соня заулыбалась, взвизгнула. Даша почувствовала, как по телу разливается теплота, а для обиды на Димку, наоборот, почти не осталось места. Обида съежилась, скукожилась, и больше не было солоно в горле, даже когда вернулся Димка и стал рассказывать о том, как он был занят.

Даша слушала его и ощущала, будто папа стоит за спиной, держа руку у нее на плече. Она вдохнула побольше воздуха и заговорила спокойно, не швыряясь вещами и не срываясь на плач. Дима обнял ее, вместе с Соней, а Даша все говорила и говорила, не стараясь подобрать верные слова. Он ей ничего не отвечал, не спо-

рил, только обнимал и гладил по спине, и это было, кажется, именно то, чего она от него ждала.

Даша отстранилась и сказала:

– Я поживу у родителей на выходных. Сможешь от меня отдохнуть.

Она ждала, что Димка начнет с ней спорить, но он промолчал, и она стала собирать сумку с Сониными вещами. Она собрала все быстро, словно ее подгоняли, и зашла к Димке на кухню. Он со спящей Соней на руках читал, причем не телефон, а настоящую толстую книгу.

– Завтра у бабушки день рождения, – сказала Даша, – и вообще.

– Передай ей мои поздравления, – откликнулся Димка, не отрывая глаз от книги.

– Я приеду в воскресенье вечером.

Он должен был пообещать, что будет скучать, но вместо этого произнес:

– Я понял.

* * *

Баба Валя жила в самом дальнем районе, куда надо было ехать через реку, через лес, через частный сектор, через какие-то заброшенные заводы, и казалось странным, что город никак не кончается. Когда Даша в детстве бывала здесь, ей нравилось представлять себе, что бабушкин дом, низкое вытянутое трехэтажное здание, это и не дом вовсе, а вагон поезда, который ненадолго остановился на станции, но скоро снова поедет через всю страну. Ощущение это усиливалось тем, что неподалеку лежали железнодорожные пути, и Даша слышала, как едут товарные поезда. Пассажирских поездов здесь не было никогда, сколько она себя помнила, а товарные ездили и днем и ночью – напрямую через сны.

Раньше Даша каждое лето на каникулах жила у бабы Вали целый месяц. Ей было здесь не то чтобы очень весело, но спокойно. И немного как в прошлом веке. Особенно когда плохо ловил интернет, то есть почти всегда. Баба Валя учила ее готовить – это Даше нравилось, а еще пыталась прирастить ее к своему увлечению, к вышивке картин – на это Даше не хватало терпения. Здесь были узкие комнаты с низкими потолками, зеленые заросли на окнах, кухонная плита с веселым огоньком газа, швейная машинка и постоянно работающий телевизор, который поначалу мешал своей вечной болтовней: родители Даши смотрели фильмы на ноутбуках, и телевизора в их квартире не было.

В заросшем высокой травой дворе бабушкиного дома прятался теннисный стол. Ксюша из третьего подъезда заходила за Дашей, и они подолгу играли в пинг-понг, пока Ксюше не удавалось выиграть хотя бы одну партию. Иногда они ходили смотреть поезда, но когда Даша сфотала Ксюшу, стоящую на рельсах, а ее мама не вовремя залезла в телефон, Ксюше строго-настроено запретили выходить со двора и тем более приближаться к железной дороге.

Вернувшись домой, Даша не сразу могла привыкнуть к тому, какие там высокие потолки и пустые стены. Баба Валя несколько раз дарила маме вышитые картины, но мама их складывала стопочкой в шкаф и иногда, разбирая вещи, порывалась выбросить.

Последний раз Даша жила у бабы Вали в седьмом классе, целый месяц, пока мама лежала в больнице. Уже тогда баба Валя больше не могла читать сама. Даша скачивала для нее аудиокниги, которые баба Валя слушала вместо телевизора, и под вечер Даше мерещилось, будто она живет не в маленькой квартире на краю города, а внутри книги.

Год назад, когда баба Валя почти ослепла, к ней переехала жить Шура, дальняя родственница из соседнего города, которая дважды завалила экзамены в институт и теперь готовилась к очередной попытке. Своих детей у бабы Вали теперь уже не было: единственный сын разбился на мотоцикле много лет назад. Маленькая, юркая, смуглая Шура была мучительно застенчива и, когда кто-то приезжал в гости, старалась уйти по неотложным делам и отсутствовать подольше. Даже когда одна Даша, без родителей, навещала бабу Валю, Шура быстро и незаметно исчезала из квартиры. Мама отдавала Шуре вещи, которые ей самой надоели, и было странно видеть Шуру в маминной одежде.

Баба Валя была Даше не родной, а двоюродной бабушкой. Ее сестра, мамаина мама, давно умерла, и Даша ее видела лишь на фотографиях. Она была очень красивой, хотя на старых черно-белых снимках такими казались все женщины. Однажды Даша выложила в ряд три фотографии – бабушкину, мамину и свою и после этого несколько дней считала себя очень хорошенькой.

Когда ехали к бабушке на день рождения, мама сказала, не отрывая взгляда от дороги:

– Даш, я сказала бабе Вале, что ты вышла замуж. Пожалуйста, говори ей то же самое. Вы

решили обойтись без торжества, просто пошли и расписались, хорошо?

– А кольцо? – опешила Даша.

– Многие не носят кольца, как я например. И она ведь все равно не увидит.

Даша почувствовала, как в машине сгущается воздух.

– Иначе бабушка расстроится, – терпеливо объясняла мама. – Она все воспринимает по-другому, и она уже в том возрасте, когда человека не переубедить. Тебе что, сложно ее успокоить?

Папа на заднем сиденье едва сдерживался, чтобы не высказаться, и Даша поспешно ответила: «Ладно». Хорошо, что Димка с ними не поехал, подумала она.

Она не навещала бабу Валю с июня и еще не показывала ей Сонечку. Летом баба Валя долго лежала в больнице, потом вместе с Шурой уезжала в санаторий, а потом Даше просто было не до этого.

И поэтому при виде бабы Вали Даша, как и в прошлый раз, удивилась, какая она стала маленькая. Меньше нее. Как будто она росла в обратную сторону. В остальном она выглядела обычно: Шура закрашивала ей седину и убирала волосы в аккуратный пучок, а затемненные очки скрывали больные глаза. Но когда Даша обняла бабу Валю, ей показалось, что она обнимает ребенка.

– Дашенька, – сказала баба Валя.

– Да, я приехала. С днем рождения, ба!

– А где же Сонечка?

– Она у папы на руках.

– Дай же мне ее сюда, – попросила баба Валя.

Даша проводила ее к дивану, принесла Соню и положила ее бабе Вале на колени. Бабушка кончиками пальцев бережно провела по Сонечкиным щечкам, носу, подержала ее за ручки и пересчитала пальчики. Соня не плакала, смотрела с любопытством.

– Да ты ж моя крошечка, моя красавица.

– Вот такая она у нас получилась, – с гордостью сказала Даша.

– А твой муж? Где он? Он приехал с тобой?

– Нет, он не смог. Мы в другой раз приедем вместе.

Бабушка еще раз погладила Соню по щечке.

– Дашенька, да ведь она же копия ты, верно?

– Да, все говорят, что она похожа на меня.

– Какая девочка чудесная, как я рада. Ты молодец, Дашенька, такое чудо мне подарила. Иди сюда, присядь рядышком.

Даша присела на краешек дивана и тоже погладила Соню по щечке.

– Какого цвета у нее глаза? – спросила баба Валя.

– Серые, это в Диму.

– Сероглазочка ты, значит... Подожди, Даша, не успеешь и глазом моргнуть, как вырастет вот такущая высоченная девица, будет вас учить жизни. А где Шурочка? Позовите Шуру, она должна посидеть с нами, она ведь тоже наша.

Началась суета и толкотня, все одновременно заговорили, застучали стульями. Хотя их было всего пятеро, не считая Сони, Даше казалось, что в комнате в два раза больше людей. Все они были взрослые: мама с папой, Шура, баба Валя, а Даша по-прежнему чувствовала себя ребенком, которому хотелось съесть кусок торта и уйти в другую комнату, чтобы не мешать взрослым разговорам. Но ее горло жгла тайна, и Даша знала, что, если рассказать все как есть, ругать не будут.

Она и баба Валя с Сонечкой по-прежнему сидели на диване, отдельно от остальных. Даша тихо заговорила:

– На самом деле мы еще не поженились, и я не знаю, как там будет дальше. Мы пробуем жить вместе, но мне чаще плохо, чем хорошо. Я не понимаю, почему он так с нами, и я его вроде и не люблю больше, хотя очень хочу любить. Все не так, как я себе представляла, совсем-совсем не так.

Баба Валя погладила ее по руке:

– Если ему не нужны такие замечательные девочки, то и он вам не нужен.

Это было последнее, что Даша ожидала от нее услышать.

– Только ты помни, – продолжила баба Валя, – что хвост собаке надо рубить сразу, а не по частям.

– А мама говорила, что ты расстроишься.

– Твоя мама – врушка. Можешь ей это передать.

Когда их позвали к столу, баба Валя наотрез отказалась отдать Сонечку Даше и сидела за столом, прижав ее к себе.

– Налить тебе вина? – спросил отец у Даши.

– Ты что, ей еще рано, – сразу возразила мама, и все засмеялись, будто она сказала что-то невероятно смешное.

* * *

Даша съела три ложки салата, бутерброд, сделала глоток морса и встала из-за стола. Она набросила куртку и вышла на балкон. Ей хотелось побыть одной.

Бабушкин балкон был не застеклен и не захлаплен ненужными вещами. На нем стояла только тумбочка да облезлый стул, на который и присела Даша. К дому льнула береза, забрасывала ветви на балкон, касалась соседнего окна. Папа каждый раз собирался их подрезать, но баба Валя не разрешала.

Даша, прикрыв глаза, замерла. Сентябрьское солнце проникало под веки и гладило ее по лицу. Даше было одновременно очень тепло и очень грустно. И еще она чувствовала себя беззащитной.

Издали донесся шум поезда, бесконечно долгий перестук, похожий на музыку, – это был длинный поезд.

Даше казалось, что она сидит в поезде, который отошел от перрона и теперь набирает скорость, что в купе ее ждут родители и баба Валя, а Димка, проводив ее, остался на перроне и смотрит поезду вслед.

Даешь Кузбасс!

В рамках мероприятий, посвященных 300-летию Кузбасса, в залах Музея изобразительных искусств Кузбасса открывается выставка, названная «Строим Кузбасс, строим страну!». Данная выставка является продолжением масштабного проекта, посвященного промышленному освоению нашего края – важнейшего индустриального региона России, чье развитие было начато в Петровскую эпоху.

Проект открывала выставка «Даешь Кузбасс!», которая состоялась в залах Государственной Третьяковской галереи на Крымском валу (01.04.–10.05.2021). Особенность выставки заключалась в том, что на ней экспонировались произведения на индустриальную тему из двух основных художественных музеев региона: Музея изобразительных искусств Кузбасса и Новокузнецкого художественного музея. Дополнили экспозицию произведения из фондов Государственного музейно-выставочного центра «РОСИЗО», Государственного центрального музея современной истории России, Российской государственной библиотеки и Государственной Третьяковской галереи.

Выставка «Строим Кузбасс, строим страну!» – как часть общего проекта – раскрывает тему индустриального развития нашего края. Притом что участниками выставки являются те же музеи, что и на первой «Даешь Кузбасс!», экспозиционных произведений гораздо больше (84).

И. П. Кузнецов. Грабари на Кузнецкстрое. 1929-й. 1968. Холст, масло. Музей ИЗО Кузбасса

Н. И. Бачинин. Краснобродский разрез. 1957. Холст, масло. Музей ИЗО Кузбасса

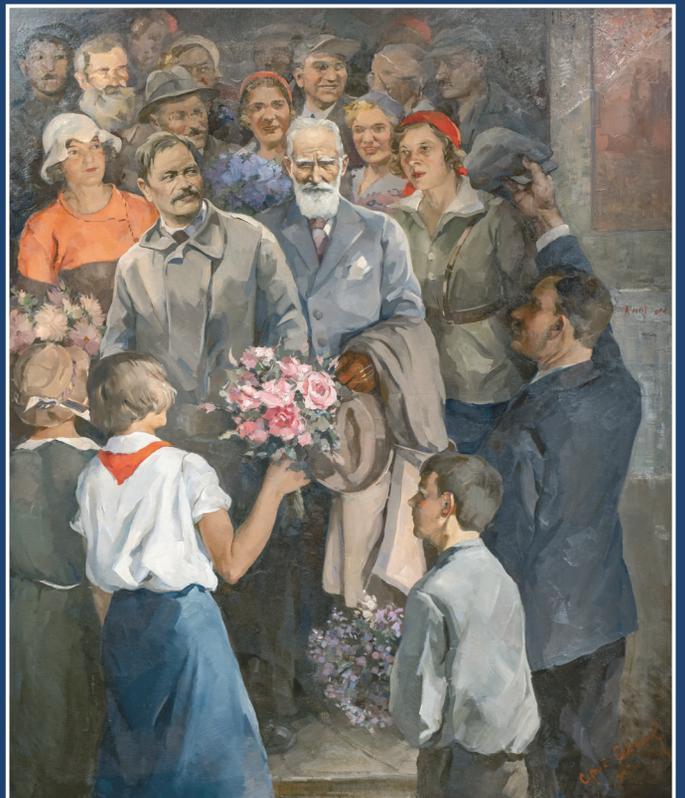
К. М. Ананьин. Кузнецкая-комсомольская. 1960.
Холст, масло. НХМ

А. Л. Гландин. Трудовые люди Кузбасса. 1960–1961.
Холст, масло. НХМ

А. М. Нуренберг. Стахановцы Кузбасса
(центральная часть триптиха). 1937

С. Ф. Соколов. Встреча Б. Шоу на электростанции.
1937

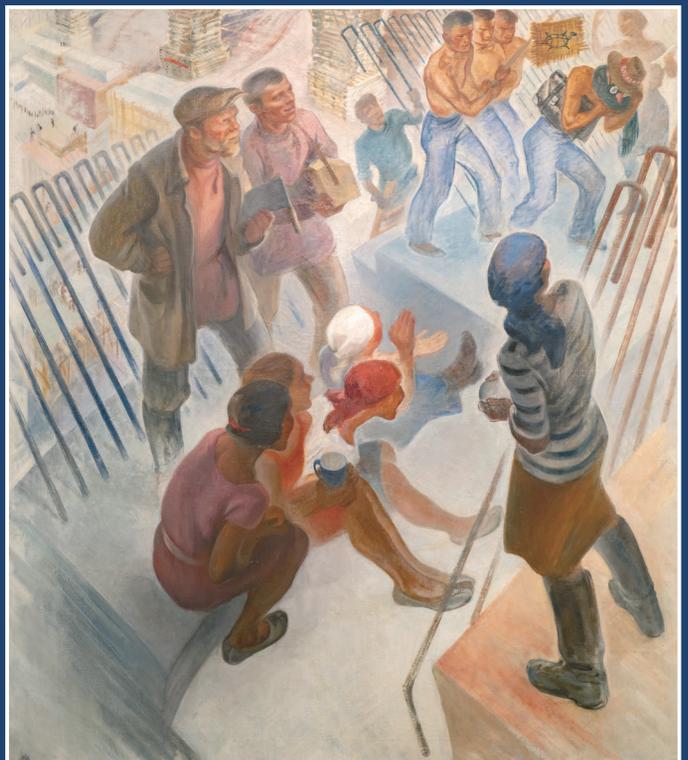
М. Ф. Бри-Бейн. Женщины-радистки. 1930

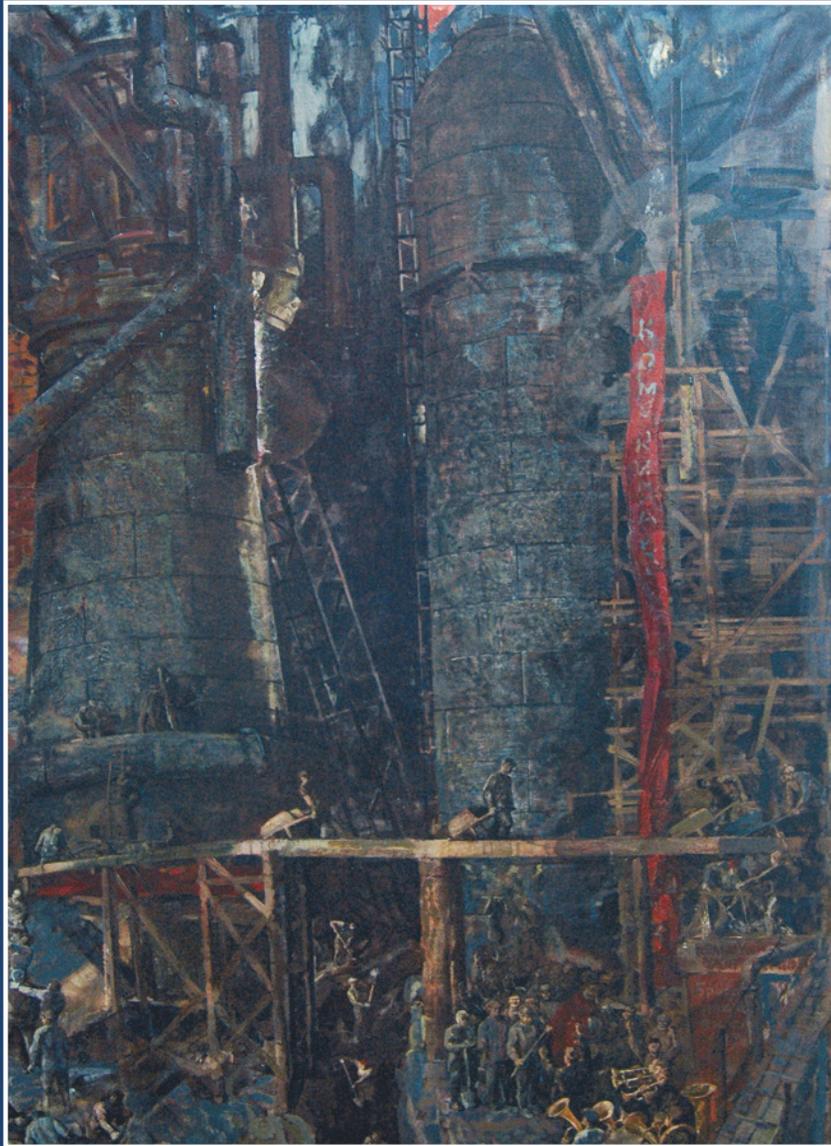
А. А. Дейнека. Строители. 1959–1960

П. И. Котов. Портрет Е. К. Михеевой,
электросварщицы завода «Красное Сормово».
1947

С. В. Рянгина. Агитбригада. 1931

Ю. Г. Лобузов. Кузнецкстрой. Год 1931-й.
1981. Холст, масло. НХМ

В. В. Мешков. Кемерово. 1937-1938

Дорогая Нина Александровна, поздравляем Вас, нашего постоянного автора тонких и нежных стихов, со светлым юбилеем! Желаем Вам здоровья и ждем новых стихов!

Нина СУРОВА

А ПОМНИШЬ, БРОДИЛИ ПО НАШЕЙ ТРОПИНКЕ...

* * *

Садись, мой кот, со мной поплачь
О жизни беге,
О ветхих крышах серых дач,
О талом снеге,
О хмурых днях, о сентябрях,
О блеске рамы,
Веками мытой в букварях
Руками мамы.
Четвероногий брат, поплачь
Со мной о вьюге,
О цепи мелких неудач,
О злом недуге,
О чести – смолоду, игре,
О платье – снову,
О неотмщенном сверхдобре
Чужого слова.

ПОД КАПЕЛЬНИЦЕЙ

Знаю, будет петься мне,
И легко задышится,
И увижу не во сне,
Как листва колыхнется.

А пока молчанье пить
И смотреть с заусенок,
Как стекает в вену нить
Горьковатых бусинок.

Далеко запрято
Счастье земляничное,
Летечко заплатами –
Из окна больничного.

* * *

Серую мышкой весна –
В мутном глазочке окна...
Дремлет в снегу до сих пор
Старый застенчивый двор.

Просто, очнувшись от сна,
Не торопилась весна
Краски веселых тонов
Брызнуть на стены домов.

Просто деревьям, ребятам...
Новый не сшили наряд.
Просто на небе пока
Не расцвели облака.

СУРОВА Нина Александровна родилась 10 мая 1961 года в городе Киселевске Кемеровской области. После окончания педагогического училища в 1980 году приехала в Ленинск-Кузнецкий, работала учителем начальных классов. Стихи публиковались в журналах «Огни Кузбасса» (г. Кемерово), «Фантастическая среда» (г. Барнаул), «Русское эхо» (г. Самара), «Лифт» (г. Москва); в коллективных сборниках «Паровоз – пятьсот колес» (г. Кемерово), «Эхо восьми голосов» (г. Ленинск-Кузнецкий), «Республика Иня»; в альманахах «Кольчугинская осень» и «Образ» (г. Ленинск-Кузнецкий), «Жарки сибирские», «Рождественская звезда» и др. Автор четырех книг стихов. Член Союза писателей России. Живет в Ленинске-Кузнецком.

* * *

Поезда, вокзалы, рельсы,
Корабли, потопы, Нои...
А в окне купе, за лесом,
Вдруг привидится родное.

И тоска забродит в жилах,
Глянет город из забвенья.
Здесь каким-то чудом жило
Первых губ прикосновение.

Ни Париж, ни Рим, ни Нальчик –
Город с угольной завесой,
Где голубоглазый мальчик
Называл меня Принцессой.

* * *

Январь, декабрь, смена ночи и дня...
Жгло ли солнце палящее, падал ли снег –
Было все как всегда, и крутилась Земля,
Вдаль неслись поезда, и все шел человек.
Среди пыльных дорог, под усталость
шагов,
В полном штиле провинций и плеске
столиц
Он учился друзей отличать от врагов
По созвучию душ, по соцветиям лиц.

* * *

Жест благородства, жертвенность, игра?
Дарить себя и чьей-то быть до срока,
Когда спохватишься – ты одинока.
Но не бывает худа без добра.

Листве желтеть – задумано не зря,
Срывать вниз и ударяться оземь.
Недосягаемо красива осень
До белых мух, до будней ноября.

* * *

Тихое счастье. Избушка у речки.
Чай заварю. На дощатом крыльчке
Месяц пригнется, заглянет под крышу,
Медленной речки дыхание услышу.

Ухнет в сарае задумчивый ветер,
Кто-то невидимый ветру ответит.
Август. Деревня. Смеркается. Тихо.
Сгнуло в омуте темное лихо.

* * *

Если хлынет твоя зима,
Если я еще вся – наружу,
Помоги мне запрячь душу –
Я уже не смогу сама.
Если хлынет твоя зима...

* * *

А помнишь, бродили по нашей тропинке
От первой звезды и до первой росинки?
Теперь вспоминаешь хоть с капелькой
грусти?
А как там скульптура младенца
в капусте?

Кивают макушками елки при встрече?
Да ты не печалься: здесь кормят и лечат.
А мне все равно, что больнично, что бело.
А мне – чтоб душа у тебя не болела...

ПОПОЛАМ СО СНЕГОМ

Я правда тебя простила.
Не думай. Не мучай сердце.
И утром осенним, стылым
Не стой на таком ветру.
А время – не шагом. Бегом.
А шарф ты... Ах да, не носишь.
Дожди пополам со снегом –
Сквозь дым запотевших труб...

Теперь я живу стихами.
И смех в окоме грусти.
И медленно дни стекают.
Чем бережней, тем больней.
А скоро зима – из плена.
А ноги – в тепле? Не мокнут?
Все так же болит колено?
К погоде, к ветрам... Ты – с ней?

Вороны с утра кричали...
Ночами хотя бы спитесь?
Соседи бренчат ключами.
Темнеет. Включили свет.
А я пироги с капустой
Сегодня пеку. И плачу.
Пустяк – обожглась... Не пусто.
Не жутко. Не холодно. Нет.

**Алексей
ГАМЗОВ**

НАВСЕГДАТАЙ

* * *

*Как вскрикивает перед бурей птица,
как дерево скрипит, когда кренился,
как перед миготом страшного конца
особым образом казнимых лица
приметно перекашиваются,
как неохотно, как бы слезонца,
земля вдруг начинает шевелиться,
чтобы стереть со своего лица
прекрасный город, словно макияж, –
так проявляет еле уловимо
себя предвестник в маске анонима
всегда, когда беда неотвратима.
Какой же знак, любимая, ты дашь
перед тем днем, когда меня предашь?*

СТРИЖ

*Как стриж от сентября до мая
в чужом краю
витают, дома не свивая, –
так я не вью.
Ведь все-таки, при трезвом взгляде,
из мест земли
отрадней берег тот, тебя где
произвели.
Ведь все же, если без притворства –
тот край главней,*

118

*где стал потомком, дашь потомство:
держись корней.
Листом березовым под пальмой
лежать и преть –
изнанка жизни пасторальной:
по сути, смерть.
Но помести навек в Россию,
закрой маршрут –
я столько счастья не осилю:
сгну и тут.
И я, и стриж не без причины
в пути всегда:
не можем мы и без чужбины –
и без гнезда.*

ШАПИТО, 1984

*Ах, трюки твои безумные,
дающиеся легко,
ах, ментики и позументы,
обтягивающие трико
из заменителя кожного
(но тоже весьма надежного),
гимнасты твои летающие,
которым неведом страх,
жонглеры твои в обтягивающих
(уже говорил) портах,
ах, этот триумф подложного
у фокусника непреложного,*

ГАМЗОВ Алексей Юрьевич родился в 1978 году. Вырос в Ленинске-Кузнецком, окончил КемГУ (журналистика), всю жизнь работает по специальности в Кемерове, Новосибирске, Москве, а периодически и за рубежом. Публиковался в журналах «Огни Кузбасса», «После 12», выпустил книги стихов «Полноценный валет» и «Был таков».

ах, эти ангажементики
всемирно забытых звезд,
ах, эти трико и ментики,
падения не всерьез –

снеси меня, перезрелого,
в то детство, где пьян факир,
где рыжий пинает белого
и пахнет носками тигр.

НАВСЕГДАТАЙ

Остыв к отчизны скудному сосцу,
ты, через годы, через расстоянья
к естественному двигаясь концу,
однажды слышишь оклик: «ахтунг, ванья»,
показываешь ксиву погранцу,
поскольку крайний ты в стране
бескрайней,
а ветер бьет наотмашь по лицу
и выбивает слезы, как признание.

Ты выбрал отпуск, чтоб наверняка,
не тот, который по работе отпуск,
а отпуск арбалетного курка,
а запуск двигателя, что вращает лопасть.
Дистанция еще не велика,
но знал бы ты, как непомерна пропасть.

ПЕРЕЕЗД

Я смотрю окрест –
разбитной, поджарый,
мотающийся по стране.
И если один переезд
равен двум пожарам –
то у меня полнеба в огне.

И гроша не дашь
за приют случайный:
что я вижу в новом окне?
За окном – пейзаж,
нарисованный отчаянием
и – надеждой. Надеждой – вдвойне.

* * *

Как буги вьюги жгло!
Как изгородь ломало!
Как иссекло стекло!
Иссякло. Доиграло.

Пурга несла пургу
на людоедской мове,
а нынче ни гугу:
спеклась на полуслове.

Прохожий, что дубел,
теперь бредет развязен.
Башмак его не бел,
а черен, хлюпок, грязен.

Где злость? Где трубный звук?
Где чистота и ярость?
Такая юнь вокруг,
а будто – старость.

* * *

Похожий на цепочку хромосом,
плывет и таит след отсамолетный.
Я был такой: разорванный, бесплотный.
Я был таков: влеком и невесом,
как полевой зверек под колесом.

Конец – всегда под дых, исподтишка.
Вот так, внезапно расширяясь, кобра
встает как перевернутая колба
без палева из пыльного мешка:
дрожит и улыбается недобро.

Без компаса, ветрила и весла
любовь творила странные дела.
С одной слезал как с метамфетамина.
Другая – рассветала, героиня
которой вознесла и унесла,
сказать прямее – попросту спасла.

Я сызнова в строю: любим, люблю.
Храни, Создатель, эту колею.
Восторженно, наивно, непорядок –
но я всерьез планирую вдвоем
пройти по самой радужной из радуг,
ее воздушно-капельным путем.

Людмила РАКУЗО

КОГДА МЫ ЖИЛИ НА «43-М ПИКЕТЕ»*

«ВЫБРАЖУЛЯ»

У мамы с папой было много друзей. Они приходили к нам отмечать большие праздники – 1 Мая и 7 Ноября. Всегда собирались у нас после демонстрации (такие гулянки взрослые называли «в складчину»). По радио с утра звучали бравурные марши, поднимая настроение. Мама доставала тарелки с золотой каемкой и рюмки на ножке. Красиво сервировала стол и сама наряжалась.

У мамы была швейная машинка, и домашние платья она себе шила сама, а нарядные, «на выход», заказывала в ателье. Брала меня с собой, когда шла на примерку. В ателье я с интересом разглядывала витрину с тканями, от их разнообразия рябило в глазах. Наблюдала я и за посетительницами, которые были такими нарядными, такими разными. Они поражали меня своими утонченными манерами и фетровыми шляпками с вальской.

Еще мне очень нравились муфты, дамы в них прятали кружевные носовые платочки. Для меня мама тоже сшила маленькую муфточку. Вот только гулять в ней мне не давали, что меня очень расстраивало. Это был парадный аксессуар, не для беготни по улице, а мне так хотелось «повообразовать» перед подружками.

Наряжать меня маме нравилось. Она шила мне ситцевые и фланелевые платьица. Помню свое плюшевое пальто, ужасно маркое. Однажды оно было постирано в прачечной, и тогда вдруг обнаружилось, что пальто это светло-голубое, а не серое! В ту пору у взрослых входили в моду пальто с каракулевыми воротниками. Это был шик, не все могли себе позволить такую роскошь. В основном воротники были цигейковые, и шапки тоже поголовно цигейковые. Детского пальто с каракулевым воротником никто и вообразить не мог. А мне купили! Все разглядывали мой невероятный наряд, говорили о нем, обсуждали, любовались. Я чувствовала себя королевой, не ниже!

Но надевать пальто мне разрешалось только для выхода «в город».

Дополняли мой наряд ботиночки с меховой оторочкой и шаровары с начесом. Сверстники ходили в подшитых валенках, донашивали одежду старших братьев и сестер, а я щеголяла в обновках. Тогда в основном семьи были многодетными, я же была единственным ребенком в семье, и меня наряжали, баловали подарками.

А еще поднимала мою самооценку обертка от плитки шоколада. На ней золотыми буквами было написано: «Руслан и Людмила». Людмила! Мое имя даже на шоколадке пишут!

Но при всем том дома у нас всегда висел на видном месте папин солдатский ремень с медной пряжкой – стимул для послушания...

ПОДАРКИ

Дарили мне книги и игрушки нечасто, но сколько было радости! Очень я любила книжки-раскраски и новенькие цветные карандаши. Большие подарки были ко дню рождения. Запомнился синий патефон. Он был меньше, чем обычные патефоны, и выглядел детским, но это никак не отражалось на его работе. Пластинки на нем крутили те же самые. Теперь по праздникам под этот патефон взрослые танцевали фокстрот «Рио-Рита» или танго «Брызги шампанского», кружились в вальсе «Дунайские волны». Сейчас меня удивляет, что в ту пору все умели танцевать вальс.

Мне разрешали самостоятельно проигрывать пластинки. Я усердно крутила ручку патефона и осторожно опускала иголку на пластинку. Не всегда удачно. Иголка издавала противный звук, и приходилось выслушивать нотацию о бережном отношении к вещам вообще и к пластинкам в частности.

Последним подарком от родителей стал велосипед. Мне исполнилось семь лет, и немислимо щедрый подарок был вручен со словами: «Нынче ты пойдешь в школу, и поэтому мы дарим тебе этот велосипед, он называется «Школьник». Я уже умела читать и с восторгом несколько раз прочла такое многозначительное название, красовавшееся на раме. Хотелось тут же вскочить на велосипед и помчаться куда-нибудь, но за окном еще белели сугробы (день рождения у меня в марте). Мне не разрешили даже дотронуться до подарка из-за опасения, что я вымажусь смазкой, толстым слоем покрывавшей «Школьник». Папа, видя мое нетерпение, сжалился и разрешил позвонить в блестящий звоночек на руле, на этом

* Окончание. Начало в «ОК» № 2.

радость и закончилась. Я была обескуражена, но папа невозмутимо убрал велосипед подальше с глаз, до лучших времен.

Надо ли рассказывать, с каким нетерпением я ждала, когда растает снег и высохнут дороги... Зато потом «Школьник» служил мне верой и правдой много лет. Гоняла я на нем по улицам «43-го пикета» до той поры, пока колени не стали упираться в руль. Велосипед перешел по наследству сестре, и она не слезала с него еще несколько лет.

ТОРТ И РЫБИЙ ЖИР

Первый торт в моей жизни был в виде большой шоколадной звезды. Меня поставили на стул перед гостями. Я торжественно, с выражением продекларировала стихотворение, выученное с мамой накануне. Когда родители открыли коробку, я увидела что-то сказочно невероятное, в кремовых завитках и шоколадной глазури. Разве можно есть такую красоту! Хорошо запомнилось: торт был пятиконечный, и мне исполнилось пять лет. Мне отрезали от звездного торта один луч и налили чай в новую, только что подаренную чашку. Но вкуса того торта я не помню.

Зато хорошо помню вкус рыбьего жира. Нет ничего более отвратительного, чем эта полезная мерзость. Что заставляло родителей поить меня этим снадобьем? Я не была болезненной и хилой, совсем даже наоборот: в меру упитанный, здоровый ребенок. Но каждое утро папа доставал из шкафчика ненавистный пузырек и подзывал меня. Я смотрела, как льется в ложку вязкая струйка, и мой организм содрогался от отвращения. Папа просил открыть рот... Зажмурившись, я проглатывала как можно быстрее содержимое ложки. «Молодец!» – объявлял папа, и я убежала.

ГАСТРОНОМИЧЕСКИЙ РАЙ

Выход в город с родителями – это был для меня праздник. До сих пор помню роскошный магазин № 13, его еще называли «Нижний гастроном». Он мне казался настоящим дворцом – с витиеватой лепниной и бронзовыми люстрами. Никогда больше за всю свою жизнь я не встречала такого изобилия конфет. А какой аромат настоящего шоколада стоял в бакалейном отделе! Я любовалась разнообразием сладостей, пока родители делали покупки. Потом они спрашивали, что я выбрала, но выбрать было невозможно! Тогда они на свой вкус покупали по несколько штук разных

сортов, и я ликовала: моя коллекция пополнится новыми фантиками!

Затем мы шли в отдел «Соки, воды». Там, наслаждаясь лимонадом с шипучими пузырьками, я разглядывала огромного медведя под потолком. Медведь тоже пил из своего стакана. Он, как живой, то запрокидывал голову назад, то наклонял ее вперед. Его стакан то пустел, то снова наполнялся, и я не могла оторвать глаз от этого чуда!

В отдельных будках сидели кассирши в белых кружевных наколках на голове. Наблюдая за тем, как уверенно они крутят ручку кассы, я тоже хотела стать кассиром. Впрочем, глядя на пролетающие над нашим домом самолеты, я мечтала стать летчиком...

По магазинам мы ходили нечасто. В основном все продукты были свои, домашние: овощи, мясо, молоко. Всегда говорили так: «Картошку с капустой вырастили, значит, с голоду не помрем». Ну, а если есть корова, то совсем сытная жизнь. В магазин ходили за хлебом, сахаром, крупой. Только с полочки покупались какие-нибудь вкусности, но в ограниченном количестве, лишь попробовать: конфеты, колбаса, шоколадное масло, ломтик красной рыбы. Причем бабушка от своей порции отмахивалась – баловство, а не еда!

121 Не помню, чтобы нам покупали яблоки. Конфеты помню, а яблоки – нет. Но в пакете с новогодним подарком яблоко было всегда. Представьте мое изумление, когда я вдруг узнала, что яблоки растут на дереве! Ну, не растут же на дереве конфеты или пряники! Почти как у Корнея Чуковского про чудо-дерево, только там росли чулки да башмаки...

Пакетов с новогодними подарками всегда было два. Один выдавали на утреннике в школе, и мы на него заранее сдавали по рублю. Другой подарок был бесплатный: папа приносил с работы пригласительный билет от профсоюза на елку в ДК «Победа», и по этому билету выдавали подарок. Подарки были щедрые: много разных шоколадных конфет, яблоко или мандарин, маленькая шоколадка и большущая вафельная конфетина «Гулливвер». Обычно родители конфеты прятали и выдавали потом по одной штуке, но новогодние подарки не забирали. Сначала я с ними играла: пересчитывала конфеты, сортировала, высыпала из пакета и снова складывала. Как кошка с мышкой. Изо всех сил я старалась конфеты не есть, но их почему-то становилось все меньше и меньше. И наконец оставалось только несколько карамелек...

Но конфеты и яблоки – это все экзотика. Самым желанным лакомством для меня был сахар. Не такой, как сейчас, а колотый большими кусками или пиленый. Пиленный неровными кубиками, он был завернут в синюю оберточную бумагу и перевязан золотистым шпагатом. Теперь такой почему-то не производят, а жаль. Сахар от меня прятали, закрывали под замок, но я его находила и потом получала нещадную трепку, потому что одним кусочком ограничиться никак не могла.

Последний раз такой сахар я видела в 1998 году, мы его покупали в городе Болотное. Там сахар продавали на колхозном рынке из больших мешков, как моем в далеком детстве.

СОСЕДИ

Вся округа у нас жила очень дружно, люди всегда помогали друг другу. Сегодня кому-то колодец рюют, а завтра у другого крышу чинят. Нам соседи помогали пристраивать дом, метать стог, когда привозили сено. Отец со всеми был в хороших отношениях, его уважали, но близко он дружил только с одним соседом – Кормушаковым дядей Геней, так все его звали, хотя настоящее, татарское имя у него было Халиулла.

Папа его называл Бабай – то есть дедушка. Интересный был человек – другой национальности, с другими повадками и привычками. Дома ходил в диковинном полосатом татарском халате и тюбетейке, расшитой затейливыми узорами. Курил он папиросы, но не магазинные, а сам набивал их с помощью пинцета. Достанет с полки сундучок с пустыми папиросными гильзами, коробку с ароматным табаком и священнодействует. Не спеша, как будто колдует...

В Юрге вообще проживало много татар. Рядом с городом были деревни, где жили одни татары: Улус, Шалай, Зимник, Сар-Саз и другие. Многие татары не знали русского языка, особенно пожилые. Теперь молодежь из этих деревень не знает своего родного, татарского языка.

Неподалеку от нас жили Халиковы. Их дедушка никогда не снимал с головы тюбетейку, а бабушка ходила, позвякивая монистами. Пытались мы у них покупать молоко, но пришлось отказаться. Бабушка русского языка не понимала. Общались с ней через сыновей, их было шестеро, и все взрослые. Но если их не оказывалось дома, объясняться с бабушкой было трудно.

Немцев тоже было много – пленных и депортированных. Наш «43-й пикет», например, построили немцы. В школе, в пятом классе, когда

начинали изучать иностранные языки, класс делили на две группы: половина учит немецкий, другая половина – английский. И в «немецкой» половине большинство действительно были немцы. В девяностых годах многие семьи навсегда выехали в Германию, на свою историческую родину.

В Юрге есть улица Интернациональная. Вот и «43-й пикет» по своему составу был многонациональным. Нашими соседями были татары Кормушаковы, белорусы Шульга, украинцы Маляко, немцы Шох. Про межнациональные конфликты никто тогда и не подозревал. Даже если пацаны в уличной потасовке вдруг кого-то обзывали «фашистом», это сразу пресекалось. Хотя за глаза и взрослые могли про кого-нибудь сказать: «вредный хохол», «хитрый татарин».

Немцы отличались невероятной чистоплотностью. Если во дворе идеальный порядок, а в доме – чистота, значит, здесь живут немцы. Среди них тоже не все знали русский язык и многие говорили с сильным акцентом.

НА ДНЕ КОЛОДЦА

Зима. Мы с Галкой все в снегу. По сугробам лазить надоело, и я зову подружку к себе домой погреться. Она колеблется: то ли к нам пойти, то ли уже домой пора... Чтобы заманить ее, я хвастаюсь новенькой коробкой пластилина. Но и это ее не соблазняет. Она заявляет, что у нее этого добра горы. Горы? А у меня вон – полный колодец пластилина!

Встав на занесенную снегом горловину колодца, я начинаю прыгать. Снег обрушивается, и я, не успев ничего понять, оказываюсь на дне колодца. Далеко вверху, в светлом квадрате, торчит Галкина голова. Осознав всю серьезность происшедшего и посоветовавшись, мы понимаем, что без родителей мне не выбраться. Галка рванула к нам домой. Когда ее голова наверху исчезла, мне слегка взгрустнулось в предчувствии взбучки...

Тем временем мама, стоя на стуле, складывала на шкафу журналы ровными стопками. Вдруг с грохотом распаивается дверь, влетает Галка и орет: «Тетя Тася, ваша Людка в колодец провалилась!» Веером полетели в разные стороны журналы, стул и мама. Схватив на ходу фуфайку, мама выскочила на улицу. За ней вприпрыжку неслась Галка.

В светлом квадрате надо мной возникло две головы. Убедившись, что я не утонула и ничего

себе не сломала, мама побежала к соседям за помощью. Вытащил меня из колодца на вожжах Валера Кормушаков, мой спаситель. Очень мне повезло, что в колодце не оказалось воды.

ПАПИНЫ ДРУЗЬЯ

Самыми большими друзьями у папы были коллеги по работе. Начальник мартеновского цеха Манохин Федор Иванович, бригадир сталеваров Шушляев Николай Николаевич и мастер участка Фильченков Иван Семенович. С его дочерью Светланой Ивановной мы и сейчас общаемся.

Семья Манохиных жила в большом пятиэтажном доме № 40 на улице Московской. Мы часто бывали у них в гостях в просторной трехкомнатной квартире. У Федора Ивановича была жена тетя Галя и трое детей. Старшая дочь Люда (на год или два старше меня), младшая Женя (на год младше меня) и сын Витька. Люда и Женя – отличницы, аккуратистки – моей маме очень нравились, и она хотела, чтобы мы дружили. А мне нравились их куклы и книги. Книги были большие и красочные, это были сказки с яркими иллюстрациями.

Нравился мне и городской уют их квартиры. На теплом полу можно было сидеть и даже лежать. У них я впервые мылась в огромной белой ванне. А туалет и вовсе поразил меня своей невероятной чистотой, и был он прямо в квартире! У нас на «43-м пикете» удобства находились на улице в дощатой будке, и называлось это – уборная. Зимой пользоваться таким туалетом было то еще удовольствие, особенно в сорокаградусный мороз... Как же я завидовала их городской жизни!

Уже тогда я поняла разницу между городским комфортом и неудобствами частного дома. Не надо носить воду на коромысле и греть ее. Вода льется сама из крана – и холодная, и горячая. Можно мыться в большой ванне когда угодно и сколько угодно. Посуду мыть под струей горячей воды – неопиcуемый восторг! Наш дом к утру выстывал, и вылезти из-под теплого одеяла не было никаких сил, а в городской квартире тепло круглосуточно. Не надо топить печку и таскать бесконечные ведра с углем, золой и помоями...

В 1986 году я наконец-то получила трехкомнатную квартиру и была на седьмом небе от счастья! Какое же это блаженство – умыться по утрам теплой водой из-под крана, а не ледяной водой из ручной мойки! То, что в своем доме было

неприятной необходимостью (мытьё полов, посуды и стирка белья), в городской квартире вдруг стало довольно приятным занятием.

СТОЛИЧНАЯ КОМАНДИРОВКА

Однажды папу отправили в командировку в Москву. Было это примерно в 1957 году. Наверное, он пробыл там долго. Помню, как приходили от него письма. Внизу странички одного из писем он нарисовал девочку на трехколесном велосипеде, чем привел меня в неопиcуемый восторг! До сих пор помню эту милую картинку.

Помню подарки, привезенные им из Москвы: целлулоидный заяц, солидные настольные часы в деревянном корпусе, ковровая дорожка (все ее почему-то называли персидской) и китайские шелковые нитки мулине невероятных расцветок – для мамы.

А еще ошеломительно красивые мамины лаковые туфли на высоком каблуке запомнились надолго, наверное, не только мне одной. Приходили к маме приятельницы, разглядывали восхищенно столичные подарки. Мама прохаживалась перед ними по ковровой дорожке, как по подиуму, поблескивая лаком новых туфель...

В Москву папу посылали на повышение квалификации. Работу свою он любил. На лацкане пиджака у него красовался знак «Ударник коммунистического труда». Помню, как он с гордостью показывал нам свой партийный билет, когда его приняли в ряды партии: теперь он коммунист! Даже в праздничных застольях папа с друзьями говорили увлеченно о работе, иногда начинали яростно спорить. Возмущенные женщины прерывали их и предлагали спеть. Папа с Федором Ивановичем вставали из-за стола и громко запевали «По диким степям Забайкалья...». Потом пела мама: «Куда ведешь, тропинка милая, куда ведешь, куда зовешь...» Хором затягивали: «Горе горькое по свету шлялося и на нас невзначай набрело...» Когда дело доходило до «Ой, мороз, моро-о-оз...», гости начинали собираться домой. Долго прощались у порога, обнимались, выпивали «на посошок» и снова обнимались...

АНЮТИНЫ ГЛАЗКИ

Случалось, что к маме забегали подружки или приятельницы с работы. Она тоже к ним иногда ходила и меня с собой брала.

По гостям я ходить любила. В незнакомых домах было интересно смотреть, как живут люди, как у них все обустроено. Встречалось много чудных вещей, которые я видела впервые. Больше всего меня поражала детская мебель. Например, диванчик для трехлетнего ребенка произвел на меня неизгладимое впечатление. Детские стульчики в те времена были в любом доме; деревянные, резные и крашенные, с подлокотниками и без, они были привычным атрибутом. Но диванчик с пружинным сиденьем, обитый бархатом, как и зтейливый комодик с настоящим зеркалом, повергли меня в шок. Впрочем, и совсем не детские вещи я разглядывала с разинутым ртом. Вычурные вазы в буфетах, настенные часы, изящные статуэтки на комодах, салфетки на полках замысловатых этажерок, слоники на диванных полочках...

В Юрге много было эвакуированных из Москвы, Ленинграда, Сталинграда, Краматорска. Люди везли с собой дорогие сердцу вещицы, диковинные для глухого городка в далекой Сибири. Я готова была разглядывать все эти несметные богатства часами. Никто мне и не мешал. Мама со своими приятельницами были заняты обсуждением нарядов, но главной темой, конечно, были вышивки. Вышиванием в то время занимались абсолютно все. Вышитые крестиком салфетки лежали на всех полках. Вышитыми «дорожками» украшали спинки диванов, их стелили на стол поверх вышитых скатертей. На вышитых покрывалах высились пирамиды подушек в вышитых наволочках. На окнах висели «выбитые» занавески, с ажурной вышивкой ришелье. В простенках между окнами – рушники с вышитыми красными петухами. На диванах красовались мягкие «думочки» – маленькие вышитые подушечки.

Все поголовно вышивали крестиком. А вот гладью вышивать редко кто мог. Из всех знакомых и родственников гладью вышивала только мама. И нитки у нее были не обычные, как у всех, а китайские шелковые мулине, привезенные папой из Москвы. Вышитые крестиком розы были очень красивые, но они меркли рядом с аютиными глазками, вышитыми мамой гладью, китайским шелком. Мама иногда даже вышивала на заказ, ее произведениями все восхищались.

Никто не мог повторить мамины аютины глазки. Недавно где-то вычитала, что аютины глазки традиционно считаются кладбищенским цветком... После маминых похорон все вышивки разом куда-то исчезли.

КИЛЬКА В ТОМАТНОМ СОУСЕ

Гулянки праздничные у нас бывали не только в компании папиных друзей. Праздновали и с мамиными родственниками, нашими любимыми и дорогими тетями. С родней встречали Новый год и собирались за столом на Пасху. Мне такие гулянки нравились гораздо больше. Стол ломился от бесхитростных вкусностей: винегрет, холодец с горчицей, квашеная капуста с лучком, политая подсолнечным маслом, и хрустящие, пахнущие укропом огурчики. Ломтики соленого сала с прослойками источали восхитительный чесночный аромат. На середину стола ставили шкворчащую чугунную сковороду с яичницей, жаренной с кусками сала или домашней колбасой. Рядом дымилась тушеная картошка с мясом. На печке уже закипала в кастрюле вода под пельмени. Не было тогда на столах никаких мудреных салатов, но летом всегда появлялась окрошка. А мое внимание среди этого домашнего изобилия всегда привлекал только один деликатес, магазинный – банка кильки в томатном соусе!

На таких гулянках собирались все свои, родные. Нам, детям, позволялось вертеться среди взрослых, что категорически запрещалось в других застольях. Мы с двоюродной сестрой Тамарой развлекались от души! Папа уже не пел, он вел умные беседы в мужской компании. Пел дядя Саша Гончаров: «А годы летят, наши годы, как птицы, летят, и некогда нам оглянуться назад...» Мужчины говорили об охоте и мотоциклах. Дядя Дима был заядлым охотником, а у папы был мотоцикл ИЖ-49, очень популярный в то время. Так что им было что обсудить.

Даже меня однажды папа с дядей Димой взяли на охоту. Недалеко от нас начинались лога. На дне логов были болота и небольшие озерца. Уток там водилось много разных. Уже вечерело, когда мы подъехали к ближайшему логу. Оставили мотоцикл наверху, а сами спустились к озерцу. Стрелял дядя Дима и папе дал выстрелить. Подстрелили несколько уток и очень сокрушались, что одну из них так и не смогли добыть из топкого болота.

ПОБЕЛКА

Но праздники бывали редко. Жизнь в основном состояла из будней, наполненных событиями, не очень любимых мною. Не любила я, например, когда белили. А белили часто. Осенью после уборки огорода, к 7 Ноября. Обязательно и к Пас-

хе или к 1 Мая затеют побелку. Как же я ее терпеть не могла! Запах известки до сих пор мне неприятен. Беспорядочно сваленные в кучу вещи, мебель, сдвинутая со своих мест, оголенные окна – все это меня раздражало. Я и сейчас не переношу дискомфорта. А тогда мне вручали тряпку и я усердно терла забрызганный известью шкаф.

Зато потом как все сияло чистотой! Мама с довольной улыбкой стелила на полочки накрахмаленные салфетки и вешала на окна белоснежные тюлевые занавески. Оконные рамы на зиму заклеивались бумажными полосками, чтобы не дуло. Между рамами укладывалась белая вата, а на нее – елочные украшения. В зимнюю стужу на оконных стеклах мороз рисовал сказочные узоры.

С улицы на всех окнах были деревянные крашенные ставни. На ночь и во время сильных буранов их закрывали. После очередного бурана папа шел откапывать лопатой занесенные снегом окна и распахивал ставни. В дом врывались лучи ярко солнца, и становилось весело.

КАРТОШКА

Не любила и день, когда копали картошку. Все грязные, в земле. Уже спина устала, и рыть надоело, а поле все не кончается. Помогать взрослым приходилось с малолетства. Мне выделяли рядок и требовали не отставать и не оставлять клубни в земле. Картошки сажали много – себе на еду и на корм скоту. Дома опять грязь и беспорядок, на полу земля. Картошку ссыпали в подпол в комнате и в погреб на улице.

Но вот картошка выкопана. Еще стоит сухая и теплая погода. Из опустевших огородов тянет дымом осенних костров: жгут ботву и опавшие листья. Пора чудесного бабьего лета. В прозрачном воздухе плывут паутинки и пахнут грибами, как в лесу. Но уже совсем скоро начнется пора дождей, а там и первые снежинки закружат...

В школе нам тоже приходилось копать картошку. Каждую осень нас посылали на помощь колхозникам. Когда началась массовая копка, нас собирали на школьную линейку и объявляли: «Завтра едем на картошку!» Школьные стены содрогались от дружного вопля: «Ура!» Учителя сокрушенно качали головами: «Вот ведь! Готовы выполнять тяжелую, грязную работу, лишь бы не учиться...» Но на картошку ездить было гораздо веселее, чем сидеть на уроках. В автобусе мы дружно горланили песни хором и гоготали, подшучивая друг над другом.

КАПУСТА

Полетели белые мухи, лужи покрылись ледком – пришла пора солить капусту. В кухне ставили две кадки. Сначала их мыли, потом бучили. Накроют кадку деревянной круглой крышкой, а сверху – старым одеялом и фуфайками. Налют воды немного и бросают туда раскаленные в печке булыжники. Горячий пар распарит бочку, и она не будет протекать. Заодно и микробы сдохнут. Потом эти булыжники положат на крышку как гнет. Стояли кадки поперек кухни не один день, проход загоразживали. Папа доставал оселок и долго точил ножи.

В начале октября наступал день, когда начинали рубить капусту. С утра папа таскал кочаны с огорода. На полу опять грязь от сапог, но никто не разувался, не до того. Капуста, прихваченная морозом, в тепле отходила. Мама снимала с вилок верхние листья и кидала их в кучу. Бабушка начинала шинковать капусту тонкой соломкой. Тем временем мама уже терла на терке морковь. На столе росла гора нашинкованной капусты, ее посыпали тертой морковкой, ароматными семенами укропа и щедрой горстью соли. Перемешав все это, укладывали в кадку и плотно утрамбовывали кулаками. Между делом папа очистит пару сладких кочерыжек, и мы с ним весело хрустим. Тетя Нина тоже пыталась помогать, но только бестолково толкалась у всех под ногами. Наконец кадки доверху наполнены. Верхние листья и кочерыжки вынесли скотине. Пол отмыли, отскоблили, но кадки еще несколько дней простоят на кухне. Время от времени бабушка будет протыкать капусту острой палкой – чтобы горечь вышла.

Наконец одну кадку опускают в подпол, это капуста для еды. Зимой наберут хрустящей капусты в миску, добавят лучку, польют постным маслом – вкуснотища! Главная закуска на праздничном столе! Вторую кадку выкатывали в сени, это на щи. В сильные морозы капуста замерзнет, бабушка выйдет с миской в сени и нарубит сечкой на щи сколько надо.

СЕМЕЙНЫЕ ОБЕДЫ

По утрам бабушка поднималась раньше всех. Проснувшись, я лежала и прислушивалась к знакомым звукам. Вот бабушка гремит подойником и уходит в стайку доить корову. Хлопают двери, и кот начинает назойливо мяукать: это бабушка вернулась с парным молоком. Сейчас она будет

цедить молоко по кринкам и коту плеснет. Слышно, как бабушка строгаёт лучины для растопки. Наконец в печке весело затрещали дрова и дом наполняется приятным теплом. Можно вставать.

Щи бабушка варила каждый день. Остатки вчерашних щей вываливала собаке. Мыла кастрюлю, заносила из сеней кусок говядины на мозговой косточке и ставила вариться новые щи. Моей обязанностью было начистить картошку. И так каждый день. Кроме щей будет еще толченая с маслом или жаренная на сале картошка, а может быть, молочная каша. Но щи были в обязательном порядке. Варили их в каждом доме и вроде из одинаковых продуктов, но у каждой хозяйки они получались разные на вкус. Все наши родственники хвалили щи, приготовленные тетей Изой: неповторимый вкус!

До сих пор частенько вспоминаю аромат и вкус тех щей. Бульон на сахарной косточке получался наваристый (папа меня научил, как выбить из этой косточки вкусные мозги), капуста квашеная с укропчиком и картошечка. Зажарка на свином сале, а не на растительном масле. Запах жареного сала с луком вызывал приступ голода... Варились щи на открытом огне, на печи, а не на электричестве, и оттого были ароматные и такие вкусные.

Я и сейчас помню те семейные обеды. По воскресеньям все садились за большой стол, мама перед каждым ставила тарелку щей. На середину стола водружалась сковорода с жареной картошкой. Картошка тоже жарилась на свином сале с лучком. Нарезанная тонкими пластинками, слегка подрумяненная. Ее можно было есть после щей на второе, но я предпочитала уплетать все вместе: ложку картошки, ложку щей. Так меня папа научил. На дне сковороды картошка была особенно вкусная, с румяными поджарками. И все это запивалось холодным молоком или простоквашей. Ах, как вкусно! Поэтому я и была как колобок...

Мама любила делать разные запеканки, особенно картофельную. Делать запеканки в печке – дело непростое. Там духовка прогревается неравномерно: с одной стороны пригорает, с другой вообще не греется. Маме приходилось изощраяться, поворачивать противень то одной стороной, то другой. На нужный режим не переключишь.

Зная о ее пристрастии к запеканкам, друзья подарили ей электрическую духовку. Кажется, это были Батранины. Иван Семенович с женой тетей Ниной. Они случайно наткнулись в магазине на

это чудо кухонной техники и купили для мамы. Тогда это была большая редкость. Вот только пользоваться маме этим чудом пришлось совсем недолго...

МОЙДОДЫР

Походы в баню меня тоже не очень радовали. Экзекуция была еще та...

Мама собирала чистое белье, брала меня за руку, и мы шли пешком на первый участок. В городе было две бани: на первом участке и на втором. Обе очень далеко от нас. По пути мы заходили к Кравцам. Тетя Иза собирала Тамару, брала узелок с бельем, и мы продолжали путь вчетвером.

В бане всегда был народ, и приходилось ожидать в очереди, когда освободятся кабинки для одежды. Наконец подходит наша очередь и мы попадаем в предбанник. Здесь довольно тесно, кто-то раздевается, а кто-то уже вышел из мойки и пытается пробраться к своей кабинке, чтобы одеться. Сердитая банщица указывает нам на пустые кабинки, и мы раздеваемся. Раздеваться долго при незнакомых тетях почему-то не очень хочется. Я ежусь, кажется, что в предбаннике довольно прохладно. Мама меня торопит, помогает стаскивать с меня одежды, и у меня все тело покрывается пупырышками. Мы берем шайки и ныряем в пар...

В мойке шумно, гремят тазы, льется вода, громко переговариваются женщины. Мама окатывает скамью кипятком и усаживает меня. Рядом ставит таз с горячей водой, вручает мочалку – мойся! Я плюхаюсь в тазу, взбиваю белую пушистую пену. Руки отмываются до невиданной чистоты, и почему-то от воды сморщиваются подушечки пальцев. Но наслаждаюсь я недолго. Мама помылась и подступает ко мне с большим куском банного мыла, приговаривая: «Моем, моем трубочиста чисто, чисто, чисто, чисто...» Я стойко терплю, когда она трет меня жесткой рогожной мочалкой. Потом зажимаюсь, когда мама намыливает мне голову, но мыло ест глаза, и я начинаю вопить. Рядом в шапке из белой пены пищит Тамара. Мама промывает мне глаза, льет воду на голову, мне нечем дышать, кажется, я сейчас захлебнусь, ослепну, оглохну, сварюсь и умру! Но чудесным образом я остаюсь жива, и процедура повторяется...

Наконец меня окатывают горячей водой из шайки и мы идем одеваться. Теперь мне совсем не кажется, что в предбаннике прохладно, совсем даже наоборот. Мама вытирает меня мохнатым

полотенцем, но на распаренное тело одежда никак не натягивается. Мама даже слышать не хочет, что мне жарко, она укутывает меня в шаль и туго затягивает узел на спине. Скорее на улицу, мне нужен глоток свежего воздуха! Но не тут-то было, рот и нос закрыты шерстяной шалью, чтобы ребенок не простудился...

На этом мои страдания не заканчивались. По возвращении домой меня ждала еще одна пытка. Мама брала гребень, долго расчесывала мои спутанные волосы и туго заплетала их в косу.

После бани домашние встречали нас радостными улыбками: «С легким паром!» Но мне были более понятны другие выражения про баню, не предвещавшие ничего доброго: «зададут тебе пару», «устроят головомойку», «будет тебе баня».

СТИРКА

Еще я не любила, когда затевали большую стирку. Опять беспорядок и грязный пол. На печке греются ведра с водой или кипятится бак с бельем, от него поднимаются клубы пара. В доме стоит неприятный запах хозяйственного мыла. У мамы руки по локоть в белой пене. В корыте, на стиральной доске мама трет белье. Тетя Нина или бабушка носят ведра с водой на коромысле из колонки. И опять лужи на полу, кучи грязного белья и тазы с уже выстиранным, а через всю комнату натянута веревка с простынями.

Постельное белье все было белое, стирала его мама с особым тщанием. Перед стиркой замачивала белье в корыте с мыльной стружкой, а потом еще и кипятила с содой в большом баке на печке. Прополоскать белье надо было в двух водах. Для пущей белизны добавлялась капля синьки. Зимой белье вывешивали на мороз, и оно было белее снега, перед соседями не стыдно. Когда замерзшее белье заносили досушиваться домой, от него восхитительно пахло морозной свежестью.

ВЕЧЕРНЕЕ ЧТЕНИЕ

Наконец белье постирано, полы помыты, в стойке у скотины управились. Наступил вечер. Дома чисто, тихо, в печке потрескивает огонь, играя бликами на полу. Бабушка садится прясть или вязать. Мама достает книгу и начинает читать вслух. Я еще в школу не ходила, а уже знала «Тихий Дон», «Поднятую целину», «Строговых».

За окном мороз или метель, но дома тепло и уютно. Поднимется буран – свету белого не ви-

дать. Ураганный ветер оборвет провода. Вдруг станет темно и страшно. Зажжет мама керосиновую лампу и дальше читает. Мигает в лампе фитиль, по стенам двигаются таинственные тени, в трубе завывает на разные голоса вьюга, и в моей голове всплывают строки поэта: «Вьюга мглою небо кроет, вихри снежные крутя...»

В те вечера, когда папа был не на работе, он тоже читал вслух. После ужина присаживался у печки и, закулив папиросу, разворачивал газету «Правда». Газетные статьи были совсем неинтересными, но папа считал нужным вести политпросветбеседы в семейном кругу. Зачитывал вслух выдержки из статей и высказывал свое мнение. Бабушке, пережившей репрессии, это категорически не нравилось. Она панически боялась «властей» в любом их проявлении. Любой чиновник ей казался всемогущим начальником. Главным правилом по жизни для нее было: «Знаешь – молчи, не знаешь – помалкивай». Странное дело: бабушка никогда ни с кем не спорила, мнение свое держала при себе, но всегда оказывалась права.

ЗАПАХИ

С началом холодов, когда снег уже не таял, ближе к ноябрьским праздникам, наступало время колоть свиней. Из соседских дворов слышался шум паяльной лампы. В морозном воздухе плыл вкусный запах паленой шкуры.

Папа звал на помощь кого-нибудь из соседских мужиков, одному никак было не управиться с большой свиньей. Все суетились, старались скорей разделать тушу. Гудела паяльная лампа. На плите стояли ведра с горячей водой, чтобы начисто отмыть паленую шкуру. Свиную голову и ноги откладывали на холодец. Отдельно в тазу лежал ливер – зимой будут вкусные пирожки. Срезанные толстые пласты сала порежут на большие куски и уложат в ящики, пересыпая крупной солью с чесноком и тмином. Нутряной жир перетопят и потом всю зиму будут на нем жарить. Вкусные шкварки мы будем таскать и грызть с горбушкой хлеба. Много еще всяких вкусностей наделают: рулетов, колбас, пельменей, котлет. А пока, на закуску уставшим мужикам, бабушка жарит на большой чугунной сковороде аппетитные куски свеженины. Аромат жареного мяса чувствуется даже на улице.

Запахи. Они таят где-то в закоулках человеческой памяти. Разотрешь в ладонях веточку полыни, и перед тобой всплывают отголоски воспо-

минаний из далекого детства. Открываешь новый журнал – и запах типографской краски напоминает свежий номер «Огонька» из почтового ящика на заборе. А в конце зимы ветер вдруг приносит пьянящий запах весны. Еще сугробы и морозы, но ты отчетливо ощущаешь: запахло весной!

От папы пахло «Беломором», от тети Нины – карболкой, от бабушкиного фартука – луком. От мамы пахло пудрой. Круглая маленькая коробочка с пудрой стояла на этажерке. Ее нежный аромат и завораживающее название «Лебяжий пух» манили меня к себе. Но как мама узнавала, что я опять нарушила запрет и открывала коробочку?

Запах дыма из печных труб в морозный день навеивает мне воспоминания о детстве, о «43-м пикете». А запах дыма в осенний день от костров из опавших листьев навеивает грусть. Ностальгия о давно минувшей юности.

ЗИМА

Зимы были морозные и очень снежные. Если поднимался буран, то это дня на три. Ураганный ветер нес тучи снега, и среди белого дня в доме вдруг становилось темно. Посмотришь в окно, а там только белая круговерть и больше ничего не видно. Занесет снегом все тропинки и заборы, и в этой снежной сумятице непонятно, куда идти. Так что без нужды из дома не выходили. Собьешься с дороги – и все, пропал человек. Самолеты, сменив колеса на лыжи, продолжали летать и зимой, но в буран полеты отменяли.

Наконец буран стихал, и папа шел откапываться. Заносило по самую крышу. Нужно было прокопать тоннели к двери и окнам. Потом вырубить в снегу ступеньки на верх сугроба. После урагана снег был каменной твердости. Освобождая от него дворы, мужики вырубали в сугробе лопатой большие снежные кубы и увозили на салазках в огород. Бежишь по гребню сугроба, а за тобой даже следов не остается, такой он плотный.

Когда я шла гулять, бабушка наказывала: «Под проводами пониже нагибайся!» Собиралась орава соседских ребятишек, и мы обследовали новые снежные горы и рыли пещеры. Из снежных кубов строили крепости. Катались с этих гор без всяких санок: упал на пятую точку и летишь вниз с высоченного крутого обрыва!

Потом бабушка у порога с причитаниями пыталась добыть меня из ледяного панциря: рукавицы примерзли к рукавам, шаровары – к вален-

кам, и никак не развязать смерзшийся узел шарфа...

В сильные морозы бабушка укладывала под порог свернутую в рулон старую фуфайку, чтобы не тянуло холодом из-под двери. Когда кто-нибудь входил с улицы, в открытую дверь врывались белые клубы морозного воздуха. Они катились через всю кухню, постепенно растворяясь. Я заскакивала в это белое облако, но бабушка пресекала такие ныряния, опасаясь, что я простужусь.

К Новому году начинали готовиться заранее. Клеили с мамой самодельные гирлянды и игрушки из бумаги. Из бумажных салфеток вырезали замысловатые снежинки. Пока занимались поделками, учили новогодние стихи. Наконец папа заносил домой заснеженную елку. Она оттаивала, расправляла колючие лапы, и дом наполнялся смолистым ароматом хвои, леса и праздника. Откуда-то появлялась картонная коробочка с игрушками, и волшебство начиналось. Доставая очередную игрушку, я передавала ее маме, и вместе мы выбирали, на какую елочную лапу ее повесить. Наряжать елку с родителями – это такое счастье. Дома царила предпраздничная суета, все скребли и мыли. Что-то стряпали, пахло вкусностями.

Я приставала ко всем с вопросом: «Когда придет Дед Мороз?» И вот он на пороге! Грозно стучит палкой, совсем не похожей на посох. И сквозь ватную бороду папиным голосом спрашивает девочку Люду. Меня ставят на табурет возле наряженной елки, и я громко, без запинки рассказываю ему выученный стих. Дед Мороз долго шарит рукой в своем полупустом мешке в поисках вождленного подарка и наконец вытаскивает коробку с куклой или плюшевого медведя.

Как-то зима выдалась с особенно лютыми морозами, и у нас на кухне поселили кур. Папа скотлотил небольшой курятник – на радость нам с Галкой. На курятник мама постелила домотканый половик, и мы на нем расположились со своими куклами. Петуху наше близкое присутствие явно не нравилось. Он косил на нас глазом и сквозь прутья норовил клюнуть в руку. Было весело его дразнить, но бабушка сердилась. В полной уверенности, что ничего плохого не совершаем, мы с подружкой продолжали издеваться над петухом незаметно от бабушки.

Морозы кончились, кур выдворили в стайку. Про петуха мы забыли. Но, как потом выяснилось, он про нас не забыл. Весной выпущенный на волю петух стал мстить. Он клевал всех, кто

попадался ему на глаза. Даже взрослые не могли отбиться от воинственной птицы, петух набрасывался снова и снова. Почтальонка и та его боялась. Настоящий бойцовский петух получился! Надо ли говорить, что мне путь на улицу был отрезан напрочь. Только после того как обнаглевшая птица догнала папу и, взлетев ему на плечи, стала клевать в голову, из петуха сварили суп.

ВЕСНА

Снег начинал таять в конце марта. Мы долго ждали, когда же наконец из-под сугробов покажется забор. Пройти по подтаявшим тропинкам становилось невозможно: провалишься по пояс и наберешь полные сапоги мокрого снега. Казалось, огромные сугробы не растают до лета. Но под ярким весенним солнцем они быстро оседали. Снег сходил, появлялись проталины, и всю округу заливали лывы с прозрачной талой водой. И опять было не пройти. Но зато можно было поплавать на плоту из снятых ворот!

Наступал момент, когда следовало отломить с тополя красивую веточку. Ее помещали в бутылку с водой и ставили на солнечный подоконник. Там ветка постепенно оживала. Почки становились блестящими, потом начинали набухать. С каждым днем они делались все толще и толще. И вот наконец лопались, и из них проклеивались малюсенькие зелененькие носики. К 1 Мая должны были развернуться на веточке клейкие зеленые листочки.

В школе на уроках труда мы делали из бумаги и проволоки много маленьких беленьких цветочков. Их прикручивали к распутившейся веточке, а веточку торжественно несли на демонстрацию. Когда толпа школьников двигалась в общем потоке с этими ветками, казалось, что в Сибири 1 мая вдруг расцвели сады. Было очень красиво и празднично. Гордо шагая мимо трибуны с ветками в руках, мы слышали голос из репродуктора: «Проходит колонна учащихся школы номер три! Ура, товарищи!..» И мы радостно орали в ответ со всей дури: «Ура-а-а-а!!!»

Самой необходимой обувью были резиновые сапоги. В них ходили всю весну и всю осень. Асфальта на «43-м пикете» не было, и без сапог просто не пролезешь по улицам. Летом тоже сапоги выручали – в дождливую погоду в них пасли корову. Еще некоторые носили калоши, их надевали на валенки или на ботинки, чтобы те не промокли. Но самыми популярными были боты. Они выпускались и для мужчин, и для женщин, и для

детей. У папы были боты «прощай, молодость» – с войлочным верхом и резиновой подошвой. У мамы были ботики с гнездом для каблука, они надевались на туфельки. Я свои боты почти не носила, они мне быстро стали тесными. К тому же они оказались непрактичными в наших полевых условиях, через верх зачерпывалась вода из глубоких поселковых луж. Другое дело сапоги. Впрочем, у меня часто и в сапоги вода заливалась и мокрый весенний снег набивался из подтаявших сугробов.

При первой же оттепели наша тетя Нина лезла на чердак. Спешила достать свои резиновые сапоги и спрятать до следующей зимы фетровые бурки. Но как только ее сапоги появлялись у порога, на следующий же день погода резко портилась. Холодало, и мела метель, а то и буран. Так было каждую весну, и уже стало приметой: если тетя Нина достала сапоги – жди бурана.

ДЬЯВОЛ

Наступал новый день. Мы с бабушкой опять дома одни. Управившись с делами, она усаживалась на свою койку, застеленную стеганым лоскутным одеялом. На стене над кроватью висел клеенчатый коврик, на нем пышногрудая красавица расчесывала длинные черные волосы. На заднем плане по озеру плыли лебеди. Такие живописные коврики висели почти в каждом доме.

Я пристраивалась поудобней рядом с бабушкой и начинала расспрашивать ее, от чего остался тот или иной лоскуток на одеяле. Что было из них когда-то сшито. Если бабушка была чем-то расстроена, она никак не могла вспомнить, от чего они остались. В хорошем же настроении, поглаживая сухонькой рукой одеяло, бабушка легко припоминала, что этот лоскут от ее юбки остался, а вот этот, в цветочек, от Нинкиной кофты. А тот, полосатый, от наволочек...

Когда все лоскутки были перечислены, я начинала приставать с просьбой рассказать «про раньше». Бабушка наотрез отказывалась, и тогда я шла на уловки. С невинным лицом спрашивала: «Ба-аб, а раньше таким же веретеном пряли? А суп в такой же кастрюле варили? Баб, а диван у вас был?» И включатель срабатывал! Веретено было другое, прялку крутили ногой. Прясть учили чуть ли не с младенчества. Щи варили в русской печи в чугушке. Не было никаких диванов, а были лавки да полати. И пошло-поехало, только слушай. И я слушала, а бабушка говорила и говорила...

Как-то, увлекшись воспоминаниями, она не заметила, как искрошила чуть не всю булку себе в тарелку с супом! Хотя она и сделала вид, что рассердилась на меня, но потом мы с ней долго смеялись.

Помню один рассказ из ее молодости. Как-то после жатвы возвращались девки полями домой. Шли усталые, тихо переговариваясь, и вдруг разом умокли. Переглянулись – глаза у всех круглые от испуга! Что это?! Несется по-над житом человек, а может, и не человек вовсе! На голове башлык, лица не видно. Попадали девки на колени, крестятся. Летит дьявол над рожью, ногами земли не касаясь, и руки перед собой выставил. Наверное, упасть боится. Взмолились: «Спаси, Господи!» И пронесся дьявол мимо, не заметил вроде. Страх не дает девкам с колен подняться: а ну как возвернется? Но нет, кажется, улетел. Подхватились – и ну бегом в деревню!

Так моя бабушка впервые увидела велосипедиста. Из-за высоких хлебов не разглядеть было, на чем он едет. Диковинный велосипед уже потом рассмотрели, когда в деревню прибежали.

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ ИЗ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

От бабушки Поли я узнала, что родом она из Тамбовской губернии, из села Дмитриевщина. В Сибирь их семью переселили в начале 1920-х. Бабушка рассказывала, как ее отец Михаил Дементьевич Гордеев усадил всех детей на подводу и ей, как самой старшей, сунули на колени самого младшего.

Родилась бабушка Пелагея еще в позапрошлом веке – 15 октября 1894 года. Потом в семье появились Прасковья, Николай, Матрена, Павел, Авдотья – этих помню даже я, но были и те, кто не вынес долгого пути в Сибирь. «Была весна. Ехали в теплушках, дети шибко хворые были. Кто был справный, тот оклемался, а квельные померли», – рассказывала бабушка. Переселенцев из Тамбовской губернии было много. Братья Гордеевы – Михаил и Павел со своими семьями, Севостьяновы, Мясниковы и другие.

В Сибирь поезд шел долго. Наконец приехали. Вылезли из теплушек, а вокруг глухая тайга и три барака... Людей поселили в этих бараках. Отлучаться никуда не разрешалось. Всех переселенцев заставили работать на железной дороге. Это уж потом большая семья Гордеевых переселится на станцию Хопкино. Здесь бабушка

Моя бабушка Ракузо Пелагея Михайловна и я. Позади нас этажерка, на верхней полке часы, привезенные папой из Москвы. Ниже на полочке виднеется флакон популярного в то время одеколona «Кармен». Рядом на стене мамина вышивка, жаль, плохо видно...

выйдет замуж и здесь родится наш отец. Со временем все бабушкины родственники разъедутся по ближайшим городам – в Юргу, Яшкино, Тайгу. На сегодняшний день в Хопкине из родни никого не осталось. Только те, что лежат на погосте. В том числе наш прадед Михаил Дементьевич Гордеев и дед Винидикт Яковлевич Ракузо.

Нелегко пришлось крестьянам Тамбовской губернии. После установления советской властью продразверстки случился Антоновский бунт против большевиков. Крестьянское восстание жестоко подавили, репрессиям подверглись 50 тысяч человек. В Сибирь потянулись составы из теплушек, переполненных вынужденными переселенцами.

У меня комок в горле стоял, когда бабушка рассказывала о продотрядах. Очень они смахивали на бандитов. Выгребали все подчистую,

БАБА ВАРЯ

уводили со двора последний скот. Тех, кто пытался сопротивляться или прятать зерно и скот, могли расстрелять на месте.

С детства бабушке Поле приходилось нянчиться со своими младшими братьями и сестрами. Иногда ее даже отправляли на заработки – нянчиться с младенцами у чужих людей. А с 16 лет она работала на суконной фабрике купцов Асеевых. Эта фабрика Арженка была в соседнем селе Рассказово. Бабушка вспоминала, как они, совсем молоденькие девчонки, закатывали по лестнице на второй этаж тяжеленные тюки с овечьей шерстью. Это еще когда в Расее жили, а в Сибири она «кайлом на железке махала, хрип гнула».

Всю жизнь бабушка держала корову. В старости, когда осталась без коровы, та ей снилась каждую ночь. Просыпаясь утром, бабушка тяжело вздыхала: «Опять корова приснилась, это к болезни». Померла бабушка 9 декабря 1990 года в 96 лет, прожив на этом свете долгую и очень непростую жизнь. В последние годы она часто приговаривала: «Когда же меня Бог к себе берет?..»

Вспоминаю, как хоронили мою прабабушку Наташу. Бабушкина мама Наталья Евдокимовна Гордеева померла в возрасте 92 лет. Была весна, последние числа марта 1961 года. Солнышко вдруг резко стало пригревать, и снег начал дружно таять. Все дороги залила вода. Мы с папой поехали в Яшкино на похороны. Он переносил меня через огромные лужи, хотя я уже была не маленькая, училась в первом классе. Бабушка уехала днем раньше, а мама с маленькой Олей остались дома.

Хоронили прабабушку от бабы Дуси. Гроб везли на санях, я даже помню, что коня звали Маркел. Папа вел его под уздцы, конь проваливался в глубокий мокрый снег. Когда приехали на кладбище, Маркела выпрягли, и сани с гробом потащили по сугробам к могиле мужики. Через одиннадцать лет все повторится один в один, когда будут хоронить папу...

Бабушкиного отца мы, конечно, не видели. Наш прадедушка Михаил Дементьевич Гордеев родился в 1868 году. Прожил 84 года и умер 4 февраля 1952 года в день рождения своей внучки и нашей тети Нины. Ей в этот день исполнилось уже 24 года. Похоронили его на кладбище разъезда Хопкино.

Другая наша бабушка, мамина мама Третьякова Варвара Леонтьевна, родилась 17 декабря 1892 года в деревне Опляк Тюменской области. Муж бабы Вари и наш дед Гончаров Иван Дементьевич, 1898 года рождения, был из деревни Бердюгино Тюменской области. Деда Ивана мы никогда не видели. Он умер задолго до нашего рождения, 31 декабря 1945 года, прожив всего 47 лет. Дед Иван любил приложиться к рюмочке и в канун Нового года возвращался домой под хмельком. Шел по железнодорожной ветке на «43-й пикет», где и попал под паровоз. Баба Варя прожила 76 лет, ее похоронили 28 ноября 1968 года. Нам с Тamarой тогда было по пятнадцать лет.

В мамином детстве и семья Гончаровых тоже жила в Хопкине, но недолго. Потом всю жизнь, до самой старости тетя Руфа с тетей Изой будут ездить в те места по грибы и ягоды. Изначально деревня называлась Малиновка (малина вокруг росла в изобилии), а Хопкино – это был железнодорожный разъезд. Со временем деревня с разъездом объединились, а название осталось железнодорожное – станция Хопкино.

Бабушки у меня были словно из какой-то другой жизни – доисторической. Даже одевались на старинный манер, ходили в двух широких длинных юбках на завязках. Под верхней юбкой была юбка исподняя и рубаха тоже исподняя. На голове платочек (с непокрытой головой их никто не видел). С простой головой на люди покажешься – опросто-волосишься... Постоянно в домашних заботах, обе не снимали фартука, причем бабушка Поля называла его «хвартук». Многие ее слова мне вообще казались безграмотными: «давеча», «пособлять», «встрену», «беремя», «покамест». А баба Варя говорила «оболокаться» – одеваться.

Под кроватью у бабы Вари хранился потемневший от времени сундучок. Лежали в нем свои ценности. Например, сверток «на смерть» с похоронными принадлежностями и новым бельем. А еще огромная шерстяная шаль в крупную клетку, тонкие восковые свечки, связанные пучком, и кулек из серой оберточной бумаги с черствыми мятными пряниками. Когда мы с мамой приходили к Кравцам, баба Варя считала своим долгом осчастливить меня гостинцем. Она опускалась на колени, вытягивала из-под кровати сундучок и доставала помятый кулек. Я не любила пряники, а мятные и вовсе ненавидела. Но отказываться от угощения было запрещено. Я брала пряник, гово-

Семья Гончаровых: Иван Дементьевич и Варвара Леонтьевна с дочерьми –
Руфиной, Таисьей, Изой

Бабушкины чашки. Им уже 90 лет

ТЕТЯ НИНА

рила «спасибо» и не знала, куда его деть. Меня мучил вопрос: почему надо непременно отказаться от вкусной шоколадной конфеты, если угощает мамина знакомая, и нельзя отказаться от противного пряника бабы Вари?!

Какими древними мне казались наши бабушки, ведь они жили еще в царские времена! И в их детстве не было таких простых вещей, как радио, даже лампочки не было! А теперь и я ощущаю себя древней. Я родилась в то далекое время, когда еще не смотрели телевизор, – мы читали книги. Не было стиральных машин и стирального порошка – стирали руками на стиральной доске куском хозяйственного мыла. Этим же мылом мыли голову, даже слова такого не знали – «шампунь». И колготок еще не носили – надевали чулки, пристегивая их пажками, это такие резинки с застёжками. Мы ничего не слышали про жевательную резинку – жевали серу из сосновой живицы. Вместо чупа-чупс у нас были петушки из растопленного сахара на деревянных палочках. И в тетрадках писали мы не шариковыми авторучками, а пером, макая его в чернильницу с чернилами.

И еще тогда все писали друг другу «бумажные» письма – на двойном листке в клеточку. На почте покупали конверт, простой или авиа. Конверт с письмом опускали в синий почтовый ящик. Такие ящики висели не только у почты, но и у каждого магазина. Потом ждали ответа. Ах, сколько было радости, когда наконец долгожданный конверт с ответом приносил почтальон! А школьные записки! Это же настоящий ритуал! Написать. Передать. Получить ответ. Развернуть дрожащими от нетерпения руками туго свернутый клочок бумажки. Прочитать. Треснуть написавшего учебником по башке! А сейчас СМС – и никакой романтики...

С каждым поколением меняется уклад жизни. Вещи, которые окружают людей, тоже меняются до неузнаваемости. Взять, к примеру, привычные всем носки. У нас они были не из магазина. Тогда с овец огромными ножницами стригли шерсть, бабушка ее пряла при помощи прялки и веретена и из получившихся ниток спицами вязала носки и варежки.

Или, скажем, масло сбивали в деревянной маслобойке. Молоко разливали по кринкам. Воду приносили из колонки в ведрах, цепляя их на коромысло. На печке стоял чугунок, в нем варили щи. Возле печки стояла кочерга, ею шуровали горячие угли.

С расспросами я приставала не только к бабушке, доставала всех своими «почему», «зачем», «как», «откуда». Папа с мамой старательно мне все объясняли, удовлетворяя мою любознательность и расширяя кругозор. Тетя Нина ничего толком объяснить не могла и кричала: «Не приставай!» Тогда я стала расспрашивать ее о работе, и она с удовольствием рассказывала о том, что происходило в больнице. Про врачей, про больных – рассказы на уровне сплетен. Помню, как я смеялась до слез, услышав от нее немыслимое: «Врач заболел...» Только тетя Нина могла такое сказануть! Как может врач заболеть, он же врач!

Тетя Нина была хоть и малограмотной и бесполой, но зато веселой и общительной. Любила петь частушки, часто невпопад. В бабушкином сундуке она хранила заветную коробочку с наградами за добросовестный труд и даже какие-то «военные» награды. Папа насмешливо называл тетю Нину «ворошиловский стрелок».

С тетей Ниной мне было весело проводить время. Иногда она доставала потрепанную колоду карт. Раскладывала карты елочкой, приговаривая: «Что было... Что будет... Чем дело кончится... Чем сердце успокоится...» Выпадали ей сердечные хлопоты в виде червонного валета и дальняя дорога – шестерка пик. Карты не ввали про дальнюю дорогу. Тетя Нина была непоседа, часто ездила в Яшкино и каждый отпуск проводила в домах отдыха Анжеро-Судженска или в Тутальском.

Сердечные хлопоты тоже увенчались успехом. Лет в сорок тетя Нина вышла-таки замуж – за Гуляева Сергея Семеновича. Это был добродушный мужичок очень небольшого роста. Его умелые руки всегда были чем-то заняты. Он искусно плел разнообразные корзины и корзиночки на продажу. Вязал невероятное количество березовых венчиков и сдавал их в городскую баню. Работал он конюхом в городской больнице, там их с тетей Ниной и познакомили.

У нас с тетей Ниной была своя традиция. Каждый год 4 июня мы с ней шли в лога собирать букеты цветов к дню рождения папы. В основном это были огоньки. Если же весна была поздняя и холодная, то цвела черемуха. Мы в окошках ломали ветки черемух и приносили в дом восхитительный аромат весны.

СЕМЕЙНЫЙ УКЛАД

Семья наша была дружная, жили по укладу и традициям, без скандалов и ругани. Обедали за одним большим столом. У каждого было свое место и свои обязанности. Мама с бабушкой были как подружки, хотя сноха и свекровь редко дружат. Если кого и ругали, то только меня за мои проделки. Наказывали даже стоянием в углу и отлучением от любимой подруги Галки. Никогда я не слышала в доме бранных слов, мат был недопустим. Папа вообще боролся за грамотную речь: когда мы с сестрой произносили неправильно какие-то слова, он нас тут же поправлял. Жаргон тем более не приветствовался. Можно было за просто схлопотать за какое-нибудь блатное словечко.

Воспитывали ненавязчиво, но основательно. Бабушка поучала не брать чужого: обман всегда откроется и тогда стыда не оберешься! Держать свое слово и не оправдываться – этому учил отец. Чистота, порядок, пунктуальность и прилежность – мамина школа. «Никогда не вступай в перебранку, не опускайся до уровня базарной бабы», «Выбирай друзей: с кем поведешься, от того и наберешься» – так поучали родители.

У бабушки было много запретов: не ешь перед зеркалом, не пришивай на себе пуговицу, не оставляй нож на столе, не вытирай стол рукой, не выноси мусор после захода солнца, не сиди скрестив ноги. И еще много всяких «нельзя». На все мои расспросы: «Почему?» – был один короткий ответ: «Грех!» И мы слушались. Категорически запрещалось спрашивать: «Куда?» Дорогу «не закудыкивай!» Лучше спроси: «Далеко собрался?» По утрам неумытой за стол не садись. Поэтому выражение «кофе в постель» у меня не вызывает положительных эмоций...

Нас всех воспитывали в строгости и послушании. Никто из детей не отважился бы перечить старшим. Запрещалось перебивать их во время разговора. А взрослые при детях не ругались и не сквернословили. Родители свято дорожили внешними приличиями. Не было принято рассказывать о неприятностях в семье соседям, ныть, жаловаться. «Как дела?» – «Спасибо, хорошо!» И ведь, действительно, все было хорошо.

Не было в нашем доме громких ссор или перебранок. Порой было заметно, что мама с папой сердятся друг на друга, но при мне оба делали вид, что все нормально. Понимая, что лучше не

лезть под горячую руку, я старалась сидеть тихо. Меня с детства учили не выносить сор из избы, держать язык за зубами и не позориться. Люди с уважением относятся к семье, где все благополучно. Приходилось помалкивать, изображая, что ничего не замечаю.

СКАНДАЛ

И вдруг однажды произошло ужасное. Вроде небольшая ссора закончилась дракой. Как гром среди ясного неба! Мама была женщиной не слабой, с железным характером. Драка получилась нешуточной. Папа повалил маму на диван и схватил за горло. Мама захрипела и стала отбиваться ногами. В ужасе я ринулась ей на помощь. Вцепилась сзади в папу и заорала так, что от моего истошного вопля все содрогнулись! Прибежала бабушка, растащила всех. Папа обронил: «Только ребенка из-за тебя напугал». И вышел...

Мы с мамой перебрались жить к тете Руфе. Та жила вдвоем с сыном Борисом недалеко от нас. Домик у них был такой же, как у нас, через несколько улиц на «43-м пикете». Папа в наше отсутствие даже приводил домой свою ухажерку Любу. Чем поверг бабушку в шок. А мама вроде и не очень расстроилась. Во всяком случае, я не видела ее грустной или плачущей. Мне казалось, что им с тетей Руфой было очень даже весело. Они примеряли наряды, ходили в гости и в кино. Однажды мама стала мерить бурки тети Руфы, очень модные по тем временам. Надеть надела, а снять не может. Тетя Руфа ухватилась и тянет со всей силы, а бурка не снимается. Я очень испугалась, что бурка теперь не снимется с маминной ноги никогда, и в отчаянии заревела. Они так смеялись надо мной, что сил уже не было стягивать с ноги застрявшую обувь, а я в панике цеплялась за проклятую бурку, спасая мамину ногу...

...Синие зимние сумерки. Громко тикают ходики на стене. Я жду маму, мне тоскливо без бабушки и папы. С двоюродным братом Борисом мы остались дома одни, и от скуки я решаю развлечься. Придумываю всякие страсти-мордасти, дескать, под кроватью у Бориса кто-то сидит. Слышишь, как дышит?! И на чердаке кто-то ходит, доски скрипят! Борис в ужасе забился в угол на кровати, выл и просил не пугать его, а то он боится и будет плакать. И это пацан, да еще и старше меня, как низко он пал в моих глазах... Я придумывала, как бы еще сильнее его напугать, и он

наябедничал на меня тете Руфе. Досталось и мне, и маме. Я думала, мама с меня шкуру спустит. Как ни странно, шкура осталась при мне, хотя и с предупреждением...

Глубокой ночью я вдруг проснулась от неприятного шума. В комнате было темно. Мама с тетей Руфой выглядывали сквозь занавески в окно и горячо о чем-то перешептывались. Мое неукротимое любопытство толкнуло меня туда же, и я высунулась поверх их голов по самый пояс, без всяких предосторожностей. По дороге мимо окна, сильно пригнувшись, бежали мужчина и женщина. Тут же я получила хорошего шлепка и очутилась в кровати. Оказывается, после второй смены папа вел домой свою ухажерку. Мама с тетей Руфой выглядывали в щелочку между занавесок, чтобы папа не мог даже подумать, что они следят за ним, а я всю конспирацию испортила...

Как долго мы жили у тети Руфы, я сказать не могу, но думаю, не очень долго. Папины друзья возмутились и быстро его вразумили. Ведь жены папиных друзей, все без исключения, были маминими хорошими подругами, и они приняли меры к восстановлению семьи. Тогда по радио часто звучала песня: «Еду, еду, еду к ней, еду к люблюшке своей!» Как только раздавалась эта песня, папа отключал радиоприемник.

Сейчас я поражаюсь, как мама успевала переделывать столько всего. Ведь у нас было довольно много скота: корова, телка, поросенок, овцы, куры. Большой огород. Сенокос. Дом. И этим всем занималась мама. И это не считая работы и детей. А она еще находила время наряжаться, вышивать, общаться с подругами, читать, ходить в кино.

Мама неплохо рисовала. Срисовывала на ткань цветы с открыток и вышивала. Меня учила рисовать. Делала бумажных кукол нам с Галкой и наряды к ним. Мы потом уже и сами рисовали, вырезали, наряжали. Учились «моделировать». Папа тоже хорошо рисовал, но по-другому. Попрошу нарисовать, как он работает; всего несколько штрихов – и пожалуйста: подручный ставелвара у мартеновской печи. Из командировки он слал письма с рисунками. Такие же мне потом сын из армии присылал, и я их храню.

Поздно я поняла, что не все старые вещи надо выбрасывать. Особенно письма, фотографии и документы. Сейчас у меня есть большой сундук, в котором я храню семейный архив. Но подозреваю, что нужен он только мне, потом он окажется на свалке. Со временем, может быть,

кто-нибудь из детей и спохватится, что не сохранили архив... А я больше всего сожалею, что не забрала старинные бабушкины фотографии у тети Нины.

В шесть лет я уже бегло читала. Мама и бабушку научила читать. Та уже не носки вязала, а надевала очки и бралась за книгу. Водила пальцем по строчкам и монотонно читала вслух по слогам, при этом раскачиваясь. Мы с Галкой играли в своем углу, и если вдруг расшалимся сверх меры, она пристально смотрела на нас поверх очков, висевших на кончике носа. И мы без слов затихали.

ТЕЛЕВИЗОР

В конце пятидесятых в домах стали появляться телевизоры. И первый в округе, конечно же, у Изоткиных. Тетя Валя, мать моей любимой подруги Галки, была завмаг. Это вам не должность или профессия, это звание и доступ к дефициту. Хотя в тот момент в магазинах имелось все, что душа пожелает, были бы деньги. Но дефицит должен был быть, иначе скучно жить. И у Изоткиных было то, чего не было ни у кого. Бархатные скатерти и шторы. Шелковые, пуховые, невесомые китайские одеяла и подушки. Китайские же термосы, расписанные диковинными драконами и яркими цветами (в то время китайский импорт был высочайшего качества). На тумбочке у трюмо стояли неведомые безделушки необычайной красоты. В буфете, забитом сервизами и хрустальными бокалами, красовались изящные фарфоровые балерины. Но из-за штор в доме было сумрачно и никогда не выветривался отвратительный запах помойного ведра.

Вслед за Изоткиными купили телевизор и мы. Мама вздохнула всем рассказывала, как совершенно случайно папа зашел в магазин и вышел с большой коробкой. А она никак не могла догадаться, что же это такое он несет! Причем наш телевизор был лучше, чем у Изоткиных. Больше размер экрана и на вид более современный. Появился он у нас в 1959 году.

«Лебединое озеро» – первое, что мы увидели в нашем телевизоре. Изображение было плохого качества, поскольку еще не было антенны, но мы смотрели на экран не отрывая глаз. А самый первый мультик, который я увидела, – «Снежная королева». И стала та Снежная королева для меня эталоном женской красоты на всю оставшуюся жизнь. В первом классе на новогодний утренник мама сшила для меня из крахмаленной марли

костюм Снежной королевы. На голове блестела сказочная корона. Это было произведение искусства – вырезанное из картона, обклеенное ватой и посыпанное блестками из толченых елочных игрушек. Три луча короны мама украсила бусинами от елочных украшений. Я была в неописуемом восторге! А во втором классе костюмы снежинок для меня и Тамары уже пришлось шить тете Изе...

Бабушка не могла сидеть перед телевизором просто сложа руки. Она брала деревянную маслобойку, и к концу фильма масло было сбито. Или придумывала себе другое заделье – вязала крючком из разрезанных полосками тряпочек круглые половички.

Балет по телевизору показывали довольно часто. Выпросив у мамы ее платье, я напяливала его на себя. Подвязав покрепче пояском, изображала изящную балерину, летящую в прыжке. Мама еле сдерживала смех и вытирала выступившие слезы, глядя, как перед ней подпрыгивает толстый колобок, замотанный в тряпки. Это было мое любимое занятие – наряжаться в мамины платья и танцевать.

Мамины платья мне казались совершенно роскошными. Сшитые на заказ из шелка, крепдешина, креп-жоржета, креп-атласа. Хоть и разного фасона, все заужены в талии и с пышными юбками солнце-клевш, как у Гурченко в «Карнавальная ночи». Если в них кружиться, юбка парашютом заполняла комнату, но этот мой трюк почему-то всегда пресекали: «Сядь! Хватит! Уймись!» Приходилось слушаться, иначе могли конфисковать балетные атрибуты, а доступ к ним и так был ограничен. Разрешалось пользоваться лишь двумя-тремя, далеко не самыми нарядными. Надо признать, у тети Руфы в те годы платья были более элегантными. А у тети Изы – попроще, так как «дресс-код» дяди Димы предполагал только скромность.

В ту пору очень модными считались маленькие фетровые шляпки. Я разделяла женщин на две группы: дамы в шляпках и тетеньки в платках. Папины родственницы поголовно носили платки, мамыны – все были в шляпках.

Три сестры – они были такие разные. Тетя Руфа, старшая из сестер, приветливо-заботливая, но какая-то неискренняя. Мама была строга, рассудительна, ее все уважали, прислушивались к ее мнению. Тетя Иза – младшая, с тонким чувством юмора и обостренным чувством справедливости – была любима всеми. Все три жили на

«43-м пикете». Дома тети Руфы и тети Изы вообще стояли рядом, наш – немного дальше. Мы с Тамарой росли вместе и были не только сестрами, но и подругами.

Еще я чувствовала, что мама как-то сдержанно относится к Борису. Нет, ничего плохого про него она ни разу не сказала. Никак его не выделяла, но и не игнорировала. Однако что-то было не так. Потом мне стало известно, что Борис – приемный. Тем не менее он всегда был и остается нашим братом и ближайшим родственником по сей день.

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ

Как только меня научили читать, я стала читать все, что читалось: этикетки, плакаты, ценники. Книги для меня стали лучше всяких игрушек. Смотришь на обложку, а за ней другой, неизданный мир... Какой восхитительный запах типографской краски был у новых книг! Да и старую, потрепанную – даже просто держать в руках уже огромное наслаждение.

Я читала все подряд, что стояло на нашей этажерке. Мама это пресекла и начала покупать мне детские книги и сказки. Читала я взахлеб днем и ночью. За обедом ставила книгу на столе перед тарелкой. Во время уроков читала, положив книжку на колени. Глубокой ночью папа заходил к нам в комнату и просто выключал свет, иначе я могла читать до утра. Ругать меня было бесполезно. Когда иссякла школьная библиотека, я записалась в городскую.

Любознательность моя распространялась не только на книги, но и вообще на все, что видели глаза. Все закоулки дома, шкафы и ящики были мной обследованы. Изучив их содержимое, не предназначенное для меня, я нашла у мамы в шкафу запрятанный учебник гинекологии и акушерства. В нем было много страшных картинок и непонятных схем. Когда родители уходили на работу, я тайком доставала этот учебник, разглядывала картинки, читала пояснения. Очень полезная книга оказалась. Потом я не раз удивляла подруг своими познаниями в гинекологии.

Раньше в школу шли учиться читать, писать, считать. Я пришла уже грамотной, и на уроках мне было скучно. Напрасно я тянула руку, чтобы ответить старательно выученный урок. Пока Мариванна пыталась втолковать кому-нибудь прописные истины, я с тоской смотрела в окно. Порой, надеясь подловить меня на невнимательности, учительница подступала ко мне: «А ну-ка,

повтори, о чем это мы тут?» И я, довольная, что наконец-то и на меня обратили внимание, подхватывалась и с чувством, с толком, с расстановкой отвечала громко (как папа учил). Так повторялось несколько раз. Мариванна не могла вынести такого издевательства и вызвала маму в школу. Мама выслушала возмущенные жалобы, что, дескать, я нарочно прикидываюсь, что не слушаю учителя. Пришлось объяснять, какая я сообразительная, прилежная. И не издеваюсь я, а просто скучно мне слушать то, что давно знаю. Маму выбрали в родительский комитет, и пока она была жива, я была круглой отличницей.

После похорон мамы меня вызвали на родительский комитет. Поставили передо мной коробку, в ней лежали туфли и чулки. Оказывается, мне полагалась материальная помощь. Я отказалась ее брать. Слишком уж унижительным все это мне показалось. Не догадывалась я, что теперь у меня будет другой статус. Сказки ведь бывают не только про Снежную королеву, но и про Золушку...

Мариванну возмутила моя неблагодарность, и до окончания школы больше никто и никогда мне никакой помощи не предлагал. Некоторым полагались бесплатные обеды, но не мне. Кому было интересно, что я приходила в школу голодная и на завтрак мне мачеха не давала десяти копеек? На перемене я вместе со всеми шла в буфет только для того, чтобы хоть посмотреть на еду. Украдкой я посматривала и на пол – вдруг найду десять копеек. Я знала, что и когда вернусь из школы, мне дома опять нечего будет есть. Удивительно было видеть недоеденные булки и котлеты, брошенные в школьном буфете. Как можно не хотеть есть? Есть хотелось постоянно. Жизнь у меня только тогда была сытой и благополучной, пока была жива мама.

И все же сейчас я вспоминаю школьные годы с теплом. Хорошие были времена. Мы с одноклассниками шумной гурьбой ходили по улицам «43-го пикета» в поисках металлолома. Каждый знал, где валяется самая лучшая железяка. Обычно это происходило в сентябре. Зимой же строили неприступные снежные крепости и устраивали нешуточную войнушку, играя в «Зарницу». Весной ходили в походы. Ловили пескарей на Искитимке или собирали подснежники на Змеиных скалах. Могли всем классом сбежать с последнего урока математики и на следующий день получить взбучку от Галины Петровны, нашего классного руководителя.

В школе был собственный ВИА – вокально-инструментальный ансамбль. Музыкальные инструменты для него смогли купить на деньги, заработанные школьниками на колхозных полях. Играли в ансамбле старшеклассники, окончившие музыкальную школу. Были и свои певцы. Каждую субботу устраивались танцевальные вечера. Большой популярностью пользовалась игра «Третий лишний». Сейчас смешно вспоминать, но тогда это являлось гвоздем вечера. Вечера вообще проходили чинно и благородно, без происшествий, под неусыпным контролем учителей. Правда, до восьмого класса попасть на такой вечер было невозможно.

ОЛЯ

15 мая 1960 года мне сообщили, что у меня родилась сестра. Кажется, мне об этом сказала тетя Нина. Она работала в больнице и беспрепятственно навещала маму в роддоме. Я не помню, как туда увозили маму, может, она и пешком ушла. Не помню, чтобы мы навещали ее. Помню, как сажали картошку в огороде и тетя Валя Изоткина через забор подшучивала над папой: дескать, не смог сына сделать, дамский мастер! Папа смущенно улыбался, и я видела, как злится бабушка на тетю Валю.

Майский солнечный день. Дядя Коля, Галкин отец, прокатил нас с Галкой на своем грузовике. Когда машина остановилась, я вдруг увидела у нас во дворе маму. Меня как ветром сдуло с машины, и я понеслась домой. Я очень соскучилась. Мы с мамой обнялись, и она повела меня смотреть сестру. В кроватке лежал маленький сверточек с бледным личиком. На следующий день пришла медсестра. Заполняя медицинскую карту, спросила имя ребенка, чем застала маму врасплох. Не было имени. Почему-то никому и в голову не пришло, что у сверточка уже должно быть имя. Мы стали в спешке перебирать имена, но вспомнить ничего стоящего не могли. Никакая Света, Марина, Лена сестре не подходили. Я предложила назвать Олей. Мама возражала: и так пол-улицы – Оли. А над душой стояла медсестра. Как мы ни крутили, снова и снова возвращались к Оле. Ну, пусть будет Оля...

Потом мама спохватится: ведь уже есть Ольга Гончарова, наша двоюродная сестра. Но не имя красит человека! Гончарова – Ольга, а у нас – Оля. Мне всегда казалось, что это разные имена. Но как получилось, что моей сестре не придумали имя заранее? У мамы все всегда было по пра-

вилам, все на своих местах, порядок во всем – и вдруг такое. Потом из разговоров взрослых я поняла, почему так вышло. Папа ждал сына. Родилась дочь, и он изобразил глубоко оскорбленного мужа. Маму в больнице навещал редко. Он был совсем не глуп и поступил так в отместку. После истории с Любой он чувствовал себя виноватым. Нет ничего более полезного в хозяйстве, чем виноватый муж, и мама этим пользовалась. А тут такой шанс – мол, и ты виновата. Теперь квиты.

Оле было наплевать на разборки родителей. Она орала днем и ночью не умолкая. Спала только на руках. Папа, быстро забыв про свой выпендрей, укачивал ребенка, расхаживая с ним по комнате из угла в угол. Уложить Олю в кроватку не было никакой возможности. Мама пыталась укачивать на подушке, чтобы потом положить потихоньку. Но куда там! Стоило уменьшить амплитуду раскачивания, как тут же раздавался истощенный плач. Иногда Оля орала так, что не могла набрать в грудь воздуха, задыхалась, синела и теряла сознание. «Закатывалась», как говорила бабушка. Начиналась паника, ребенка каким-то чудом приводили в чувство, и Оля опять начинала орать. Ее голова от крика покрывалась испариной, как росой. Если вдруг она засыпала, судорожно всхлипывая во сне, то все переставали двигаться, разговаривать и вообще дышать. Мы уже не смотрели телевизор, не читали книги и не садились всей семьей за обеденный стол.

У нас поселился маленький монстр в ангельском облике. Бледно-розовые нежные щечки, голубые невинные глазки, белые пушистые волосики... Тетя Нина называла Олю беляночкой, но маму это сердило, ведь соседскую корову звали Беляна. В доме воцарился беспорядок. Стало тесно, везде висели пеленки, на печке грелись ведра с водой. В центре комнаты поставили кроватку-качалку, и мне приходилось подолгу раскачивать ее, убаюкивая сестру. Мама тем временем стирала пеленки и пыталась успеть сделать хоть что-то по дому.

СТРОЙКА

Надо было приспособливаться к такой жизни. Оля занимала все время и пространство, поэтому родители решили пристроить еще две комнаты. На следующий год, когда у папы на работе разбирали старую мартевскую печь, он выписал огнеупорный кирпич б/у. Теперь во дворе громоздились штабеля разных досок, кучи песка, гравия и шлака. Все в семье были заняты на строитель-

стве, а я нянчилась с сестрой. Стояло лето, на улице носились соседские ребятишки, а я все нянчилась. Прибегала Галка, всегда с одним вопросом: «Когда Людка выйдет?» И, мелькая за забором голыми пятками, уносилась на свободу. А Людка нянчилась все лето... Из той поры сохранилось фото, где я держу маленькую сестру на руках.

К концу лета строительство закончили. Дом получился большой, просторный. У мамы с папой теперь была отдельная спальня, там же поставили Олину кроватку. У бабушки с тетей Ниной тоже появилась отдельная комната. Я осталась на старом месте, на своем родном диване. Теперь в моей комнате стоял телевизор, и я была этому нескладно рада.

Мама прожила в просторном доме месяца три. Она даже не успела как следует все обустроить...

Последнее фото, где мы еще с мамой, 1961 г.
Здесь закончилось наше счастливое детство

УРОКИ СТОЙКОСТИ

Года в три или четыре мне подарили трехколесный велосипед. Сначала я на нем каталась по гладкому полу комнаты. Весной, как только подсохло, меня выпустили на пересеченную местность нашего двора. С трудом преодолев несколько метров, я опрокинулась вместе с велосипедом и с наслаждением заревела, ожидая, что кто-нибудь подойдет и пожалеет меня. Подошел папа. Вернул меня в исходное положение, присел рядом и спросил: «Ты ушиблась? Тебе больно? Почему ты реवेशь?» Я не ушиблась, больно мне не было, и я озадаченно замолчала: действительно, чего я реву? А папа продолжал: «Запомни, никогда не реви, даже если очень больно. Терпи из последних сил, но не показывай вида. Дай мне слово, что ты не будешь больше реветь ни-ког-да!» Я дала слово и с того дня держу его изо всех сил...

Никогда не видела маминых слез. Мама не была слабохарактерной, у нее были свои твердые жизненные принципы. Она мне внушила, что люди не должны видеть твою слабость. Не распускай нюни, гордо улыбайся, несмотря ни на что. Улыбаться не всегда получается, но при людях нюни распускать я до сих пор считаю неприличным.

СИРОТЫ

Раннее серое утро 31 октября 1961 года. Из за закрытой двери слышится топот чужих шагов и встревоженные голоса. Прислушавшись, узнаю голоса тети Руфы, дяди Гены, дяди Димы. Недоумеваю: что это они так рано все к нам пришли? Кто-то не то стонал, не то тихонько выл. Стало страшно. Встать или сделать вид, что еще сплю?

Вошел папа. Присел около меня на корточках: «Наша мама умерла...» Закрыл лицо руками и вышел. Я оцепенела. Мама умерла? Как может мама умереть? Потом мне скажут, что мама погибла от удара током...

Голова моя стала пустой. Я никак не могла придумать, что теперь делать. Главное – не реветь. Поднялась, оделась, убрала постель, вышла на кухню. При виде меня заплакала-запричитала тетя Иза. Дом стал наполняться людьми. Они шли и шли. Родственники и соседи. Свои и чужие. Дома было уже не протолкнуться. Народ толпился в сенях и во дворе. Я видела, как незнакомые люди указывали друг другу на меня и

сокрушенно качали головами. А знакомые и родственники обнимали, обливая горькими слезами.

На второй день привезли гроб. В ужасе я уперлась и ни в какую не соглашалась войти в комнату. Никакие уговоры не могли сдвинуть меня с места. Тогда Тамара взяла меня за руку, и я послушно пошла за ней... Ничего страшного я не увидела. Спящая мама.

После похорон я осталась ночевать у тети Изы. Как-то так получилось, что не одну ночь. Рядом была Тамара, и о доме я старалась не думать. С тетей Изой жила другая наша бабушка – Варвара Леонтьевна, мамина мама. По нашему детскому разумению, баба Варя больше считалась Тамариной бабушкой, ведь они жили вместе.

За мной пришел папа. Я не желала возвращаться от тети Изы домой. Папа не очень настойчиво уговаривал. Тогда вмешалась тетя Иза и решительно отправила нас восвояси. Дома царил хаос. В комнате друг на друге стояли чужие столы, видимо, их оставили до поминок, на девять дней. И запах – чужой, неприятный. Он преследовал меня потом очень долго, пока не снесли дом. Запах смерти. Этот запах чувствовался, когда никого не было дома и печь была не топлена.

Смерть мамы стала потрясением не только для близких родственников. Все были в шоке от случившегося. Погибла совсем молодая женщина (маме только исполнилось 33 года). Остались сиротами маленькие дети: Оле было полтора года, а мне восемь лет. Все считали своим долгом сообщить мне, что я уже взрослая и должна заботиться о сестре: она ведь сиротинка. Я про себя удивлялась: а я кто? Но при этом ощущала себя взрослой и самостоятельной.

Детство закончилось. Никто особо уже не контролировал, когда я прихожу из школы и где бываю. Как-то в одночасье разрушился весь уклад нашей жизни. Я пыталась поддерживать заведенный мамой порядок, ставила вещи на свои места, поправляла салфетки, ровняла книги на этажерке. Но из отлаженного механизма нашей жизни выпал главный винтик, и весь механизм рассыпался.

МАЧЕХА

Через полгода папа женился. Мачеха оказалась дамой сугубо городской. С накрашенными

ногтями, губами, химической завивкой и стойким ароматом «Красной Москвы». Работала она в нарсуде секретарем-машинисткой. Своих детей у нее не было. Она была полновата, и платья у нее были совсем не такие, как у мамы, а прямого покроя, и место талии обозначал поясик.

Бабушке новая сноха не глянулась. Она поглядывала на нее исподлобья, сердито ухмыляясь. Звали мачеху Анастасия Ефимовна Ключкова, но все называли ее Тася, как маму. Меня мачеха сразу невзлюбила. Требовала к месту и не к месту, чтобы я ее называла мамой. Но я упрямо молчала. А она жаловалась на меня всем подряд, даже малознакомым соседям: «Вот ведь какая вредная, глупая, ленивая грязнуля. Никак не хочет сказать «мама». Но как назвать чужую женщину мамой? У меня язык не поворачивался.

Для Оли мачеха принесла от кого-то почти не ношенные, очень нарядные платьица. Хранила она их у себя в спальне, только иногда наряжая Олю в какое-нибудь платье. Потом сажала ее к себе на колени и расчесывала белый пушок на голове. На этом уход за маленьким ребенком заканчивался.

Вскоре, 17 февраля 1963 года, у нас родилась сестра Ира. Мачеха у нас на «43-м пикете» почти перестала появляться. Ире требовались городские условия: вода, отопление. Как-то почтальонка принесла нам большой и толстый конверт. Бабушка его вскрыла. Это было решение суда об алиментах на Иру. Бабушка долго сокрушалась: «Пришла и обобрала бедных сирот!» Забирая свои вещи, мачеха не забыла прихватить и Олины роскошные платьица, ведь подрастала Ира. С той поры мы с Ирой не виделись. Встретились спустя полвека. Ира очень нас удивила, назвав мать женщиной деспотичной. Ире даже пришлось рано выйти замуж, чтобы только уйти от матери.

ПЕНКА

Папа запил. Его исключили из партии и уволили с работы. Он стал брать деньги взаймы у друзей и знакомых. Сначала давали, но папа долги не возвращал, и занимать ему перестали. Тогда он стал брать с собой маленькую сестру. Это срабатывало. Никто не мог оставаться равнодушным, глядя на сиротку с таким грустным личиком. Но потом и этот трюк перестал помогать.

Папа продал корову. Да и бабушке уже стало тяжело справляться с хозяйством и детьми. Се-

но корове никто не косил, другой скотины давно не было. Продали корову соседке тете Ане Ливанской задешево. С тех денег мы ничего не увидели – ни еды, ни одежды. Бабушка напрасно пыталась папу вразумить, призвать к совести. Он ничего не слышал. С его лица не сходил горькая ухмылка обиженного на судьбу человека.

После смерти мамы он получал на нас с сестрой весьма скромную пенсию по потере кормильца. Немного из этих денег давал бабушке на наше пропитание. Однажды почтальонка принесла нашу пенсию в папино отсутствие. Бабушка кинулась в магазин – купила муки, масла, сахара. Был скандал. И когда папа завел разговор о продаже дома, тихая бабушка встала стеной. Дом она отстояла.

Бедная наша бабушка, какие испытания ей пришлось вынести на своих худеньких плечах! Она никогда никому не перечила. Когда тетя Нина пыталась с кем-нибудь спорить, бабушка ее одергивала: «Нишкни! Не встревай!» Сама она ни с кем не ругалась, ничего не требовала. Посмотрит на тебя молча поверх очков, и никаких слов уже не требовалось.

Чтобы как-то нас прокормить, бабушка договаривалась с соседкой, и та каждый день приносила нам литровую баночку молока. Рассчитывались раз в месяц, когда почтальонка приносила нашу пенсию. Бабушка это молоко обязательно кипятила, ведь оно было из чужих рук (только от своей коровы пили некипяченое). Когда молоко остывало, на нем образовывалась пенка – желтая, толстая, ароматная. Какая она была вкусная!

Вы не любите пенку? А вы вообще ее пробовали? Нужно кусок пенки подцепить вилкой, подождать, когда стечет молоко, и положить на кусок хлеба, желательнее на горбушку, посыпать сахаром и наслаждаться непередаваемым вкусом! Только не пробуйте кипятить магазинное молоко, такой пенки не будет...

ОЧЕРЕДИ

Наше бедственное положение усугублялось отсутствием элементарных продуктов в магазине. Тогда, во времена хрущевской «оттепели», приходилось выстаивать очереди за самым необходимым, даже за сахаром и хлебом.

Я брала с собой маленькую сестру, ведь в одни руки продавали только одну буханку хлеба.

Каждый день мы выстаивали в утомительно длинной очереди. Зато хлеб был не просто свежим, а еще горячим. Мы покупали булку белого за 18 копеек и булку серого, с отрубями, за 14 копеек. Бабушка наказывала не грызть буханку, но как было устоять и не куснуть хрустящий уголок корочки?! Аромат горячего хлеба заполнял все вокруг, и не было возможности удержаться. Все юргинцы помнят, какой восхитительный аромат горячего хлеба источал хлебозавод. Сейчас в городе полно пекарен, но они ничем не пахнут и хлеб невкусный...

Мы изнывали в очередях от долгого ожидания и молили, чтобы нам хоть что-то досталось. Однажды стояли за сахаром. Это был кусковой рафинад, привезли всего несколько мешков. Я с ужасом понимала, что сахару на всех не хватит. В одни руки давали по полкило, но очередь продвигалась медленно, а мешки с сахаром пустели быстро. Когда подошла наша очередь, весь рафинад был уже продан. Осталась только сахарная пыль с отдельными комочками. Но этой пыли набралось довольно много: уборщица вытряхивала опустевшие мешки в большую алюминиевую кастрюлю. Сердобольная продавщица сжалась и взвесила нам такой пыли аж два кгэ на двоих. Мы с сестрой, довольные и счастливые, потопали домой. И только бабушка была не очень рада. Просеивая через сито сахарную пыль, она тяжело вздыхала: «Денег с сирот взяли, как за хороший сахар».

ЛОШАДИ

Машины в то время были большой редкостью. Всё возили на лошадях, запряженных летом в телегу, а зимой в сани. Иногда по улицам «43-го пикета» не спеша ехал старьевщик, его все называли «тряпошник». За телегой двигалась ватага вездесущих пацанов. Тряпошник останавливал лошадь на каждой улице, и тут же вокруг него собиралась толпа. Счастливики, которым повезло найти дома ненужное тряпье, спешили обменять его на ценности из заветного сундука, стоявшего на телеге. Пацаны в обмен получали ленту пистонов или рыболовные крючки. Бабы – синьку для побелки и булавки.

Огороды весной тоже пахали лошадей, запряженной плугом. На лошадь была очередь. Нужно было следить, чтобы кто-нибудь не перехватил пахаря. Наконец лошадь у нас в огороде. Пахарь – мужик с деревянной ногой – сначала

садился перекурить. Доставал кيسет с махоркой, отрывал клочок газеты и желтыми, прокуренными пальцами сворачивал козью ногу. После перекура рывкал матом на лошадь и начинал пахать. Был он весь потрепанный и какой-то замызганный, от него несло конским потом и махоркой. Но ждали этого пахаря с нетерпением, встречали радушной улыбкой и согласно кивали головой, даже когда он матерился. Я недоумевала: почему родители так приветливы с таким страшным дядькой?

Муж нашей тети Нины, дядя Сережа, тоже работал конюхом в городской больнице. На лошади, запряженной в телегу, развозили большие термосы с обедами из больничной кухни по всем отделениям для больных. Возили огромные узлы белья в больничную прачечную. Лошадь всегда была в распоряжении дяди Сережи, и иногда он использовал ее в личных целях. Привозил из леса копну березовых веток для банных веников или кучу ивовых прутьев для корзин.

Не менее популярными были лошади для детей. А именно – игрушечные лошади-качалки. Мне такого коня почему-то не покупали. Родители ссылались на то, что я уже не маленькая или что это игрушка для мальчиков. Что не мешало им дарить мне велосипеды и даже большой синий самосвал – игрушку явно не для девочки.

ЗАБАВЫ

В 1957 году в Юрге заложили парк Пушкина. Для этого привезли много саженцев. И на «43-м пикете» они появились, наверное, у каждого дома. Каким образом попадали саженцы к хозяевам, я не знаю. Наверное, тырили их или покупали.

Мои родители тоже привезли на тележке тоненькие прутики и высадили их вокруг дома. Это были тополя, акация и ранетки-дички. Неприхотливые деревья росли быстро. Весной ранетки покрывались белыми цветами и благоухали на всю округу. Из стручков акации мы делали свистульки. Тополь вымахали в огромные деревья. Мощные стволы с густой кроной стояли у каждого дома по всему «43-му пикету». Я лазила на деревья по толстым веткам, вызывая недовольство бабушки. Была бы жива мама, ей бы это тоже вряд ли понравилось. Она мечтала вырастить из меня изящную леди, а не пацанку, лазающую по деревьям и заборам!

Была у нас игра под кодовым названием «вокруг дома». Играли мы в нее долго и азартно. А началось все как-то само собой. Назойливая Оля меня постоянно преследовала. Мне ее компания порядком надоела, и я мечтала от нее сбежать. Оле тогда было года четыре, мне – лет одиннадцать. Но скрыться от нее было крайне непросто. Оля не отставала ни на шаг. Исчезнуть надо было незаметно, и пока она на секунду отвернулась, я шагнула за угол дома. Оля ринулась за мной. Я побежала от нее за следующий угол дома и под навесом спряталась за какую-то дверь. Оля пару раз пробежала мимо. Мне стало любопытно, и, покинув свое укрытие, я осторожно побежала за Олей. Но она вдруг резко развернулась и рванула в обратную сторону! Увидев меня, издала ликующий вопль, и я помчалась от нее скачками. К нам подключилась Галка, и мы уже вдвоем бегали от Оли вокруг дома. Прятались от нее по углам или сидя высоко на дереве. Очень трудно было сдерживать смех, наблюдая, как внизу нарезает круги вокруг дома моя сестра.

Игра эта нас всех увлекла. Нам с Галкой было очень весело. Оля радовалась, что мы с ней играем. Бабушка была довольна, что мы дома, а не носимся неизвестно где. Да и за Олей присматриваем, причем очень пристально. Играли мы довольно тихо. Старались бежать бесшумно, чтобы Оля не обнаружила нас. И только иногда тишину нарушал ее ликующий вопль или наш с Галкой неудержимый хохот!

Перед домом Изоткиных на поляне была карусель. Соорудил ее дядя Коля, Галкин отец, из автомобильной балки. Одним концом балка была вкопана в землю, к другому прикреплена деревянная круглая площадка без всяких ограждений. Если сильно раскрутить площадку, центробежная сила сбрасывала нас с нее в разные стороны. Удержаться было невозможно!

По вечерам около карусели собиралась толпа детворы, стоял визг и хохот. Именно там я поколотила соседского пацана Вовку Рузайкина. А потом, опасаясь получить сдачу, долго обходила его стороной.

АГИТПЛОЩАДКА

В летнюю пору раз в неделю, по четвергам, весь «43-й пикет» собирался на агитплощадке. На просторной поляне стояли ряды деревянных скамеек, вкопанных в землю. Перед ними рас-

полагалась трибуна для лектора и большой деревянный щит, на который натягивали белое полотно экрана. Нам привозили кино. Бесплатно.

Заканчивался день, солнце клонилось к закату. На агитплощадке включали проигрыватель, и на всю округу звучали модные хиты тех лет: «По переулкам бродит лето», «Хмуриться не надо, Лада», «Опять от меня сбежала последняя электричка». Первыми сбежались пацаны и малышня. Они носились и шумели, как стая воробьев. Мы старались от пацанов держаться подальше. Эти придурки могли жука за шиворот посадить или репьев на подол прицепить – не отдерешь. Взрослые спешили управиться с домашними делами и тоже начинали подтягиваться к площадке, занимая места на лавочках. Те, кто жил рядом, шли со своими табуретками и скамеечками. Народу собиралось много. Кому мест не хватало, усаживались прямо на лужайке. Соседи раскланивались, здороваясь. Мужики пожимали друг другу руки и закуривали. Прикрикивали на расшалившуюся ребятню. А над толпой плыл голос Майи Кристалинской: «На тебе сошелся клином белый свет...»

Наконец музыку отключали, к притихшей толпе выходил лектор и вещал о международном положении. Мужики слушали с большим вниманием. Женщины стояли кучками поодаль и судачили о своем. Солнце пряталось за горизонт, быстро темнело, и наконец киномеханик включал свой аппарат. Сначала демонстрировался документальный фильм о достижениях нашей страны в науке и технике. О передовиках производства, о героях труда. Завершалось все показом художественного фильма. Расходились по домам в кромешной тьме. Два тусклых фонаря на всю улицу почти ничего не освещали. Наш дом стоял на самом краю, и пока народ разбредался не спеша, я срывалась с места и неслась без оглядки до самого дома.

ШАНЬГА

Отец привел новую мачеху. Звали ее тетя Шура – Александра Михайловна Филонова. Мы за глаза прозвали ее Шаньгой. Любила она шаньги. Принесет из магазина и спрячет в шкаф, чтобы мы не сожрали. Работала она заведующей гастрономическим отделом в магазине «Стекланный». У нее была малограмотная речь, но железная хватка торгашки. Родом тетя Шура была из деревни Лебяжье-Асаново, из раскула-

ченной семьи. Жадной была. Продукты, принесенные с работы, закрывала от нас под замок.

Знаете, что такое голод? Когда вы проголодались – это не голод, это аппетит разыгрался. Сытый голодного не разумеет... Голод – это когда очень хочется есть, но знаешь, что еды нет и не будет, даже хлеба. Соседи теперь постоянно спрашивали, как мы живем, и я безудержно хвасталась хорошей, сытной, просто замечательной домашней жизнью, потихоньку сглатывая голодную слюну при виде еды.

Но и с голоду мы не померли, выкручивались как могли. Иногда вдвоем с сестрой ходили в гости к нашим тетям. Там всегда посадят за стол и нальют щей, но мы их гостеприимством не злоупотребляли. В основном тырили еду у мачехи, которую та тырила на работе. Притащит сумки с продуктами и прячет от нас. Главное – тырить надо было незаметно и аккуратно! Холодильников тогда еще не было, летом продукты быстро портились, и Шаньга их выбрасывала, но нам не давала.

Соседка рассказывала, как однажды она забежала к нам и застала врасплох тетю Шуру, подающую абрикосовый компот из жестяной банки. Быстрым движением руки банка была спрятана под стол. «Фу, напугала! Я уж думала, 173 девчонки приперлись».

После появления в нашем доме Шаньги бабушка ушла жить к тете Нине. Работу по дому надо было выполнять мне. Мыть полы и посуду, наводить порядок в доме – это само собой. А еще полоть огород, окучивать картошку, топить печь и таскать на коромысле воду из колонки. Ведра были большие, по 15 литров, колонка находилась далеко. Идешь по улице, а на лавочках сидят соседи и смотрят на тебя. Ведра надо было нести так, чтобы ни одна капля не расплескалась. При этом улыбаться и делать вид, что тебе совсем не тяжело.

Мне еще повезло, что при Шаньге не надо было стирать дома постельное белье. Она его сдавала в прачечную. В городе открылись пункты по приему белья в стирку. На уголки простыней и пододеяльников пришивались метки-номера, и можно было пользоваться услугами прачечной. Очень удобно: сдаешь грязное белье, а получаешь чистое и выглаженное. Я потом тоже долго пользовалась этой услугой. Предпочитая заплатить копейки, чем таскать ведро с водой.

На «43-м пикете» в каждом дворе имелся колодец, но вода из него была мутная, будто молоко плеснули, и невкусная, с неприятным запахом. К стирке она тоже не годилась – очень жесткая, мыло не мылилось и свертывалось. Колодцы нужны были только для полива. Зимой вода в них замерзала, и с наступлением тепла колодцы использовались как холодильники. Складывали в ведро продукты и на веревке опускали на лед. Хоть какая-то польза.

КОНЕЦ УЧЕБЕ

Я уже не была круглой отличницей и кое-как тянулась на тройки. Даже по физкультуре. Часто к урокам была не готова: не было у меня физической формы и никто мне не покупал кеды. А без формы на урок не пускали, и в журнале появлялась очередная двойка. Надо было как-то выкручиваться. На перемене я разыскивала то подружку Галку, то сестру Тамару и просила у них на один урок кеды и трико. Мои двойки уравнивались пятерками, в результате за четверть выводили тройку.

На географии у меня не было атласа и контурных карт. Как я мечтала о контурных картах! Ах, как бы я их раскрасила, если бы мне их купили! Учебников у меня тоже не хватало. Приходилось на перемене брать чей-нибудь и быстро фотографировать глазами нужный параграф. Дома делать уроки было невозможно. Подходил пьяный папа: «А ну, покажи дневник!» И начинался пьяный бред до поздней ночи. В журнале у меня не было троек и четверок, в основном двойки и пятерки. Рисуя в журнале пятерку, учитель возмущался: «Ведь можешь учиться на отлично, в чем дело?!» А что я могла ответить?

Как-то в конце ноября ко мне вдруг явились два одноклассника (мы тогда уже учились в восьмом). Мальчишки звали меня в кино. Мне идти совершенно не хотелось. Фильм был не настолько интересный, чтобы в метель тащиться через весь город. Они пытались меня уговорить, но я отказалась. Пацаны ушли, а я про себя удивлялась: с чего это они вдруг приперлись? Я и мысли не могла допустить, что это потенциальные кавалеры. Была я плохо одета, а ухаживают только за нарядными девушками. Своего вида я стыдилась и была уверена, что никому понравиться не могу. И это не заниженная самооценка, это – факт. Зато потом я всю жизнь старалась стать хоть чуточку лучше, чем была.

У нас на «43-м пикете» жила портниха Рита, женщина пьющая, но с золотыми руками. Вот ей я и унесла оставшиеся от мамы пальто. За небольшую плату Рита замечательно их переделала на современный лад и по моей фигуре. Наконец-то я стала выглядеть вполне прилично. Но это было уже позже, когда я пошла работать. Спасибо, Рита. Спасибо, мама...

Благодарна я и тете Изе, она выручала нас как могла! Всегда можно было к ней прийти, помыться в городской ванне. Она и тарелку супа нальет, а то и рубль даст. Тогда это было целое богатство! Школьный завтрак стоил 10 копеек. А еще на 10 копеек я покупала 100 граммов подушечек «Дунькина радость» в нашем магазине. На «43-м пикете» его так и называли – «наш магазин». До сих пор люблю подушечки с хлебом и чаем.

Я с радостью донашивала Тамарину одежду. На выпускной вечер после 8-го класса я тоже пошла в ее платье. Тамара тогда уже училась в другой школе, и, на мое счастье, у них выпускной прошел днем раньше. Туфли мне дала тетя Руфа, а Шаньга благодушно разрешила взять свое кольцо.

ЛИДА

Избавила меня от школьных мучений наша дорогая мачеха Шаньга: «Хочешь жрать – иди работай, нечего по школам шляться!» Я и сама давно уже мечтала самостоятельно зарабатывать себе на еду и одежду. Так после девятого класса я пошла работать. С 11 сентября 1969 года начался мой трудовой стаж. Первое мое рабочее место было в магазине «Заря», в молочном отделе.

Попала я туда за компанию со своей новой подругой Лидой. Свалилась Лида к нашим соседям Галкиным как снег на голову. Была она дочерью дяди Пети Галкина от первого брака. Тетя Оля Галкина ее появлению в доме не возрадовалась. Приехала Лида из города Кузнецка Пензенской области. Неудачно выскочив замуж, подалась в бега в Сибирь.

Мы на Лиду смотрели, не скрывая восхищения. Еще бы: блондинка в элегантном пальто, изящных туфлях и с полным чемоданом модных платьев! Королева красоты с обложки журнала вдруг шагнула на улицы «43-го пикета»!

Пятилетняя разница в возрасте не помешала нам подружиться, и мы вместе пошли устраиваться на работу в Юргинторг. Правда, уже че-

рез несколько месяцев Лида вернулась к матери в Кузнецк. Несмотря на то что в Юрге она пробыла совсем недолго, наша дружба продолжилась в письмах. Сейчас мы с Лидой общаемся в «Одноклассниках».

ЯШКИНО

Вскоре и я ушла из дома. Слоняясь по родственникам, уехала в Яшкино. Поселок этот был необычный. Нигде больше я не встречала такого: по высоко подвешенным на опорах тросам безостановочно двигались вагонетки. Они везли куски породы из карьера на цементный завод. Погромыхивая, вагонетки ползли прямо над улицами поселка, и этот звук заполнял все вокруг. Задрав голову, я разглядывала это чудо.

На цемзаводе работали все наши многочисленные яшкинские родственники. Кто бы мог подумать, что и я буду здесь трудиться в шиферном цехе? Завод был большой, производил много разных стройматериалов на протяжении девяносто лет. Но, как и большинство заводов в нашей стране, он прекратил свое существование в начале нынешнего века.

Я работала на заводе, училась в десятом классе в вечерней школе рабочей молодежи и посещала драмкружок при клубе. Этот драмкружок мне очень нравился. Все в нем были люди взрослые, даже одна пожилая женщина участвовала в постановках. Я с радостью бегала на репетиции, меня хвалили. Спектакль ставили на сцене яшкинского клуба и потом ездили с ним по району. В деревенских клубах народу набивалось полные залы. Мы очень волновались и старались изо всех сил. Наградой нам были дружные аплодисменты. Да еще за кулисы нам приносили угощение – банку молока и горячий деревенский хлеб. Погрузив в автобус декорации, мы возвращались домой довольные, всю дорогу распевая песни.

В Яшкине я пожила по очереди у всех двоюродных бабушек и в 18 лет вышла замуж, потому что больше идти уже было некуда. Мачеха хвалилась соседям: двоих выжила (имея в виду меня и бабу Полю), еще одна осталась (это про Олю).

ЖИЗНЬ У ТЕТУШЕК

Вскоре мачеха избавилась и от Оли. Сестру забрали тетки, и она жила у них по очереди. Сначала – у тети Руфы. Голодать ей уже не приходилось. Каждый день на подоконнике стояла полуплитровая баночка молока и две вареные карто-

фелины в подсолнечном масле. Хочешь – сразу съешь, хочешь – растягивай на весь день. У Оли растягивать никак не получалось... Надо отдать тете Руфе должное: на школьные завтраки она всегда давала Оле деньги. Кроме того, с чердака извлекли старое пальто Бориса и перелицевали на Олю. В школе из-за этого пальто Оле пришлось терпеть насмешки, но это уже мелочи.

На следующий год наступила очередь тети Изы и Оля перешла жить к Кравцам. Это был для нее райский период. В городской квартире всегда тепло и чисто, а у тети Изы еще и сытно, и весело. Все здесь постоянно шутили и смеялись. Саша с Олей хохотали до слез, даже делая уроки. Но тем не менее Оля всегда помнила, что она здесь в гостях.

К весне тетя Иза пообещала купить Оле пальто. Обновки для Оли были большой редкостью, и это стало невероятным событием. Наконец наступил долгожданный день. В магазин отправились втроем: тетя Иза, Тамара и Оля. Пальто выглядело модным, уже не детсадовским. Синее, с оригинальным воротником, оно вызывало восхищение даже у Тамары с тетей Изой. Оля ликовала, но пальто поначалу повесили в шкаф, а для первого выхода назначили дату – 1 апреля.

В этот день солнце уже сияло изо всех сил. Оглушительно чирикали воробьи и журчали ручьи. Занятия в школе были во вторую смену. Оля шла в школу в новом пальто! Счастливая и гордая, она отошла от подъезда совсем недалеко, поскользнулась и шлепнулась в лужу...

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО ПЕТУХА

Папу похоронили в марте 1972-го, было ему 44 года. В Юргу из Яшкино я вернулась уже не одна, а с мужем и ребенком. Моей дочери Веронике к тому времени исполнилось шесть месяцев. Я забрала к себе сестру и бабушку, и снова мы стали жить вместе в нашем доме!

Как могли, начали устраивать свою жизнь. Даже кур завели и петуха красоты необыкновенной. Большой гребень он нес гордо, как корону. Темно-красные перья блестящими косами свисали из хвоста до земли. Куры млели. Да мало их было, всего-то три штуки. А за забором, в соседнем дворе, кудахтал большой курятник. Петух, вытянув шею и скосив глаз, прислушивался к этому многоголосому базару. Волновался. И вдруг пропал. Искали его несколько дней. У со-

седей спрашивали – никто не видел. Все, нет петуха!

...Солнечное весеннее утро. Мы на кухне с сестрой домовничаем. В печи гудит огонь. Я чищу картошку, обед готовить собираюсь. Сестра моет посуду после завтрака. И меня вдруг охватывает странное чувство: все это уже происходило. Сегодня. Светило солнце, топилась печь. Я картошку чистила, сестра посуду мыла... Точно, сон! Это все мне сегодня снилось!

Рассказываю сон сестре, удивляясь, как точно все совпало. Но главное, что сон был цветным. А заканчивался он тем, что в окно я увидела нашего петуха, бегущего домой по огороду. Выглядываю в окно и... изумленно замолкаю. По огороду, действительно, бежит домой наш петух!

От нереальности происходящего мы долго не могли прийти в себя. Да и до сих пор удивляемся, хотя прошло уже более сорока лет. А такие яркие цветные сны мне с той поры больше не снились.

Оля. У нее за спиной наш дом на «43-м пикете», 1982 год. Через 5 лет дом снесут

ДОСТИЖЕНИЯ

Началась новая эра в нашей жизни. Как в сказке про бедных сирот. Злая мачеха выгнала их из дома, и они, разутые, раздетые, голодные, пошли куда глаза глядят. Но добро побеждает зло, и у этой сказки счастливый конец.

В 1972 году пошла я работать на машзавод. В 1978-м за добросовестный труд удостоилась звания ударника коммунистического труда. В 1980 году была избрана депутатом городского Совета народных депутатов. В 1996-м мне выдали свидетельство ветерана труда объединения.

Оля окончила техникум и работала на заводе инженером в отделе ИПР. Надо было видеть изумление на лицах наших старых знакомых, когда они узнавали о наших успехах.

После смерти мамы, когда жизнь наша стала скатываться на дно, я никогда никому не жаловалась и ни о чем не просила. Хотя окружающие, конечно, видели, в каком мы положении. Многие сочувствовали, но некоторые стали относиться с презрением. Это было так унижительно!

Но я выкарабкалась из этой ситуации. Наградой мне были изумленные лица: «Ты депутат городского совета?!» Не оправдала я чьих-то ожиданий, уж извините. По логике вещей должна была стать бомжом или бродяжкой. Но наставления родителей – держаться стойко – не пропали даром.

Слоняясь по родственникам в поисках ночлега, мечтала я о собственной квартире и машине. Чувствуя себя одинокой и неприкаянной, мечтала о большой дружной семье. Работая на штамповке слесарем, в мазутной робе и брезентовых верхонках, мечтала работать секретарем в красивой блузке и с маникюром. А еще мы с сестрой Тamarой мечтали работать медрегистраторами. И, как ни странно, все мечты сбылись! После многолетней тяжелой работы штамповщицей мне вдруг предложили должность секретаря. Пришлось в срочном порядке самостоятельно осваивать печатную машинку. Удивляя при этом начальников грамотно напечатанными документами.

На зависть дамам из бухгалтерии и других отделов ИТР, я с упоением стала демонстрировать свои наряды, пошитые для меня старшей дочерью. Но как непросто все досталось! Изнурительная, неженская работа на штамповке по-

дорвала здоровье. К тому же по возвращении домой мне еще приходилось брать коромысло, ведра и идти по воду. Потом ведра с углем, золой, помоями... Уставала так, что уже не понимала – это просто нет сил или я заболела?

Пришлось поработать не только секретарем и медрегистратором. Для пивзавода пустую тару принимала, стояла целыми днями зимой на морозе. Грузила в машину ящики с пустыми бутылками и разгружала. В ларьке на автобусной остановке торговала. Одновременно на двух работах работала – днем в детской поликлинике полы мыла, а ночью в салоне красоты. Никакая работа меня не пугала.

Во времена перестройки крутились как могли! А уж сколько мы с подружкой Tamarой Коноваловой ложек изготовили из отходов импортной нержавеющей стали – и не сосчитать. Приходилось работать тайком от всех, по ночам, в пустом цехе. Вот где страху натерпелись! Потом возили неподъемные сумки в Новосибирск, сдавали ложки в магазин «1000 мелочей». На вырученные деньги покупали еду и обновки для всей семьи, везли все это домой. Сколько всяких приключений было!

На заводе начался развал. Закончилась германская нержавейка, и ложки не из чего стало делать. Нашли другой выход – стали гнать самогон. Тогда это был источник дохода для многих. А вам слабо глухой ночью открыть двери пьяным мужикам, желающим «догнаться»? Но отстреливаться пришлось не от бандитов, а от пьяных ментов. Надеялись они на халяву самогону выпить. Пусть у нас пистолет был всего лишь газовый, мы тогда победили, хотя их было трое. Спасибо зятю Сереге – вовремя на помощь подоспел! И такое было в лихие девяностые...

Как-то раз, когда я уже жила в квартире на Фестивальной, ко мне явились бывшие соседки по «43-му пикету», Люда Айзенберг и Таня Рузайкина: «Люда, можно посмотреть, как ты живешь?» Провела я им экскурсию и с чувством глубокого удовлетворения слушала восторженные восклицания. Позже, уже в разгар перестройки, пришла ко мне и тетя Маруся Рузайкина. Дрожащим голосом попросила горсточку сахара и кусочек хлеба... Я ей собрала в пакет сахара, хлеба, еще чего-то, и она пошла, опустив голову, горестно вздыхая и вытирая слезы. Вот уж не думала она, что жизнь заставит просить кусок хлеба у сирот.

С 2003 года наступил следующий жизненный этап – предпринимательский. Диспетчерская такси и грузоперевозок. Про это надо отдельный роман писать. Приключенческий. Но и эта история давно позади.

Из моей большой семьи рождаются новые семьи: Мякишевы, Климентьевы, Шпаковские. Горжусь своими детьми: они выросли трудолюбивыми и порядочными. Только бы у них в жизни все складывалось благополучно!

ЭПИЛОГ

В благоустроенной квартире я мечтала жить с детства. Мечта сбылась в 1986 году, и почти 25 лет я наслаждалась городским комфортом. Как вдруг мне опять захотелось в частный дом. Родительский, тот, где мы жили на «43-м пикете», снесли еще в 1987 году. Долго я искала подходящий дом и нашла опять на окраине. Мы продали квартиру и поселились ближе к природе.

Город далек от туманных рассветов, от крика петухов и пьянящего аромата ночных фиалок. Богатый жизненный опыт помог мне совместить комфорт городской квартиры с деревенскими прелестями природы. Уже не надо самой топить печь (здесь центральное отопление), но можно смотреть морозными вечерами, как на соседней улице вьется дымок из печных труб, и чувствовать такой знакомый с детства запах... Можно гулять по траве среди цветов или тихим вечером

выйти с кружечкой чая на любимое крыльцо и любоваться закатом. Летом по ночам в открытое окно слышны трели соловья, а по утрам орут соседские петухи. Дом охраняет миниатюрная, но свирепая собачка Лиза. Ее многие боятся, а мне смешно: вы Арапа не видели...

Теперь нет таких буранов, как в моем детстве. Метели и те случаются нечасто. Не заносит дома и даже заборы. Сугробы малы и в снежные зимы. Все меняется – в том числе и природа.

Уходят из жизни близкие люди. Давно нет родителей и бабушек. Ушли тети и даже сестра Тамара. И подруги Галки уже нет на этом свете.

Коромысло стало экзотикой, как и стиральная доска. Вместо кадок с капустой и огурцами стоят в погребе рядами стеклянные банки. Когда топим баню, я слушаю треск поленьев в печи и вспоминаю «43-й пикет». Как сейчас перед глазами: наша любимая баба Поля строгаёт лучины, чтобы растопить печь...

Вспоминаются не только ушедшие люди, родной дом снится нам с сестрой до сих пор. На том месте давно многоэтажные дома. Огромный машиностроительный завод, когда-то орденоносный, стал банкротом. Да что там завод! Нет даже страны, в которой родились, выросли и жили счастливо, несмотря ни на что, наши родители и мы.

г. Юрга

**Наталья
БОГДАНОВА**

ТАЙГА – МАЛАЯ РОДИНА ВЛАДИМИРА ЧИВИЛИХИНА *

Владимир Чивилихин сделал все, что мог, и даже много больше, чем мог один человек. Ему упрекнуть себя не в чем. Имя его навсегда занесено в святцы отеческого служения.

Валентин Распутин

Славу любого учебного заведения составляют его выпускники. Среди выпускников Тайгинского техникума железнодорожного транспорта (с 2007 года – института) – герои труда и кавалеры боевых орденов, руководители структурных подразделений ОАО «РЖД» и общественные деятели, лауреаты государственных премий и крупные ученые. Но даже среди них Владимир Чивилихин занимает особое место. И это неудивительно: Владимир Алексеевич был не только талантливым писателем, самобытным историком, действенным экологом, который «навечно обрел себя на заботы о лесе», но и яркой, неординарной личностью.

Литературный критик, поэт Станислав Куняев так сказал о Чивилихине: «Писателем он стал, выбившись из полной бедности, нищеты, безотцовщины. Борьба за кусок хлеба, за крышу над головой, за одежду и обувь была для него обычным и необходимым делом всю первую половину жизни. Поистине горьковский, народный путь в литературу...».

Родился Владимир Чивилихин 7 марта 1928 года в Мариинске, но уже через год его семья переехала в Тайгу и поселилась в маленьком домике, что стоял на перекрестке улицы Максима Горького и Пожарного переулка (ул. Горького, дом 41). Здесь будущий писатель прожил 18 лет. Здесь он набирался житейского опыта, получил трудовую закалку, формировался как личность, начал оттачивать свой литературный талант, поэтому именно Тайгу «числил своей родиной».

* По материалам музея Тайгинского института железнодорожного транспорта.

«Мои первые и самые свежие детские впечатления были связаны с железной дорогой, – вспоминал В. Чивилихин. – Я жил тогда на станции Тайга в окружении людей, которые принадлежали к славному коллективу железнодорожников. Хорошо помню отца, который возвращался после поездки домой (он работал главным кондуктором на товарных поездах). Помню, как, обнимая его, я чувствовал неистребимый запах паровозного дымка, который хранила его спецовка. Шумы и звуки дороги до сих пор живут в моей душе...»

Среди наших первых детских игр была игра в поезда, и мы, ребята, не научившись еще как следует выговаривать слова, уже спорили, кто будет машинистом, а кто кондуктором...»

Первым словом, прочитанным Володей самостоятельно, было слово «Гудок» – название газеты, которую выписывал отец. В семь лет он пошел учиться в школу № 2 и сразу пристрастился к чтению. «Я пожираю глазами все буквенное: газеты, отрывные календари, бабкину Библию, школьные учебники за любой класс, книги и старинные журналы», – вспоминал Владимир Алексеевич.

В 1937 году его отец, Алексей Иванович, трагически погиб на работе под колесами паровоза на станции Анжерской, и главным мужчиной в доме, первым помощником матери пришлось стать девятилетнему Володе. Семья оказалась на грани нищеты. Особенно трудно стало, когда началась война. «Осенью 1941 года... нас было девять ртов, и среди них я – единственный мужик, тринадцати лет», – вспоминал Владимир Чивилихин.

На попечении его мамы Аграфены Тихоновны находились трое несовершеннолетних детей, старшая дочь с двумя малолетними детьми, бабушка и приемная девочка-сиротка. Мать, не имеющая никакого образования, стирала белье на железнодорожной станции, старшая дочь Мария работала медсестрой, и их заработков не хватало даже на самое необходимое. Бедность была удручающей.

В 1942 году Володя успешно окончил семь классов. Но вопрос о продолжении учебы даже не рассматривался: нужно было помогать матери кормить семью. И он устроился работать учеником слесаря в паровозное депо. Однажды, когда он, шатающийся от усталости и голода, возвращался с работы, его встретила школьная учительница Раиса Васильевна Елкина. Под проливным дождем она дошла с Володей до его дома и смогла убедить Аграфену Тихоновну отдать сына учиться в железнодорожный техникум, который в январе 1942-го был эвакуирован в Тайгу из Харькова. Поскольку семилетку Чивилихин окончил с похвальной грамотой, в техникум его приняли без экзаменов и зачислили в группу № 6 специальности «паровозное хозяйство».

Условия, в которых приходилось заниматься студентам военных лет, были очень тяжелыми. Харьковский техникум (с 1 декабря 1943 года – Тайгинский) располагался в учебном корпусе, принадлежащем технической школе паровозных машинистов. Здесь же разместили и эвакуированный в Тайгу Ленинградский техникум. Это было неприглядное на вид одноэтажное кирпичное здание, в котором находилось всего девять учебных кабинетов и три цеха производственных мастерских.

Для трех образовательных учреждений этих учебных площадей явно не хватало, поэтому заниматься приходилось в две-три смены. Обычно уроки заканчивались в 22 часа 30 минут, а в мастерских они иногда длились до полуночи. В отдельные дни занятия проводились в полумраке, при наличии одной лампы мощностью 40 ватт на весь кабинет (электrolампы берегли, потому что купить их было очень сложно). Здание техникума было настолько холодным, что во время зимних морозов приходилось заниматься в шапках и верхней одежде.

Студенты не имели ни тетрадей, ни чертежных принадлежностей. Многие ребята, в их числе и Володя Чивилихин, конспекты нередко писали на старых книгах или журналах между печатными строчками, а чернила им заменяла разведенная марганцовка. В большом дефиците были и учебники.

В годы войны железнодорожный транспорт военннзировали, поэтому в техникуме была организована круглосуточная караульная служба и устроена гауптвахта.

Так как большинство мужчин находилось на фронте, студентам приходилось заменять их на производственных объектах. Никаких скидок на возраст не делалось. Ребята оказывали помощь железной дороге в ремонте вагонов и паровозов, а также колхозам и совхозам во время посевных и уборочных. Их привлекали к работе в лесу на заготовке дров, к выгрузке из вагонов и складированию угля. Весной и осенью они неделями трудились в подсобном хозяйстве техникума. Однокурсники Чивилихина вспоминали, как по шесть – десять дней подряд лопатами перекапывали землю на огромных картофельных полях. Норма была – не менее двух соток ежедневно. Зимой очень часто вместо занятий студентов отправляли на борьбу со снегом. Трудились в любую погоду, несмотря на то что у многих не было теплой одежды и обуви. Не было ее и у Володи Чивилихина: даже во время морозов он ходил в сапогах и полупальто из шинельного сукна.

Вот как сам Владимир Алексеевич описывал то тяжелое время: «Война запомнилась мне больше работой, чем учебой. Надо было и огород копать, и сено косить, и дрова пилить, и стайку чистить, а техникум куда нас только не «бросал». На снегоборьбу, где мы непременно обмораживались, в шахты Анже-

ро-Судженска – наваливать на ленту уголь, на картошку в подсобное хозяйство, в депо, где мы катали паровозные скаты и тянули дышла. Как тянули, не знаю...»

Помимо изматывающего физического труда, особенно угнетала В. Чивилихина в юности беспросветная бедность. По воспоминаниям друзей, на занятия в техникум будущий писатель ходил в военной гимнастерке с заплатками, а на ногах были шахтерские калоши. О том, в какой крайней нужде находилась их семья, свидетельствует дневник, который Володя начал вести еще в школе, когда ему исполнилось 13 лет. Его записи очень откровенны, самокритичны и воссоздают картину полной нищеты и безысходности.

Своему дневнику он поверял самые сокровенные мысли и переживания:

28.01.1945 г. Вчера был вечер в техникуме, впрочем, о нем мне нечего писать. Не был я... Все собираются, одеваются. Мне же нечего одевать. Сегодня ночью в 5 часов сгрелся – и на поезд в Юргу. Приехал, сходил на базар, купил картошки – назад. Вот эта постоянная забота о куске хлеба как-то воспитывает, чему-то учит – не могу объяснить.

06.10.1945 г. Уже 2 дня не хожу на занятия. Причина незначительная, пустячная и (для многих) смешная – не в чем. Начались холодные ветры, изредка снег, у меня же «костюм» из «чертовой кожи». Ни телогрейки, ни пальто. Когда бежишь из техникума, зубы выбивают дробь и сам дрожишь всем телом, какие усилия ни прикладываешь... Как держаться? Я в среде обеспеченных... И многие хвастаются своими успехами в том или другом отношении. Чувствую, что у меня бы на их месте вышло лучше – и становится горько... Спуску я не дам никому, это знают, и это почти единственный способ оградить себя от насмешек.

14.11.1945 г. Сегодня днем навязалась мысль – просто не находил места, думал о фразе: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно»... Ведь это кричит человек, у которого в жизни действительно было такое мгновенье, до того хороша фраза. Я раздумался о себе. У меня не было такого мгновения – и будет ли?

Отдельные записи в дневнике свидетельствуют о настоящем отчаянии:

19.01.1944 г. Мама плачет. Уж маме-то горше всего... Дома все прахом идет. Сена не хватает, картошка кончается, нет ни у кого ни обуви, ни одежды. Сама в обрывках тряпья ходит. Недоедает, все нам отдает... Мама, сестра и все остальные издегались, измотались от нужды, голода... Изредка плачу, хотя и стыдно плакать парню в шестнадцать лет.

11.03.1946 г. Через три недели начало занятий. Мне абсолютно не в чем идти. Вокруг западни, все рвется, потому что все тонко. Сена нет, и корова еще не отелилась, картошка скоро вся, дров и угля нет,

одеть что-либо нет и денег – тоже нет. Нет, нет и нет. Что делать?

Забота о матери, боль за нее проходят через весь дневник:

27.02.1945 г. Это безропотное, трудолюбивое существо, прожившее всю жизнь без радости и развлечений, как оно свято и драгоценно! Мы бедны, но совесть чиста, и все женщины-соседки частенько приходят к матери поделиться горем и счастьем, она всем найдет слово.

17.10.45 г. Мать! Святое слово. Я посмотрю на свою мать, на ее согбенную спину, на ее опухшие суставы и согнутые пальцы, которым уже никогда не разогнуться. Сколько переработал этот человек! Сколько мало радости он видел! Сейчас одна цель и мысль – дети.

14.01.1946 г. Съездил с мамой за углем. Дорогой потерял душевное равновесие. Встречалось очень много знакомых, смотрели на меня в роли лошади, на мать, которая бежит сзади. Она одета была беднее и хуже любой нищей. Кругом заплата, лохмотья. Я был спокоен, жутко спокоен, но внутри все кипело. Сказал маме, чтобы не помогала, и повез один, выбиваясь из сил, по этой проклятой, еще не торной дороге. Вез так, что во всем теле слышал сердце, его биение и прыганье.

И при этом Володе удается сохранить оптимизм и бодрость духа! В дневнике своей сокурницы Веры Прудниковой 3 апреля 1946 года он оставляет запись: «Несмотря ни на что, Вера, жизнь – самая хорошая штука!»

В техникуме Владимир Чивилихин учился хорошо. На младших курсах особенно любил историю и литературу. Вот как сам он, будучи студентом, оценивал свое отношение к учебе:

08.03.1944 г. У всех почему-то сложилось мнение, что я человек с повышенными способностями и не учусь на «отлично» только потому, что лень, но я же думаю про себя так: способности у меня есть, а не учусь на «5» потому, что не всегда есть настроение учиться, потому что настроение вообще зависит от настроения желудка, которое у меня не всегда нормальное. Затем моя тяга к художественной литературе. На уроках я читаю, в столовке читаю и дома тоже читаю. Время, нужное для уроков, я использую на чтение.

Он начинает тренировать свою волю, заставляет себя больше времени уделять учебной литературе, и в его дневнике появляется такая запись:

26.03.1945 г. За последнее время пятерочником стал, кроме немецкого, по всем – пять. Занимаюсь все время. Так и придется до конца учебы.

Когда Володя учился уже на четвертом курсе, ему даже предложили вести занятия по черчению; правда, от этой заманчивой перспективы он отказался. И по-прежнему главной страстью Чивилихина остава-

лись книги. Об этом свидетельствует и его дневник: он пестрит именами русских и зарубежных авторов, в нем много цитат и рассуждений о прочитанных произведениях. В те годы литература была для Володи не просто увлечением, но и своеобразной отдушиной, спасением от гнетущей действительности. И он это отчетливо понимает:

10.01.1944 г. О книги! Что бы я делал без вас в эти тяжелые дни? Безо всякой задней мысли скажу, что книги поддерживают меня, и крепко поддерживают. Откуда бы я брал бодрость и жизнерадостность?

Алексей Афанасьевич Иванов, который был соседом В. Чивилихина, вспоминал, что нередко видел его читающим книги на улице прямо на ходу. Не только друзей, но иногда и преподавателей Володя поражал своими знаниями. Однажды во время летних сборов в военно-спортивном лагере у него завязалась беседа с начальником штаба майором Бобовичем о прочитанных книгах. Они называли их героев, вспоминали отдельные эпизоды, задавали друг другу вопросы, спорили. Причем обсуждались произведения, не входящие в программу по литературе, на уроках их не изучали! Все, кто присутствовал при том разговоре, были потрясены начитанностью Чивилихина. Книги открывали перед ним целый мир, который ему хотелось не просто объездить и изучить, но и самому описать. И это желание все больше и больше укреплялось в нем. И планы на будущее начали принимать конкретные очертания:

10.11.1945 г. Мечта моя – стать писателем. Это ужасно трудно, это почти недостижимо для меня, провинциального парнишки из захолустного сибирского городка. Я верю, что писать смогу, надо большое хотенье и учиться, учиться. Как было бы хорошо, если бы не было войны. Сейчас я бы уже учился на первом курсе университета...

Но интересы Володи Чивилихина не ограничивались только книгами. Еще обучаясь в школе, он увлекся шахматами. В техникуме решил серьезно заняться этой игрой, потому что считал, что шахматы – это «состязание в уме и выдержке». Он взял в библиотеке «Учебник шахматной игры» Э. Ласкера и начал заниматься по нему самостоятельно. Кроме того, стал посещать занятия шахматного кружка и был выбран его председателем.

Влекла его к себе и музыка, в том числе и классическая:

06.01.1946 г. Пока ужинал, слушал Штрауса – «Сказки Венского леса», «Жизнь артиста» и др. Я немного начинаю понимать музыку.

18.01.1946 г. Сейчас 10 часов. Ложусь. Буду слушать «Хованщину» Мусоргского.

28.01.1946 г. Дожидаюсь передачи: выступление заслуженного артиста Кирикова о Шалагине.

Иногда он обращался к своему однокурснику Евгению Свиридову с просьбой сыграть что-нибудь на баяне. И сам учился играть на гитаре, увлекался игрой на мандолине. На этом инструменте мог исполнить вальс, танго, марш, песню, самостоятельно разучивая их по нотам.

27.11.1945 г. Сегодня разобрал и выучил первую часть вальса «Майский сон» и учу (подается) марш «Привет».

18.01.1946 г. Учил «Амурские волны» – старинный вальс.

Любил Володя и танцы:

18.11.1944 г. Научился танцевать. Танго и фокстрот. Вальс еще плохо.

Но на вечерах в техникуме он танцевал не всегда, о чем пишет с горечью: «Сходил на днях на вечер. Лучше бы не ходил. Одет очень плохо. Танцевать идти стыдно...»

Среди студентов Владимир Чивилихин пользовался авторитетом: его выбрали в состав профкома техникума, в группе у него было еще одно поручение – агитатор. И, кроме того, он являлся постоянным корреспондентом техникумовской газеты «За кадры» – это была «проба пера», полезный опыт в освоении профессии журналиста.

По воспоминаниям его друга Владимира Кривошеина, «в обращении он был прямолинейный, часто с ребятами говорил шутками и остротами, на которые был довольно горазд. Иногда высказывался четверостишиями».

Владимиру Чивилихину всегда было присуще обостренное чувство справедливости. Он не принимал лжи ни в каких проявлениях и не молчал, когда с ним поступали нечестно. Так, 31 декабря 1944 года он пришел на новогодний вечер в техникум. А находящийся там военрук приказал ему отправляться на пост для несения караульной службы. Володя возмутился, так как знал, что по графику должен был дежурить не в новогоднюю ночь, а 2 января, и, кроме того, он уже трижды заступал в караул, в то время как многие другие ребята – ни разу. Несмотря на угрозы военрука отправить его за неподчинение на десять суток на гауптвахту, Володя отказался выполнить это распоряжение, считая его несправедливым. С вечера ему пришлось уйти, праздник был испорчен. Результат этого конфликта отражен в приказе № 475 по Тайгинскому техникуму от 31.12.44 г.: «Параграф 5: Учащемуся 6-й группы Чивилихину В. А. за невыполнение распоряжения о явке в караул арест на 10 суток без исполнения служебных обязанностей». Но даже после этого наказания он не пожалел о своем поступке.

Еще раньше был случай, когда Чивилихин проявил твердость, не побоялся пойти против начальства. Осенью 1943 года администрация обратилась к нему и еще к одному студенту с просьбой перегнать

овец из Тайги до совхоза «Тутальский», где находилось подсобное хозяйство техникума. За это им обещали выдать картофель, и ребята согласились. Дело было трудное: до совхоза почти 70 километров, дорога шла рядом с железнодорожными путями, овцы разбегались, но в итоге задание студенты выполнили. Однако картофеля им выписали намного меньше обещанного, и когда Володя узнал об этом, вообще отказался его получать. После такого протеста картофель был выдан в полном объеме.

Чивилихин всегда был очень упорным в достижении своих целей. Владимир Кривошеин вспоминал: «У нас в группе только Толя Шевкунов умел «крутить солнце» на турнике, так Володя решил тоже научиться выполнять это гимнастическое упражнение во что бы то ни стало. Тренировался, несмотря на недоедание, переутомление. И научился! Таким он был во всем».

Еще до производственной практики на железной дороге Чивилихин начал совершенствовать свою физическую подготовку: принес домой кусок рельса килограммов на 25 и научился выжимать его одной рукой. Вскоре он уже поднимал 45 килограммов правой рукой и приседал с двухпудовой гирей. Кроме того, он стал посещать секцию штангистов, иногда занимался боксом и с удовольствием ходил на лыжах. Очень любил лыжные прогулки в зимний лес, красоту которого затем поэтично описывал в своем дневнике.

151 В 1945 году Владимир был на практике на паровозоремонтном заводе в Красноярске. Часто вместе с друзьями ходил купаться на Енисей и не раз переплывал его. Это вызывало уважение однокурсников: далеко не каждый мог решиться на такой смелый поступок.

Производственную практику в паровозном депо Тайги Чивилихин проходил в качестве кочегара. Вот где пригодилась физическая закалка! Во время поездок в тендере работать приходилось не только лопатой, но и ломом, кувалдой и просто руками. Угольная пыль забивала нос, глаза, уши. Иногда не было никакой возможности передохнуть. Однажды он оказался на волосок от смерти: его чуть не засыпало. Владимир разбивал большие куски угля и не заметил, как ковш подъемного крана уже навис над ним, чтобы высыпать топливо в тендер. Увидев его в последнее мгновение, успел выскочить, но при этом попал под струю горячего пара и получил сильный ожог ноги.

30 июня 1946 года Чивилихин сдал в техникуме последний государственный экзамен. Теперь у него была специальность техника-механика паровозного хозяйства и направление на Южно-Уральскую железную дорогу в депо Троицка. Там его назначили техником паровозного цеха. Затем была работа в Чернигове, далее – на станции Узловой Московской железной

дороги. И наконец – Москва! Мечта осуществилась. Владимир Чивилихин стал студентом филологического факультета МГУ.

Но Сибирь навсегда осталась для него особым местом, связь с земляками Владимир Алексеевич поддерживал всю свою жизнь. Он писал: «Осенью птицы улетают на юг, в теплые края, а меня почему-то тянет на восток, в Сибирь. Вначале я думал, что это обыкновенная ностальгия, тоска по родимым местам, однако друзья придумали для моей болезни другое название – «сибирка».

Учась в Московском университете, вместе с письмом Владимиру Кривошеину Чивилихин прислал стихотворение под названием «Песнь о Сибири». Началось оно такими словами:

*Я тоскую по родине вьюжной,
По далеким сибирским лесам,
По глубоким снегам, по высоким стогам,
Я тоскую по родине вьюжной...*

При встречах с однокурсниками Владимир Алексеевич всегда с теплотой вспоминал годы учебы. Так, в 1957 году в дневнике Веры Прудниковой появилась его новая запись: «Сейчас мы другие, время другое, но как это было бы здорово, если бы в нас осталась хоть маленькая частичка того, что в нас было».

6 декабря 1968 года Тайгинский техникум железнодорожного транспорта отмечал свое 25-летие. На юбилей прилетел и Владимир Чивилихин, ставший уже известным журналистом и писателем. Его выступление вызвало особый интерес у всех собравшихся. Директором техникума в то время являлся Николай Павлович Смирнов, бывший староста их группы № 6. После торжественного собрания и вечера В. А. Чивилихин долго общался с друзьями. Они говорили о делах, о жизни, и Н. П. Смирнов посетовал, что уже не один год затягивается решение вопроса о строительстве нового корпуса техникума, хотя все понимают, что старое здание слишком мало и совсем обветшало. Владимир Чивилихин не мог остаться безучастным к судьбе родного учебного заведения. 28 января 1969 года в газете «Комсомольская правда» была опубликована его статья «Дорогая экономия», в которой он описал положение дел в техникуме и остро поставил перед Министерством путей сообщения вопрос о необходимости постройки в Тайге нового здания. Эта статья сыграла свою роль. Техникум наконец включили в план строительства, и уже 15 августа того же года был заложен первый блок фундамента нового корпуса.

Живя в Москве, Владимир Алексеевич по сути своей оставался сибиряком и всей душой был предан земле, на которой вырос. Он любил Сибирь, кропотливо изучал ее историю и культуру, прославлял в своих книгах ее людей и природу. Очень достоверно описы-

вает он Сибирь и старую Тайгу в повести «Про Клаву Иванову», в романе-эссе «Память» и других произведениях. Огромный материал о строительстве Транссибирской магистрали был собран им для романа «Дорога» (который, к сожалению, не был окончен).

Приезжая в Тайгу, знаменитый писатель запросто общался с друзьями и соседями, искренне интересовался их жизнью, помогал в решении проблем. Он по-прежнему оставался добрым, чутким и душевно щедрым человеком, трепетно относился к тем, кто его окружал.

Как вспоминал Владимир Кривошеин, в 1974 году Владимир Алексеевич обратился к нему с просьбой: «У меня к тебе, Володя, такое дело. Ты, конечно, помнишь нашу учительницу во 2-й школе Раису Васильевну Елкину, эвакуированную из Ленинграда. 24 мая она дает последний урок и уходит на пенсию. Я ее не видел 30 лет и, очевидно, съезжу на это событие. Не мог бы ты к этому сроку, 24 мая, послать телеграмму соответствующую по адресу: Ленинград, Ждановский район, школа 47, Дударевой Раисе Васильевне».

В этом – весь Чивилихин! Он ценил настоящих друзей и умел быть благодарным.

Н. В. Гоголь, обращаясь к своим собратьям по перу, советовал: «Писатель земли русской! Прежде, чем браться за перо, воспитай в себе гражданина. Иначе все будет невпопад...» У Владимира Чивилихина все было «впопад», в яблочко, потому что он всегда был честен, трудолюбив и совестлив, любил свою Родину и хранил чистоту великой русской литературы.

Как же верно сказал о нем академик РАСХН Николай Моисеев: «Если бы он был жив сегодня, когда страна и ее народ переживают не лучшие времена, то он, без сомнения, не мелькал бы в ряду тех «звезд» сомнительной культуры, напоминающей «шабаш на Лысой горе», а был бы в первых рядах тех, кто отстаивает и воспекает идеалы национальной культуры как основы жизни, благополучия и процветания своего народа».

Труды Владимира Чивилихина получили достойную оценку: он лауреат двух государственных премий, лауреат премии Ленинского комсомола, награжден орденами и медалями. Но главная его награда – это наша память.

В Тайгинском институте железнодорожного транспорта имя Владимира Алексеевича хорошо известно. С его жизнью и творчеством студенты знакомятся на уроках литературы, на классных часах. По его произведениям проводятся читательские конференции. В музее и библиотеке института о нем собран разнообразный богатый материал, оформляются выставки. Лучшие студенты института получают именную стипендию В. А. Чивилихина. «Добропамять», к которой он призывал, живет в наших сердцах.

г. Тайга

Дорогой Виктор Степанович! Сердечно поздравляем Вас, многолетнего члена редколлегии журнала, с 70-летием, желаем крепкого здоровья и творческого долголетия на радость читателям, друзьям, родным и близким!

Виктор АРНАУТОВ

ПАРАДОКСЫ СОВПАДЕНИЙ, или МИР ТЕСЕН*

Меня давно уже мучает, не дает покоя... сослагательное наклонение. Что было бы, если бы не Господин Великий Случай? Как из хаоса и случайностей получается некая системная упорядоченность? Случайная закономерность или закономерная случайность? А ведь вся наша жизнь, да и практически всего сущего, подчинена этому.

С давних пор, с детства или ранней юности, меня волновал вопрос: ну как это два разных человека, мужчина и женщина, вдруг становятся мужем и женой? Как возникает между ними любовь и взаимосимпатии? Как они находят друг друга? Вдруг, ни с того и ни с сего? Или все же...

Кто-то жил рядом, не обращая особого (или даже никакого) внимания, и вот на тебе: слюбились, стали мужем и женой. А от этой любви родились дети, да не просто абстрактные человечки, а конкретные: скажем, Витя, Вова, Таня, Рая... А если бы не встретились их родители, а нашли бы себе иную пару? Где бы были эти конкретные Витя, Вова, Таня и Рая? Ведь их бы вообще на свете не было, а жили бы совершенно другие люди!

И так ведь – со всем человечеством! Не сойдись на перепутье двое – и уже не было бы от них конкретных потомков. А у их потомков, допустим, того же Вити, не было бы детей Ярославы и Насти, внуков Николки и Алены, а могли бы быть абсолютно другие дети и внуки, как и у Вовы не было бы Алеши и Лены, а от Лены – внуков Маши и Насти, от Алеши – Сонечки и Степашки...

Что и говорить – мир тесен!

И так ли уж все происходит спонтанно или Кто-то все же руководит этой упорядоченностью?

На нашей грешной планете в данное время проживает более семи миллиардов человек, совершенно разных индивидов. А ведь не будь этого самого Господина Великого Случая, все эти семь миллиардов конкретных людей могли бы быть абсолютно иными! И все у них могло бы быть совершенно иным...

И я осознаю, что вполне могло случиться так, что меня вообще бы не существовало. А если бы и существовал, то жизнь моя могла бы уже давно и неоднократно прерваться... Кто-то же меня хранит уже 70 лет! Кто-то ведет по жизни! И сколько еще длиться такому моему случайному (или все же закономерному) бытию?

Парадоксы, парадоксы...

Как там у нашего классика Александра Сергеевича: «И гений, парадоксов друг»?

Вот и попробую я изобразить здесь несколько таких гениальных парадоксальных или закономерных случайностей.

Начну с родителей – мамы Евдокии и отца Степана.

Мама родилась в 1932 году в семье раскулаченных. Еще в 1930-м семью сослали из нынешней Новосибирской области в Нарымский край, под опеку Пудинской спецкомендатуры. Места эти были глухими, практически незаселенными, отрезанными бездорожьем и непроходимыми просторами Васюганских болот. На территории Пудинской спецкомендатуры, размером в четверть всего Кузбасса, как черт репу насеял, было разбросано с десятков стойбищ полуседлых охотников-аборигенов или беженцев-староверов.

Сюда-то и решила советская власть первоначально сослать на выживание неугодных ей трудяг-крестьян. Помимо Пудинской, в печально известный Нарымский округ входило еще с пяток спецкомендатур.

Лет шесть назад в составе кузбасской делегации писателей и бывших сотрудников милиции мне довелось побывать в Томске на Дне памяти жертв политических репрессий. В центре города есть мемориальный комплекс: ухоженный сквер и музей «Следственная тюрьма НКВД». От тюрьмы впечатлительное жуткое! В одном из залов этого музея, прямо на полу, изображена карта Пудинской спецкомендатуры. Я сфотографировал ее, а дома подсчитал, сколько на ней было населенных пунктов, образованных «на голой кочке» ссыльными. Оказалось, 63! Теперь из них осталось лишь семь, в том числе Пудино, Калининский, Останино, Лушиково. А тогда Пудинская спецкомендатура насчитывала порядка десяти тысяч сосланных правлишенцев, сначала из ближайших регионов Сибири, а потом уже и со всего СССР. Случай? Еще какой!

* Журнальный вариант.

Только в одном моем родном Красном Яру (находился в двенадцати километрах от Пудина) в середине 50-х годов было примерно 50 дворов ссыльных. И в них проживали люди аж десяти национальностей: русские, украинцы, белорусы, молдаване, болгары, поляки, евреи, греки, латыши, литовцы.

Как я отметил прежде, мама наша родилась уже в ссылке, в четырех километрах от райцентра (и комендатуры) Пудино. Родилась двойней. Вскоре ее мать (а моя бабушка Степанида) умерла от цинги. И ее отец (а мой дед Абакум) решил отдать одну из малолетних девочек (Дусю) хорошим бездетным знакомым Ивановым – Якову Андреевичу и Анастасии Ивановне, тоже сосланным из их же местности. Так и прижилась наша мама в этой приемной семье в Красном Яре, изредка видясь со старшим братом Сашей и сестрой-близняшкой Валей, жившими в Калининске.

Мой отец (и будущий мамин муж) Степан родился в 1927 году в семье обрусевших болгар далеко от Сибири – в теплой и солнечной Бессарабии, в селе Владичень Измаильской области. Через неширокий лиман, напротив, располагался городок Болград, где в двухэтажном кирпичном доме жил чиновник городской управы Павел Манолов. Тогда эта часть Бессарабии относилась к Румынии. Похоже, Степан никогда и не задумывался над тем, что где-то в холодной Сибири уже создан «рай» для ссыльных – Нарымский. Да и его родители – отставной военный Федор Афанасьевич и учительница гимназии Прасковья Павловна, урожденная Манолова, – даже представить не могли, как круто изменится вскоре их жизнь...

В 1940 году (по пакту Молотова – Риббентропа) Бессарабия вернулась в состав СССР и административно относилась уже к Одесской области Украины. Отца Степана, Федора Афанасьевича, накануне большой войны, 12 июня 1941 года, арестовали, припомнив ему службу у Деникина (а он был потом и в рядах армии Тухачевского, попал в польский плен), регулярные военные сборы офицеров-резервистов у румын и принадлежность к либеральной партии. Короче, весь набор антисоветчика. И тут же скорым судом осудили по статье 58.4. А далее – сталинские лагеря на Северном Урале, в Ивдельлаге – рядом с гиблым мистическим местом, которое позднее получило название перевал Дятлова... И ладно бы он был наказан – будто даже «по заслугам»; а как же: воевал против красных, потом был «мироедом», имея во Владичени на берегу лимана два гектара виноградников и собственный саманный дом. Однако советской власти покарать одного Федора показалось маловато. А жена-то его кто? Интеллигентка, бывшая учительница физики и математики в гимназии? А муж да жена – одна сатана! Значит, и ее – пусть не в лагерь, так на бессрочное поселение в Сибирь! Куда ж еще?

Суд Одесской опертройки состоялся уже 13 июня 1941 года. И Прасковья Павловна вместе с двумя сыновьями – шестнадцатилетним Анатолием и четырнадцатилетним Степаном – с клеймом социально опасных элементов, лишённые гражданских прав, отправились на спецпоселение, безвыездно в Нарымский край. На сборы, с минимумом одежды и утвари, им отвели всего несколько часов. И никаких апелляций с обжалованиями.

К голодной зиме военного 1941 года оказались они в Красном Яру – заболотной деревушке Пудинской спецкомендатуры Нарымского округа. На зиму приютила их в бане по-черному семья Ивановых с приемной дочерью Дусей. Так и пересеклись пути Евдокии и Степана. Но это было только еще начало... Между ними возрастная разница в пять лет. А поди ж ты – со временем слюбились, дело дошло до свадьбы. И в 19 лет у мамы появился первенец, то есть я. А следом еще трое, едва ли не погодками. Так что в 24 года у мамы было нас уже четверо! Как она потом шутила: родила четверых за одну пятилетку!

И понеслись цепи случайностей, сначала общие для всех четверых, а потом уже у каждого и по отдельности.

Гражданского союза-брака между мамой и отцом (а таковым и было их сожителство, пока не родилась младшая Рая и они не зарегистрировались официально) могло и вообще не быть.

757 Дело в том, что мама наша еще в подростковом возрасте несколько раз чуть не погибла. Кажется, году в 1947-м их группой из пяти человек обязали сопровождать (гнать) гурт скотины до самого Томска. А это – по бездорожью – километров восемьсот, не меньше. Попутно – еще и пасти этих коров, телят, овец, чтобы был привес на сдаче. Не имея хорошей обуви и одежды, ночуя где придется, мама простудилась и практически обезножела, не могла уже идти самостоятельно. Вот ее и оставили поправить здоровье на попечении добрых людей в одной из попутных деревушек. Оклемавшись с Божьей помощью. И, кстати, уже там, в той деревушке, ей предлагали остаться жить и работать, подыскав и жениха.

Однако мамой будто кто руководил. Она решила пойти вдогонку за своими. Одна, по бездорожью, без спичек и нормальной еды. Ведь могла же и вообще остаться навеки где-нибудь в урмане, заболел повторно...

Был, был и у нее свой ангел-хранитель. Не дал сгинуть. Почти три месяца длилась эта борьба за выживание. Догнала своих уже едва ли не в Томске.

А из Томска ее дядя Кеша (младший брат родного отца), учившийся в то время в партшколе, отправил поездом в Новосибирск, к брату Александру. И могла ведь она и в Новосибирске остаться, получить

паспорт, прописаться, устроиться на работу. Выйти замуж за кого угодно...

Могла мама расстаться с жизнью и на обратном пути, когда ранней весной возвращалась домой в Красный Яр, сбилась с пути в заснеженном болоте и осталась на ночь без крова и огня... Очень даже могла. И не было бы тогда никакого семейного союза со Степаном. И все мы четверо просто-напросто и на свет бы не появились. И никто бы о нас не знал, как и мы друг друга...

А случайность ли, что отец наш, пойдя на Пасху с напарником в лес заготавливать дрова, попал под рухнувшую березу? Напарник остался живым, а отца через два дня, на 1 мая 1965 года, не стало...

Я часто думаю о том, что, останься отец в живых, и у всех нас могла сложиться совершенно иная судьба. Ну, к примеру, могла наша семья уже через год-другой уехать в Молдавию (бывшую Бессарабию), куда отец намеревался вернуться. Как это сделал его старший брат Анатолий, переехав с семьей (матерью Прасковьей, женой Натальей и тремя детьми) из ссыльного Пудина еще в 1961 году.

Увы и ах... А может, все и к лучшему...

А мама наша до сих пор жива, отметив в марте 2020 года свое 88-летие. И живет на своей малой родине: помотавшись по Сибири (Куйтун, Томск, Новокузнецк, Красноярск, Кемерово), вернулась в свой первородный Калининский...

Еще парадокс и цепь случайностей. **С братом моим младшим Володей.**

Будучи моложе меня на полтора года и окончив Пудинскую среднюю школу двумя годами позднее, не без моей рекомендации поступил он на режиссерское отделение того же института, где и я учился, – Кемеровского института культуры. Так что еще на полгода (осенью-зимой 1970/1971) была у нас с ним почти одна и та же путь-дорожка. Правда, учились мы на разных факультетах, но жили в одной комнате студенческого общежития.

А далее – парадоксы судьбы. По крайней мере, для него.

Была в то время в институтах, подобных нашему, на творческих специальностях не очень добрая практика: набирать студентов с запасом. То есть для последующей «выбраковки» не справившихся, по мнению преподавателей, с учебной программой. Вот и попал мой брат к такому руководителю курса по специальности, который не усмотрел в нем задатков будущего режиссера самодеятельного театра. (А вообще к концу учебного года этот «педагог» освободился от половины их группы, оставив на курсе всего 17 человек из 35.) Только один семестр и проучился Володя в этом институте...

Зато был потом и автодорожный техникум, и строительный институт в Томске, и работа на руководящих должностях дорожно-строительных организаций в Иркутской области и Красноярском крае...

А после отчисления из Кемеровского института культуры вернулся Володя домой, к маме. Засел за руль колесного трактора «Беларусь» (благо школа вместе с аттестатом зрелости выдавала и удостоверение «тракториста-машиниста широкого профиля») и проработал в совхозе «Пудинский» до весеннего призыва в армию.

А вот тут-то и поджидал его поразительный, парадоксальный случай!

Призвали Володю на службу в ряды СА из мест ссылки нашего отца, Пудино, да в десантные войска. И куда бы вы думали? В тот самый городок Болград – откуда были высланы наша бабушка Прасковья Павловна с сыновьями Анатолием и Степаном!

И смотрел наш Володя едва ли не из окон казармы и КПП своей части (воздушно-десантного полка Свирской дивизии) на двухэтажный кирпичный дом своего прадеда – Павла Манолова. А через лиман, во Владичени, все еще стоял дом деда Федора, сгнувшегося в 1942 году в Ивдельлаге и реабилитированного впоследствии за отсутствием состава преступления.

И жил еще во Владичени младший брат деда Федора – чичо Ваня со своей женой Дорой и сыном Михаилом.

И ходил Володя по тем же самым улочкам Болграда, как некогда хаживали наши прадед, дед с бабушкой, наш отец со своим братом... И любовался в умилении на ту самую церковь, в которой венчались в 1923 году Федор Афанасьевич Арнаутов и Прасковья Павловна Манолова. И бегал в самоволку на богатейший болгарский рынок («Привоз», как и в Одессе), покупая там дешевые жерделы, жареные семечки или пропуская втихушку стаканчик самодельного терпкого вина каберне...

А бывая во Владичени у гостеприимного чичо Вани, дегустировал его вино с фамильными секретами, хранящееся в восьми 350-литровых дубовых бочках... Случалось, ездил он в увольнения и к дяде Анатолию, что жил в своем уже доме в городке Вулканешты в восемнадцати километрах от Болграда.

Такие вот изгибы судьбы, совпадения и перекрестья.

И это лишь одно из многочисленных доказательств, что мир тесен.

Теперь о себе любимом...

Опустим цепь случайностей из детства и школьных лет, когда мог (да не случилось) и утонуть неоднократно, и разбиться при падении с кедра, и быть застреленным из отцовского ружья...

Хотя на ружье, пожалуй, коротко остановлюсь.

А было так. Отец очень любил охотиться, благо дичи в то время в наших местах водилось предостаточно. Обычно он охотился с тозовкой – мелкокалиберной винтовкой. А тут откуда-то у него появилось гладкоствольное ружье. Однажды он пришел с охоты и забыл его разрядить. А собираясь в очередной раз поохотиться, занес это ружье в избу почистить ствол. Мне было уже лет шесть, я сидел за столом на лавке, у окошка. И отец решил прицелиться на свет окна, взведя курок ружья. Так случайно я и попал в прицел. Еще секунда – и точно не остался бы в живых. Но, видать, и впрямь есть у меня ангел-хранитель! Он-то и отвел ствол ружья в сторону, на 90 градусов. Раздался оглушающий выстрел – в стену. Посыпалась штукатурка из вывороченной зарядом дыры размером в кулак... Как же перепугались все мы, находящиеся в то время в избе! И сколько было потом брани в адрес отца со стороны мамы и бабушки! Да он и сам, наверное, переживал больше всех.

Еще о ружье. В пору детства было у меня два дружка. У одного из них оказалась тозовка старшего брата-геолога, нелепо погибшего в экспедиции. Пошли эти мои дружки зимой на охоту. И уж не знаю как, но дошло там у них до того, что младший согласился встать под выстрел. Не в него самого, а в шапку, что была на его голове. А у старшего, хозяина винтовки, хватило ума и смелости выстрелить. В шапку-то он попал, да только пуля царапнула и кожу на голове «мишени». Случайность? Повезло обоим, что младший не погиб? Может, и так... Да только стрелявший лет через восемь сам себе приговор привел в исполнение: повесился. А «мишень» живет до сих пор, хотя тоже имел много возможностей покинуть этот мир...

Помню еще и такое, когда мне было всего лет пять-шесть. В самом конце лета или начале осени. Был сильный урожай шишек на кедрах. Вот отец и взял меня с собой за шишками. И недалеко совсем. Переплыли мы на обласке речку Чузик. Метрах в двухстах от берега стояла кедра (это дерево у нас называли исключительно в женском роде), усыпанная крупными, созревшими уже шишками. Я шел за отцом, продираясь по зарослям колючих кустарников и крапивы. Мало того, появилось полчище комаров. Они нещадно кусали меня, и я хныкал. Тогда отец, перед тем как лезть на дерево, посадил меня в мешок, который мы взяли под шишки, наглухо завязал его сверху и поставил под кедр.

Уже потом он рассказывал мне, что сначала сбивал шишки с нижних сучьев, а потом взобрался на самую верхушку, где плоды всегда бывают самыми крупными. Кедр, как известно, дерево хрупкое. Вот и обломилась верхушка под тяжестью отца. И того

лишь чудо спасло: мог упасть и разбиться насмерть... И что бы тогда случилось со мною, сидевшим в завязанном мешке?

Или вот еще случай. Тоже с отцом.

Когда мне исполнилось десять лет, родители переехали из Красного Яра поближе к Пудину, в Калининский. А бабушка все не хотела расставаться со своим обжитым местом и домом. И мы, ребячню, обычно все лето проводили у нее. Отец и особенно мама частенько наведывались в Красный Яр. Однажды в конце лета отец посетил Красный Яр по делам работы: он тогда был бригадиром в Калининском отделении совхоза «Пудинский», куда входили и фермы с полями Красного Яра. Да припозднился.

Туда он приехал на своем велосипеде, у которого я, пока отец находился в избе бабушки, умудрился сломать раму. Ехать на нем обратно, естественно, отец не мог. До Калининска от Красного Яра было восемь километров. Пешком идти далековато. Вот он и договорился с трактористами, работавшими в Красном Яру на силосовании, что после смены они возьмут его к себе в кабину и отвезут домой. Кабина в тракторе «Беларусь» маленькая, не рассчитанная на пассажиров. Ну, двое еще куда ни шло, а втроем совсем тесно. Мало того, как на грех, подвернулась трактористам и еще одна попутчица – молодая вдовушка. Вот те и оказали ей предпочтение. Пришлось отцу остаться ночевать в Красном Яру. К тому же начался сильный ливень.

А когда наутро отец все же пешком подался обратно, неподалеку от своей деревни, в омутке речки Первая Николка увидел такое, что волосы поднялись дыбом! Вверх колесами в воде лежал трактор со сплюсненной кабиной. И все люди, находившиеся в ней, были раздавлены... Трактор тот, потеряв управление, юзом скатился с расквашенной ливнем глинистой дороги и перевернулся, погребя под собой всех троих...

А теперь, нагнав жути, перейду к более мажорному. Но все к той же нескончаемой цепи случайностей.

В старших классах меня особенно стала занимать история. И к окончанию школы у меня не было сомнений в выборе, кем стать. Конечно же, историком. Точные науки и техника меня совершенно не интересовали. В медицину мне идти было противопоказано, поскольку с детства я всегда боялся крови и одного только вида открытых ран. Стать агрономом или иным работником сельского хозяйства, с ранних лет имея перед глазами пример отца, я не хотел: это что же, всю жизнь «быкам хвосты крутить»? О преподавании литературы, а тем более о литературном труде я и помыслить не мог, считая, что это – удел небожителей.

Итак – история, или загадочная археология.

Поступить я хотел на исторический факультет Новосибирского педагогического института. В Новосибирске жил и работал мамин старший брат, и это тоже повлияло на выбор. А поскольку память у меня в то время была весьма цепкая и школьный предмет история был любимым, о каком-то провале на вступительных экзаменах не могло быть и речи. Тем не менее я не позволял себе расслабиться и, живя в Новосибирске у дяди Саши в однокомнатной коммунальной квартире, готовился к экзаменам весьма серьезно.

Первым был экзамен по истории. Члены приемной комиссии не требовали от абитуриентов знаний, выходящих за пределы школьной программы. И это первое испытание я прошел с успехом и оценкой «отлично». Сочинение тоже написал неплохо, получив четверку. А вот устный экзамен по литературе и русскому языку меня подвел. Точнее, подвела моя самоуверенность и расхлябанность. Вопрос по литературе меня нисколько не смутил, я знал, что могу на него ответить. А вот русский язык... Даже сейчас, спустя пятьдесят лет, помню то четверостишие, в котором нужно было расставить знаки препинания, найти главное предложение и второстепенные.

Вот это незабвенное четверостишие поэта Алексея Суркова:

*Сегодня старый маленький вокзал,
Откуда путь лежит к финляндским скалам,
Мне молчаливо повесть рассказал
О том, кто речь держал перед вокзалом.*

Стишок-то по нынешним моим литературно-писательским меркам совсем никудышный – и по содержанию, а особенно по идеологии. Но тогда – как же! Ведь в нем был намек на гениального кормчего, самого Ленина!

И вот этот самый «вокзал», точнее, его определение и оказались для меня роковыми. Я попал в ловушку. Знаки препинания расставил верно. Правильно назвал и основное предложение, и одно из придаточных. А вот про второе («откуда путь лежит к финляндским скалам») сказал, что это – придаточное предложение обстоятельства места. А оказалось – придаточное определительное, поскольку отвечает на вопрос «какой?». И из-за этого мне поставили всего три балла!

Последний экзамен по немецкому языку я сдал на пятерку (в школе у нас была очень хорошая учительница). Но для зачисления в студенты одного балла мне не хватило. А от предложения декана стать «кандидатом» я отказался, зная, что это означает в лучшем случае целый семестр без стипендии и без общежития. А маме такая обуза была не под силу: и без меня еще троих доучивать в школе надо было...

Вторая моя попытка стать историком оказалась не менее драматичной.

Почти год я проработал учителем начальных классов: сначала – месяц в начальной школе своей деревни, потом – в восьмилетке соседнего села, находящегося в семидесяти километрах от Пудина. И опять я штудировал учебники по тем же предметам – истории, литературе, русскому и немецкому языкам. На сей раз надумал я поступать в Томский университет на историко-филологический факультет. И почти уверен был, что в какую-нибудь легко-весную ловушку больше не попаду. Мнил я себя уже стреляным воробьем.

Томский университет оказался для абитуриентов посерьезнее Новосибирского пединститута. Тут уже прощупывали будущих студентов на предмет знаний и за рамками школьных программ. А погорел я опять на устном экзамене по литературе.

Попался мне в билете вопрос: «Мой любимый писатель». Казалось бы, чего проще? Назови я Пушкина, Гоголя или Маяковского, к коим питал в ту пору слабость, и, пожалуй, отличную оценку вполне мог бы заслужить. Нет же. Я испытывал состояние влюбленности и находился под влиянием откровенно сентиментальных стихов поэта, потерявшего зрение на войне, Эдуарда Асадова. Вот и решился рассказать об этом поэте, читая наизусть и его стихи. Однако мне не повезло. Видимо, Асадов не был в чести у экзаменатора, считавшего его стихи никчемными, а самого поэта – недостойным быть любимым у абитуриента, поступающего в университет. Четыре балла я тогда все же заработал. Но в сумме с другими их опять оказалось недостаточно, чтобы быть зачисленным в студенты...

А вот теперь – снова Господин Великий Случай, круто и резко повлиявший на всю мою судьбу. По крайней мере, профессионально. Да и географически тоже. Не будь его, и вся семейная жизнь могла покатиться по другой дорожке...

Пройдя собеседование у декана, который даже и не предложил мне, как в Новосибирске, быть зачисленным кандидатом в студенты, я впал в уныние. Было это, кажется, 17 или 18 августа 1969 года. Удрученно двигался я от главного корпуса по затененным аллеям университетской рощи. И тут на встречу мне попала стайка ребят – как оказалось, таких же неудачников-абитуриентов. Я приостановился возле них. Они оживленно о чем-то разговаривали, держа в руках клочок газеты. Вскоре эта вырезка оказалась и в моих руках. Было это объявление из газеты «Кузбасс». В небольшом квадрате жирным шрифтом сообщалось об открытии в городе Кемерово нового вуза – института культуры и о наборе в него студентов по четырем специальностям.

Три из них были творческими: режиссура, дирижирование хором и хореография. На эти специаль-

ности я явно не тянул, точнее, не был готов, поскольку нотной грамоты не знал, к театру, кроме сельской самодеятельности, отношения не имел, о хореографии вообще ничего не слышал.

Оставалась еще одна специальность – библиотекаря-библиографа. О профессии библиотекаря у меня и мыслей не водилось. И предложи мне ее кто-то до этого момента, считал бы себя оскорбленным. Но сейчас прельщал меня незнакомый термин «библиограф». А еще то, что сдавать нужно те же предметы, что и в университет, и в пединститут. К тому же вступительные экзамены там начинались с 20 августа, то есть через два дня. Но самое главное – все же возможность стать студентом института! И уже в этом году!

И я принял решение. Дело оставалось за малым: достойно пройти экзаменационные испытания, уже в третий раз.

Я быстренько рассчитался за общежитие, забрал в приемной комиссии университета свои документы и на следующее утро был уже в Богашовском аэропорту города Томска. Самолеты в ту пору летали весьма исправно по всей территории необъятного Советского Союза, и билеты на них стоили по нынешним меркам едва ли не символически.

К окончанию приема документов в новый вуз я чуть не опоздал. Но все обошлось, и на другой день я опять сдавал экзамен. А вскоре оказался и в числе новоиспеченных студентов – студентов знаменательного первого набора Кемеровского государственного института культуры. Замечу, кстати, что конкурс по избранной специальности составил не менее пяти человек на одно место. И счастью моему тогда не было предела! Да и все мои домочадцы (особенно мама) радовались и очень гордились мной!

И таких счастливых «невезунчиков», как я, в первом наборе вуза набралась едва ли не половина. Дело в том, что новый институт опоздал со вступительными экзаменами на три недели. И ринулись сюда многие провалившиеся в других гуманитарных вузах. В том числе абитуриенты Томского, Новосибирского и даже Московского университетов, Кемеровского пединститута, театральных институтов, консерваторий. Кое-кого из них я успел запомнить еще по Томску. Они даже опоздали на вступительные, но оказались более предусмотрительными, чем я, взяв там справки о сданных экзаменах. И на основании этих справок и собеседования были зачислены в студенты!

Примечательно, что из нашего первого набора стали членами Союза писателей России Володя Есенин, Володя Еременко и я, грешный...

Вот такие получились закономерные случайности, или все же случайные закономерности?

Молодость, молодость...

А какая же может быть молодость без влюбленности?

Не обошло это красивое чувство и меня.

Проснулось оно впервые, кажется, лет в пять. Но к нему я попробую вернуться позже, ведь встретить уже и забытый предмет своего детского обожания мне пришлось, считай, лет через шестьдесят...

А лет в одиннадцать мне сильно понравилась одна девушка (не девочка – старше меня лет на пять), приехавшая в нашу деревню в семье чувашей-переселенцев. Но уже добровольцев, а не спецпереселенцев. Ну, просто заболел я ею! И начал сильно ревновать к старшим ребятам, которые с ней дружили. Красивая была девушка, что и говорить. На меня она особого внимания не обращала, но и не брезговала мною. Случалось, в вечерних играх (типа «ручеек», «третий лишний» или «фанты») я выбирал ее в пару, беря за ручку... И сердце мое заходило в неопишуемой нежности и восторгах! Никаких последствий эта влюбленность не имела да и иметь не могла. Тем более что года через три-четыре ее семья вернулась к себе на родину. А вот моя память, поди ж ты, до сих пор хранит ее образ...

Лет, наверное, с четырнадцати-пятнадцати начинали мы, деревенские, «хороводиться», подыскивая себе парочку. Ни на что особо и не претендуя, перебирали своих ровесниц едва ли не каждый месяц. Бывало, правда, и на более долгое время зацикливались на какой-то одной. Не знаю, как где, но у нас в то время было просто негласное табу: до свадьбы – никакой физической (или, как теперь говорят, сексуальной) близости!

Помню, в начале девятого года обучения в школе наш класс пополнился новичками из соседней восьмикласски. И едва ли не всех своих новеньких одноклассниц я уже и на себя «примерял». Помимо них, испытывал явную симпатию и к молоденькой учительнице-историчке – вчерашней выпускнице университета. А в последнем, десятом, классе, похоже, я и впрямь влюбился – в девушку, учившуюся годом моложе. Влюбился платонически! Ведь иначе и быть не могло. А потом разметало нас по разным городам и вузам.

В институт я поступил, когда мне было уже 18 лет, вполне совершеннолетним. И не куда-нибудь, а в настоящий «малинник»! На первый курс нашего факультета было зачислено примерно 90 студентов. Из них – всего восемь или девять ребят. Остальные – все молодые и в основном незамужние девушки. Это ли не раздолье?! Есть из кого выбирать! Да и на соседних факультетах тоже девиц было не менее половины... К тому же город не деревня, невест как на ярмарке! А тут еще на первые занятия трое из зачисленных ребят не явились. Таким образом, пар-

ней на нашем факультете осталось всего шестеро – на такой-то «гаремчик»!

Правда и то, что большинство из нас, ребят, так нелегко попавших в институт, основным занятием своим считали все же учебу. Остальное – потом. Чего греха таить, были и у меня объекты воздыхания. Если всех посчитать – десятка полтора, не меньше. До большего, правда, как и в деревне, и здесь не доходило.

А женился я рано, еще и двадцати одного года не исполнилось. Женился на однокурснице, в конце третьего года обучения.

И вот ведь опять парадокс! Почти два года проучились мы вместе, вместе ходили на поточные лекции. И жили-то в одной общаге, а друг на друга внимания особого не обращали. Особого. По крайней мере, я. Нравилась она мне, но не более. К тому же и у нее кавалеров было предостаточно. Как потом выяснилось, дважды она была уже чуть ли не на пороге замужества. А досталась мне... Да так и живем вместе столько лет, приближаясь к золотой свадьбе.

Случайность? Или опять-таки – закономерность? А было все так.

В конце второго курса обучения, на 1 Мая, куратор группы, где училась моя будущая избранница Людмила, предложила пойти в поход с ночевой на Писаные скалы. А поскольку в группе у них парней почти не было (за исключением моего друга Юры Ли и Володи Есенина), пригласили в поход и меня. 759Согласившись, я в шутку поинтересовался у друга: к кому приколоться? Вот Юра и посоветовал, опять же, едва ли не в шутку: «А к нашей старосте...» Людмила и впрямь была бесценной старостой второй группы до самого окончания института.

Ну вот, с этой-то шутки все и началось. В походе мы как-то сблизились, старались быть все время рядышком. Даже ночевали в турбазовском домике на полу, укрывшись одним одеялом. Похоже, впервые там дошло и до поцелуев. Потом уже в городе два раза сходили вместе в кино. И после второго кинопросмотра она вдруг заявила: «Давай закончим все на этом?» Я был ошарашен: такой неожиданный «отлуп»! Вот уж чего никак не ожидал. К тому же, кажется, я и впрямь уже начал в нее влюбляться. Но что мне оставалось делать? Согласиться...

На той размолвке все могло и закончиться. Но вскоре неожиданно получил я от Людмилы приглашение на день ее рождения 15 мая.

Очень удивился. Но дал согласие.

А вот далее-то, с того самого дня рождения, и понеслось, и закружилось...

Кажется, мы уже влюбились друг в друга.

Весной 1972 года, в конце третьего года обучения в институте, мы расписались в загсе. А на четвертом курсе, 12 января 1973-го, у нас родилась первая дочь, которую мы нарекли Ярославой.

А нашей младшенькой и всеми любимой Настюши могло и вообще не появиться на свет. К ее рождению мы семьей прожили десять лет. Достатка особого не было. Правда, я уже работал в институте старшим преподавателем и заочно обучался в Ленинграде в аспирантуре. Работала и Людмила.

Ярослава училась в школе, занимаясь в спортивных секциях. И очень скучала в одиночестве – без сестренки или братика. Нередко она начинала канючить, чтобы мы обзавелись еще одним ребенком. Но мы всё продолжали совершать тягчайший грех, освобождаясь преждевременно от детей.

И вот однажды я поехал в Питер на предзащитную сессию. А там получил от жены письмо с намеком на ждущий меня сюрприз. Только по приезде домой я и узнал, о чем речь. Долго думали-размышляли: как быть? И все же решились: рожать второго ребенка. И никогда позднее не пожалели об этом! Потом неоднократно я говорил, что Настюша у нас нежданный, но желанный ребенок!

Случайно или нет, но мы, все четверо маминих детей, живем давно уже в разных местах. Я после окончания института обосновался в Кемерове. Володя, отслужив в армии и окончив Томский автодорожный техникум, распределился в Иркутскую область. Татьяна, окончив Томское фармучилище, была распределена в Киселевск. Там, найдя свою «половинку» и обзаведясь двойней, прожила лет пять. И уже, пожалуй, лет тридцать живет в Красноярске. Наверное, еще и поэтому именно сюда поступили на учебу дети Володи – Лена и Алеша. А окончив вузы, здесь и осели, перевезя позднее в Красноярск и своего отца.

Наша младшая сестра Раиса, более всех нас желавшая вырваться из деревни, по иронии судьбы почти всю жизнь там и прожила. Правда, училась и в Томске, и в Кемерове. Перебиралась в Иркутскую область, туда же, куда распределился брат. Но... Судьба! Сейчас живет в захиревшем нашем Калининске. Правда, в отличном доме. Я бы даже назвал его особняком. Замужем за своим одноклассником Михаилом Голевым. У них уже взрослая дочь Наталья. И двое внуков – Варя и Илюшка.

А через три дома от нее – и мама наша, в своей квартире.

Так что у каждого своя жизнь. У каждого своя судьба, сотканная из своих уникальных ниток, со своими узорами... Нравится она или нет и такие ли уж мы хозяева своих судеб, зависит не всегда только от нас самих.

Не секрет, что с годами и с возрастом все труднее находим мы себе друзей и приятелей. И тем не менее случается и такое. Случается.

Время от времени даже и родственники отыскиваются, да так, что и представить уже трудно: а как же жили без них столько лет?

Взять, к примеру, моего троюродного брата Сергея Некрасова и его жену Галину. Моложе меня оба на десять лет. А ведь сдружились уже с ними и семьями...

Моя мама и мама Сергея – двоюродные сестры, одногодки. А стало быть, у нас с Сергеем был общий прадед – Василий Михеевич Шадрин, которого мы оба не видели и не знали.

Лет до тридцати я и не подозревал о существовании Сергея с Галей, впрочем, как и они обо мне. Они коренные томичи-горожане. Я же лишь пару раз встречался с бабушкой и дедом Сергея.

После школы Сергей поступил в Томское высшее военное училище связи. К его окончанию женился на своей однокласснице. Редкий случай, но факт: проучились вместе в одном классе все десять лет. К моменту их свадьбы Галина уже заканчивала Томский политехнический институт.

Молодой лейтенант получил назначение на службу в Германию. По тем временам (семидесятые-восьмидесятые годы) попасть служить за границу считалось едва ли не подарком судьбы. Там у них и родился старший сын.

Многие должны еще помнить, как разваливался наш Союз и военный блок стран Варшавского договора. Вот Сергей с Галей и попали под вывод советских войск из Германии. Далее его судьба забросила в Сибирь, в старинный Минусинск. А после этого города в начале 90-х годов капитан Некрасов с женой и уже двумя сыновьями оказывается в Кемерово, в военном училище связи.

Ага, стало быть, кружок замкнулся. В начале девяностых на моем «гражданском мундире» красовались уже «погоны» доцента института культуры.

Мама моя и ее брат Александр всячески старались поддерживать связи с родственниками. А узнав, что их двоюродный племянник Сергей попал служить в Кемерово, где и я жил с семьей, стали инициировать нашу с ним встречу. И встреча такая состоялась.

Однажды летом Сергей с Галей и младшим сыном Владиком появились в нашей квартире. Галя потом признавалась, что побаивалась идти в гости к незнакомым людям, да еще и к доценту. А ничего. Перезнакомились. Выпили за знакомство и встречу, как это водится. Расслабились. Да и сдружились.

И вот уже почти четверть века вместе. Выросли наши дети. Стали пенсионерами все мы. При этом первым из нашей четверки вышел на пенсию подполковник Сергей Некрасов. А будто все еще остаемся молодыми: нередко бываем друг у друга и в городских квартирах, и на дачах-огородах, выезжа-

ем на рыбалку, на природу. И лет шесть уже подряд в обязательном порядке сплавляемся на надувных лодках по Томи: с двумя ночевками, купанием, загоранием, рыбалкой, ночными посиделками и песнями у костра...

А позапрошлым летом уговорил я Сергея попытаться отыскать могилу нашего общего прадеда, умершего в 1957 году и похороненного на кладбище села Первомайского (бывшее Пышкино-Троицкое), что на Чулыме, в сотне километров от Томска и невдалеке от городка Асино. Поехали мы вчетвером, с женами, на машине Сергея. И надо же, в макушку лета подгадали под самую дождливую погоду. Тем не менее добрались и до кладбища, ходили под дождем по нему вчетвером часа два. Да так и не сыскали... Видать, за давностью и без присмотра памятник на могиле нашего прадеда снесли, могильный холмик сровнялся с землей, а то и вовсе кто другой захоронен на его месте. Поклонились, однако, хотя бы месту и помянули там, на кладбище, у ворот...

От Сергея ниточка потянулась к его отцу – Анатолию Михайловичу. Как оказалось, поэту. (Еще бы, с такой-то фамилией: Некрасов!) И неплохому поэту. Стихотворчеством он начал заниматься намного раньше меня. Да только писал все, что называется, в стол. Правда, печатался иногда в коллективных сборниках самодельных авторов. И тут я предложил подготовить и издать полноценный сборник стихов Анатолия Некрасова к его юбилею. Сказано – сделано! Благо опыт по редактированию и изданию книг у меня уже был. А следом за книжкой «Покуда сердце не устало...» и другой сборник получился – «Для чего нам жизнь дана...».

Через Анатолия Михайловича, на его 80-летию и презентации первой книги стихов, познакомился я с томским поэтом Вениамином Кольхаловым, о котором давно знал, но встречаться не доводилось...

Да разве только эти знакомства потянулись цепочкой от брата Сергея с его женой Галей? А его бывшие сослуживцы – семьи подполковников Слабченко, Фроленковых, Силовых? Сколько приятных часов, складывающихся уже в дни, если не месяцы, провели мы вместе с ними!

Не без содействия Гали с Сергеем поступил в училище связи и окончил его племянник моей жены Людмилы – Артем Кириенко, ныне майор. А его родители – Надя с Виктором – уже с момента поступления сына в училище приятельствуют с Некрасовыми.

А ведь всего этого могло и не быть, не познакомься я с Сергеем по настоянию нашей мамы и дяди Саши...

г. Кемерово

**Александр
САВЧЕНКО**

ЧЕМ ПАХНЕТ СОЛНЦЕ

Рассказ

По утрам из окна дома, расположенного напротив, исходили разнообразные, не совсем уверенные звуки пианино. Кто-то, постигший начала музыкальной грамоты, пытался взойти на следующую ступеньку в своем искусстве.

Сначала Шурик попросту выплывал из сна при первом появлении этих звуков и с любопытством ловил каждый отрывок незатейливой мелодии. Он представлял, как чьи-то пальцы касаются клавиш и из большого музыкального инструмента невидимыми птичками выплывают ноты. Одна за другой они выплывают во двор, пересекают пространство над пыльной тропинкой и попадают в его комнату.

Через несколько дней Шурик настороженными шажками стал подходить к раскрытому окну, направляя свой слух туда, где рождались загадочные звуки. Надо же так: умеют люди из отдельных звуков создавать радостную мелодию!

Мама уходила на работу рано. Просыпаясь, он всегда знал, что рядом на тумбочке его ждет незатейливый, но желанный завтрак. Шурик по привычке отпивал несколько глотков прохладного молока и крошил в стакан рассыпчатый кусочек хлеба. Со стаканом в одной руке и чайной ложкой в другой Шурик подходил к широкому подоконнику и, неторопливо вылавливая размокшие в молоке крошки, прислушивался к возникающей и гаснущей мелодии. Он знал, что в их домашнем магнитофоне записаны более совершенные и интересные музыкальные произведения. Но то было сочетание невидимых, словно замороженных кем-то звуков, а здесь они рождались вживую и от них исходило особенное тепло, от которого становилось празднично.

Время, казалось, было бесконечным, но примерно через час музыкальный инструмент оставляли в покое. И вслед за этим из растворенного окна разносился вездесущий девчоночий голосок. Он уговаривал кого-то не гонять голубей, просил малышню, чтоб та не лезла в клумбу, а какому-то озорнику обещал посадить в карман настоящую жабу.

Однажды девчонка крикнула:

– Красная майка! Смотри не объешься!

Шурик вздрогнул, угадав, что эти слова обращены к нему. Он поднял над головой пустой стакан и негромко ответил:

– Я так завтракаю...

– Все люди едят за столом. А ты Жора-обжора!

– Нет. Я просто Шурик. А ты?

– Я – Соня-засоня!

Так состоялось знакомство.

Соня, довольная таким разговором, с любопытством рассматривала нового знакомого. Мальчик равнодушно покачивал рукой, зажав ладонью порожний стакан. Казалось, он смотрел не на нее, а куда-то поверх макушек высоких тополей. Соня высунула язык: мол, принимай это за свое глупое молчание! Но мальчик оставался безучастным. Такое равнодушие ущипнуло ее самолюбие.

– Бе-бе! Вот тебе! – крикнула она с вызовом.

Шурик поставил стакан на подоконник, но снова ничего не ответил. Это окончательно возмутило девочку.

Она язвительно показала пальцем в сторону мальчишки:

– Ты слепой, что ли?

Шурик обеими руками прижал стакан к груди, будто боясь, что кто-то посторонний отнимет его, и в ответ дружелюбно кивнул:

– Ага.

Соня с удивлением поглядела на странного мальчика, застывшего в проеме окна.

– И не видишь меня?

Мальчик покачал головой.

– И наш дом?

Шурик повторил то же движение.

– Прямо совсем-совсем?

Кивком Шурик утвердительно ответил и на это.

Кажется, вопросы были исчерпаны, но Соня не унималась:

– И даже солнце?

– Нет, где солнце – там тепло. – Он протянул перед собой руку. – Вон там солнце...

– Ты большой, Шурик?

Было заметно, как мальчик напрягся, вытянувшись на цыпочках.

– Я еще выше, но меня не видно всего... – сказал он и снова опустил пятки до пола. – Мне целых шесть лет.

– И мне тоже столько, – с готовностью сообщила Соня. И честно добавила: – Но это будет только через месяц.

После обеда Шурик сидел на подоконнике, глядя загрибок дремавшего и похрапывающего кота Елизара. Солнце укатилось за крышу пятиэтажного дома. Двор затих, изморенный полуденным солнцем.

Неожиданно из знойной тишины прорезался Сонин голос:

– Тебе кто такую кошку подарил?

– Никто. И это совсем не кошка, это Елизар. Он живет здесь всю жизнь...

Соня помолчала, как бы готовясь к сложному вопросу. И наконец решилась:

– К тебе можно?

– Можно. Приходи, только не ударься. Мама сказала, у нас в коридоре перегорела лампочка.

Через несколько минут Соня стояла рядом с Шуриком, гладившим мохнатое темечко Елизара, а тот растянулся на подоконнике и не обращал внимания на незнакому гостью.

Девочка с любопытством разглядывала разбежавшиеся на голове Шурика белесые, почти прозрачные волосы. В разрезе его глаз вздрагивали дымчатые пятнышки зрачков. Соня пыталась всмотреться и поймать взглядом эти пятнышки, но они постоянно, как ртуть, ускользали от ее взора.

– А у вас гости бывают? – неожиданно спросил маленький хозяин дома.

– К нам никто не заходит. У нас паркетный пол... Папе уже надоело его натирать...

– А у нас на Севере каждый день гости приходили. С ними знаешь как весело! Мой папка – геолог. И друзей у него целые тыщи. Они всю тундру облазили...

– Ну, уж тысячи! – робко возразила Соня. – Такого не бывает...

– Не хочешь – не верь. Твое дело. Вот папка вернется – тогда сама увидишь...

Соня сначала усомнилась в словах Шурика, но он произносил их так убедительно, что ничего другого не оставалось, как только поверить всему.

– Почему вы сейчас не на Севере? Ведь ваш дом там.

– У нас здесь умерла бабуля. Теперь это наша квартира. И Елизара...

– Как звали твою бабулю?

– Я же говорю: бабуля. Не понимаешь? – и, растягивая слова по слогам, он пояснил: – Ба-ба У-ля! Выходит – бабуля!

– Мы с мамой видели, как ее хоронили. Много стареньких людей тогда было во дворе.

Постояла, помолчала. Потом как бы вспомнила:

– У меня тоже есть бабушка Клава, только она живет далеко, в деревне. Там мой папа родился...

– Почему она к вам не едет?

– Потому что болеет. И еще билет дорогой. Надо ехать две ночи и три дня... Когда вырасту, сама к ней поеду... Бабушка нам пишет к каждому празднику и ждет, когда я стану большая.

На другой день, когда Соня закончила играть и Шурик стоял на своем обычном месте у подоконника, до него донесся знакомый голос:

– Ты опять ешь?

– Ага! Чтоб быстрее расти.

– А мне ужасно надоели эти бемольки и бекарики!..

– Не хочешь – и не играй. Кто тебя заставляет...

Откуда-то из глубины двора проник резкий женский голос:

– Сончик, это что за разговоры? Немедленно садись за ноты! А ты, мальчик, не отвлекай девочку. Сам бездельничаешь – не мешай другим!

Шурик затаил шторы проема окна и побрел в кухню. Ему стало нестерпимо обидно. Ну почему все устроено так, что взрослые, когда захотят, начинают вмешиваться в его жизнь? Он же сам ни к кому не лезет и не надоедает. А вот они могут все... И лишь потому, что недобрая женщина была Сониной мамой, обиды в Шурике стала утихать и вскоре совсем забывалась.

У кухонного стола он всегда оказывался в другом мире, куда через форточку проникал неугомонный шум улицы с гудками автомобилей и шарканьем чужих шагов по асфальту. Ему очень хотелось оказаться там и понять, куда и зачем так необъяснимо торопятся машины и спешат взрослые люди...

162
Прошло несколько дней. Шурик напрасно надеялся услышать звук Сониного инструмента или ее голос. Мальчик привык к дневному одиночеству в стенах многолюдного дома, но с исчезновением Сони он неожиданно почувствовал себя безгранично сиротливым. Будто кто-то очень злощастный решил нанести ему большую обиду, наказав его полным одиночеством. А когда он вечером засыпал, ему казалось, что Сонин голос провожал его до того места, где человек уже ничего не помнит. Так проходил один день за другим.

В одну из ночей Шурика разбудил взволнованный голос мамы:

– Тебе плохо, сынок?

Шурик очнулся, но не мог понять, в чем дело.

– Ты почему кричал во сне и кого-то звал?

Мальчик по привычке потер кулаками глаза и, вспоминая увиденный сон, ответил:

– Я, мама, летал во сне. Ты спи. Там была она...

– Кто она? – насторожилась мама.

Но Шурик промолчал, медленно повалился на правый бок и снова погрузился в глубокий сон. Ему еще раз виделось, как он воспарил над землей, над машинами и домами и полетел, легко взмахивая руками. Он летел и летел. А навстречу плыли искрящиеся шары. Он не различал их цвета, потому что вообще не знал, каким бывает на свете цвет. Но от каж-

дого шара отдавало неиссякаемым теплом. Нежным и ласковым, как мамыны руки. Шурик приблизился к самому огромному шару. Коснулся его и «увидел» Соню. Он узнал ее по знакомому голосу, исходящему из самой середины сферического пространства.

– К тебе можно, Шурик? – обдало его встречным ветром.

– Да... – ответил он и понял, что его голос слился с долгожданным голосом Сони.

...Однажды около полудня он сидел за столом в зале, бесцельно перебирая монеты, которые папа хранил в специальном альбоме.

– Шурик, Шурик! Я тебе привезла цветы.

Он моментально приблизился к распахнутому окну, оттянул ткань тяжелой шторы. Встал ногами на стул и показался почти во весь рост.

– Ты что?! Ведь упадешь же! – испугалась она.

– Нет! Я сам знаю... Никуда не упаду.

– А я болела на даче. – В радостном голосе Сони за легкой хрипотцой чувствовалась не прошедшая еще простуда.

– Не хвастайся! Я тоже весной болел и кашлял. А на дачах одни комары...

– Что ты! Там столько всяких цветов. Но мне больше нравятся ромашки. Они такие же, как ты... И бабочки около них... Капустницы и пожарницы.

– Я не похож на ромашку, – покачал головой Шурик. – Люди не растут из земли.

Она сколупывала носком туфельки плотную корочку земли. Шурик повернул лицо так, будто взгляд его мог разглядеть что-то поверх пронизанных жаром крыш. В Сонином окне хлопнула створка.

– Доченька, иди в дом! Я открыла банку с твоим любимым вареньем.

– Не хочу, мам.

Тут же последовало с досадой и строгостью:

– Тогда приberi в своем уголке. Ты же знаешь: мне всегда некогда!

– У меня там все в порядке.

Наконец требовательный голос приказал:

– Папа хочет тебя видеть, Соня. Немедленно марш домой!

Девочка положила букетик ромашек на пыльный цоколь кирпичного дома и молча направилась к своему подъезду.

Два дня она не давала о себе знать. Не было слышно ни звуков пианино, ни ее голоса. Шурик помнил маленькую соседку только по голосу и жалел, что не успел «увидеть» ее – коснуться пальцами лица. На третий день в дверь кто-то нерешительно постучал – словно поскребся... Шурик догадался, кто там. Он повернул ручку запора двери и спросил, мысленно охватывая окружающее пространство:

– Это ты?

Девочка промолчала. Но Шурик слышал, как она сняла туфельки, почувствовал, как гостя осторожно прошла мимо него и почти беззвучно направилась в зал. Остановилась у стола, стоявшего посередине комнаты.

Он улавливал ее глубокое, немного хрипловатое дыхание.

– Твоя мама не разрешает играть со мной? Да? – спросил он.

Соня снова не ответила. Потом тихо произнесла:

– Я все равно видела, как ты с Елизаром что-то строил из кубиков.

– Дворец. Еще сказки ему рассказывал. А он ленивый, совсем не хочет меня слушать, – Шурик улыбнулся одними губами, – знает только спит да храпит... Что за человек!

– Он сказочный котиче, Шурик! – звонко засмеялась девочка.

Соня провела пальцем по клетчатой скатерти, накинута на круглый стол.

– Ну, я пойду...

– Немного постой! Почему так быстро уходишь?

Маленький хозяин квартиры застыл у шкафа, в котором хранилась зимняя одежда. Соня задержалась у порога.

– Ты кем станешь, когда вырастешь большим?

Шурик странно изогнул руку, прислонив локоть почти к самому подбородку.

– Художником. Меня скоро положат в больницу, и я буду видеть. Тогда нарисую тебя. Я и сегодня смогу нарисовать твой голос. Хочешь, Сонь? Я смогу...

Он не мог заметить, как в полумраке коридора расширились ее удивленные глаза.

– Мой папа говорит, что тебе надо учиться на баяне. А я не люблю музыку. Ты, Шурик, правда станешь художником?

– Ага. Мне уже купили краски и кисточки. Мама их спрятала в шкафу и сказала, чтобы никто не прикасался. Подарят зимой после операции...

– Только пусть не покупают баян... Ладно?

Шурик промолчал.

Соня приоткрыла входную дверь. Но еще по-прежнему оставалась на пороге.

– А ты хоть раз в жизни видел солнце? – Она снова большими синими глазами уставилась на мальчика.

– Видел, только я тогда был совсем маленький, – признался Шурик. – Меня дедуля нес на руках, а солнце было совсем рядом. Громадное такое пре-громадное и теплое, как мамыны руки. А по солнцу шли люди... Знаешь, чем оно пахло?

Соня изумленно сложила узенькие ладошки. И промолчала, у нее не было ответа.

– Нет, ты всегда не знаешь! – безнадежно махнул рукой Шурик.

– Ну и скажи: чем?

– Чем-чем... Укропом! Вот тебе чем! Теперь оно так не пахнет.

Соня отслонилась от косяка, ступила на лестничную площадку и тихо притворила за собой дверь. Шурик сосредоточенно стоял до тех пор, пока острый стук Сониных каблучков удалялся по ступенькам вниз. Потом с металлическим скрежетом хлопнула входная дверь. И все.

...Лето закончилось неожиданно, как заканчивается тонкая полоска туалетного мыла меж ладоней. Время повернуло на осень. Небо затянули плотные облака, изредка поливающие землю холодной моросью. Теперь все окна в квартире, кроме выходящего во двор, оказались закрытыми. Весь мир для мальчика сразу удалился на недоступное расстояние. И в том, другом мире заметно поутихли прежние звуки, даже замедлилось передвижение автомашин и пешеходов...

Мама с вечера сказала, чтобы Шурик надел теплую курточку. И вот он, подперев ладошками подбородок, сидит в теплой одежде и вслушивается в слабое чириканье воробьев. В доме, где живет Соня, совсем тихо. Правда, кто-то нажал подряд на несколько клавиш пианино, но звуки, только успевшие родиться, почти полностью погасли, еле пробившись сквозь плотное сырое пространство...

Шурик знает, что где-то в своей квартире находится Соня. И она не может не подойти к окну, она обязательно подойдет. Приоткрыв шире створку окна, мальчик ждет этой минуты с затаенным трепетом. Ну, не может быть такого, чтобы Соня не выглянула на улицу!

Действительно, через некоторое время в Сонином окне кто-то всколыхивает занавеску, и тут же, как на фотографии, обозначается ее фигура. Но Шурик не знает всего этого. Он не видит цвета ее платья, не видит, как она протирает тряпкой влажную поверхность понизу стекол и передвигает тяжеленные горшки с цветами. Наконец Соня осторожно распаивает свое окно. И неожиданно по двору звонко разносится:

– Шурик! Шурик! Слышишь, Шурик! Ты самый счастливый! Ты знаешь, чем пахнет солнце!

Он сначала молчит. Но проходит минута, и Шурик убирает локти с подоконника. Он улыбочиво щурится. Потом выпрямляется во весь рост и молча грозит Соне маленьким кулачком.

– Я тебя все равно нарисую! – почти неподвижными губами шепчет мальчик. – Увидишь сама, что нарисую... Вот увидишь, увидишь...

Но его слова так и не достигают противоположного дома.

г. Новокузнецк

Надежда ДУБРОВСКАЯ ДЕТСКИЕ СТИХИ И ЗАГАДКИ

* * *

*На зелененькой на грядке
Словно малые ребятки.
Округлив свои бочки,
Зреют в поле? – КАБАЧКИ!*

* * *

*Рыжий нос, зеленый хвостик,
Часто к нам приходит в гости.
Лечит зрение и кровь,
Это сладкая? – МОРКОВЬ!*

* * *

*Я пупырчатый, зеленый,
Желтый глазик удивленный.
Любит сын, хрустит отец,
Догадаться? – ОГУРЕЦ!*

* * *

*Хозяйка румяна, бела, круглолица,
Весь огород этой девой гордится.
Но овощ есть краше, чем добрая Фекла,
И называется овощ тот? – СВЕКЛА!*

* * *

*Весело ребятам
На лесной тропинке.
Весело опятам
В маминой корзинке.*

* * *

*Веснушки у Надюшки,
Смеются все подружки.
А ей и горя мало –
Под ситом загорала.*

* * *

*Мама утка – кря да кря,
Разбежались, детки, зря.
Здесь полно кругом ворон,
Унесут из дома вон!*

* * *

*Талую воду пил жадно снегирь:
– В такую погоду люблю я Сибирь.
Солнышко светит, песни поют,
Красивые птички из лужицы пьют.*

* * *

*Сладкий я и очень классный,
Крашу щеки краской красной.
Полосатый карапуз,
Что за ягода? – АРБУЗ!*

г. Кемерово

Анжела БЕЦКО

ПРО ЗЕЛЕННЫХ ЛИС

В обычнейшем парке –
Не в зоомузее –
Зеленые лисы
На ветке висели,
Под дождиком мокли,
На солнышке сохли
И что-то все лето
Под нос шелестели.

И так незаметно
Тянулись недели,
Сгущались туманы,
И тени редели.
И осень настала.
Уже?
Неужели?!

И лисы,
Как листья,
К утру порыжели,
И с ветки слетели,
И в лес убежали...

Как будто с рождения
Этого ждали.

СЛУЧАЙ С НЕСОЛЕННЫМИ СЕЛЕДКАМИ

Несоленые
Селедки
В несоленном
Море
Плыли.
Рядом
Люди плыли
В лодке
И селедок
Посолили.

Случай был
Во время оно,
Но достаточно
Известный:
Море
Сделалось соленым,
А селедки –
Так же пресны.

ПРО ТЕТЮ ТАНЮ

На окне
У тети Тани
Лук проклюнулся
В стакане.
Вылез
Перышком
Зеленым,
Огляделся
Удивленно
И воскликнул:
– Красота!..

Он не радовался б так,
Если б знал,
Что тетя Таня
Обожает
Лук в сметане!

ВЕЖЛИВОСТЬ

Вежлив будь
Со всем двором,
И с жуком,
И с комаром,
Кланяйся,
И улыбайся,
И здоровайся
Кивком.

Если станешь ты
Молчать,
Никого
Не замечать,
Мама скажет:
– Тут нечисто! –
И потащит
К окулисту.

ПРО ПЕРЫШКИ

Есть перышки
У птицы.
Есть перышки
У лука.
А может быть,
Они родня?

Пока молчит наука,
Лук в банке
Подрастает
И птица в небе
Таёт,
А их родство установить
Мне знаний не хватает.

НЕ СНЕГОМ ЕДИНЫМ

Молодой поэт из Кузбасса
Ирина Надирова ищет гармонию в
сопротивлении мировому неустройству

Сетевая рассыпуха все больше вытесняет из нашего чтения книги. Тем более поэтические, что выходя из мизерным тиражом у авторов, не встроенным в издательско-торговую индустрию. Даже подлинники, которые все труднее отыскать в потоке графомании.

Вот и автор предисловия к первому сборнику молодого поэта Ирины Надировой «Снегоотточие», ее земляк и поэт постарше Алексей Гамзов спешит уверить: стихи настоящие. «...Главное, они наполнены. Редкий случай по нынешним временам... А если где-то и нескладно – так то не диссонанс дилетанта, а импровизация уверенного пользователя языка...»

Соглашаться с последним утверждением лично я бы не спешил. На фоне действительно уверенного владения силлаботоникой, которое Ирина проявляет во многих стихах, иные провалы неточных или просто слабых рифм выглядят досадной небрежностью. Как и прозаизмы типа «Я могу использовать лишь ночь, // Чтоб тебе писать стихи без повода...»

Те же стилистические шероховатости, правда, усиливают впечатление подлинности. Ибо привносят ощущение реального молодежного разговора, что из-за того же недостатка чтения сегодня не в меру инфицирован канцеляритом. К счастью, от другой заразы – непечатной – осталось всего два матерка. Однако не факт, что они выполняют высокую художественную задачу, потому избавиться можно было и от них.

А вот заразу третью – англицизмы – Надирова использует вполне к месту, целенаправленно насыщая ими один из текстов: «...В век соевый ты скоро станешь соей. // Просоленный кусок ты сала, сорри... // И до отрыжки, до отвала ешь – // Такой вот нынче хайп, такой вот треш. // Из обещаний строишь лабиринт. // Крути свой спиннер и читай свой гимн... // Нас палят, вырубают – ты не рад? // Молись, и жри, и тыкай в свой айпад...»

От высокой поэзии этот текст, конечно, далековат. Однако вполне демонстрирует как способность Ирины к формальным поискам, так и страстный напор, который отмечает и оправдывает в ее стихах Гамзов. Вот еще: «Время – мятежных! Прилежным гореть в аду... // Время – оскалить зубы и в бой рвануть...»

И все же страстный выплеск энергии и представление, что история начинается с них, – дело для молодых обычное. Как и боль от любовных неудач:

«Чем роднее с тобой – тем больше разрыв. // Платой мне – затемнение в легких...»

Упоминание о легких, как и в нескольких иных строчках, выглядит совсем свежим. Много ли надо чуткому человеку, чтобы поэтически освоить нынешние ковидные перипетии? Но даже если почва появилась гораздо раньше – нехватка гармонии в жизни весьма ощущается на фоне любых перипетий.

Обретать эту гармонию в собственной душе, воплощать в стихах и через них передавать читателю, на мой взгляд, отнюдь не маловажная, если не главная способность поэта. И, судя по всему, эта способность у Ирины Надировой имеется.

Без всякого надрыва, например, автор вспоминает об Улан-Удэ:

...мириться сумеркам надо с тенью:
Листья под ноги падают в никуда.
Там Селенга втекает в другие вены,
Так же в другое время течет Уда...

Именно наедине с природой, ощущая и впитывая ее свободу, лирический герой чаще всего выравнивает свое дыхание:

...Как же в тайге красиво сегодня утро!
Вот где еще мир стар и ветхозаветен.
Не щебетанье птичьё – я слышу уток...
Ветер, меня обнимает свободный ветер!..

166 Именно здесь, прямо говорит автор, ее «острая самоирония превращается в веру».

И страсти эта природа отнюдь не лишена – но много качества:

Чистота и прохлада, и зелень прильнула к воде.
Загорелые бревна лежат и готовятся к сплаву.
И движенье реки, этой ряби – как долго глядеть
Я могу на замедленный ритм через неба оправу!
Как расчерчено небо – и облаку некуда пасть!
Вся гармония лета в масштабах вселенской купели.
Чистота и прохлада. Любовь? Нет, по-моему, страсть.
Сумасшедшая страсть – но не думай, не думай о теле...

Похоже, к этой природе героиня Ирины – да и она ли одна по жизни? – тянется инстинктивно: «...Бесконечно люблю свой студень космос, // Ибо космос во мне расцвел в начале...»

В результате своя, пусть и тревожная, сопротивляющаяся гармония возникает в попытке передать видение и ощущение Кузбасса. Пускай поэтическая энергия и ослабевает в концовке:

Серые отвалы – черный уголь.
Лезь на террикон, смотри: луна!
И она сейчас идет на убыль –
И Кузбасс идет на убыль, на...
Кладбище растет. Растут коттеджи.

Место ссылки – это где-то здесь.
Но шахтер работает прилежно:
Жить тут можно – вопреки, вразрез...

Даже когда мировое неустройство проявляется и в природе, ее внутренняя соразмерность исчезает отнюдь не сразу. Как минимум до определенной грани:

...Березы в платьях – нежный, легкий ситец...
Учусь за все тебя благодарить.
Но небо плачет, небо-очевидец,
И об ушедшем времени кровит.
Работают законы гравитации,
Пока мой горизонт не запылен.
Две стрелки обнимаются в двенадцать
В начале и конце времен...

А неустройства в мире и в открытой ему душе, понятно, хватает. От него – стихотворный портрет бомжа, который (и снова – только ли он?) потерялся во времени. И детское воспоминание о бегстве из родного города во время первой войны за Нагорный Карабах. И ощущение, что «мое творчество – // Способность свой ад воскрешать. // Научите меня дышать...» И не вполне уверенная надежда на главного врача, не имеющего отношения к официальной медицине: «...Время – корвалол и водка. // Время, нас куда несет? // Собирайте нас по сводкам, // Если время не спасет...»

Явно не лекарством, но средством уменьшить боль для героини Надировой становится снег. Прибегая к неожиданной индустриально-бытовой параллели, она говорит о своем желании «запнить мир, чтоб всюду снег лежал». К той же субстанции обращается, пополняя бесчисленное множество вариантов поэтического представления отношений мужчины и женщины: «...Я жадно выпиваю этот снег. // Я в снег сама, наверно, превратилась... // Ты скажешь: – Моя девочка влюбилась. // А я тебе: – Мертвей меня здесь нет...» И в конце концов прямо заключает: «У Бога никогда не кончается снег. // У меня никогда не закончится любовь к снегу...»

Заглавие книги тоже добавляет в этот ряд свои оттенки и вариации. И все-таки не снегом единым. Поскольку есть еще литература и сущностный вопрос, который занимает не только пишущих, но и просто мыслящих о времени, себе и вообще человеках: «Кто поймет, // Почему он стихи читает, псалмы поет? // Когда вроде и жить не хочешь, но надо жить...»

В «Снегоотточи» есть несколько вариантов ответа. Самыми сильными мне показались такие: «Бумага впитывает поэта...» и «...Вот и поэзия чувствует истинный голод. // Ты понимаешь, как время сквозь душу сквозит...»

Ну, и без Александра Сергеевича, конечно, никуда – вкпе с должной иронией по отношению к себе да и ко всей литературе в ее нынешнем состоянии:

«...Пускай мы эту чушь нескладно // То пишем, то вообще несем // Планшетно, кнопочно, айпадно – // Он наше все...»

Ирония не бездумно-кислотная, а в меру легкая, с глубиной понимания. Человек, уже прошедший первую часть пути своего поэтического и личностного становления, вполне имеет право на такую. Судя по «Снегоотточию», Ирина Надирова ее прошла.

Этот сборник показывает не только и не просто результат, но маршрут движения. И во время работы над собой наверняка, как это всегда бывает, собирал, делал цельным и самого автора. Собственно, для того в нынешнюю пору сетевой рассыпухи и нужна книга – в том числе ее читателям.

Андрей РАСТОРГУЕВ,
г. Екатеринбург

ОТКЛИК НА КНИГУ ЕЛЕНЫ ТРУХАН «ФОКСТРОТ ЛИСТОПАДА»

У меня в руках книга Елены Трухан «Фокстрот листопада», изданная 2020 году. Уже одно название книги, согласитесь, многообещающее! Осень, листопад, фокстрот... Собственно, в анонсе книги нахожу именно то, о чем подумалось: «Представьте себя легкими опадающими листьями, отдайтесь романтическому полету, растворитесь в прохладно-прозрачной атмосфере осени, парите и кружитесь... в фокстроте!» Начинаю читать и невольно ищущу слова, строчки на обозначенную тему. Первое, что нахожу: «ярко-красный листок на ветру лепетал без умолку...», «то лазоревое, то медное – в акварелях августа купается». И вот наконец-то! «Фокстрот листопада – такая пора, / Когда в мелкой лужице видится прорубь. / И бьется душа, как израненный голубь, / За каплю сочувствия, искру тепла». А вот еще: «... Фокстрот листопада, / Вальс голубых лепестков. / Танго – соцветий кипенья, / Терпкой пыльцы алкоголь». Это из поэмы «Черное небо». Елена Трухан посвятила ее предкам по отцовской линии, попавшим под колесо репрессий в тридцатых годах прошлого века. После прочтения поэмы приглашение автора на кружение «в мечтательном и дождливо-ритмическом, медленном и быстром... фокстроте» улетучилось напрочь. Поэма по ассоциативному восприятию переключается со стихотворением «На улице Донбасса». Хотя, как поясняет автор, данное стихотворение – это имажинативное турне. Не знаю, как насчет турне, но попытка создания неких поэтических образов, символически передающих процессы, происходящие на Донбассе, показывает, что Елене Трухан не чужды психологические опыты и анализ, способствующие развитию творческого воображения и

фантазии. В сборнике есть и такие стихи, в которых через воображаемые образы Елена пытается поэтически сформулировать «суть передаваемого содержания».

Есть в сборнике и баллады, одна из которых называется «Нелюдим». В ней рассказывается о камне, выросшем у дороги, к которому «не спешат давно кони и автомобили», но, как и положено в сказках и балладах, совет пустынный отшельник все же дает: «Если сталось выбирать / Путь единственный и верный, / Не чурайся... отступить! / (Груз для многих непрременный). / Возвращаться – не беда. / Нет здесь трусости, огрехов. / Направляй коня туда, / Из каких земель приехал!» А за совет всего-то «я простилась сухо с ним благодарностью простою». Почему сухо? Можно было благодарить сердечно, с большой признательностью и теплотой, ведь угрюмый, хмурый, замкнутый, неконтактный камень заговорил и дал совет, признав в страннике «духовную родню», «собрата». Разве этого мало? Вызывает вопрос и последняя строка баллады. Как же может «нелюдим

биться с ветром и водою»? Он, скорее всего, спрятался бы не только от людей, но и от всех стихий. А биться, драться – больше подходит для воина, чем для отгороженного, склонного держаться в стороне нелюдима. И еще. Стихотворение «Трапеза» – о нас, о потомках Ноя, о нашем времени или безвременье?! «Пальцы тычут в хляби неба: – Мне бы!.. Мне бы!.. Мне бы!..» Или: «век, как взмыленная кляча, как беззубая старуха...», «не сравнится элитный парфюм с чудным шлейфом любви и тепла».

Елена Трухан не остается в стороне от социальных проблем, эта тема находит отражение в ее стихах. И, конечно же, тема любви, отношения мужчины и женщины, боль от потерь и утрат – все есть в настоящем сборнике. Надо отдать должное Алисе Трухан за прекрасное иллюстрирование книги. Как мне показалось, попадание в тему стопроцентное! «Слоу-квик... Слоу-квик-квик... Слоу-слоу-слоу...» И все же хотелось бы по-русски!

Татьяна ГОРОХОВА,
г. Топки

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

20 февраля в Кузбасском центре искусств на Советском, 40 прошло представление шестого выпуска журнала «Огни Кузбасса» за 2020 год. Со стихами выступили авторы номера поэты С. Дьяков и В. Коньков. Прозаиков представляла И. Ким. О своих материалах рассказали Г. Шалакин, Е. Трухан, В. Коняев, В. Елатов и Т. Колач. Вел вечер С. Донбай.

21 февраля в Кемерове в библиотеке им. А. М. Береснева прошла творческая встреча с поэтом Дмитрием Филиппенко.

21 февраля в с. Чусовитино состоялась встреча писателя В. Коняева с читателями.

25 февраля в библиотеке им. Н. Гоголя прошла лекция Э. Вистермана «200 лет с Достоевским». Мероприятие посвящено подготовке празднования юбилея великого русского писателя.

26 февраля в ДК с. Березово состоялась встреча школьников и жителей села с поэтом В. Шумиловым, посвященная 300-летию Кузбасса, под названием «Моя родина – Кузбасс». Поэт рассказал о своем творчестве, почитал стихотворения, ответил на вопросы.

1 марта в ДК «Содружество» состоялись чтения «В родниках поэтических строк». Вечер был посвящен памяти кузбасских поэтов Александра Каткова и Эдуарда Угрюмова.

6 марта в храме Казанской иконы Божией Матери прошла панихида по ушедшим писателям. После в трапезной храма состоялось чаепитие с воспоминаниями. С рассказом о том, как родилась идея памятного вечера, и о судьбе поэта Павла Васильева выступила Л. Ходанен. Брала слово друзья и родственники ушедших: М. Войцеховская, Л. Еременко, Г. Каткова, Н. Гержидович, Л. Чидилян, Д. Мурзин. Вел встречу о. Евгений Сидорин.

11 марта состоялось собрание Кемеровского отделения Союза писателей России. Вручили писательские билеты поэтам З. Козловой и В. Дмитриеву. Положительно рассмотрели приемные дела поэтов В. Киселева и И. Надировой. Председатель союза Б. Бурмистров выступил с расширенным докладом о жизни писателей в 2020 году. Упомянул об активной литературной жизни, несмотря на пандемию, о более чем двадцати публикациях наших авторов за границами области. Ратовал за защиту русского языка. Прозвучала критика взаимоотношений с властью. На собрании выступил министр культуры и молодежной политики М. Евса. Главный редактор

журнала «Огни Кузбасса» С. Донбай доложил о том, что в 2020-м большая часть работы над журналом прошла в режиме «удаленки». Говоря о рубрике «Литературная жизнь» в журнале, главный редактор сравнил ее с исторической летописью. В заключение он сказал, что для нашей организации просто необходимо задуматься о создании литературного музея в Кемерове. В прениях выступили Л. Чидилян, И. Куралов, Д. Мурзин, Т. Колач и директор Кузбасского центра искусств В. Каплунов.

16 марта в библиотеке им. Г. Юрова прошли первые Юровские чтения. В рамках чтений состоялись литературные встречи с кузбасскими поэтами и писателями, поделившимися воспоминаниями о Геннадии Евлампиевиче. В ходе круглого стола «Поэзия: вчера, сегодня, завтра» поэты Борис Бурмистров, Сергей Донбай, Ирина Фролова рассказали о начале своей творческой деятельности, прочитали стихи и ответили на вопросы. Мастер-класс «Из уст в уста – от первого лица» для творческой молодежи провел поэт Иосиф Куралов. В рамках обзора-презентации «Поэзия молодых, поэзия для молодых» о собственных первых шагах в поэзии поведали Ирина Фролова и Марина Федорова. Библиотекари Вера Лаврушкина и Екатерина Тюшина рассказали о вкладе Юрова в литературу и его месте на литературной карте земли Кузнецкой. Сотрудники Государственного архива Кузбасса Елена Москвина и Татьяна Болбеко представили архивные записи о первых публикациях песни «Рабочая мелодия Кузбасса», написанной Юровым и ставшей гимном Кемеровской области. Руководитель музея школы № 16 Ольга Семененко рассказала о семье Геннадия Юрова. Юные читатели представили литературные композиции на стихи поэта. Почетным гостем чтений стал сын поэта Роман, осветивший раннее творчество Геннадия Евлампиевича.

19 марта в Кузбасском центре искусств на Советском, 40 прошло традиционное обсуждение журнала «Огни Кузбасса» за прошлый год. Открыла вечер поэтическая эстафета, посвященная годовщине возвращения Крыма в родную гавань. Стихи о Крыме прочитали поэты Б. Бурмистров, С. Донбай, А. Правда, Е. Краснова, Н. Дубровская, Н. Якушева. На обсуждении выступили: поэт И. Фролова, актер О. Кухарев, литераторы Т. Горохова, А. Коваленко, Е. Чириков и др. Вел вечер главный редактор журнала С. Донбай.

25 марта состоялся телемост между библиотекой Кузбасса для детей и юношества и Восточно-Казахстанской детско-юношеской библиотекой города Усть-Каменогорска с участием Веры Лавриной и кемеровских школьников. Обе стороны представили творчество своих писателей, книжные издания для детей.

26 марта прошла выездная экскурсия для ижморских ребят – победителей онлайн-проекта «Бересневские чтения». Ребята приняли участие в областном литературном празднике «Сияйте, искорки», посетили Знаменский собор и Музей истории православия на земле Кузнецкой, детскую библиотеку имени А. М. Береснева, Кемеровский краеведческий музей. Завершением творческого маршрута стало посещение Союза писателей Кузбасса, где состоялась встреча юных литераторов и краеведов с поэтами С. Донбаем, Д. Мурзиным и кандидатом филологических наук Г. Карповой.

27 марта в Ленинске-Кузнецком прошла творческая встреча с поэтом из Барнаула, членом Союза писателей России Александрой Малыгиной.

30 марта состоялись X ежегодные межрегиональные историко-краеведческие чтения. Секция № 5 «Кузбасс в художественной литературе» была посвящена 300-летию региона. На секции говорили о творчестве поэтов Г. Юрова, Е. Буравлева, А. Ибрагимова, М. Небогатова, В. Ширяева. Среди выступавших были авторы журнала Т. Горохова и Л. Турков, библиотекари Т. Арышева, А. Бакуева, Е. Колмогорова, Н. Лиханова, В. Тюмерова, С. Усольцева, вдова поэта В. Ширяева – Р. Чекалдина и другие, в работе секции приняли участие поэты С. Донбай и Д. Мурзин. Вели мероприятие доктор филологических наук Л. Ходанен и иерей Роман Закиров.

31 марта в Ленинске-Кузнецком прошла творческая встреча с поэтом, прозаиком, главным редактором «Литературной газеты» Максимом Замшевым (Москва).

1 апреля в Ленинске-Кузнецком состоялся круглый стол «Литературной газеты» под названием «Настоящее прошлое литературы». Ведущие круглого стола – Максим Замшев и Александр Чистяков.

1 апреля прошло представление первого номера журнала «Огни Кузбасса». Свои стихи читали юбиляры номера – поэты Л. Чидилян и Н. Мурзина. Стихи отсутствующих А. Денисенко, Ю. Шкуратовой, А. Тихонова прочел ответственный секретарь журнала Д. Мурзин. В. Елатов рассказал о прозе С. Павлова, Е. Чириков представил свою повесть, Ю. Михайлов – поэму о Чихачеве, Е. Тюшина проинформировала о юбилее шорского классика С. Торбокова. О своих материалах рассказали Ю. Сливина, В. Лаврина, Т. Горохова. Вел встречу главный редактор С. Донбай.

9 апреля литературная группа города Полысаево «Прометей» отметила свое 20-летие. Об истории создания литературной группы поведала заведующая краеведческим отделом центральной библиотеки г. Полысаево Л. Карманова. С приветом и поздравле-

ниями от писательской организации Кузбасса приехал поэт Д. Мурзин. С ответным словом выступил руководитель группы «Прометей» С. Уланова.

10 апреля в библиотеке «Книжный меридиан» пос. Пионер прошло представление последних номеров журнала «Огни Кузбасса» перед читателями и членами совета ветеранов. Вел встречу ответсек журнала Д. Мурзин.

11 апреля в рамках празднования 300-летия Кузбасса в клубе пос. Демьяновка Ленинск-Кузнецкого района состоялась встреча с писателем Е. Тюшиной. Автор рассказал школьникам и работникам сельских библиотек о своих произведениях, познакомил с историческими фактами открытия угля в Кузбассе, ответил на вопросы читателей, подарил библиотеке свои книги.

12 апреля в Кузбасском центре искусств на Советском, 40 прошло представление новой, четвертой книги поэта А. Пятака «Моя соседка Мона Лиза».

13 апреля Вера Лаврина встретила с юными читателями Ягуновской поселковой библиотеки. Писательница представила новую книгу сказок «Пимнайденыш», а также другие произведения, ответила на вопросы детей.

15 апреля состоялся крестный ход памяти единственного родившегося на территории Кузбасса святого – Стефана Знаменского. Возле библиотеки его имени состоялись импровизированные поэтические чтения, которые открыл В. Еременко, рассказав о жизни и прославлении святого. Свои стихи прочитали поэты Б. Бурмистров, С. Донбай, Д. Мурзин. Выступил бард-дуэт А. и Т. Болотовых.

15 апреля в Ленинске-Кузнецком в Центральной городской библиотеке им. Н. К. Крупской прошла презентация коллективного поэтического сборника «Республика Иня». Онлайн-трансляция презентации собрала более 2500 просмотров.

20 апреля в Новокузнецке в литературном объединении «ЛиТERRA», которое работает при Центральной городской библиотеке им. Н. В. Гоголя, прошла творческая встреча с членом Союза писателей России Еленой Трухан.

20 апреля в Белове завершился Открытый городской поэтический онлайн-конкурс «Здесь родина моя – Кузнецкий край», посвященный 300-летию Кузбасса. Конкурсное жюри (в составе членов Союза писателей России Н. Глушковой, Т. Колач и Е. Трухан) определило победителей в трех номинациях: «Любимый город сердцу дорог», «Родной природы красота», «Свет горняка».

23–29 апреля в Красноярске прошел Всероссийский литературный фестиваль «Книга. Ум. Будущее». Кузбасс представляли поэты Д. Филиппенко, Д. Мурзин и журналист А. Мухарев. На фестивале гости из Кузбасса представили журнал «Огни Кузбасса», альманахи «Кольчугинская осень» и «Образ», новые книги Д. Филиппенко («Зайди за мной жить») и Д. Мурзина («Расходные материалы»). У Мурзина прошел юбилейный творческий вечер. Всего за неделю кузбассовцы приняли участие почти в двух десятках мероприятий.

26 и 27 апреля в кемеровской библиотеке им. И. Киселева состоялись творческие встречи со студентами Кузбасского техникума архитектуры, геодезии и строительства. На первой встрече поэт С. Донбай рассказал о журнале «Огни Кузбасса», о своей работе в проектно-институте, читал стихи. На второй встрече поэт и председатель Кемеровского отделения Союза писателей России Б. Бурмистров рассказал о союзе и тоже читал стихи. На обеих встречах поэты ответили на вопросы и подписали студентам свои книги и журналы.

3 мая в Барнауле прошла творческая встреча с поэтом, членом Союза писателей России Д. Филиппенко.

4 мая в Ленинске-Кузнецком в Центральной городской библиотеке им. Н. К. Крупской была проведена презентация второго номера литературного альманаха «Образ».

5 мая прошла виртуальная встреча читателей муниципальных библиотек Томской области с томскими и кемеровскими писателями, посвященная Дню Победы. Кузбасс представляли поэты А. Пятак и Д. Мурзин.

Удивительные события произошли в полуфинале и финале российского конкурса хайку «60 хайку для Акиты». «Акита» – международный сайт хайку. Стихи победителей этого конкурса будут переведены на английский и японский языки и представлены на сайте «Акита». По количеству участников Кемеровская область заняла второе место, обогнав Москву!

Итак, 1-е место у Республики Татарстан – 10 авторов (53 хайку); 2-е место поделили Московская область, 7 авторов (29), и Кемеровская область, 7 авторов (27); 3-е место заняла Москва – 6 авторов (18).

Среди участников полуфинала кузбассовцы Л. Арбачакова, Ю. Дьяконов, Е. Казаков, В. Лаврина, К. Манакова, А. Нефедов, Ю. Хиневич. По количеству вышедших в финал (Л. Арбачакова, Е. Казаков, В. Лаврина) наш регион занял третье место!

Финалистами Международного фестиваля «Мгинские мосты» стали кузбассовцы: в категории «Лирическая поэзия» – Ю. Сычева (Кемерово), в категории «Малая художественная проза» – И. Тюнина, Н. Лукина, А. Поселенов (все – Кемерово), О. Кунавина (пгт Яя).

В длинный список IX Открытого Международного литературного конкурса им. В. Г. Короленко вошли авторы И. Тюнина, А. Поселенов, В. Иванов (все – Кемерово).

В длинный список пятого сезона литературной премии «Лицей» вошли кемеровчанки М. Федорова (поэзия) и А. Рахматова (проза).

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

В № 3 литературного журнала «Нева» (Санкт-Петербург) вышла подборка стихотворений Д. Филиппенко.

В № 17 литературного журнала «Новый Орел + XXI век» вышли подборки стихотворений Д. Филиппенко, Ю. Сливинной, И. Надировой, С. Улановой.

В журнале «Подъем» (Воронеж), № 3, опубликована подборка А. Раевского «Цветы полевые».

Электронный литературный журнал «Парус» (Москва) в № 1 опубликовал подборку стихов О. Хапиловой «Горизонты иные».

В № 2 журнала «Бийский вестник» вышла поэтическая подборка Д. Филиппенко.

В апреле рецензия М. Федоровой на книгу Е. Чижова «Собиратель рая» опубликована на международном литературном портале Textura.

В газете «Литературный Крым», № 3, опубликована подборка стихотворений А. Раевского.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Огни Кузбасса» проводит курс на расширение творческих связей с писателями, а также с журналами других регионов России:

«Наш современник» (Москва),
«Родная Ладога» (Санкт-Петербург),
«Сибирские огни» (Новосибирск),
«День и ночь» (Красноярск),
«Врата Сибири» (Тюмень),
«Алтай» (Барнаул),
«Бийский вестник» (Бийск),
«Дальний Восток» (Хабаровск),
«Сибирь» (Иркутск),
«Начало века» (Томск),
«Сихотэ-Алинь» (Владивосток),
«Литературный меридиан» (Приморский край, г. Арсеньев),
«Подъем» (Воронеж),
«Север» (Петрозаводск),
«Енисей» (Красноярск),
«Природа Алтая» (Барнаул),
«Гостиный двор» (Оренбург),
«Роман-журнал. XXI век» (Москва),
«Бельские просторы» (Уфа),
«Русское эхо» (Самара).

По отдельности тиражи наших журналов небольшие, но если их сложить, сумма света, который они несут, будет значительной.

Наше издание распространяется в библиотеках и учебных заведениях Кузбасса, высылается авторам журнала, в редакции вышеперечисленных журналов и литературных газет, а также подписчикам.

Редакция журнала принимает рукописи, отпечатанные на компьютере через полтора интервала (12–14-й кегль), с обязательным приложением флешки с набором текста в любом формате. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция знакомится с рукописями авторов не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Наш электронный адрес: sp_kuzbass@mail.ru.

Наш сайт: www.ognikuzbassa.ru.

Редакция журнала «Огни Кузбасса» благодарит за поддержку администрацию города Кемерово, ЗАО «Стройсервис».

Журнал «Огни Кузбасса»

Главный редактор **С. Л. Донбай**

№ 3. Дата выхода в свет: 09.07.2021

Индекс 12234

Тираж 1600 экз.

Формат 60×84%. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Arial».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0 + 0,5 л. цв. вкл. Уч.-изд. л. 20,0. Заказ № 1134. Цена свободная

Адрес редакции: 650000, Кемеровская область, г. Кемерово, пр. Советский, д. 40. Тел. 8 (3842) 36-85-14.

Адрес издателя ГАУК «Кузбасский ЦЕНТР ИСКУССТВ»: 650000, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Дзержинского, д. 6. Тел. 8 (3842) 75-04-88.

Адрес типографии ООО «ВЕКТОР-ПРИНТ»: 650021, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Стахановская 1-я, д. 39а, оф. 211.

Журнал «Огни Кузбасса» зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Кемеровской области.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ42-00877 от 10 марта 2017 г.

Учредитель (соучредители) (адрес): Государственное автономное учреждение культуры «Кузбасский центр искусств»

(650000, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Дзержинского, д. 6),

Кемеровское областное отделение «Союз писателей Кузбасса» общероссийской общественной организации «Союз писателей России»
(650000, Кемеровская область, г. Кемерово, пр. Советский, д. 40)

Корректор **М. Н. Долгов**

Верстка: **Е. К. Метякова**

День рождения Пушкина. Кемерово. 2021 год

Племя молодое. Марина Федорова

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Подписку на журнал «Огни Кузбасса»
можно оформить
через ООО «Урал-Пресс Кузбасс»
по телефону 8 (3842) 58-70-37

Приобрести журнал можно в редакции
по адресу: пр-т Советский, 40